

*РОДИТЕЛЯМ НАШИМ ПОСВЯЩАЕТСЯ
АТА-ЭСЭЛӨРЕБЕЗГЭ БАГЫШЛАНА*

*ИСМАГИЛОВУ (АБУ)БАКИРУ ХАБИБУЛЛОВИЧУ
ИСМЭГИЛЕВ ХЭБИБУЛЛА УЛЫ (ӘБУ)БӘКЕРГЭ*

*ИСМАГИЛОВОЙ САИМЕ ШАЙХУТДИНОВНЕ
ИСМЭГИЛЕВА ШӘЙХЕТДИН КЫЗЫ САИМӨГЭ*

*СУНАГАТОВУ АБДУЛХАЮ НИГАМАТОВИЧУ
СӨНӨГӨТОВ НИГЭМӨТ УЛЫ АБДУЛХӘЙГЭ*

*СУНАГАТОВОЙ ЗИФЕ ШАЙКАБИРОВНЕ
СӨНӨГӨТОВА ШӘЙКӘБИР КЫЗЫ ЗИФАГА*

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ПО ОХРАНЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Р. ИСМАГИЛ, Ф.А. СУНГАТОВ

**ПАМЯТНИКИ ЯИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ V-IV ВВ. ДО Н.Э.
ЮЖНОМ УРАЛЕ**

**МАТЕРИАЛЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК
И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ
ЮЖНОГО УРАЛА**

ТОМ III

РЕЦЕНЗЕНТЫ

**КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Е.А. КРУГЛОВ
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Н.С. САВЕЛЬЕВ**

Утверждено к изданию Ученым советом
Института истории, языка и литературы Уфимского научного
центра РАН

УДК 903.5 «-05 / -04» (470.5)
ББК 63.4 (235.55)
И85

Р.Исмагил, Ф.А. Сунгатов. Памятники яицкой культуры последней четверти V-IV вв. до н.э. на Южном Урале. – Уфа: «Белая река», 2013. – 223 с.: ил.

ISBN 978-5-87691-095-0

В представленной монографии обобщены, заново осмыслены и частично передатированы материалы раскопок ряда погребальных памятников Южного Урала эпохи раннего железного века. В результате анализа, взамен дезавуированной блюменфельдской археологической культуры, выделена новая, яицкая культура (425-300 гг. до н.э.). В книге особое внимание уделено анализу данных этногеографии «Скифского логоса» Геродота. Рассмотрены вопросы погребального обряда, архитектуры сакрального пространства. На основе анализа публикуемых погребальных комплексов затронуты проблемы хронологии и периодизации культуры ранних кочевников Южного Урала, выделены основные хроноиндикаторы яицкой культуры.

Книга адресована специалистам-историкам, археологам, студентам вузов, а также широкому кругу читателей.

УДК 903.5 «-05 / -04» (470.5)
ББК 63.4 (235.55)

ISBN 978-5-87691-095-0

© Р.Исмагил, Ф.А. Сунгатов, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Ф.А. Сунгатов, в начале XXI в. возглавлявший отряд НПЦ МК РБ, в который входили также учёные БГУ (А.Н. Султанова) и ИИЯЛ УНЦ РАН (Р. Исмагил) предложил Р. Исмагилу издать под одной обложкой материалы раскопок совместно исследованных в 2003-2004 гг. могильников Валитово 2-4. Его будущий соавтор после некоторых колебаний (связанных с желанием заниматься проблемами этнической истории и географии Евразийской Скифии), принял предложение. Книга писалась долго, отчасти – ввиду болезни одного из соавторов, отчасти – ввиду отсутствия первоначально чёткой концепции. Восемь курганов никак «не тянули» на полноценную книгу, и поэтому решено было дополнить их материалами раскопок, отдельно произведенных авторами в Южном Приуралье (под которым в этой работе понимается территория юга Предуралья и Зауралья). Памятники уже изданные (Гумарово, Биш-Уба-1 и др.), описаны конспективно (но иллюстративный материал издан полностью), неизданные – детально.

Помимо названных, соавторы обратили внимание на памятники, раскопанные их коллегами, которые последние явно не торопились издавать. В.С. Горбунов по-товарищески разрешил опубликовать материалы курганников Казачий кордон и Обилькин луг, открытых, правда, не без участия Р. Исмагила. Н.А. Мажитов сам не раз просил авторов будущей книги издать попутно им раскопанные савроматские памятники. В отношении могильников, раскопанных покойными археологами (М.С. Смирнов, М.Х. Садыкова, Б.Б. Агеев, А.Ф. Яминов), проблем с авторскими правами, естественно, не возникало. Кстати говоря, на материалы умершего в 1922 г. М.С. Смирнова первым недавно обратил внимание Г.Н. Гарустович, опубликовавший частично его дневники (*Гарустович 2003*: 58-63).

Поначалу планировалось издать памятники от VIII-VII вв. до н.э. по III-IV вв. н.э., в том числе «савромато-сарматские» комплексы, как их понимал Б.Н. Граков. Однако в настоящее время уже мало кто придерживается этих взглядов, что заставило и соавторов отказаться от описания в рамках одной книги довольно разнородных памятников Южного Приуралья, по существу, связанных между собой лишь принадлежностью к эпохе раннего и позднего железного веков. Поэтому было принято решение ограничиться древностями выделенной авторами новой культуры, полнее остановившись на этнокультурных аспектах и проблемах хронологии этого сложного периода. Основанием для серьёзного изменения первоначального замысла книги явились события, произошедшие за последние десятилетия в савроматской (сарматской) археологии, о чём подробнее будет сказано ниже.

Список монографических работ по савроматской (сарматской) тематике, написанных учеными Башкортостана, невелик: книги А.Х. Пшеничнюка (1983), И.М. Акбулатова (1999), В.Н. Васильева (2001) и, в какой-то степени, Н.С. Савельева (1998; 2007). Пионером сарматской археологии в республике стала башкирский археолог Махмуда Хисаевна (Хисамутдиновна) Садыкова, опубликовавшая в начале второй половины XX в. ряд статей (*Садыкова 1961; 1962а, б*). Сегодня уже мало кто знает, что их автором на основе защищённой в 1965 г. кандидатской диссертации была подготовлена к изданию монография «Сарматы на территории Башкирии»

(научный редактор - К.Ф. Смирнов). Однако рукопись была отклонена Учёным советом ИИЯЛ БФ АН СССР.

К настоящему времени названная работа, по вполне понятным причинам, не могла не устареть и теперь больше представляет предмет историографического интереса. Публикация этой книги в 60-70-х гг., несомненно, могла сослужить добрую службу уже тем, что под одной обложкой были бы собраны все исследованные М.Х. Садыковой к тому времени памятники. Последний аспект не так существен в отношении материалов найденного в 1933 г. при строительстве железной дороги Уфа-Ишимбай раннесарматского могильника III-II вв. до н.э. у д. Старые Киешки (Дмитриев, Сальников 1941: 138-140), довольно полно исследованного в конце 50-х гг. (Садыкова 1962а: 88-122; 1962б: 242-273)¹. Савроматские же памятники, раскопанные М.Х. Садыковой в 1950-1960-е гг. на юго-западе Башкортостана, практически забыты. Показательно, например, что в книге А.Х. Пшеничнюка (1983: 190-191) комплексы V-III вв. до н.э. из раскопок М.Х. Садыковой (которые, хотя и составляли только небольшую часть раскопанных им самим приуральских материалов и, разумеется, не могли принципиально повлиять на решение каких-то научных вопросов), представлены лишь в соответствующих графах корреляционной таблицы. Руководствуясь принципом «Лучше поздно, чем никогда», мы решили издать все раскопанные этим исследователем погребения (кроме могильника Старые Киешки). Необходимость публикации материалов М.Х. Садыковой нашла неожиданное препятствие в лице откровенно невысокого уровня её полевой документации, касающейся памятников юго-западной Башкирии. Этот малообъяснимый на фоне достаточно высокого качества стратиграфических наблюдений при раскопках курганов у дер. Старые Киешки факт, как это ни печально, нельзя не отметить.

Соавторы вынуждены констатировать, что собрать вместе все «бесхозные» комплексы 425-300 гг. до н.э., исследованные учёными Башкортостана на Южном Урале, всё же не удалось. Они надеются, что материалы, добытые как сарматологами среднего поколения (Н.С. Савельев, С.В. Сиротин, В.К. Фёдоров), так и специалистами по эпохе бронзы (Г.Т. Обыдённова) и средних веков (В.А. Иванов, Н.А. Мажитов, А.Ф. Яминов), в конце концов будут изданы. Имеются долги перед археологией в этом отношении и у уехавшего в Германию сарматолога В.Н. Васильева (W. Miller), и у прекративших самостоятельно копать А.Х. Пшеничнюка и Р. Исмагила. Последнему пока не удалось опубликовать погребения исследованного в 1982-83 гг. могильника Ветлянка-4 (Соль-Илецкий р-н Оренбургской обл.). Коллекция раскопок этих лет в 1984 г. (когда ещё существовал СССР) была, к сожалению, перевезена им в Национальный музей Республики Казахстан (Алматы). Текст и планы у раскопщика имеются, но рисунки ряда вещей пока недоступны.

В то же время, в бумагах отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН найдены отдельные документы по памятникам раннего железного века, раскопанных когда-то кем-то из сотрудников отдела, таких, как Парижский одиночный курган в Челябинской обл. (сохранился план крупной ограбленной могилы с коротким дромосом в узкой юго-восточной стенке), и др.

Одна из ближайших и посильных задач, стоящих перед башкирской сарматологией – полное переиздание известных комплексов на современном уровне

¹ Еще один курган (12) лишь частично (примерно ¼ насыпи с четырьмя погребениями, примыкающая к дороге) был вскрыт в 2003 г. В.К. Федоровым (**материал не издан**).

и публикация всех раскопанных на территории Южного Приуралья памятников. Нас не должно смущать, что это, как правило, бедные и грабленные погребения: каждое из них должно занять своё место в компедиуме археологической фактологии савроматской (сарматской) эпохи.

Задачей этого труда является ввод в науку новых (в том числе – старых «новых») памятников, целью – выделение в Приуралье новой, яицкой археологической культуры последней четверти V-IV вв. до н.э. Структура работы такова. Во введении приводятся краткие сведения о причинах и поводах её появления, структуре и т.д. Первая глава посвящена острейшей проблеме соотношения культур «археологических» и «письменных» савроматов и обоснованию легитимности использования в отношении ранних кочевников Южного Урала греческого термина «савроматы» (или его латинского дублета «сарматы»). Логика её размещения в самом начале монографии (а, скажем, не в конце, где традиционно находятся разделы, посвящённые этническим проблемам) определяется тем, что в ходе всего изложения её авторы постоянно пользуются термином «савроматы», обсуждают проблемы института амазонок, погребального обряда ранних кочевников Восточной Европы, и т.д., и т.п. Сделать это без данных античной литературной традиции затруднительно. Вторая глава представляет собой выборку данных о 41 памятнике яицкой культуры. Неопубликованные комплексы описываются полностью и подробно, опубликованные – кратко и суммарно. Характеристика сопутствующих материалов бронзового века опущена. В конце описания некоторых памятников приводится либо резюме общего характера, либо замечания по тому или иному вопросу, с учётом заслуживающего внимания мнения раскопщика. В территориально-административном отношении в пределах Республики Башкортостан находятся тридцать памятников (1-7, 9-11, 25-41), Оренбургской области – десять (8, 12-24) и, наконец, Западноказахстанской области Казахстана – один (19) (см. карту). В третьей главе рассмотрены некоторые важные аспекты «савроматского» погребального обряда, в том числе, касающиеся немногочисленных каменных изваяний и ещё более редких святилищ. Авторы коснулись также некоторых аспектов интересной проблемы, связанной с институтом шаманок и амазонок у савроматов. В последней, четвёртой главе рассмотрены некоторые проблемы хронологии и периодизации яицкой культуры, анонсированной пару лет тому назад (*Исмагил, Сунгатов 2011*). В заключении подводятся итоги исследования.

За разрешение опубликовать неизданные материалы Р. Исмагил и Ф.А. Сунгатов приносят благодарность Н.А. Мажитову (в экспедициях которого прошла их студенческая юность, соответственно 1969-1971 и 1980-1985 гг.), а также В.С. Горбунову, Р.Р. Насретдинову, А.Х. Пшеничнюку. Соавторы признательны Е.А. Круглову (БашГУ), В.К. Фёдорову (ВЭГУ), коллегам из отдела археологии ИИЯЛ УНЦ Г.Н. Гарустовичу, В.Г. Котову, В.В. Овсянникову, Н.С. Савельеву, а также д.и.н. А.Ю. Алексееву (Эрмитаж, СПб) и д.и.н. Д.Г. Савинову (Университет, СПб) за доброжелательную и конструктивную критику их скромного труда. Неоценимую помощь оказали А.Н. Султанова, сотрудники археологической лаборатории и студенты истфака БашГУ.

Глава 1. ТАНАИС ГЕРОДОТА – ДОН ИЛИ ВОЛГА? «САВРОМАТЫ ПИСЬМЕННЫЕ» И «САВРОМАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ»

Проблема установления связи археологического памятника или культуры с носителями определённого этнонима, а тех, в свою очередь, с теми или иными этносами, нередко становится причиной большой головной боли для исследователя. На территориях, значительно отдалённых от центров древней цивилизации, таких, как Поволжье и Южный Урал, решение подобной задачи и вовсе становится сродни путешествию по минному полю¹.

М.И. Ростовцев небольшое савроматское племя, отличное, по его мнению, от позднейших сарматов, помещал на левобережье Дона (*Ростовцев 1918*: 33-35; *Rostowzew 1922*). В его классической работе «Скифия и Боспор» (1925) проблемам этногеографии времён Геродота и Псевдо-Гиппократа отведено немного места (*Зуев 2003*: 585, прим. 36). Разделяя вместе с другими предрассудки своей эпохи, идентификацию Танаиса с Доном этот исследователь считал, видимо, очевидной настолько, что даже не стал тратить на неё своё время. Правда, есть мнение, что указанные вопросы рассмотрены им во втором, большей частью утраченном томе этого произведения.

Проблему установления этногеографии Большой Скифии ни в коем случае нельзя считать окончательно установленной. Практически каждый исследователь, решающий на эту работу, начинает её с констатации отсутствия прогресса в этой области у его предшественников. Так, Б.А. Рыбаков пришёл к выводу, что «геродотовская номенклатура племён использовалась каждым автором, но ни один из них не предпринял полного нового пересмотра геродотовского текста, выявления противоречий в этом тексте и объяснения этих противоречий». По этой причине он считал, что «...карту геродотовой Скифии необходимо создавать заново» (*Рыбаков 1979*: 15-16). Спустя четверть века А.Д. Щеглов отнёс к числу решённых идентификацию только трёх рек – Тираса, Гипаниса, Борисфена, к числу условно решённых - идентификацию Гиргиса, или Сиргиса (=Северский Донец?), Танаиса (=Дон?), Оара (=Волга?), к числу нерешённых – идентификацию Пантикапа, Гипакириса и Герра. «Поэтому и народы, обитавшие у названных рек, не имеют чёткой и обоснованной локализации: скифы георги, скифы номады, царские скифы и меланхлены. Это является главной проблемой скифской географии. Ни одна из известных... гипотез не решает этой проблемы» (*Щеглов 2002*: 258). На наш взгляд, петербургский коллега излишне оптимистичен, и нерешённых задач на этом пути больше, чем ему кажется.

Геродот (Hecod., IV, 57) писал о Танаисе, впадающем в Меотийское озеро, как об одной (восьмой в его списке) из «скифских» рек, но недостаток информации об этой реке явился причиной того, что высказанное ещё в 1728 г. Т. Байером мнение об отождествлении Танаиса Геродота с современным Доном стало популярным лишь с конца XIX в. Встречающиеся в литературе близкие к этой точке зрения взгляды

¹ В предельно откровенной, чтобы не сказать циничной, форме эту мысль выразила М.Г. Мошкова (2007: 103): «Однако всем, кто хоть что-то знает о ранних кочевниках Южного Приуралья (кстати, и по сей день лишённых определённого этнонима, *что может быть и к лучшему*)» (выделено нами. – Авт.), понятна заковыченность этнонима савроматы. <...>».

относительно идентификации Танаиса с современными реками характеризуются стремлением представить Танаис как комбинацию нижнего течения Дона либо с его правым («европейским») притоком Северским Донцом (Ф. Хадсон, М.И. Артамонов, Д.А. Мачинский, Б.А. Рыбаков и др.), либо со средним течением Волги, начиная от места наибольшего сближения последней с Доном (К. Маннерт, А. Хансен, Р. Хенниг)¹.

Чрезвычайная важность вопроса о том, какой из современных рек соответствуют данные о Танаисе древних авторов, помимо всего остального, связана с тем, что эта река, во-первых, считалась границей Европы и Азии и, во-вторых, согласно Геродоту (Herod., IV, 20-21, 115-116), являлась границей между землями скифов и савроматов. Локализация савроматов, как, в конечном счёте, и всего круга восточных, затанаисских племён (начиная с будинов и тиссагетов), находится, таким образом, в прямой зависимости от отождествления Танаиса с той или иной современной рекой.

С проблемой Танаиса связан и вопрос об идентификации группы рек, приведённых у Геродота под именами Гиргис (Herod., IV, 57), Сиргис (Herod., IV, 123), Лик (Herod., IV, 123) и Оар (Herod., IV, 123-124). Реконструкция речной системы восточной Скифии и Савроматии затруднена отчасти тем, что неизвестно, являются ли Гиргис и Сиргис разными реками (как считают, например, Ф. Укерт и Ф. Браун) или одной рекой (как предполагают Х. Штейн, М. Кисслинг, А. Германн, Б.Н. Граков, и др.). В любом случае, из числа перечисленных трёх или четырёх рек именно Гиргис должен был бы иметь наибольшие шансы для уверенной идентификации. Он прямо назван Геродотом притоком Танаиса, и к тому же с важным уточнением «левый». Вопреки нашим ожиданиям, попытки поиска Гиргиса среди левых притоков Дона предпринимались лишь единичными исследователями (Ф. Укерт, Ф. Брун). Больше внимания уделялось правым донским притокам (хотя этот вариант находится в прямом противоречии с указанием источника) – рекам Чир (отождествляемой Б.А. Рыбаковым с Сиргисом) или Северский Донец (А. Германн, Б.Н. Граков), а также впадающим в Азовское море=Меотиду западнее устья Дона речкам Молочная, Кальмиус, Обиточная и др. (Ф. Укерт, Ф. Брун).

Реку Лик, упоминаемую, как полагают, помимо Геродота, ещё и Птолемеем (III, 5, 4), также обычно отождествляют с одной из вливающихся в Меотиду с севера малых рек: Берда (Ф. Брун), Крынка (С.М. Середонин), Кальмиус (А. Германн, Л.А. Ельницкий), Обиточная (Б.А. Рыбаков). Среди авторов, имевших на этот счёт особое мнение, можно назвать Й. Реннела, принимавшего за Лик левый приток Дона – Медведицу. Наконец, с Уралом отождествляли Лик, а за Каспийское море принимали Меотиду Ф. Мищенко и М. Кисслинг.

До известной степени, вариант локализации Мищенко-Кисслинга облегчается тем, что последнюю реку нашей группы, Оар, большинство учёных отождествляют с крупнейшей рекой современной Европы (Й. Реннел, К. Риттер, Г. Раулинсон, Е. Боннель, К. Мюлленхоф, И. Маркварт, М. Кисслинг, А. Германн и др.). Эти исследователи опорой для своей версии искали в сообщении Птолемея и других римских авторов, знавших Волгу под именем реки Ра, близким её современному названию у поволжских финнов (Рава). Впрочем, и у этой точки зрения есть свои оппоненты, признающие Оаром не всё, а только верхнее течение Волги (Р. Хенниг).

Довольно оригинальным представляется решение Д.А. Щеглова. Для объяснения системного сбоя в идентификации рек скифского логоса этот петербургский учёный

¹ Историкографические примеры заимствованы из издания: *А.И. Доватур и др. 1982.*

предположил, что сведения о двух парах рек – Гипакирис-Герр, с одной стороны, и Танаис-Гиргис, с другой, восходят к разным авторам, являются результатом контаминации двух источников и не могут использоваться для идентификации первых двух рек. Это позволило ему отождествить Гипакирис с Северским Донцом, а Герр – с Доном (*Щеглов 2002*: 263-264). К сожалению, как это предположение стыкуется с изложенным в той же работе заключением, что Гипакириса и Герра не существует в природе, а Танаис – Волга, остаётся непонятным.

Над учёными, занимающимися этногеографией Скифии и, особенно, проблемой идентификации и локализации восточных рек и племён, перечисленных в скифском рассказе Геродота, довлеют два синдрома: «персидский», ограничивающий поиски ареалом, находящимся в пределах доступности принимаемого за достоверный двухмесячного похода персидского войска, и «донской», вытекающий из того бесспорного факта, что начиная с эллинистического времени Танаисом (мы не касаемся здесь Сырдарьи) античные авторы, действительно, чаще всего считали современный Дон, а Меотидой – Азовское море.

Несмотря на то, что целостной и непротиворечивой реконструкции этногеографии Скифии, построенной на анализе данных Геродота, до сих пор не существует, археологи, в том числе и современные, при решении своих практических задач исходят из положения о том, что Танаисом Геродота может быть Дон и только Дон (см., напр.: *Пузикова 2001*: карта 1; *Медведев 2008*: 7 сл.; *Яблонский 2007*: 6, прим. 7). Этот постулат стал отправной точкой и для выработанной М.И. Ростовцевым в 1910-х гг. первой в отечественной историографии научной концепции генезиса сарматской культуры, весьма благосклонно принятой сегодня многими отечественными учёными.

Между тем, масштабные полевые исследования в Поволжье привели в 1929 г. П.Д. Рау (к которому лишь в 1947 г. присоединился Б.Н. Граков, а ещё позже и другие советские учёные) к отказу от двух важнейших положений Ростовцева: об отсутствии генетической преемственности между историческими савроматами и сарматами, и о реке Дон как границе между скифами и савроматами (*Рау 1929*: 60). Эту границу, комбинируя два варианта цифровой калькуляции Геродота о расселении савроматов, стали проводить по Волго-Донскому междуречью.

Историографическим отражением сложившейся в сарматологии парадоксальной ситуации стало получившее широкое распространение положение о возможности существования двух разновидностей савроматов: «исторических» (они же «письменные», или «савроматы Геродота») и «археологических» (*Смирнов 1964*: 194 сл.; *Пьянков 1987*: 1-3; *Мошкова 1989*: 21-22; *Скрипкин 2008*: 11 сл.). Первыми признаются памятники доно-волжского, вторыми - самаро-уральского варианта савроматской культуры. В высшей степени симптоматично, что не только сторонники «строгого» прочтения Геродота (что вполне естественно), но и сторонники его «расширительного» понимания, сам факт тождества Танаиса с Доном не подвергают ни малейшему сомнению, сводя всю дискуссию к перманентному обмену устраивающих ту или иную сторону «уточнений» или «добавлений». Собственно, уже один только этот факт мог и должен был бы стать поводом к тому, чтобы рассмотреть вариант карты Геродота, при котором за Танаис была бы принята Волга. Мог, но не стал. Считается, что «отец истории» не знал о Волге, а если и знал, то в качестве реки Оар и, имея о ней весьма туманные сведения, сообщил целый ряд фантастических данных (например, о впадении Оара в Меотиду=Азовское море, и

т.д.).

В начале XXI в. один из авторов данной книги, давно занимающийся этногеографией Большой Скифии, опубликовал несколько работ о Танаисе=Волге (*Исмагил* 2001: 103-108; 2002: 174-182; 2004: 77-94). Помимо вопросов, касающихся идентификации других восточных рек скифского логоса и этимологии их названий, в них была сделана попытка адаптации археологических реалий к новой гидрологической сети Большой Скифии. Несмотря на то, что от некоторых скороспелых предположений пришлось отказаться, можно сказать, что эти работы выдержали десятилетнюю проверку временем.

Как известно, Геродот называет две цифры, касающиеся территории обитания савроматов к востоку от Танаиса (*Herod.*, IV, 21, 116), кардинально отличающихся друг от друга. Ещё совсем недавно Р. Исмагил считал, что они обе вполне удовлетворительно коррелируются с реальной картиной размещения памятников савроматской археологической культуры. 15 дней пути (630 км при стадии, равном 210 м) на север «от самого дальнего угла Меотиды» (=устья Волги) приводят примерно к пограничью степи и лесостепи. В этом случае земля савроматов, условно принятая за равностороннюю геометрическую фигуру, построенную по принципу знаменитого «скифского квадрата» Геродота, достаточно хорошо укладывается в границы, ограниченные с юга побережьем Каспия, с востока – Мугоджарами и Южным Уралом, на западе – средним и нижним течением Волги, а на севере проходит примерно по широте Стерлитамак-Самара. Как видим, параметры территории «письменных» и «археологических» савроматов совпадают при условии, если западную границу проводить по Волге, а не по Дону или по Волго-Донскому междуречью. Откуда же в этом случае могла появиться у Геродота вторая цифра о трёх днях пути к северо-востоку от Танаиса в качестве какой-то важной константы, касающейся территории обитания савроматов?

В работах 2001-2004 гг. о Танаисе Р. Исмагил предполагал, что северная траектория этого трёхдневного пути соответствует условной демаркационной линии между курганными и грунтовыми захоронениями савромато-сарматского времени, проходящей вдоль границы Прикаспийской низменности, а восточная – двум основным локальным вариантам савроматской археологической культуры (заволжской части доно-волжского и самаро-уральскому вариантам). Это мнение было ошибочным. Пришло время от смелой версии отказаться в пользу правильной, сколь простой, столь и естественной. Она основана на известных уже 2500 лет данных такого первоклассного источника, как Геродот; остаётся только удивляться, как он до сих пор не был услышан. Итак, рассмотрим ещё раз оба отрывка «Истории», касающиеся локализации савроматов.

Отрывок первый (Herod., IV, 21): «Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишённую и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом».

Отрывок второй (Herod., IV, 116): «Перейдя Танаис, они (амазонки и вступившие с ними в брак скифские юноши. – Авт.) прошли к востоку на расстояние трёх дней пути от Танаиса и на расстояние трёх дней [пути] от озера Меотиды в направлении северного ветра. Прибыв в ту местность, в которой они теперь обитают,

они заселили её».

Первый отрывок размещён в начале скифского логоса, в небольшом блоке из пяти глав (Herod., IV, 21-27), описывающем, как считается, «торговый путь» от скифов на восток (*Доватур и др.* 1984: 244). Собственно савроматам в нём посвящена только маленькая глава 21, которую они к тому же делят вместе с будинами. В остальных главах отрывка, посвященных описанию земель и обычаев примерно десятка народов, реальных и фантастических, о савроматах ничего не говорится.

Второй отрывок находится ближе к концу скифского рассказа, в составе экскурса, объединяющего шестнадцать глав (Herod., IV, 102-117). Здесь сообщается об образе жизни, быте и обычаях ряда скифских и нескифских народов, как, отчасти, описанных в первом отрывке, так и некоторых других. Наибольшее внимание в нём уделено мифической версии происхождения этого народа (Herod., IV, 110-117). Только благодаря указанному мифу, изложенному с беспрецедентной полнотой, савроматы на страницах четвёртой книги по популярности заняли второе после скифов место. Справедливости ради, следует отметить, что заслуга в этом принадлежала не только самим савроматам. Свою роль сыграли и этническая близость савроматов с теми же скифами, предметом специального интереса «отца истории», и участие в савроматском мифе греков, для которых, собственно, была написана «История», и сопричастность к популярнейшему в античной традиции сюжету амазономахии.

Оба пассажа начинаются с практически одинаковых словосочетаний («Если перейти реку Танаис...», и «Перейдя Танаис...»). Такой же формулой предваряется и описание земель и народов, находящихся на правом берегу ещё двух рек из списка Геродота (Herod., IV, 18, 19): «Если перейти Борисфен, первая от моря страна Гилея...»; «...если перейти реку Пантикап, живут уже скифы-кочевники...» (Ср. Herod., IV, 20: «По ту сторону Герра находится та земля, которая называется царской...»). В первую очередь, эта особенность, разумеется, объясняется общей композицией скифского логоса, описывающего народы Скифии последовательно с запада на восток. Настораживает другое: Танаис – единственная река Скифии, описание которой начинается с указанной формулы дважды, что заставляет внимательно присмотреться и к другим противоречиям в тексте двух отрывков.

Начнём с того, что, помимо разного количества дней пути (о чём уже речь шла выше и пойдёт ниже), в них говорится и о разных векторах, – северном, в одном случае, и северо-восточном – в другом. К сожалению, они не слишком чётко отличаются один от другого; если бы речь шла о таких ортогональных парах направлений, как северное-южное, западное-восточное, и т.д., вряд ли у когонибудь возник бы повод считать один отрывок продолжением другого. Этой особенностью источника попытался воспользоваться Б.А. Рыбаков (имея целью доказать реальность скифского похода Дария, за два месяца, якобы, успевшего дойти с почти миллионной армией от Истра=Дуная до Танаиса=Дона и вернуться обратно), подозревающий Геродота в «нечёткости ориентировки по странам света» и считающий, что «опасно каждое указание на север или восток понимать слишком определённо, буквально» (*Рыбаков* 1979: 53). Мы же считаем, что в настоящем случае достоверность данных древнегреческого историка всё же предпочтительнее мнения историка советского.

Очевидные отличия между двумя отрывками начинают просматриваться в строках, где речь идёт о расстояниях и о состоянии растительности. В первом

сообщении савроматы оказываются жителями «страны, лишённой и диких, и культурных деревьев», начинавшейся сразу от берега Меотиды, и заканчивающейся в 15 днях пути к северу от этого озера. Во втором, правда, никаких подробностей о состоянии растительности не даётся, что косвенно говорит о том, что земля не была степной или пустынной. В этом можно усмотреть молчаливое сопоставление савроматской земли с землёй скифов (с которыми, напомним, бок о бок проживали савроматы). Скифы жили в условиях сопоставимого с савроматским климата (ср. Нег. IV, 61, о безлесности скифской земли), но, всё же в деталях отличный от другого, о чём говорит неполное совпадение описаний в первом и втором отрывках.

Теперь вернёмся к расстояниям. Во втором отрывке приводится одна единственная (а не две, как в первом, и к тому же не совпадающая ни с одной из них) цифра относительно места расселения савроматов (три дня пути), хотя ясно, что обитать на участке земли, окружённой в один день пути, большой народ никак не мог.

В учёном мире отношение к двум принципиально несводимым цифрам Геродота (линейное расстояние протяжённостью пятнадцать дней пути, в первом случае, и точка на расстоянии трёх дней пути от Меотиды или устья Танаиса – во втором) было, мягко говоря, разным: настороженное в первом случае, и доверительное – во втором. Дело в том, что популярная идея о тождестве Танаиса с Доном может поддерживаться единственно версией о трёх днях пути, причём пути именно в направлении на северо-восток. Локализовать савроматов на северном побережье Азовского моря (и, тем более, по обоим берегам Дона) решались только Ф. Брун и М.И. Ростовцев (*Доватур и др.* 1982: 363). Версия о пути в северном направлении протяжённостью в 15 дней имеет смысл только в случае, если с Танаисом идентифицировать Волгу. Однако совсем недавно геродотовых савроматов, будинов и «пустыню», разграничивавшую будинов с отделившимися царскими скифами Л.Т. Яблонский и А.С. Балахванцев нам вновь предложили искать к северу от места впадения Дона в Азовское море (Влияния... 2012 I: 22 сл.). В лесах дальнего Подмосковья легче найти евреев Моисея после их исхода из Египта, чем будинов и отделившихся скифов. Если предложенный в указанном двухтомнике бесцветный маршрут без его привязки к перечисленным Геродотом этносам (напоминающий опись гарниров без указания собственно блюд) и есть пример реализации направления, предполагающего раздельное изучение «археологических» и «письменных» савроматов, то его будущее незавидно.

Итак, мы установили, что речь в рассмотренных отрывках идёт о двух парах разных гидронимов – озере (море) и впадающей в него реке. Во втором отрывке, мифологическом, речь идёт о Танаисе–Доне и Меотиде–Азовском море; в первом, географическом, безусловно, имеются в виду Волга и Каспийское море. Как следует оценивать системные противоречия между двумя разобранными отрывками?

Природа непоследовательности Геродота (точнее, его источника) очевидна или, имея в виду водную природу нашего объекта, – прозрачна. После работ В.И. Абаева (1949; 1958) стало общепринятым видеть в «Танаисе» иранскую основу «тан(а)» – «река». Известный сибирский топонимист считает его иранским (скифским), дополненным греческим окончанием «-ис» (*Малолетко* 1987: 52-53). На наш взгляд, имя собственное «Танаис» восходит к общетюркскому имени нарицательному «тениз» (казах.), «тенгиз», «дингез» (татар., башкир.) – «море», «озеро». Вполне

вероятно, что в древности основным значением слова «танаис» было «река»¹. Греки, плохо разбиравшиеся в тонкостях скифского и савроматского языков, имя нарицательное «танаис» («река») стали воспринимать как имя собственное «Танаис», которым они обозначали целый ряд крупных рек систем Аральского, Каспийского и Чёрного морей.

О Танаисе в античном мире знали, по меньшей мере, начиная с VI в. до н.э. «Название Танаис прилагалось в древности к трём рекам – Сырдарье, Кубани и Дону. *Между тем, современные исследователи, как правило, отождествляют Танаис с Доном...*» (выделено нами. – Авт.) (Куклина 1985: 143). Но идентифицировался ли Танаис только с этими тремя реками?

Танаис как новая граница между побежденным Селевкидским государством и победившей Римской республикой в ходе Сирийской войны 192-189 гг. до н.э. зафиксирован условиями Апамейского мира 188 г. до н.э. (Полибий (XXI, 43-48), Диодор (XXIX, II), Ливий (XXXVIII, 37-39), Аппиан (Сириака, 44). Опираясь на сообщение Страбона (XVII, III, 24), называющего в качестве границы реку Галис, крупнейшую реку Малой Азии, впадающую в Чёрное море восточнее античной Синопы, большинство современных историков обоснованно полагает, что Танаисом здесь назван современный Кызыл Ирмак. Лишь недостаточным пониманием исторического процесса можно объяснить появление скороспелых гипотез, предполагающих, что раздел сфер влияний между Римом и Селевкидской державой уже в начале II в. до н.э. мог проходить по Танаису=Дону (Журавлёв 1986: 25-26; Виноградов 1997: 104, прим. 3).

Другой вариант идентификации Танаиса находим в «Новой истории» ранневизантийского историка Зосима. Рассказывая об обороне Римом своих придунайских земель, он излагает один эпизод: «...Скифы (готы. - Авт.), перейдя через Танаис (Истр. - Авт.), стали опустошать разные местности во Фракии...». Современные комментаторы разделяют мнение П. Весселинга, отмечавшего «эту ошибку Зосима, который, конечно, прочтя в источнике, что местожительство готов было вокруг Танаиса, из-за своей поспешности удержал это имя во всём своём рассказе» (Wesseling. Itin. Anton. Aug.: 225 (Mendelssohn)). О том, что это не так, говорит описание тем же Зосимом событий, происшедших через некоторое время (в 322 г.): «Константин, узнав, что савроматы, живущие у Меотийского озера, переправившись на судах через Истр, опустошают подвластную ему землю, повёл против них войска. ...» (Zos., ISTORIA NEA, II, 21). Савроматов возглавлял царь Равсимод. Константин рассеял савроматов, которые, пересев на суда, вновь вторглись на территорию империи, их вождь погиб. Нет никаких сомнений, что одна и та же река, современный Дунай, одним и тем же автором, Зосимом, названа сначала Танаисом, а позже – Истром. То обстоятельство, что Кызыл Ирмак и Дунай назывались Танаисом спустя несколько столетий после Геродота, говорит только о прочности и долговечности античной традиции видеть в Танаисе имя нарицательное,

¹ С севера в Каспийское море впадает Волга, имеющая мощную дельту. В античной географии широкое хождение имела теория о том, что Каспий является заливом внешнего, или Северного (Ледовитого, Кронийского, Амальхийского) Океана (Страбон, XI, I, 5; Плиний, NH, II, 167; V, 97; Мела, III, 5, 38, 44; Присциан, Perieg., 56-59, 644-721, etc.). Поэтому Волга из-за своего размера могла восприниматься не только как «река», но и – через промежуточное понятие «морской пролив» - как «море», актуализировавшееся уже в постскифскую эпоху.

а не имя собственное.

Нам осталось разобрать ещё два пассажа, касающихся Танаиса. Один находится в предложении, завершающем блок информации о царских скифах: «Часть их [владений] доходит до реки Танаиса» (Herod., IV, 20). Поскольку это сообщение включено в предшествующий разобранному нами первому отрывку параграф, логично думать, что речь должна идти о Волге. Вывод, прямо скажем, неожиданный, однако он как будто находит подтверждение в другом сообщении, которого мы неоднократно касались: «Восьмая река – Танаис, которая течёт сверху, устремляясь из большого озера, впадает же в ещё большее озеро, называемого Меотийским, которое разделяет царских скифов и савроматов. В этот Танаис впадает другая река, название которой Гиргис» (Herod., IV, 57). Рекой, в которую впадает Гиргис (современный Большой Ирғиз, см. выше), может быть только Волга. Иначе говоря, не исключено, что скифы царские в середине V в. до н.э. доходили (возможно, на отдельных участках) вплоть до Волги.

Один известный воронежский профессор деликатно назвал гипотезу Р. Исмагила об идентификации Танаиса Геродота с Волгой «абсурдной», полагаясь на «убийственный», с его точки зрения, аргумент: дескать, основавшие в III в. до н.э. в устье Дона город греки называли Танаисом (Медведев 2008: 7). Однако выше уже было сказано, что античная литературная традиция знала, как минимум, пять рек под именем Танаис. У скифов или савроматов гидроним *тениз /дингез* означал только имя нарицательное «крупная река»; у заимствовавших в форме *Танаис* этот термин понтийских греков, не знавших скифского или савроматского языка, он стал употребляться ещё и как имя собственное. Эта версия подтверждается тем, что каждый из четырех понтийских Танаисов имел и второе название (Гипанис - Кубань, Галис - Кызыл Ирмак, Истр - Дунай и, наконец, Дон, скифское название которого ещё предстоит выяснить). Название Танаис носили несколько рек и *только один город*, стоявший на Танаисе (точнее было бы сказать – на «танаисе»), впадавшем в северо-восточный угол Меотийского озера (Страбон, XI, II, 3), что исключало возможность перепутать этот город с каким либо иным.

Продолжая «речную» тему, следует сказать, что *Лик* Геродота безусловно сопоставляется с современной рекой *Илек*, левым притоком Урала, о чём догадался, кстати говоря, ещё полтора столетия назад немецкий учёный А. Хансен.

Коррелятом знаменитой реки *Оар* Геродота, очевидно, является, левый приток Урала – современная *Орь*. При упоминании Оара Геродот (Herod., IV, 124) приводит некоторые дополнительные подробности, представляющие для нас совершенно исключительный интерес: «Когда Дарий дошёл до пустыни, он ... расположил войско у реки Оар. Сделав это, он начал возводить восемь больших крепостей, отстоящих одна от другой на равном расстоянии приблизительно около 60 стадиев (10-12 км. – Авт.), их развалины сохранились *ещё до моего времени* (выделено нами. – Авт.). Так как [скифы] совершенно исчезли и больше не показывались [персам], Дарий оставил эти крепости недостроенными, а сам, повернув, пошёл на запад».

На наш взгляд, за такие крепости могли быть приняты только укрепленные поселения «Страны городов» (как образно назвал их первооткрыватель Г.Б. Зданович), среди которых наиболее известными являются Синташта и Аркаим. Комплекс этих необычных по своей архитектуре памятников был сооружён ещё в первой половине II тыс. до н.э. и, таким образом, насчитывал ко времени Геродота чуть более тысячи лет. Площадь распространения названных городищ охватывает

территорию размером 400×180 км. «Страна городов» раскинулась в степном языке, далеко вдающемся в северном направлении вглубь лесной зоны. Размеры и беслесный облик этого степного анклава вполне сопоставимы с данными Геродота о «пустыне» протяжённостью в семь дней пути. В настоящее время известно около двадцати «городов» среднего бронзового века. Расстояние между памятниками, группирующимися в несколько цепочек по берегам степных речушек, в среднем составляет примерно 50-70 км. Однако, судя по опубликованным картам, девять укрепленных поселений образуют несколько более тесных скоплений, расстояние между которыми не превышает тех самых 60 стадий (*Григорьев 1999*: рис. 2). Разумеется, между цифровыми данными, характеризующими «крепости персов», с одной стороны, и поселениями «Страны городов» - с другой, не исключены и какие-то случайные совпадения, но сам факт их тождества, на наш взгляд, неоспорим.

Жившие у края «пустыни» будины, «занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом» (*Herod., IV, 21*), обитали, в свою очередь, выше савроматов, расселявшихся на пространстве в 15 дней пути севернее Меотиды. Одного взгляда на географическую карту достаточно, чтобы оценить всю заманчивость сопоставления с землёй будинов лесного массива, по огромной дуге огибающего с севера степное Зауралье. Под областью будинов я понимаю поросшую «разнообразным» лесом территорию Южного и частично Среднего Урала (охватывающего пределы всей горно-лесной Восточной Башкирии, юго-запад Челябинской и юг Пермской и Свердловской областей), а также ряд примыкающих к Уралу районов Западной Сибири, включаемых в зону южной тайги и лесостепи.

Поиск в земле будинов города Гелона с его греко-скифскими обитателями (*Herod., IV, 108*), «огромного озера с живущими в нём водными животными, имеющими «квадратную морду»» (*Herod., IV, 109*), и поиски археологической культуры, соответствующей образу жизни «очень светлоглазых и рыжих» будинов, - всё это ещё предстоит сделать. Мы бы воздержались заранее обречать эти поиски на неуспех, тем более, что одно конкретное и, на наш взгляд, безупречное доказательство того, что именно лесные районы Южного Урала и Зауралья имеют хорошие шансы быть названными доменом будинов, уже имеется. Вызывавшее массу недоумений и предположений (порой анекдотических – вспомним хотя бы имеющую многочисленных почитателей теорию о будинах-«вшеедах») сообщение Геродота о будинах как о народе, который «питается шишками» (*Herod., IV, 109*), очевидно, должно рассматриваться в свете того факта, что очерченная территория является крайней юго-западной периферией ареала распространения сибирского кедра. В Европе сибирский кедр, как известно, не произрастает.

Следующими за будинами народами, жившими также в лесистой местности (скорее в лесостепи, чем в лесу) выше и восточнее пустыни, историк называет народы конных охотников тиссагетов и иирков (*Herod., IV, 22*). Если справедливо всё сказанное выше относительно локализации савроматов и будинов, то имеются веские основания для поисков тиссагетов и иирков среди носителей зауральских или западносибирских археологических культур.

Более сложной выглядит ситуация с рекой *Сиргис* (*Herod., IV, 123*). Очевидная фонетическая близость названия этого гидронима с наименованием другой восточной реки – Гиргис (*Herod., IV, 57*), о которой уже шла речь выше, стала поводом к попыткам считать эти две реки одной и объяснению появления второй из них у Геродота в результате ошибки переписчика. Указанная точка зрения

представляется достаточно основательной, хотя в то же время не исключена возможность рассмотрения этого вопроса с принципиально иных позиций (см. указанные работы Р. Исмагила).

В настоящей работе мы не претендуем закрыть все «белые пятна» на соответствующем участке этногеографической карты «Скифского логоса» Геродота. Так, в связи с новой версией локализации восточных рек нелегко будет найти консенсус между, с одной стороны, сообщением о том, что Танаис, Сиргис (или Гиргис?), Оар и Лик, берущие начало в земле тиссагетов и протекая через область меотов, впадают в Меотиду (Herod., IV, 123) и, с другой, установленным в ходе нашего исследования фактом, что реально указанные реки, действительно, впадая в Меотиду (здесь – Каспийское море), большей частью находились на савроматской территории. Если возможность хоть как-то согласовать эти данные о меотах с реальной археологической картиной Северного Прикаспия всё же имеется (при допущении, что за меотов в данном случае логично было бы признать жителей Каспийского побережья), то вопрос о локализации тиссагетов пока выглядит слишком тёмным.

Подводя итоги первой главы, мы должны признать, что денотатом Танаиса Геродота, принимаемого им за один гидроним, на самом деле являются две реки: Дон (Herod., IV, 116) и Волга (Herod., IV, 20, 21, 57). Это значит, что широко распространённая гипотеза о наличии савроматов двух видов – исторических, реальных и «археологических» - теряет под собой почву. Исторические савроматы жили на обширной территории от Доно-Волжского междуречья до Южного Урала включительно (от северного побережья Каспийского моря на юге до находящегося в пятнадцати днях пути к северу, чуть выше линии Самара – Стерлитамак). Восточная граница, Геродотом прямо не обозначенная, судя по некоторым, разобранным выше, местам «Истории» и археологическим данным, проходила по Мугоджарам и Южному Зауралью. При этом основной домен «савроматов Геродота» находился именно на Южном Урале, сегодня считающемся большинством учёных в лучшем случае их дальней периферией, а казавшаяся незыблемой ещё несколько лет назад оценка в качестве савроматов население Доно-Волжского междуречья, из казавшейся незыблемой аксиомы автоматически превращается в туманную гипотезу.

Попутно с решением основных задач мы выяснили, что поход Дария, в том виде, в каком он описан Геродотом, был абсолютно нереален и является скифским мифом, ошибочно историзированным греческой литературной традицией. Преодолеть за два месяца в ходе непрерывных боёв со скифской коалицией расстояние от Дуная за Дон и успеть вернуться назад (на чём настаивал, например, Б.А. Рыбаков), было невозможно физически; идентификация Танаиса с Волгой делает эту акцию невозможной вдвойне. Стоит ли говорить, что и сама переправа Дария на азиатский берег Волги, уводившая персов от цели их похода – Скифии, с точки зрения военной тактики и стратегии была бессмысленна. Не стоит подходить с лекалами истории к мифу, это чревато тяжёлыми последствиями.

Глава 2. ВЫБОРКА ПОГРЕБЕНИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ V-IV ВВ. ДО Н.Э. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

1. Весёлый (рис. 1: 1-18)

раскопки М.С. Смирнова, 1920; А.Х. Пшеничнюка, 1968

В справочной литературе о памятнике приведены следующие данные, заимствованные из отчёта А.Х. Пшеничнюка за 1968 г.: «Хутор Весёлый, Стерлитамакский район [РБ]. В 2,5 км на юго-запад от хутора, на высокой террасе левого берега р. Тюрюшля находится курганный могильник. В 1920 г. <...> М.С. Смирновым было раскопано четыре кургана. В каждом из них обнаружено по одному погребению прохоровской культуры (вопреки сказанному, курган 1 достоверных комплексов раннего железного века не содержит. – Авт.). Найденные вещи (железный кинжал, костяная пряжка, и др.) хранятся в краеведческом музее г. Стерлитамак. В 1968 г. АЭ ИИЯЛ БФАН раскопано два кургана, под которыми также оказалось по сарматскому погребению» (АКБ 1976: № 1352).

Противоречивые сведения о местонахождении могильника изложены в отчёте его исследователя. «Раскопки были начаты весной 1920 г. В 22 верстах (23,5 км) к ЮЮЗ от г. Стерлитамака, у дер. Аючево, около хут. Весёлого, на левом берегу речки Тюрюшля, при впадении её в р. Ашкадар... В 11-12 верстах (11,7-12,8 км) от хутора Весёлого, на плоской возвышенности расположены курганы... Группа из 8-9 курганов раскинута в пространстве около $\frac{1}{4}$ кв. версты (0,5 кв. км), в расстоянии 25-170 шагов друг от друга» (Смирнов 2003: 64).

М.С. Смирновым и А.Х. Пшеничнюком памятник назван по х. Весёлый, расположенному в 10 км к ЮЗ от Стерлитамака, на р. Стерля. Однако, речка Тюрюшля, на берегу которой должен находиться могильник (АКБ 1976: карта 7), является притоком не Стерли, а Ашкадара. В 2,5 км от Весёлого (правда, не на ЮЗ, а на ЗЮЗ) находится с. Преображеновка, в котором, действительно, располагается небольшой могильник (Исмагил 1980А: 7, рис. 16; 2010А: 20-21, рис. 38-40), но ничего общего с Весёловским он не имеет.

Судя по тому, что на карте 7 Весёловские курганы нанесены на левом берегу р. Тюрюшля, близ её впадения в Ашкадар, этот памятник находится в треугольнике Веденовка – Аючево – Айгулево. Парадоксально, но описываемый памятник с Весёлым связывает только то, что он был ограблен жителями именно этого хутора, располагающегося в 10-15 км от курганов. Тем не менее, потенциальная опасность недоразумений, связанная с переименованием, заставляет нас оставить старое, ошибочное название.

В 1920 г. директор Стерлитамакского историко-краеведческого музея (СИКМ) М.С. Смирнов (приехавший в Башкортостан в 1918 г. из Петрограда для улучшения здоровья и вернувшийся в 1922 г. назад, чтобы умереть в том же году в столице от тифа!), произвел первые в истории археологии республики научные раскопки сарматского могильника. Из имевшихся 8 или 9 курганов квадратными «колодцами» 4,3×4,3 м было исследовано четыре (1-4) насыпи.

В 1968 г. на памятнике два кургана (1, 2) раскопал А.Х. Пшеничнюк (1968А: 11-13, рис. 63-67), ознакомившийся до выезда в поле с отчетом М.С. Смирнова. Он включил данные о «своих» комплексах в статистические таблицы книги (Пшеничнюк 1983: 105, табл. 3), но не издал ни их, ни материалов М.С. Смирнова.

В начале XXI в. был опубликован дневник раскопок М.С. Смирнова (2003: 64-70, рис. 1, 1-4; *Гарустович* 2003: 58-63), с приложением четырёх имевшихся в отчете планов, но без фото или рисунков вещей, выполненных раскопщиком. Особенно досадно отсутствие плана могильника, не позволяющее однозначно идентифицировать памятники и курганы, исследованные в 1920 и 1968 гг.

В СИКМ хранятся несколько фотографий и депаспортизованные материалы из раскопок М.С. Смирнова, зарисованные в ноябре 1973 г. Р. Исмагилом. Совмещение их с отчетами М.С. Смирнова и А.Х. Пшеничнюка дает возможность частичной реконструкции комплексов памятника.

На плане могильника, выполненном А.Х. Пшеничнюком в 1968 г. без учёта плана 1920 г., нанесены курганы 1-6, расположенных цепочкой С-Ю (**рис. 1: 14**). Несовпадение с количеством курганов в отчёте М.С. Смирнова (восемь или девять) А.Х. Пшеничнюк связал с возможной распашкой двух-трех насыпей в течение прошедших без малого 50 лет. Два наиболее крупных кургана, 1 и 2 (1920), соответствующие курганам 4 и 3 (1968), ограблены в 1914-1915 гг. хуторянами.

[Курган 1. Эпоха бронзы.]

Курган 2 (1920). Возможно, соответствует кургану 3 (1968).

Насыпь диаметром 26,2 м, выс. 1,8 м (по данным М.С. Смирнова) - диаметр 23 м (по масштабу на плане А.Х. Пшеничнюка). На вершине имелась грабительская яма.

Стратиграфия. Дерн и насыпь – чернозем с примесью глины, песка и мелкой гальки (мощностью 1,7 м); «материковый грунт», словами М.С. Смирнова, или погребённая почва (0,13-0,18 м); материк.

В различных местах колодца, на глубине 1,1-1,6 м, встречались лежащие горизонтально жерди. На глубине 1,6 м, в юго-западном углу появилась примесь песка, гальки и извести (?), - очевидно, могильный выкид, лежащий на поверхности погребёнки.

Погребение 0¹, двухярусное. В подпрямоугольной яме, ССВ-ЮЮЗ, размером 2,5×1,3 м. Содержало 2 костяка: ограбленный верхний и целый нижний.

Костяк 1 (верхний; женский?). На глубине 1,9-2,1 м, в заполнении северной части ямы встречены беспорядочно лежащие кости (левые лопатка, плечевая и лучевая, череп) погребения, разрушенного в 1914-1915 гг.

◆ Развал большого круглодонного *сосуда* находился *in situ* (?) на глубине 2,2 м, маркирующей первоначальный уровень погребения, «в юго-западном углу колодца (в очертаниях могилы)», возможно, в ногах.

• В фондах СИКМ сохранились фрагменты *сосуда* из погр. 1, а также подписанная старая фотография. Сосуд имеет невысокий раструбообразный венчик, бомбовидное тулово и круглое дно. Плечико орнаментировано тремя мелкими узкими горизонтальными бороздками, ниже которых располагается горизонтальный зигзаг из тройных прочерченных параллельных линий, оконтуренный рядом косых насечек (**рис. 1: 13**).

Костяк 2 (нижний). На дне, на глубине 2,53 (от «0»)-0,8 м (от уровня погребёнки) вытянут на спине мужской (?) костяк, длиной 1,73 м, головой на ЮЮЗ, в 0,33 м ниже костяка 1 (**рис. 1: 1**).

¹ Здесь и далее погребение, обозначенное цифрой «0», обозначает единственное в кургане погребение, а курган «0» - курган, единственный в могильнике.

◆ За левой кистью находились обрывки кожаного *колчана с наконечниками стрел*. Поперёк таза лежал *меч*. Между бедрами найдены «какой-то предмет из бронзы», «маленькая бронзовая чашечка с отверстием» (ворварка. – Авт.) и *наконечник копья* (два последних в фондах СИКМ не обнаружены). У костяка лежал *железный предмет*.

• «Бронзовые трехлопастные (скифского типа) *наконечники стрел*. Всего 47 штук, некоторые с древками...». В фондах СИКМ они нами не найдены, но имеется старая фотография колчанного набора, вероятно, из погр. 1 кургана 2. На ней изображён 31 трёхлопастной наконечник с потайной и выступающей втулкой, в десяти из которых сохранились обломки деревянных древков (**рис. 1: 12**); «прямой железный *меч*» (длиной, согласно тексту отчета, 64,4 см. Его более полного описания в отчете нет. В фондах хранятся два акинака «из Весёлого» (оба изданы: Горбунов, Исмагилов 1976: рис. 1, 7; 3, 36; ср. Пшеничнюк 1983: 107). Судя по отсутствию кольца на навершии, меч, изображенный на плане погребения в отчёте М.С. Смирнова, скорее, может соответствовать мечу со сплошным навершием. Меч сохранился в настоящее время на длину 42,7 см. Имеет оригинальное шестиугольное навершие; в целом, он напоминает мечи и кинжалы «синдо-меотского типа» (Смирнов 1980: 38-45), если верить тому, что у него изначально не было перекрестья (хотя меч из кург. 2 на плане 1920 г. изображен как-будто бы с прямым перекрестьем) (**рис. 1: 11**); «какой-то предмет из бронзы». Это обломок круглого в сечении чуть изогнутого стержня (длин. 3,5 см, диам. до 0,8 см), заканчивающегося шишечкой. На выпуклой стороне – следы прикипевшего железа (скорее всего – от меча, под которым «предмет» был найден) (**рис. 1: 7**). Аналогичный бронзовый предмет, в котором публикатором опознан конский псалий, обнаружен в кургане 12 Филипповского-I некрополя (Пшеничнюк 2013: рис. 92).

В фондах СИКМ среди вещей из Весёлого находится также железный *колчаный крючок* (длиной 7 см), с овальным щитком, на котором имеются поперечный шпенек и прямоугольное отверстие, не упомянутая М.С. Смирновым (**рис. 1: 8**). Поскольку только два погребения – из курганов 2 и 5 (см. ниже) – содержали колчаны, то можно предполагать, что крючок происходит из одного из этих двух комплексов. Если это так, то он может относиться к инвентарю формально более раннего кургана 2 с его бронзовыми, а не железными (как в кургане 5) наконечниками стрел.

Курган 4 (1920). Насыпь диаметром 19,2 м, высотой 1,1 м. Возможно, на плане 1968 г. отсутствует (не был в посевах замечен Пшеничнюком?).

Стратиграфия. Дерн и насыпь – чернозем с небольшой примесью глины (мощностью 0,8-0,88 м); погребёнка (мощностью 0,17-0,22 м); материк.

Погребение 0. Совершено в прямоугольной яме, В-З, размером 2,5×1,78 м, глубина 0,44-0,49 м (от уровня материка), с отвесными стенками и ровным дном. В заполнении, на глубине 1,1 м (от «0») - ребро и позвонок овцы. На дне обнаружен вытянутый на спине «женский» костяк (длиной 1,62-1,64 м), головой на З (а не на С, как ошибочно указано в тексте. – Авт.). Отдельные кости (нижняя челюсть, несколько позвонков и кости рук) найдены в слое заполнения выше костяка (**рис. 1: 3**).

◆ В засыпке вместе с костями овцы найден «железный гвоздеобразный предмет 8 см длины, неизвестного назначения». Слева от человека лежало несколько крупных коровьих костей. К СЗ от черепа стоял *глиняный сосуд*. Около костяка

обнаружены пятна *ржавчины*; найдены «три целых маленьких бусины и осколки...[еще] двух или трех бусин из голубой стекловидной массы и белой гипсообразной пасты».

• **Фрагменты (2) железного гвоздеобразного предмета** непонятного назначения, общей длиной 15 см (**рис. 1: 5**).

Курган 5 (1920). Насыпь диаметром 14,6 м, высотой 0,7 м. Как и предыдущий курган, с объектами на плане 1968 г. не совмещается.

О *стратиграфии* в отчёте речи нет. В насыпи, на глубине 0,49 м (от «0») у южной стенки (в засыпи ямы?) встречены куски *сосуда* с орнаментом.

Погребение 0. В прямоугольной яме с сужающимися ко дну стенками, С-Ю, 2×1 м, глубиной 3,1 м (от «0»). В длинной западной стенке на середине высоты – ступенька шириной 0,3 м. На дне ямы вытянут на спине скелет молодого субъекта, длиной 1,6 м, головой на Ю. Над костями встречены куски дерева; кусок доски стоял на ребре и вдоль правого бока (**рис. 1: 2**).

◆ Около костяка находился не отмеченный на плане *сосуд*, обломки которого были частично найдены выше, на уровне насыпи. На плане указаны: у левого плеча – железные *наконечники стрел* и фрагменты ржавого *железа*; у пояса слева – точильный *брусок*; вдоль правой руки, снаружи от нее лежал железный *меч*.

• Если верно предположение о принадлежности меча «меотского типа» нижнему костяку из погр. 1 кургана 2, то мечу из погр. 0 кургана 5 должен соответствовать второй экземпляр из СИКМ. Речь идёт о фрагментах меча с кольцевым навершием, овальной в сечении рукоятью, прямым перекрестьем и утраченной нижней частью клинка; длиной 34,7 см (**рис. 1: 10**).

Кроме того, в СИКМ имеется ряд вещей «из Веселого», о которых или нет сведений в тексте, или они не идентифицируются с упоминающимися:

- *раковина Gryphaea* (**рис. 1: 4**); *нож* железный, представленный фрагментом длиной 6,2 см (**рис. 1: 9**); фрагмент железного *кольца* овального сечения (диаметром 1 см, длиной 4 см) (**рис. 1: 6**).

В отчете упоминается о том, что **курган 3** (1920) (возможно, идентифицируемый с курганом 6 (1968)), диаметром 18 м, высотой 2,1 м, подвергся ограблению в 1914-1915 гг. «...Были найдены три скелета, щит (? – Авт.), бронзовые «стрёлки»..., меч и другие вещи. Железный *кинжал* <...> приобретен <...> для [СИКМ]». В фондах таковой не обнаружен, если только им не является один из описанных выше акинаков (что, впрочем, маловероятно, поскольку, «кинжал» из кургана 3, скорее всего, был целым).

[Курган 1 (1920) (с насыпью диаметром более 20 м, высотой, по М.С. Смирнову - 2,1 м), возможно, идентифицирующийся с курганом 4 (1968) (диаметром 20 м, по масштабу) содержит единственное погребение эпохи бронзы.]

* * *

Курган 1 (1968). Насыпь диаметром 10 м, высотой 0,2 м. Бровка С-Ю (**рис. 1: 15**). Обнаружено одно погребение.

Погребение 0. В расположенной к СЗ от центра прямоугольной яме, СВ-ЮЗ, размером 2×0,8 м, глубиной 0,35 м (от уровня материка). На дне - костяк взрослого субъекта, лежащего вытянуто на спине с чуть согнутыми в коленях ногами, головой на ЮВ (**рис. 1: 16**).

◆ За черепом, в восточном углу – две кости некрупного *животного*. Перед лицом – большой кусок *мела*. В ногах – *сосуд*.

• **Сосуд круглодонный** с раздутым туловом и двумя мелкими круговыми желобками на стыке горла и тулова (рис. в отчете нет. – Авт.).

Курган 5 (1968). Насыпь диаметром 7 м, высотой 0,15 м (**рис. 1: 17**). Бровка С-Ю. Стратиграфия не описана. Обнаружено одно погребение.

Погребение 0. Совершено в расположенной по центру широкой яме неправильно-овальной формы, ССВ-ЮЮЗ, размером 2,1×1,7 м, глубиной 0,4 м (от уровня материка). На дне, вытянуто на спине, лежал костяк взрослого человека, головой на ЮЮЗ (**рис. 1: 18**).

◆ За правым коленом – *бабка* крупного животного.

Основная часть могильника датируется IV-III вв. до н.э. Наиболее поздним является курган 5 (1920), в котором были обнаружены меч с кольцевым навершием и железные черешковые наконечники стрел, типичные для среднесарматской культуры рубежа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

2. Елена (Николаевка) (**рис. 2: 1-5**)

раскопки Р. Исмагила, 1981; Ю.А. Морозова, 2004-2006

Курганный могильник располагается на первой надпойменной террасе левого берега р. Стерля, в 1,5 км к ВСВ от с. Николаевка Стерлитамакского р-на РБ (**рис. 2: 1**). Раскопано 9 насыпей из 11. Большинство курганов содержат погребения срубной культуры эпохи бронзы; в двух наиболее крупных (2, 8) обнаружены комплексы раннего железного века.

Курган 8. Насыпь диаметром 40 м, высотой до 2 м (**рис. 2: 2**). Раскопан в 1981 г. (*Исмагил и др. 2009: 25*). Обнаружено два ограбленных погребения. **Погребение 1** находилось в 10 м к ЮЮВ от центра, на уровне материка. Границы ямы не фиксировались. Потревоженный костяк лежал вытянуто на спине головой на ЮЮВ (**рис. 2: 3**). В яме найден лишь *фрагмент керамики* без орнамента. Описываемый комплекс очень напоминает так называемые «погребения стражников», совершённые около основного захоронения (чаще всего к Ю от него), в стороне или над ним. Центральное **погребение 2** было совершено в прямоугольной яме, ССЗ - ЮЮВ, размером 2,57×2,01 (на дне – 2,06×1,54) м, глубине 0,74 м (от уровня материка). Яма перекрыта по продольной оси бревнами в один накат, на дне имеется слой камышовой подстилки (**рис. 2: 4**). В могиле найден десяток разрозненных костей скелета человека (первоначально лежавшего головой на ЮЮВ?), *две кости* крупного животного, обломки бронзового *зеркала* с закраиной (?) и глиняное биконическое *пряслице* (рис. **2: 5**). Судя по крупной насыпи и мощному перекрытию, здесь было совершено не рядовое захоронение. Погр. 2 имеет признаки захоронения «стражника» - лица, зависящего от похороненного в погр. 1.

Курган относится к последней четверти V-IV вв. до н.э.

3. Уметбаево-1 (Кюмуш-Таш) (**рис. 3: 1-9**)

раскопки М.Х. Садыковой, 1962;

Н.А. Мажитова, 1971; Б.Б. Агеева, 1973, 1977

Крупный могильник, состоявший из полусотни насыпей, располагался на высоком левом берегу р. Кундряк, недалеко от ее впадения в Ашкадар, к В и СВ (а не к СЗ, как ошибочно указано М.Х. Садыковой. – Авт.) от д. Уметбаево (Калмак)

Стерлибашевского р-на РБ. М.Х. Садыкова в 1962 г. провела здесь первые раскопки. В 1971 г. 11 среднесарматских курганов раскопано Н.А. Мажитовым; в 1973 и 1977 гг. 12 курганов того же времени – Б.Б. Агеевым.

По М.Х. Садыковой (1962А: 26), памятник насчитывал 44-47 насыпей, хотя на её планах нанесены 49 насыпей (рис. 3: 1). В АКБ (1976: №1382) приведены данные из отчета В.Л. Агламазовой 1967 г. о наличии на курганном поле 43 насыпей, в том числе шести диаметром 20-34 м, высотой 1-2 м; диаметр остальных 8-16 м, высота 0,5 м и ниже. Отличается от садыковского и план Н.А. Мажитова (*Мажитов 1971А*) (рис. 3: 2). В 1962 г. М.Х. Садыковой раскопаны, по ее словам, три кургана, хотя в отчете и в рукописном варианте книги представлены материалы только двух, а в АКБ и в статье Агеева с коллегами (*Агеев и др. 1995: 104*) речь и вовсе идёт об одном исследованном ею кургане (1). Есть и другие нестыковки данных по памятнику у разных учёных (см. ниже).

Описание среднесарматского кургана 2 мы опускаем. На самом крупном кургане 1, имевшем имя собственное «Кюмуш-Таш» (башкир. Көмөш-Таш - Серебряный камень), стояла большая «плита» из красного песчаника (рис. 3: 4).

Курган 1. Насыпь из земли и мелкой гальки, диаметром 30 м, высотой 1,5 м, с более крутым северо-западным и пологим юго-восточным полами (рис. 3: 3). В центре имелась обширная яма – результат «раскопок», произведённых в 1928 г. местными жителями Исламгуловым и Валитовым. По рассказам жителей аула, те углубились в курган на 1,5 м. На этом уровне они обнаружили кости человека и впоследствии утерянный железный кинжал (выдачи которого принципиальная Махмуда Хисаевна даже требовала у родственников грабителей. – Авт.), после чего прекратили земляные работы.

На глубине 1,6-1,7 м (от «0») проявилось пятно сложной формы, размером 5,7×2,9 м. Его расчистка привела к обнаружению погребений 1 и 2 и не совсем с ними совпадающих трёх ям. Погр. 3 обнаружено примерно в 2 м к ЮЗ от пятна.

Стратиграфия. На абрисе восточной стенки центральной бровки Ю-С отсутствует дерновый горизонт; представлены насыпь (очевидно, с несколькими линзами материкового выкида, имеющими - особенно южная линза - довольно экзотический вид. – Авт.) и погребённая почва, от которой вниз опускаются два углубления, очевидно, «ямы» 2 и 3 (рис. 3: 3).

Погребение 1. Находилось в северо-западной части пятна на глуб. 0,15 м (от уровня материка). Контуры ямы не читались. Костяк ребенка или подростка, «длиной 1,3 м», вытянут на спине, головой на ЮЮЗ (рис. 3: 5).

◆ Справа от скелета найден кусочек *мела*, у пятки левой ноги – следы *охры*. Между тазом и локтем левой руки лежала *пряжка*.

• **Пряжка** бронзовая в виде кольца диаметром 2,5 см, с железным язычком и прикипевшим фрагментом тонкой, одинарной ткани (10×10×10×11 нитей в 1 см), с равномерным переплетением нитей основы и утка (рис. 3: 7).

Погребение 2. В юго-западной части пятна, в овальной яме 3 со скошенными стенками, размером 1,55×1,15 м на уровне дна, на глубине 2,3 м (от уровня материка). В восточной стенке на глубине 1 м была вырыта округлая ниша, 0,4×0,27×0,3 м.

Все находки были сосредоточены наверху, на глубине 0,25 м. Около восточной стенки ямы (на плане, вопреки тексту М.Х. Садыковой – у западной стенки, в северо-восточном углу и особенно в центре. – Авт.) были обнаружены

«обломки обгоревших человеческих костей. Среди них - несколько костей черепа, ребра, руки и таза. Кости лежали беспорядочно, но в основном по линии В-3».

♦ «Среди костей найдены ...*алтарик*, ...*наконечник стрелы*, обломки древков от *железных наконечников стрел* и *железного ножа*. ...и *кремневая пластинка*...».

• *Алтарик*, представленный четвертью целого изделия (размер сохранившейся части 10×7 см), выточен из прямоугольной плитки серого песчаника. По периметру идет бортик, в углу которого имеется небольшой выступ, принятый раскопщиком за «ручку алтарика» (**рис. 3: 8**); бронзовый *наконечник стрелы*, длиной 6 см, с массивной трехлопастной (близкой к трехгранной) сводчатой головкой со скругленными шипами и с длинным уплощенным к концу черешком (**рис. 3: 7**).

Яма 1, глуб. 1,5 м, находилась «около погр. 1». Заполнение ямы состояло из земли, песка и глины. *Вещей нет* (судя по плану, яма 1, неправильно-овальной формы, С-Ю, размером 1,35×1 м, находилась не около, а под погр. 1, являясь его могильной ямой. – Авт.).

Яма 2, овально-прямоугольной формы, размером 1,9×1,1 м, глубиной 2,5 м, находилась в северо-восточном углу пятна. *Вещей нет*.

[Погр. 3. Эпоха бронзы. Находилось в 4 м к ЮЗ от центра насыпи и в 1,5 м к ЮЗ от границ центрального пятна. Было совершено в овальной яме, С-Ю, 1,9×1,2 м, глубина 0,05 м (от уровня материка) (**рис. 3: 6**). Среди сгоревших человеческих костей, «тлена» и «следов мела» обнаружены «костяные кольца», «обломки бронзовых предметов» (рисунков нет. – Авт.).]

М.Х. Садыкова датировала погребения 1 и 3 раннесарматским, а погр. 2 - по бронзовому черешковому наконечнику стрелы - савроматским (VI-V вв. до н.э.) временем. Но в состав инвентаря погр. 2 входили описанные весьма лаконично древки железных наконечников стрел (известные и на соседних с Кюмуш-Ташем памятниках - Елимбетово, Юрматы). Появление последних долго было принято относить к III-II вв. до н.э., хотя были хорошо известны комплексы «конца VI-V вв. до н.э.» со втульчатými и черешковыми железными наконечниками стрел (Сара, курган 7; могила 2 кургана 4 в Пятимарах-I; курган 1 группы V в Благословенском) (Смирнов 1964: рис. 35Б, 2; 32, 3б; 37, 1а, 22). Лишь с 80-90-х гг. XX в. подобные наборы стали датировать концом V-IV вв. до н.э. (Зданович, Хабдулина 1986: рис. 8, 1-2); Хабдулина 1994: 51, 56, табл. 22/III; Железчиков и др. 2006: 38). Что касается бронзовых черешковых наконечников, то, помимо нашего, в Приуралье известен ещё один экз. из Уязыбашево и четыре - в составе большого набора втульчатых из колчана 3 кургана 7 в Сибаете-2 (Пшеничнюк 1983: 12, табл. VI, 22; рис. 21, 27-30).

4. Елимбетово (Эби-Таш) (**рис. 4: 1-8**)

раскопки М.Х. Садыковой, 1962

Курганный могильник из 14 курганов был открыт в 1958 г. М.Х. Садыковой к СЗ от с. Елимбетово (Шипаево) Стерлибашевского р-на РБ. Вследствие распашки большая часть насыпей просматривалась с трудом (**рис. 4: 1**). Хорошую сохранность имел лишь курган 13, стоявший в 0,1 км к В от аула, одна половина насыпи которого находилась на выгоне. По стоявшему на нём менгиру он получил у местного населения имя собственное «Эби-Таш» («Старуха-Камень»).

В справочнике (АКБ 1976: № 1383) сообщается о наличии в могильнике 20

насыпей (из числа которых 12 находятся на пашне и сильно распаханы, семь расположены на краю поля, а один стоит на улице).

В отчете М.Х. Садыковой (*Садыкова 1962А*) имеется схематический план кургана, доверять которому полностью нельзя, тем более, что вместо полноценного профиля южной стенки бровки З-В приходится пользоваться лаконичной и мало что дающей схемой. К тому же, на плане кургана в отчете зеркально, на 180° перепутана меридианальная (по линии Ю-С) ориентировка могил погребений 1 и 3; могила погр. 2 ориентирована правильно, но вынесена на западную периферию насыпи (хотя, судя по тексту, она находилась в центре, в 1,3 м к З от «0»). Никаких графических реконструкций соавторы не стали делать и на таблицах книги представили подлинники планов из отчета.

Курган 13. Насыпь диаметром 29 м, высотой 1,5 м (рис. 4: 2).

Стратиграфия. Дерн; насыпь (чернозем с примесью щебенки). Под насыпью на схеме профиля бровки в отчёте изображен горизонт «глины» (погребённая почва?). Ниже, естественно, мог залегать только материк.

На схеме видны четыре линзы могильного выкидов (одна из которых, восточная, лежит непосредственно на погребённой почве, а три остальных находятся в насыпи, на некотором расстоянии от погребёнки). С определенной долей вероятности можно предположить, что две средние линзы соотносятся с наиболее крупной ямой 1. Все высотные замеры произведены от уровня материка. Обнаружены три ограбленных погребения.

Погребение 1. В центре, в большой прямоугольной яме, С-Ю, размером 3,8×3,5 м, глубиной 2,3 м.

Начиная с глубины 0,8 м, судя по плану – в юго-восточном углу (в отчёте М.Х. Садыковой - у северо-западной стенки. – Авт.) сохранился древесный тлен от столбика. На той же глубине лежало скопление костей человека (кости ног, фаланги пальцев, и пр.), еще одно – в юго-западном углу (в отчёте - в северо-восточном. – Авт.).

♦ Вещи лежали в засыпке центральной и юго-восточной (по М.Х. Садыковой - северо-западной. – Авт.) частей ямы; относятся к двум эпохам. Фрагмент бронзового предмета и два сосуда (из погр. 2 у М.Х. Садыковой. – Авт.), датируются эпохой бронзы; *два сосуда*, описанные ниже – к эпохе РЖВ (рисунки в отчете отсутствуют. – Авт.).

• *Сосуд 1* представлен курильницей, имеющей вид низкой площадки с чуть выгнутыми краями. По ее верхнему краю проходит глубокая резная линия, от которой спускаются короткие насечки разной длины. Поверхность светло-желтого цвета, излом – темный, в тесте толчёная раковина. Диаметр горла 9 см, толщина стенок 0,4-0,6 см; *сосуд 2* имеет раздутое тулово, нижней части нет; поверхность темного цвета, в тесте тальк.

Погребение 3. Под восточной полкой насыпи, в узкой прямоугольной яме, С-Ю, размером 2,3×1,1-0,8 м, глубиной 0,4 м (от уровня материка). В заполнении встречались отдельные кости, а основное скопление находилось в центре дна.

♦ У восточной стенки (по плану в отчете. – Авт.) лежали *подвеска*, *наконечник стрелы* и *зооморфная поделка*. В центре обнаружена *ложечка*, а к С от нее – фрагмент *костяного предмета* с отверстием. *Второй фрагмент* находился ближе к северо-западному углу (рис. 4: 3).

• *Подвеска-имитация клыка кабана*, слегка изогнутая, длиной 9 см, с

круглой сверленной в широкой части, диаметром 1 см. (из рога или клыка со спиленной дентальной частью). На одной стороне прочерчены линии и кружок с точкой в центре (**рис. 4: 4**); на другой – случайные царапины; два обломка *предмета неизвестного назначения* из трубчатой кости, длиной по 15,5 и 9,5 см, имеющие по одной сверлине со следами железа изнутри (**рис. 4: 5**); *головка грифона* костяная уплощённая, овальной формы, длиной 4,8 см. На полированной лицевой стороне изображена пасть с двумя рядами зубов, острое горизонтальное ухо, круглый глаз - сквозной (**рис. 4: 6**); *наконечник стрелы* бронзовый, длиной 3,5 см, с длинной втулкой и трехлопастной головкой с горизонтально обрезанными шипами (**рис. 4: 7**); *ложечка* костяная, с обломанной ручкой, длиной 10 см (**рис. 4: 8**).

Погр. 3 М.Х. Садыкова (1962А: 24) датировала савроматским временем, VI-V вв. до н.э.; погр. 1 - концом раннесарматской культуры

Ближайшую параллель к подвеске с хищником из погр. 3 составляет головка грифона на костяной же бляшке из развезенного «комплекса 5» у сел. Бажиган в Чечне, по форме головки и по стрелам, найденным вместе с нею, датированная V-началом IV вв. до н.э. (Виноградов 1963: 18-19, рис. 5, 1; ср. Переводчикова 2000: 231-232). Отличия в том, что у бажиганского грифона нет уха, а пасть частью прорезана, частью процарапана. Особенно же важно, что у елимбетовской бляшки имеется сходство с бронзовыми уздечными бляшками из кургана Блюменфельд А-12 (Смирнов 1964: рис. 11Б: 21, 22).

Аналогия костяному предмету с отверстием на конце из погр. 3 обнаружена в насыпи кургана 6 Лебедёвки-V (вместе с гончарным среднеазиатским сосудом). В лебедёвском предмете, выразанном из цельной кости, публикаторами опознан псалий; единственное в кургане, ограбленное погребение совершено в меридиональной подбойной яме, датированной раскопщиками второй половиной-концом V-IV вв. до н.э. (Железчиков и др. 2006: 12, рис. 13, б).

5. Юрматы-1 (**рис. 5: 1-36**)

*раскопки М.Х. Садыковой, 1962; Б.Б. Агеева и Д.К. Исламова, 1973;
С.М. Васюткина и В.К. Калинина, 1974; А.Ф. Яминова, 1994*

Курганный могильник выявлен отрядом ИИЯЛ БФАН СССР под руководством М.Х. Садыковой летом 1958 г. на омываемом р. Уляй (правым притоком Сухайли) холме Козан-елга близ с. Юрматы Федоровского р-на РБ. Он вытянут вдоль полевой дороги из аула к трассе Федоровка - Мелеуз (в отчёте ошибочно – Фёдоровка – Стерлитамак. – Авт.) (Садыкова 1962А).

Памятник, согласно тексту отчёта, насчитывал до раскопок 10 курганов (однако на рис. 3 отчета М.Х. Садыковой изображены 11 насыпей, самый крупный, с геодезическим пикетом, находится в северо-восточной части. – Авт.). Могильник протяженностью, судя по плану, более 2 км, состоял из двух частей, разделённых группой менгиров, или балбалов (**рис. 5: 1**). В 1962 г. с помощью бульдозера были раскопаны два ближних к деревне кургана в юго-западной части, насчитывавшей шесть насыпей.

Краткие и не совсем точные сведения о результатах этих раскопок приведены в справочнике (АКБ 1976: №1368), где отмечается, что М.Х. Садыкова «...указывает здесь около двухсот курганов. При повторном обследовании оказалось, что подавляющее большинство их – естественные холмики». В 60-70-х прошлого века

вопрос о башкирском «курганном Эльдорадо» в окрестностях Юрматы стоял довольно остро на повестке дня уфимских археологов. Естественно, что каждый надеялся обнаружить там «свои» памятники. Так, летом 1971 г. медиевист Н.А. Мажитов (в отряде которого находился тогда Р. Исмагил) выезжал в окрестности аула для поиска легендарных «двухсот курганов». Отсутствие последних заставило Н.А. Мажитова, уже находящегося в «поле», срочно изменить планы и исследовать курган 1 найденного им могильника, получившего наименование «Загребаловского». На самом деле, это название уже имел совершенно другой памятник, найденный В.Д. Викторовой еще в 1954 г., о чём Н.А. Мажитов, как выясняется, не знал. Курган, оказавшийся савроматским, был издан как «Загребаловский» (*Мажитов, Пшеничнюк 1977*: 60), а могильник, открытый В.Д. Викторовой, раскопали позже другие исследователи. Они справедливо переименовали его из Загребаловского в Новомусинский (хотя решение о будущих раскопках было принято В.Н. Васильевым во время совместной с Р. Исмагилом поездки в Новомусино не в 1988, как сообщается в статье (*Васильев, Сиротин 2004*: 173), а в 1998 г.

Здесь издаются материалы трёх летних кампаний – 1962 (М.Х. Садыкова), 1973 (Б.Б. Агеев-Д.К. Исламов) и 1994 (А.Ф. Яминов).

Курган 1 (1962). Хорошо задернованная черноземная насыпь, диаметром 14 м, высотой 0,53 м., с большой примесью щебенки. Она сильно оплыла, особенно с юго-восточной стороны (план кургана в отчете отсутствует, есть лишь профиль восточной стенки бровки Ю-С. – Авт.) (**рис. 5: 3**). В центральной части фиксировался слой перемешанного с грунтом материкового выкида, диаметром 5 м (на профиле - 8,5 м), высотой до 0,5 м. На глубине 0,6-0,9 м от вершины в центральной части насыпи встречались угольки, зола, обожженная глина и куски силикатного шлака. Ниже этого слоя, вплоть до материка попадались каменные плиты размером до 0,3×0,5 м. С глубины 1,1 м в центре насыпи стали проявляться очертания округлого пятна, на материке принявшего форму латинской буквы «L». Его появление произошло из-за частичного взаимоналожения двух узких прямоугольных ям.

Погребение 1 (верхнее), впускное, в яме, С-Ю, размером 2,17•0,82 м, глубина 0,27 м (от уровня погребёнки). Вдоль краёв ямы и на костяке замечена труха деревянного перекрытия. Костяк лежит на спине, головой на Ю. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой руки уложена на таз. Участок дна ямы под черепом был прокален (**рис. 5: 4**).

◆ *Вещей нет.*

Погребение 2 (нижнее), основное, на дне ямы, З-В, размером 2,4•1 м, глубиной 0,75 м. По краям могилы в её западной части - следы мела.

При расчистке могильной засыпки обнаружилось, что западная половина погр. 2 была нарушена погребением 1. При сооружении могилы последнего часть скелета из ранней могилы была потревожена. В результате, череп, отдельные ребра и кости рук погр. 2 оказались в засыпке западной части могилы. На некоторых костях имелись следы огня. В засыпке повсеместно встречались куски обожженной глины вперемешку с шлаком, углями и золой. Особенно сильное воздействие огня ощущается в северо-западной части ямы, где стенки и засыпка были сильно прокалены. Ниже описанных находок от середины ямы до восточной стенки шел тонкий слой непо потревоженной засыпки, под которым *in situ* оказалась позвонки и длинные кости ног скелета, на основании которых можно считать, что костяк лежал

вытянуто, головой на В (рис. 5: 4).

◆ При костяке найдены куски красной *краски*, миниатюрный *нож* и *бусина*. Под ногами лежали куски обгоревшей *кожи* и *косметическая плитка* («алтарик», по М.Х. Садыковой. – Авт.). С разбросанными костями в засыпке найден фрагмент *железного предмета*.

• *Ножичек* железный, с черешковой рукоятью, прямой спинкой и скошенным лезвием (рис. в отчёте нет. – Авт.); *косметическая плитка* - подпрямоугольной формы с закруглёнными углами, размером 7,7×7,1×1,5 см, необработанная чашечка из мелкозернистой плотной породы; на гладкой вогнутой рабочей стороне имеются следы мела (рис. 5: 5); *бусина* пастовая, цилиндрическая, длиной 2,75 см, диаметром 0,5 см (рис. 5: 6).

Отмеченные выше следы огня (пятно с каймой прокаленной глины; угли, зола, силикатный шлак и мощный слой обожженной глины у северо-западной стенки этой могилы позволяет предположить, что остатки кострища были связаны с погр. 2, а отсутствие следов огня на части скелета, лежавшего на дне, свидетельствует о том, что костер был зажжен поверх засыпанной могилы с покойником.

М.Х. Садыкова отмечает близость «алтариков» из погр. 2 кургана 1, погр. 0 кургана 2 в могильниках Юрматы-1 и Уметбаево, погр. 1 кургана 2. Важны её данные о том, что кости ног погребения 1, лежавшие в засыпке более раннего погребения 2, чуть просели вниз. Это говорит о том, что засыпка ещё не успела осесть и затвердеть и, следовательно, интервал между похоронами двух умерших был небольшой.

Курган 2 (1962). Насыпь диаметром 18 м, высотой 0,93 м, находилась к СВ от кургана 1. Она хорошо задернована, поросла ковылем и мелким кустарником, с оплывшим юго-восточным и крутым северным склонами. С глубины 0,6 м (от «0») в северо-восточном секторе появились первые следы угля и золы; иногда в насыпи встречался плитняк, размером 0,4×0,3 м.

В центре выявлена каменная «ограда в форме двойного кольца», высотой 0,7 м, со стенками толщиной 0,5-0,75 м, диаметром 3,5 м по внешнему, и 2,15 м по внутреннему обводам. Она (судя по профилю бровки в отчете. - Авт.) сложена методом сплошной нерегулярной кладки в пять слоев, без применения связующей массы, из крупных плит размерами до 0,8•1,3 м (на схеме не более 0,5 м. – Авт.). На самом деле – это наземный склеп (рис. 5: 7). Судя по профилю, его основание было заглублено в материк на 0,2 м, т.е. в погребёнке и в верхней части материка был удален участок грунта круглой формы, диаметром 3,5 м, по краю которого и была возведена кладка стенки. «Пространство внутри местами было заложено камнями». Под камнями, на глубине 1,1-1,3 м (от «0») (т.е. на уровне основания стены, в неглубокой материковой яме) в западной части склепа находился «почти полный» костяк лошади, черепом на Ю, и часть ноги овцы. При разборке камней и конского скелета были найдены кость овцы и несколько фрагментов лепной плоскодонной банки эпохи бронзы, куски охры и дерева.

Погребение 0. В восточной половине склепа (явно еще до сооружения склепа, поскольку камни последнего перекрывают края ямы. – Авт.) вырыта прямоугольная яма, С-Ю, размером 2,35×1,05 м, глубиной 0,6 м (от материка). На дне, на слое темного растительного тлена вытянуто на спине головой на Ю лежал «мужской» (по определению Садыковой. – Авт.) костяк «длиной 1,7 м» с подогнутыми в локтях руками и разведенными в коленях ногами (рис. 5: 8).

◆ Поверх правой руки, начиная от предплечья, лежал *меч*, вложенный в плохо сохранившиеся *ножны*. Поверх меча находился *нож*, а под мечом – *кинжал*. У правого бока найден *оселок*. Вдоль левого бедра лежали *колчанный крючок*, а несколько ниже, в истлевшем берестяном *колчане* - скопление *наконечников стрел* с отчасти сохранившимися древками. Ближе к стопе левой ноги стояли *курильница с алтарином* (к краю которого прикипел обломок железного наконечника стрелы), под которым было много кусочков *мела*. Еще ниже лежала круглая плоская *круглая плитка* из мелкозернистого песчаника, с тщательно сглаженной поверхностью и выемкой на краю, диаметром 5 см; *галька* с темным налетом на поверхности и *пестик*. Под правой ногой костяка найдены куски *красной краски, мела* и *угля*. У восточной стенки могилы на уровне правой берцовой кости скелета кучно лежали несколько *рёбер лошади*. Ещё обнаружены три овальные *гальки* с налетом сажи и золы (не все из перечисленных М.Х. Садыковой вещи отмечены на плане погребения, а их рисунки представлены в отчете. - Авт.).

• *Меч* железный двулезвийный, длиной 110 см; перекрестье разрушено, фрагментированное навершие имело серповидную форму (**рис. 5: 9**); *ножны* деревянные, окрашенные «фиолетовой краской» (не исключено, что вещество, принятое М.Х. Садыковой за фиолетовую краску, являлось порошком от полностью разложившегося тонкого листового серебра, которым могли быть обернуты ножны. – Авт.); *кинжал* железный, длиной 38 см, с разрушенным перекрестьем и частично сохранившимся рожковидным навершием (**рис. 5: 10**); *косметическая плитка*, представляющая собой овальной формы, размером 12×7,5×3,6 см, необработанный треугольный в сечении камень из плотной мелкозернистой породы; гладкая чуть углублённая рабочая сторона с имеющейся на ней небольшой выбоиной покрыта слоем хорошо сохранившейся до сих пор ярко-красной, алой краски (**рис. 5, 11**); *нож* железный, длиной 14 см, с черешковым насадом, скошенной спинкой и прямым лезвием (**рис. 5: 12**); *наконечники стрел* железные, трехгранные черешковые, с головками, длиной до 2 см. Они спеклись между собой в одну сплошную массу, что мешает детально представить форму их головок и общее количество; *крючок колчанный* «довольно простой формы» (рис. в отчёте отсутствует. – Авт.); *оселок* каменный в виде сигары, с отверстием на конце, овального сечения, длиной 13,5 см (**рис. 5, 13**); *пестик* каменный в виде бруска прямоугольного сечения, размером 5,2×1,3 см, со скошенным и загнутым в виде лапки рабочим концом, обмакнутым в ту же красную краску (**рис. 5, 14**); плоскодонная *курильница* высотой 6,7 см, с округлым туловом, диаметром 7,5 см; поверхность желтоватого цвета, тесто с примесью шамота, излом серый (рис. в отчёте не представлен. – Авт.).

М.Х. Садыкова справедливо отмечала противоречивый характер погр. 0 кургана 2, сказавшийся, по ее мнению, в сочетании черт савроматской (наличие жертвенника с краской и других «очистительных средств»: охры, угольков, золы) и раннесарматской культур. Исследовательница при решении вопроса, к какому времени – эпохе бронзы или к раннему железу – относятся каменная «оградка» вокруг могилы и погребение коня (которого она вместе с овцой, кости которой также были найдены в кургане, вначале принимала за жертвенную пищу, и только позже правильно оценила его в качестве верхового животного (ср.: *Пшеничнюк 1983:107*)), после некоторых колебаний датировала комплекс сарматским временем. Источником ошибки стал срубный горшок, «найденный вместе с костями лошади» (эпохи раннего железа). Правильно же интерпретировать каменное сооружение, – в качестве

не оградки, а первого на тот момент савромато-сарматского наземного плитового склепа, – ей так и не удалось. Конструкция склепа в виде двойного кольца однотипна с мангышлакскими сооружениями подобного рода (например, курганом Онды, раскопанном Р. Исмагилом в 1989 г.).

Вне поля зрения М.Х. Садыковой, кажется, осталась одна небольшая, но важная деталь, свидетельствующая об обрядах и верованиях древних юрматинцев. Перекрестия и меча, и кинжала разрушены полностью, в то время как оба наверхия – только наполовину. Естественная коррозия железа в одной могиле вряд ли привела бы к такому результату, что говорит о преднамеренной порче обоих предметов, сопровождавших покойницу на «тот свет». Сломанные алтарики, зеркала, ножи, и пр., согнутые акинаки постоянно встречаются в савроматских погребениях.

* * *

Через 11 лет в могильнике Юрматы-1 пять курганов (в преамбуле говорится о шести) раскопал один из учеников Н.А. Мажитова, Б.Б. Агеев, хотя отчёт написан другим его учеником, вскоре ушедшим из науки (*Исламов 1973А: 3-5*). Судя по составленному им плану, были исследованы, в основном, курганы из западной группы (**рис. 5: 15**).

Курган 2 (1973). Насыпь из чернозёма, диаметром 12 м, высотой 0,5 м. В бровке С-Ю, под дёрном в слое насыпи – кости животного (**рис. 5: 16**).

Погребение 0. Совершено в прямоугольной яме, С-Ю, размером 1,8×0,6 м, глубина 0,45 м (от материка). Костяк хорошей сохранности лежал вытянуто на спине головой на Ю (**рис. 5: 17**).

◆ Справа (восточнее) от черепа находился орнаментированный сосуд (в отчёте имеется только фото обломка, больше напоминающего абашевскую керамику эпохи бронзы. – Авт.) (**рис. 5: 18**) с косточкой животного внутри.

Курган 3 (1973). Насыпь из чернозёма, диаметром 10 м, высотой 0,3 м (**рис. 5: 19**).

Погребение 0. Совершено в прямоугольной яме, С-Ю, размером 2×0,53 м, глубиной 0,3 м (от уровня материка). Потревоженный костяк средней сохранности лежал вытянуто на спине головой на ЮЮЗ. Длинная кость правой руки была обнаружена в слое насыпи. *Вещей нет* (**рис. 5: 20**).

Курган 4 (1973). Насыпь из чернозёма, диаметром 12 м, высотой 0,45 м. Содержал два погребения (**рис. 5: 21**).

Погребение 1. Совершено в прямоугольной яме, С-Ю, размером 1,5×0,4 м, глубиной 0,25 м (от уровня материка). Потревоженный костяк плохой сохранности лежал вытянуто на спине головой на Ю. *Вещей нет* (**рис. 5: 22**).

Погребение 2. Совершено в прямоугольной яме, С-Ю, размером 2,5×1,1 м, глубиной 0,9 м (от уровня материка). Костяк хорошей сохранности лежал вытянуто на спине головой на Ю (**рис. 5: 23**).

◆ За локтем правой руки находился *кинжал*.

• *Кинжал* железный, верхняя часть рукояти с серповидным (?) наверхием и прямым (?) перекрестьем намеренно разрушена. Длина сохранившейся части – 27,5 см, ширина клинка 4 см, рукояти – 2 см (**рис. 5: 24**).

Курган 5 (1973). Насыпь из чернозёма, диаметром 15 м, высота 0,5 м (**рис. 5: 25**).

Погребение 0. Совершено в прямоугольной яме, ЗСЗ-ВЮВ, размером 2,2×1,1 м, глубиной 0,55 м (от уровня материка). Кости ограбленного покойника в

беспорядке лежали в центральной части ямы; первоначально костяк лежал, головой на СЗ (?). *Вещей нет* (**рис. 5: 26**).

Курган 6 (1973). Насыпь из чернозёма, диаметром 16 м, высотой 0,9 м. В центре – неглубокая впадина от грабительского вкопа (**рис. 5: 27**).

Погребение 0. Совершено в неглубокой яме предположительно прямоугольной формы, СЗ-ЮВ, размером около 2×0,75 м, дно которой располагалось на уровне материка. Потревоженный костяк средней сохранности лежал вытянуто на спине головой на СЗ. Отсутствуют кости черепа, многие позвонки, рёбра, обеих стоп, правой руки. Правая нога посыпана золой и охрой (**рис. 5: 28**).

♦ Наружу от левой ноги обнаружены обломки железных *удил*, кусок *дерева* и *кожи* (рисунки в отчёте не представлены. – Авт.).

* * *

В 1974 г. два кургана (6А и 7) раскопаны отрядом БашГУ. Сохранился отчёт, подписанный начальником С.М. Васюткиным и лаборантом В.К. Калинин; судя по малограмотному тексту, его истинным автором являлся второй. В кургане 6А погребение отсутствовало; единственное найденное в кургане 7 погребение относится, по мнению автора, к черкаскульской культуре эпохи бронзы (*Васюткин, Калинин 1974А: 17-19*).

* * *

Плохо документированные раскопки в «лихих 1990-х» в Фёдоровском районе РБ провёл отряд НПЦ ГУОН МК во главе с А.Ф. Яминовым. Он, в частности, раскопал один курган в группе Юрматы-1 (?), на правом берегу р. Уляй, в 0,4 км к СЗ от села (**рис. 5: 29**).

Курган 1 (1994). Крайний северный в группе. Насыпь диаметром 8 м, высотой 0,18 м. Бровка С-Ю (**рис. 5: 30**).

Стратиграфия. Дерн (0,1 м); гумус – насыпь (мощностью до 0,9 м); гумус – погребённая почва (0,12 м); желтовато-серый суглинок и материк – желтая или красная глина с включениями гравия. В насыпи фиксировался облицовывавший ее горелый слой, мощностью 0,1 м (красная глина с гравием), спускающийся в южной полё к единственной в кургане могиле (заполнение - серо-черный суглинок). Между условным центром насыпи и могилой находилась лисья нора (серый суглинок с гравием).

У восточного края насыпи (в 0,45 м ниже «0») лежала часть тушки *овцы*, в 0,3 м к западу от центра насыпи (0,8 м) – лопатка и кость ноги лошади. В метре к В от центра насыпи – бедренная (очевидно, правая берцовая; см. ниже. – Авт.) кость человека (0,5 м).

Погребение 0. Под южной полёй насыпи. В яме чёткой прямоугольной формы, С-Ю, размером 2,1×1,1, глубиной 0,6 м (от уровня погребёнки). На дне лежал вытянуто на спине костяк, головой на Ю. Часть костей (череп, часть таза) была перемещена лисой, часть была найдена позднее в ее норе (причём, правая берцовая кость, скорее всего, была найдена в насыпи). В верхней части заполнения - плахи поперечного деревянного перекрытия (**рис. 5: 31**).

«Костяк...принадлежал мужчине. Судя по зарастанию черепных швов и состоянию зубной системы, погребенному было около 40-45 лет. На месте шва теменных костей, несколько выше венечного шва имеется скол черепной кости. Скол имеет следы зазубрин орудия и края его не носят следов зарастания. Такой же, но

меньший и имеющий следы зарастания скол имеется на правой теменной кости. От этого скола в сторону затылочной кости проходит извилистый слабый след. Можно предположить, судя по форме и расположению сколов, что они являются следами скользящих ударов мечом по голове. Второй (меньший) скол и продолжающийся след его был более ранним по времени и кость после удара начала восстанавливаться. Первый же скол, имеющий неровную поверхность, следов зарастания не имеет и, видимо, был получен погребенным непосредственно перед смертью. ...неглубокие раны не могли быть причиной смерти данного субъекта, а могли лишь оглушить его» (антропологическое заключение принадлежит участнику раскопок, стерлитамакскому археологу И.В. Денисову. – Авт.).

◆ На тазовой кости лежала верхняя часть *меча*, за левым коленом - нижняя. У правой стопы найдены фрагменты *ножа*.

• Короткий железный *меч* (сохранился на длину 37,3 см), его навершие в могилу помещено не было. Рукоять (7,6×2,6-2,2 см) широкая, уплощенная, двутаврового сечения. В верхней части имеется двусторонняя заклепка, длиной 2,5 см, предназначенная для крепления деревянной накладки. Перекрестье (5,9×1,6-1,3×1,7 см) в виде сломанного под тупым углом бруска, чуть суженного в середине. Клинок (длиной 28,1, ширина у основания 5 см) обоюдоострый, ромбический (?) в сечении, со следами деревянных ножен (рис. 5: 32); фрагменты железного *ножа* (сохранился на длину 8,7 см), с прямой спинкой и черешковой рукояткой с уступом, обложенной деревом (рис. 5: 33).

Курган 5 (1994). Находился в центре группы, к Ю от самого крупного кургана 3. Насыпь диаметром 10 м, высотой 0,43 м. Бровка С-Ю (рис. 5: 34).

Стратиграфия. Дёрн (0,1 м); гумус – насыпь (мощн. до 1 м); в южной и северной полах погребённая почва - серый суглинок (0,15-0,2 м); материк – желтая или красная глина с включениями гравия. В центре и особенно в северной части насыпи между дерном и гумусом фиксировался слой серого гумуса с обильным включением гравия мощностью 0,15-0,4 м.

В центре располагалось трапециевидное углубление, С-Ю, размером 4,6×2,75-3,5, глубиной 0,5 (от уровня погребённой почвы), со входом-тамбуром в северо-восточном углу длиной 1-1,5 м, шириной 0,8 м.

Погребение 0. В подквадратной яме, 3-В, 2×1,8×1,65 м (от уровня погребённой почвы), вырытой в юго-западном углу углубленной площадки. В верхней части заполнения фиксировались плахи редкого поперечного перекрытия. На дне могилы, ближе к западной стенке на спине на подстилке из тополиной (?) коры вытянут костяк женщины, головой на Ю (рис. 5: 35).

◆ В юго-западном углу находились глиняный *кувшин*, алебастровое *пряслице* (еще одно найдено снаружи левого бедра) и речная *раковина*. Снаружи левой лучевой кости лежала *курильница*, изготовленная из небольшого сосудика; в районе щиколоток – пастовый *бисер* (рисунки вещей отсутствуют. – Авт.).

Могильник Юрматы-1 относится к IV-III вв. до н.э.

6. Загребайловка (рис. 6: 1-13)

раскопки Н.А. Мажитова, при участии Р. Исмагила, 1971

Курганный могильник находится на гребне невысокой возвышенности в 2 км к 3 от быв. д. Загребайловка (Н.А. Мажитов употреблял, вероятно, искажённую

форму – Загребаловка. – Авт.) Мелеузовского р-на РБ. Пять (а не четыре) грунтовых курганов располагаются цепочкой Ю-С на северной оконечности пологого холма протяжённостью около 0,8 км, причём четыре (1-4) стоят по соседству друг с другом, а последний (5) находится в 0,5 км к Ю от остальных. Размеры насыпей курганов: 1 - диаметр 11 м, высота 0,4 м; 2 - 12×1 м; 3 - 15×1,3 м; 4 - 18×0,3 м; 5 - 25×0,5 м (**рис. 6: 1**). Насыпи курганов 2 и 3 частично разрушены. В центре кургана 2 во времена гражданской войны был вырыт капонир, глубиной 1-1,5 м, для орудия с прокопанным к нему с севера ходом. В центре насыпи кургана 3 стояла металлическая триангуляционная вышка, окружённая квадратной канавой.

Был исследован один курган. В самый разгар раскопок начальник экспедиции был вынужден на несколько дней выехать в Уфу и фактически раскопки осуществлял Р. Исмагил, лично вскрывший и зарисовавший погребение. Он с сожалением должен констатировать наличие в первой публикации этого памятника (*Мажитов, Пшеничнюк 1977: 60, 65-66*) ряда досадных неточностей, приведших к необходимости его переиздания.

Курган 1 (рис. 6: 2). Грунтовая насыпь, диаметр 11 м, высота 0,7 м, насыщена щебёнкой. Тонкая прослойка материкового выкида из могилы лежала на погребёнке далеко от неё по обеим сторонам. Выше выкида замечено смещённое к 3 кострище, диаметром 3 м, мощностью до 0,1 м.

♦ В юго-восточной поле кургана на погребёнке лежала комплект предметов, связанных с конской уздой: «железные удила со стержневидными двудырчатыми псалиями, четыре бронзовые бляшки, бронзовый крючок и бронзовая бляшка в виде кисти правой руки человека».

• **Удила** с петлевидно загнутыми концами, в которые вставлены **псалии** с прямым одним и загнутым под прямым углом другим концами (**рис. 6: 13**); **бляшки бронзовые полусферические** круглой формы с петлёй в виде четырёх шпеньков, заканчивающиеся круглой площадкой (**рис. 6: 10**); **крючок бронзовый** в виде длинного загнутого клюва птицы со стилизованной головкой (**рис. 6: 12**); **бронзовая бляшка** в виде пластинки с расходящимися от выступа пятью выступами-лучами, на обороте которой имеется вертикальная петля (**рис. 6: 11**).

Погребение 0. Было совершено в овальной могиле, СЗ-ЮВ, имеющей на уровне материка размером 2,5×1,5 м. Ко дну (глубина 1,95 м от уровня погребёнки) она сократилась до 2,03×1,3 м.

На глубине 0,85-0,9 м в засыпке обнаружено кострище с зольным пятном и угольками, на которое были сброшены несколько крупных камней. В верхней части засыпки лежал целый костяк коня (хозяина узды из насыпи?) очень плохой сохранности, разобранный Р. Исмагилом без зарисовки. О конском захоронении было доложено вернувшемуся начальнику экспедиции, что и было отражено в отчёте, но не в публикации.

На дне ямы на вытянуто на спине, головой на ЮЮВ, лежал плохо сохранившийся, но непотревоженный, очевидно, женский костяк (в статье ошибочно говорится о его давнем ограблении. – Авт.), рисунок которого, выполненный Р. Исмагилом, опять же, не был в своё время издан (**рис. 6: 3**).

В районе черепа найдено пять бусин: три голубые глазчатые (**рис. 6: 8**), одна тёмно-коричневая катушкообразная (**рис. 6: 6**) и одна сердоликовая бипирамидальная со спиральным орнаментом (**рис. 6: 5**). Большая глазчатая тёмно-синяя бусина лежала за локтем правой руки (**рис. 6: 7**). Под черепом и на груди

находилось по одной большой проволочной серебряной серьге (**рис. 6: 9**). У юго-западной стенки стоял лепной сосуд с примесью талька в тесте, орнаментированный заштрихованными гирляндами (высота и диаметр тулова - по 15 см). В статье издан только один фрагмент; в отчёте представлены ещё несколько обломков (в том числе не оговоренная в статье петлевидная ручка), хотя сосуд сохранился полностью. На приведённом рисунке представлен рисунок кувшина, выполненный в поле Р. Исмагилом, с одним из вариантов крепления ручки к сосуду (**рис. 6: 4**).

Н.А. Мажитов и А.Х. Пшеничнюк (1977: 66) правильно датировали курган IV в. до н.э., хотя он мог существовать ещё с конца V в. до н.э.

7. Новые Ябалаклы-1 (рис. 7: 1-8)
раскопки Р.А. Нигматуллина, 1977,
или Р.А. Нигматуллина и В.С. Горбунова, 1978

Курганный могильник, насчитывавший десяток насыпей, находился на холме левого берега р. Дёма, в 1 км к Ю от д. Новые Ябалаклы Чишминского р-на РБ (**рис. 7: 1**). Найден в 1971 г.; в 1973, 1977-1978 гг. экспедициями разных уфимских организаций раскопан практически полностью. Четыре объекта относятся к эпохе бронзы; два оказались естественными всхолмлениями. Два крайних западных кургана (8, 9) дали материал эпохи раннего железа, который Р. Исмагилом (2009а; 2009б) был ошибочно датирован переходным от эпохи бронзы к раннему железу временем. Памятник был издан с купюрами, касающимися его савроматских погребений (Морозов, Нигматуллин 2003: 30 сл.), чем и объясняется его переиздание.

Курган 8. Грунтовая насыпь, диаметр 8 м, высота 0,2 м. Единственное погребение обнаружено у западного края насыпи (**рис. 7: 5**).

Погребение 1. Совершено в квадратной яме, ориентированной стенками (длиной 0,9 м) по сторонам света, глубиной 0,14 м (от уровня материка). Детский костяк истлел. Судя по тому, что под восточным краем сосуда фиксировались остатки черепа (о чём сообщается только в отчёте. – Авт.), умерший лежал головой на З или на ЮЗ (**рис. 7: 6**).

♦ В юго-западном углу ямы - *сосуд, бронзовая обкладка и бусы.*

• **Сосуд** узкогорлый круглодонный с чуть отогнутым венчиком (высота 15, диам. тулова 12,5, диаметр горла 8,8 см). Поверхность хорошо заглажена (**рис. 7: 8**); бронзовая *обкладка* (4×2×0,5 см) от истлевшего тонкостенного деревянного сосуда, на одной из сторон которой сохранилась заклёпка (**рис. 7: 7**); четыре уплощённые круглые *бусины* (диаметром 0,4-0,5 см), материал публикаторами не указан.

Курган 9. Грунтовая насыпь, диаметром 6 м, высотой 0,1 м. Единственное погребение - под восточной полой насыпи (**рис. 7: 2**).

Погребение 1. Совершено в удлинённой подпрямоугольной яме с чуть скошенными стенками, СЗ-ЮВ, размером 2,25×0,5 м, глубиной 0,53 м. Детский (?) костяк полностью истлел (**рис. 7: 3**).

♦ В северо-западном углу ямы находились остатки *деревянного кола* и *кремнёвая пластинка*.

• **Кремнёвая пластинка** из местного приуральского беловатого сырья, размером 2,3×1,1 см (**рис. 7: 4**).

Примерная дата курганов 8 и 9 – IV-III вв. до н.э.

8. Лобовка-1 (рис. 8: 1-2)

раскопки Б.Б. Агеева, 1971

Могильник из шести курганов, диаметром 14-40 м, высотой 0,5-2 м, располагается на высокой стрелке рек Кинель и его притока Мочегай, в 1,5 км к ЮЗ от д. Лобовка и в 2 км к СВ от г. Бугуруслан одноимённого р-на Оренбургской обл. Один курган раскопан с помощью бульдозера (*Агеев 1971А: 21*).

Курган 5. Насыпь из чернозёма, диаметром 14 м, высотой 0,75 м. В центре найдены три погребения: два основных срубной культуры, в небольших ямах З-В (2, 3) и одно впускное более позднее (1) (рис. 8: 1).

Погребение 1. Совершено в прямоугольной яме, С-Ю, размером 2,45×0,95 м, глубиной 1,15 м (от уровня погребёнки). Костяк хорошей сохранности, вытянут на спине, головой на З (рис. 8: 2).

◆ *Вещей нет.*

Погребальный обряд позволяет относить погр. 1 к эпохе раннего железа, скорее всего – к концу V-IV вв. до н.э.

9. Худайбердино-1 (рис. 9: 1-3)

раскопки Б.Б. Агеева, 1971

Памятник расположен на вершине холма, в 1 км к В от с. Худайбердино (Псянчино) Кугарчинского р-на РБ. Открыт Н.А. Мажитовым (*1970А: 3-4*). Состоял из двух курганов (рис. 9: 1). На большем (по данным Б.Б. Агеева, размером 16×0,75 м; Н.А. Мажитова – 9×0,3 м) до 1990 г. стояла металлическая вышка, при установке которой в своё время пострадала насыпь. Меньший (по Н.А. Мажитову, размерами 8×0,25 м) раскопан (*Агеев 1971А: 26-27*).

Курган 1. Насыпь грунтовая, с большим содержанием плотной щебёнки, диаметром 9 м, высотой 0,5 м (по Агееву) (рис. 9: 2).

Погребение 0. Совершено в прямоугольной яме с закруглёнными углами, СЗ-ЮВ, размером 2,4×0,85 м, глубина от уровня погребённой почвы 0,55 м. Ограблена, часть костей перемещена или отсутствует. Умерший лежал по диагонали могилы вытянуто на спине головой на ВЮВ (рис. 9: 3).

◆ Возле правого плеча находился обломок гончарного сосуда светло-красного цвета (в отчёте приведена фотография. – Авт.).

Ориентировочная дата – IV-III вв. до н.э.

10. Утарка (рис. 10: 1-7)

раскопки Б.Б. Агеева, 1971

Могильник находится на вершине холма правого берега ручья Утарка (правого притока р. Большой Ик), в 1,5 км к В от д. Русское Тангирово Кугарчинского р-на РБ. Состоял из двух курганов с грунтовыми насыпями, из которых выделялся своими размерами курган 1, диаметром 20 и высотой 2,5 м (1). Обнаружен в 1970 г. Н.А. Мажитовым (*1970А: 3*). По его данным, в 1920-х гг. «близ этих курганов находился курган, на котором стояла каменная баба» (*АКБ 1976: № 1661*). Малый курган раскопан (*Агеев 1971А: 25-26*) (рис. 10: 1).

Курган 2. Насыпь диаметром 16 м, высотой 1,2 м, из чернозёма. В центре

выявлено четыре погребения эпохи раннего железа, - три впускных (1-3), совершённых одно над другим в ямах с непрослеженными границами, и основное (4) (**рис. 10: 2**).

Погребение 1. Совершено в слое насыпи, на глубине 0,9 м от вершины. Костяк хорошей сохранности, лежал вытянуто на спине головой на ЗЮЗ. Кисть левой руки покоилась на тазовых костях (**рис. 10: 3**).

◆ По обе стороны туловища на уровне бедренных костей находилось по несколько костей животного (судя по размерам – овцы. – Авт.). В изголовье стояли неорнаментированные глиняные *сосуды 1 и 2*.

• **Сосуд 1** - плоскодонный профилированный, грубой лепки, венчик прямой невысокий. На плечиках - две угловатые наклепные ручки. Высота 14 см, диаметр тулова 15 см (**рис. 10: 7**); **сосуд 2**, по форме близкий первому, но без ручек. Высота и диаметр тулова – по 6,5 см (**рис. 10: 6**).

Погребение 2. В насыпи, на глубине 1 м (от «0»). Костяк вытянут на спине, головой на ЗЮЗ. За левой рукой - *кости животного* (**рис. 10: 4**).

Погребение 3. В насыпи, на глубине 1,15 м (от «0»). Костяк потревожен при совершении погр. 2, но, судя по находившимся *in situ* позвонкам и рёбрам, лежал вытянуто на спине, головой на ССВ (**рис. 10: 4**).

◆ *Вещей нет.*

Погребение 4. Совершено в широкой прямоугольной яме, З-В, размером 3,1×2,1 м, глубина 0,75 м от уровня погребёнки. Костей человека и инвентаря не обнаружено. В 0,65 м от западной стенки по длинной оси на дне ямы была вырыта ямка для несохранившегося опорного столба. В восточной стенке имелся уступ шириной около 0,5 м, на котором лежали куски дерева и два черепа лошади. С противоположной стороны, в северной части западной стенки был устроен короткий прямоугольный дромос с закруглёнными углами, размером 0,8×0,7 м. Крупные размеры ямы и наличие дромоса заставляют предполагать наличие в ней коллективного захоронения (возможно, двух человек, если судить по количеству конских черепов на уступе) (**рис. 10: 5**).

Раскопщик принял дромос за грабительский лаз, а стратиграфически раннее погр. 4 по двуручному сосуду датировал позднесарматским временем (Агеев 1971А: 26). Однако, такие сосуды встречаются уже в савроматских погребениях, что прямо подтверждается наличием в кургане многоярусного захоронения, характерного для последней четверти V-IV вв. до н.э. Оно было совершено над юго-западным углом ямы и содержало останки трёх костяков, которые раскопщик ошибочно посчитал самостоятельными комплексами 1-3.

11. Каскиново (**рис. 11: 1-10**) *раскопки Н.А. Мажитова, 1970*

Одиночный курган находился на вершине вытянутого холма, в 2,5 км к ЮЗ от д. Каскиново Кугарчинского р-на РБ. Открыт в 1969 г. (*Мажитов 1969А*), раскопан годом позже (*Мажитов 1970А: 4-5*). Раскопщик к башкирскому «Каскын» прибавил суфф. –о, в результате чего появился загадочный топоним «Каскино». Его комплексы были изданы без планов (*Мажитов, Пшеничнюк 1977: 60-63*), что побудило нас повторно вернуться к публикации этого кургана.

Под грунтовой насыпью, диаметром 15, высотой 1,15 м, в 2-3 м от «0»

выявлены три погребения в неглубоких ямах (рис. 11: 1).

Погребение 1. Основное. Совершено в подпрямоугольной могильной яме, ВСВ-ЗЮЗ, размером 1,65×0,7 м, глубина 0,6 м (от уровня погребённой почвы). Костяк женщины (?) лежит вытянуто на спине головой на ЗЮЗ (рис. 11: 5). Справа от черепа в хорошо сохранившемся кожаном футляре (от которого дошло три больших фрагмента) находилось бронзовое зеркало в виде круглого диска с чуть загнутым бортиком, диаметром 10 см; кусок края, выломанный, скорее всего, вместе с длинной боковой ручкой, утрачен (рис. 11: 9). Под зеркалом обнаружена раковина *Gryphaea* (рис. 11: 8). За зеркалом найдены две овальные гальки длиной 8,4 и 13,4 см (меньшая из которых была принята первыми публикаторами за обломок оселка. – Авт.) (рис. 11: 6-7). Рядом с камнями и у затылка лежало по голубой глазчатой бусине плохой сохранности. На левой плечевой кости находился развал биконического сосуда (высота 11,5 см) с невысоким отогнутым венчиком (рис. 11: 10). Между левой ногой и краем могилы лежали две тушки барана (целая и парциальная). Под костяком отмечались угольки и кусочки дерева.

Погребение 2. Впускное. Совершено в подпрямоугольной могильной яме, ВСВ-ЗЮЗ, размером 2,1×1 м, глубина 0,6 м (от уровня погребёнки). Западная часть могилы уничтожена ямой погр. 3; в восточной *in situ* лежали кости обеих стоп, берцовые и нижняя часть бедренных. Судя по ним, умерший лежал вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Слева от ног размещались кости *овцы* (рис. 11: 2).

Погребение 3. Основное. Совершено в подпрямоугольной могильной яме, С-Ю, размером 2,6×0,7 м, глубина 0,7 м (от уровня погребёнки). Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на Ю (рис. 11: 2). Вдоль правого бедра лежал нарочно сломанный надвое железный меч с треугольным клинком, окончания которого в яме не оказалось. Перекрестье и навершие – неустановленного типа, также намеренно разрушенные. В целом виде меч имел длину около 0,4-0,5 м (рис. 11: 3). Ниже ног, в северном конце ямы выявлен развал узкогорлого глиняного сосуда с невысоким отогнутым венчиком и раздутым туловом (высота 19 см) (рис. 11: 4).

Первые публикаторы датировали стратиграфически ранние в кургане погребения 1 и 3 с западной ориентировкой позднеавроматским (рубеж V-IV вв. до н.э.), а впускное погр. 2 головой на Ю – прохоровским временем.

12. Бараково-1 (рис. 12: 1-9) *раскопки Н.А. Мажитова, 1974*

В 1 км к СВ от с. Бараково Шарлыкского р-на Оренбургской обл., на второй надпойменной террасе левого берега р. Неть (в отчёте ошибочно – р. Тим. – Авт.), притока Салмыша, обнаружены два кургана (рис. 12: 1). Малый курган (2), находившийся в 0,06 км к С от края террасы, имеет овальную насыпь, разм. 5×8 м, выс. 0,5 м. В насыпи более крупного кургана (1), стоявшего в 0,03 км к Ю от малого и раскопанного в 1974 г. АЭ ИИЯЛ БФ АН СССР - глубокая впадина (*Мажитов 1974А: 7-8*). Высотные замеры произведены от вершины насыпи («0»), совпадавшей с её условным центром.

Курган 1. Насыпь диам. 15 м, выс. 0,52 м. Выявлено четыре основных погребения в чётких прямоугольных ямах, расположенных под насыпью по одной линии с 3 на В (планы ограбленных погребений 1-3 в отчете не представлены. –

Авт.). При снятии насыпи в центральной и северо-западной части, на глуб. 0,3 м, встречены кости лошади (череп, ребра, голени), связанные с погр. 3 (?) (**рис. 12: 2**).

Стратиграфия. Дерн (мощностью 0,17 м); насыпь (0,5 м) состоявшая из чернозема вперемешку с щбёнкой; погребёнка, по составу аналогичная насыпи и плохо от нее отличимая (0,25 м); материк (глина с щебёнкой).

Погребение 1. Совершено в яме С-Ю, размером 2,1×1,5 м, глубиной 2,2 м. В заполнении лежал костяк грудного ребенка, сильно пострадавший от ножа бульдозера. Костяк его матери (?) вперемешку с обрывками березовой коры был разбросан ещё в древности по всей глубине могилы.

◆ Вместе с обрывками коры находился фрагмент *сосуда*.

• Фрагмент верхней части довольно крупного лепного *сосуда* с бомбовидным туловом, коротким приостренным отогнутым венчиком (диаметр 11 см). На плечике, ниже желобка, имеется сверлина, диам. 0,7 см. Поверхность жёлтого цвета, пятнистая. В тесте примесь шамота (**рис. 12: 9**).

Погребение 2. В яме З-В, размером 2×1,05 м, глубиной 1,4 м. Останков человека нет. В заполнении много уплощенных камней, под которыми найден конский череп.

Погребение 3. В яме С-Ю, размером 3,1×2,1 м, глубиной 2,4 м. Заплывшая грабительская воронка в центре насыпи находилась точно над ним. Заполнение состояло из грунта вперемешку с крупными камнями. В верхней части заполнения на уровне погребёнки находилась очажное пятно, диаметром 0,75 м, мощностью 0,1 м, причем зола начала встречаться уже под дерном, а несколько ниже провал имел форму округлого пятна, размером 2×1,5 м. Слой горения, мощностью 0,4-0,45 м, насыщен кусками глины и мелкими известняковыми камнями.

◆ Человеческих костей и *вещей* нет. В очаге находилось не менее восьми обгоревших *конских черепов*.

Погребение 4. В яме С-Ю, размерами 2,1×1,1 м, глубиной 2,35 м. На дне, вдоль восточной стенки, вытянуто на спине головой на Ю лежал, очевидно, женский костяк (**рис. 12: 3**).

◆ На шее - *ожерелье из бус*. У левого бедра *кубок с 4 «молоточками»*.

• *Ожерелье* (судя по рис. 22 отчета, состоит из примерно 100 бусин, диаметром 0,5 см); *кубок* лепной круглодонный, высотой 9 см, диаметр венчика 4,5 см, тулова - 7,5 см. На шаровидном тулове – косые вдавлениями, венчик округлый, слегка отогнутый (**рис. 12: 4**); «*молоточки*» глиняные, в виде ромба со срезанной вершиной, длиной в среднем 5 см. В центре широкой плоскости каждого - по отверстию, диаметром 0,5 см (**рис. 12: 5-8**).

Интерпретация материалов далеко не самого раннего в выборке кургана составляет непростую задачу. Из четырёх меридиональных ямах две (1 и 4) содержат человеческие (женские) погребения с южной ориентировкой. В двух других ямах (2 и 3) найдены только конские черепа и нет уверенности, что в них были человеческие захоронения. Одна из них к тому же иначе (с З на В) ориентирована. Наличие конских захоронений при погребениях людей у пазырыкцев Алтая, скифов, савроматов, и др. – факт общеизвестный. В насыпи Султантимировского-3 одиночного кургана в Зауралье (см. ниже, № 27) также были обнаружены три челюсти и трубчатые кости (ног?), что очень напоминает сопровождение покойника мясной жертвенной пищей. Не исключено, такое же происхождение имеют полтора десятка конских черепов с обломками амфор, найденные у входной ямы, в

заполнении дромоса и колодца уникального сооружения глуб. 15,8 м в кургане Кара-Тюбе в Приазовье (*Болтрик 1989*: 19-21). Конские черепа в большом количестве встречаются в погребениях коргантасской культуры Центрального Казахстана середины I тыс. до н.э. На юго-восточное направление связей Бараково, возможно, указывает и расположение погребений в кургане по одной оси, встречающееся, например, у тех же «саков» Семиречья (*Акишев 1963*: 94-98, рис. 77).

Дата погребений кургана 1 могильника Бараково-1 – IV-III вв. до н.э.

13. Новотроицкое-2 (Провальная гора) (рис. 13: 1-5)

раскопки Н.А. Мажитова, 1974

Цепочка (длин. 0,25 км) из четырёх курганов, ориентированных СЗ-ЮВ, располагалась на высоком правом берегу р. Салмыш (правый приток Сакмары), на гребне «Провальной горы», в 1 км к З от с. Новотроицкое Октябрьского р-на Оренбургской обл. (не путать с могильником Новотроицкий-I у Орска) (рис. 13: 1). Диаметр насыпей 8-16 м, высота трёх – всего 0,2 м, и лишь у раскопанного (*Мажитов 1974А*: 16-18) самого крупного (1), находившегося в верхней точке и замыкавшего цепочку со стороны реки, достигала 0,5 м. Высотные замеры - от уровня материка.

Курган 1. Насыпь диаметром 16 м, высотой 0,55 м. В центре её фиксировалась западина диаметром 6, глубиной 1 м. Бровка С-Ю (рис. 13: 2).

Стратиграфия. Дерн (мощностью 0,1-0,15 см); насыпь (до 0,4 м) – чернозем с галькой; погребёнка (0,15-0,2 м) – чернозем более светлого оттенка, плохо отчленявшийся от насыпи; материк (глина с щебенкой).

Под центром насыпи выявлены два погребения. В восточной стенке бровки по обе стороны от ямы погр. 1 на поверхности погребёнки зафиксированы небольшие линзы материкового выкида.

Погребение 1. В прямоугольной яме, СВ-ЮЗ, размером 2,9×2 м, глубиной 2,35 м. В узкой северо-восточной стенке – ступенька высотой 0,45 м. Ограблено (западина в центре насыпи находилась именно над этим захоронением). Кости человека (череп, ребра) и лошади встречались в заполнении с глубины 1 м преимущественно в юго-западном конце ямы.

♦ На дне ямы лежал *обломок алтарика* из песчаника, утерянный при возвращении в Уфу.

Погребение 2. В прямоугольной яме, ВСВ-ЗЮЗ, размером 2,45×1,35 м, глубиной 3,25 м. Два костяка лежали на разных уровнях (рис. 13: 3).

Костяк 1 (верхний) принадлежал подростку, вытянутому головой на ССЗ на спине вдоль короткой восточной стенки. Лежал в заполнении, на глубине 2,45 м (в 0,8 м выше дна ямы).

♦ *Вещей* нет.

Костяк 2 (нижний) вытянут на спине на дне ямы (глубина 3,25 м), вдоль длинной северной стенки, головой на ЗЮЗ.

♦ В заполнении над костяком найдена *лопаточная кость лошади* и бронзовый трехлопастный *наконечник стрелы*. В ногах находилась часть обезглавленной тушки *овцы* (ребра, лопатка и др.). Вдоль правой руки лежал *меч*. На нижней части левой руки лежал *колчан* со стрелами.

• **Меч** железный, очень плохой сохранности, длиной около 1 м, с прямым

перекрестьем и серповидным (?) навершием (навершия в могиле не было изначально); *колчан*, судя по нижней, придонной части (шириной 12 см), сохранившейся на высоту около 10 см, в отличном состоянии дошедшей до нас, состоял из четырёх отдельных секций-карманов, сшитых на одной общей кожаной пластине (**рис. 13: 4**). В каждой секции находилось не более десятка стрел с наконечниками, отличавшимися друг от друга размерами; *наконечники стрел* (не разобранные и до сих пор находящиеся в колчане. – Авт.) представлены трехлопастными, преимущественно бронзовыми экземплярами (**рис. 13: 5**), среди которых попадаются и железные.

Комплекс относится к IV-III вв. до н.э.; «савроматский» возраст древнейшего погребения удостоверяется наличием фрагмента алтарика.

14. Октябрьское-1 (**рис. 14: 1-30**) *раскопки Н.А. Мажитова, 1974*

Группа из десяти очень кучно расположенных (на площади 0,08×0,05 км) курганов с насыпями диаметром 8-20 м, высотой 0,4-1,2 м, находилась на левом берегу р. Юшатырь, на северной окраине с. Октябрьское, райцентра одноимённого р-на Оренбургской обл. Восемь из них располагались на территории огроженной радиостанции, два – к С от неё. Центральная часть насыпей курганов 3 и 4 разрушена глубокими траншеями. В 60-70-х гг. XX в. учитель со школьниками раскопали одну насыпь с человеческими костями и позже утерянными железными и бронзовыми вещами (**рис. 14: 1**).

Был вскрыт находившийся вне территории радиостанции курган (*Мажитов 1974А: 19-24*). Высотные замеры - от уровня погребёнки.

Курган 1. Насыпь диаметром 12 м, высотой 0,5 м (**рис. 14: 2**).

Стратиграфия. Дерн (мощностью 0,1–0,15 м); насыпь – чернозем (до 0,7 м); погребённая почва – гумусный горизонт коричневатого цвета (0,3 м); материк – красная глина. Тонкий (0,05-0,1 м) слой материкового выкида фиксировался только на погребённой почве между погребениями 4 и 9.

♦ В южной поле насыпи на глубине 0,4 м от вершины найдены *псалий*, *наконечник стрелы*; в центре, на глубине 0,2 м - фрагментированный *сосуд*.

• *Псалий* железный, стержневидный двудырчатый, длин. 13 см, с раскованными площадками для отверстий, диам. 0,75 см; концы (один из которых гофрирован) расширены (**рис. 14: 11**); *наконечник стрелы* бронзовый трехлопастный, длиной 3,9 см, с выступающей втулкой и треугольной головкой (**рис. 14: 12**); плоскодонный узкогорлый с резко отогнутым венчиком *сосуд* с поверхностью розового цвета, горло отделено от тулова желобком, ниже которого концом палочки в верхней части шаровидного тулова нанесён трёхрядовый зигзаг (высота 20,7, диаметр горла, тулова и днища - 11,0, 23,3 и 13,0 см) (**рис. 14: 13**).

Под насыпью найдено 11 погребений, причём все - основные.

Погребение 1. К СВ от центра, в прямоугольной яме, СЗ-ЮВ, размером 2,3×1,2, глубиной 2,4 м (от вершины насыпи). На дне вытянут на спине головой на ЮВ костяк взрослого человека. Ноги параллельны друг другу, правой ступни нет, возможно, вследствие деятельности грызунов, норы которых обнаружены в яме; руки чуть откинута в стороны (**рис. 14: 3**).

♦ В заполнении найдены фрагменты *сосуда*. На груди слева – остатки

берестяного *колчана* со *стрелами* (1). На запястье левой руки лежала *пряжка* (2), а в кисти был зажат обломок *ножа* (3). Слева у таза – *кусочек кремня* (4) и кольцевидная *пряжка* (5). В стороне от правого бедра находились *кинжал* (6), *лопатка и ребро овцы* (7).

- Три фрагмента *керамики* из заполнения ямы от толстостенного *сосуда* желтого цвета, с шамотом в тесте (**рис. 14: 5**); *наконечники стрел*: один бронзовый трехлопастный длиной 4 см со скрытой втулкой и 12 плохо сохранившихся железных с трехлопастной головкой (**рис. 14: 4**); *пряжка* бронзовая восьмёркообразной формы с неподвижным выступом в центре и с боковым язычком, длиной 5 см (**рис. 14: 6**); *нож* железный, представленный обломком длиной 5 см (**рис. 14: 7**); *пряжка* железная в форме кольца диам. 4-5 см, с неподвижным крючком (**рис. 14: 9**); обломки небольшого железного *кинжала* с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем, рукоять и часть клинка которого утрачены (**рис. 14: 10**).

Погребение 2. К СЗ от центра, в подпрямоугольной асимметричной яме, ВСВ-ЗЮЗ, размером 2,24×2,14, глубиной 1,45 м. На дне, вдоль северной стенки, вытянут на спине костяк взрослого, головой на ЮЗ. Часть костей (череп, рёбра, левая тазовая и бедренная, некоторые кости рук) отсутствует.

- ◆ Вещи были рассредоточены в различных местах южного угла ямы. Непосредственно в углу лежали кости *овцы*, фрагмент *ножа* и *наконечник стрелы*. Несколько дальше от них стояли *сосуды 1* и *2*, а рядом с *сосудом 3*, у левого плеча, находились *бусина* и еще один *наконечник стрелы*.

- *Сосуд 1* – круглодонный горшочек; *сосуд 2* – плоскодонный с вытянутым туловом и невысокой, чуть отогнутой шейкой (**рис. 14: 23**); *сосуд 3* – плоскодонный с короткой прямой шейкой (**рис. 14: 22**); *наконечники стрел* (2) бронзовые трехлопастные, аналогичны наконечнику из насыпи; *бусина* лигнитовая; обломок железного *ножа*.

Погребение 3. К З от центра, к ЮЗ от погр. 2. Своим северо-западным углом ее могила нарушала юго-западную стенку могилы 2. Совершено в квадратной яме, размером 2,65×2,6, глубиной 1,2 м. Ограблена; в заполнении найдены лишь два позвонка и фаланги пальцев человека.

- ◆ *Вещей* нет.

Погребение 4. К ЮВ от центра, в трапециевидной яме сложного профиля, ЮВ-СЗ, размером 3,1×2,4-2,15 м, глубиной 2,75 м. Она состояла из двух частей. Деформированная западная половина, шириной 1,7 м, была углублена в материк на 0,3-0,7 м. Вдоль западной стенки с узкой (0,2 м) ступенькой в 0,6 м от дна лежал костяк подростка (1). В восточной стенке ямы была вырыта вертикальная ниша, 2,36×1,2 м, на дне которой найден костяк взрослого человека (2). Характер заполнения не дает оснований для твердого заключения о том, с двумя разными ямами или одной (с двумя отделениями мы имеем дело. Возможно, яма служила входом, вдоль восточной стенки которой была вырыта глубокая самостоятельная могила (**рис. 14: 14**) (раскопщик предполагает, что рядом с первым костяком мог находиться еще один, позже полностью разрушенный, что ничем не подтверждается. – Авт.).

Костяк 1. Лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Кисти рук находились на тазовых костях. Выше и ниже костяка местами прослеживалась труха деревянного перекрытия.

- ◆ У левой ступни найдена часть *тушки овцы*, в изголовье – *фляга*.

- **Фляга** гончарная, красноватого цвета, круглой формы, уплощённая, с цилиндрическим узким горлом и двумя боковыми ручками-выступами в средней части тулова, высотой около 30 см. Орнаментирована с лицевой стороны круговыми вдавлениями (**рис. 14: 19**).

Костяк 2. Лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, лицом на В. Правая рука чуть откинута в сторону.

- ◆ За левой кистью находились ребра и лопатка *овцы*. Перед лицом, на кусочке ткани – *зеркало* и обломок *плитки*. На шее находилось *ожерелье из бус*. Запястья также были обшиты *бусами*. Возле левой кисти был *нож*, под правой – «*молоточек*»; у левой ступни - *еще два*.

- **Зеркало** большое литое бронзовое «позолоченное» (по мнению Н.А. Мажитова. – Авт.), плохой сохранности, с выпуклым ободком на оборотной стороне, диаметром 17,5 см, ручка штыревидная длиной 4 см (**рис. 14: 15**); *ожерелье* из лигнитовых бусин, среди которых находилась одна стеклянная; *бусы* с обшивкой манжетов – стеклянные, с внутренней позолотой. На левой руке найдена также одна пастовая синяя бусина с белыми, голубыми и красными глазками); *нож*, представленный обломком длиной 7,5 см (**рис. 14: 18**); намеренно сломанный (?) обломок плоской шлифованной каменной *плитки*, 6,6×5 см (**рис. 14: 17**); «*молоточки*» тальковые, с круглым отверстием в центре, три экз. в виде ромба со срезанными концами, размером 4,8-5,2×2,5×1,0 см; один – овальной формы, 4,2×1,8×1,0 см (**рис. 14: 16**).

Погребение 5. В юго-западном секторе, у края насыпи, совершено в узкой прямоугольной яме, СЗ-ЮВ, размером 1,9×0,73, глубиной 2,25 м (от вершины). В заполнении, на глубине 0,4 м (от уровня материка) найдена половина *сосуда*. На дне находилась потревоженный костяк взрослого, вытянутого на спине, головой на ЮВ. Перевернутый череп лежал на правом плече, нижняя челюсть – под левой ключицей, правая кисть - под тазовой костью, в то время как левая вытянута. В северо-западном углу, у ног обнаружены кости овцы (**рис. 14: 20**).

- ◆ На шее и на запястьях найдены *бусы*, под черепом – *серьга*.

- **Сосуд** с шаровидным туловом и круглым дном, невысокой шейкой с отогнутым венчиком. Высота 16 см, диаметр венчика и тулова – 11,5 и 16 см (**рис. 14: 24**); *бусы ожерелья* представлены одной крупной и мелкими цилиндрическими гешировыми (около 80 экз.); *бусы браслетов* - среднего размера стеклянными с внутренней позолотой (36 экз.); *серьга* бронзовая из круглой в сечении проволоки, размером 1,2×1,0 см (**рис. 14: 21**).

Погребение 6. К ЮЗ от центра, в узкой подпрямоугольной яме с расширенным южным концом, ЮЮВ-ССЗ, размером 2×1-0,8 м, глуб. 1,4 м (от уровня материка). Потревоженный костяк взрослого вытянут на спине, головой на ЮЮВ. Череп был раздавлен, кости верхней части тела частично отсутствовали, частично - перемещены (**рис. 14: 25**).

- ◆ В изголовье – кости овцы; на костяке и под ним – труха дерева. У восточной стенки, на уровне колен – два кусочка *мела*.

Погребение 7. К Ю от центра, в узкой подовальной яме, ЗСЗ-ВЮВ, размером 2,7×1,3-0,3×2,25 м (от вершины насыпи).

- ◆ Костей и вещей нет.

Погребение 8. К С от центра, в прямоугольной яме, С-Ю, размером 2,2×1,35-1,85 м, глубина 1,7 м (от уровня материка). В восточной стенке имелся уступ

шириной 0,65 м, глубиной 0,3 м.

◆ Костей и вещей нет.

Погребение 9. В центре, в прямоугольной яме, ССЗ-ЮЮВ, размером 2,4×1,2 м, глубина 3,4 м (от вершины насыпи). Вдоль западной стенки, на глубине 0,4 м (от уровня материка) - уступ шириной 0,4 м. На дне ямы, на слое угля лежит вытянутый на спине костяк взрослого человека, головой на ЮЮВ (**рис. 14: 26**).

◆ В ногах найдены лопатка и бедро овцы. Под правой кистью – *оселок и кинжал*; у левого предплечья – *нож*; слева на поясе – *железный предмет* (колчаный крючок или пряжка).

• *Оселок* каменный, длиной 15 см (**рис. 14: 27**); *кинжал* железный, плохой сохранности, длиной 30-35 см, форма наверху не устанавливается, перекрестье бабочковидное (**рис. 14: 28**).

Погребение 10. К ЮЗ от центра, рядом с погр. 3. Совершено в прямоугольной яме с нечеткими границами, ССЗ-ЮЮВ, размером 1,35×0,63 м, глубина 1,7 м (от уровня материка). На дне лежит плохой сохранности потревоженный костяк ребенка лет 7-8, вытянуто на спине, головой на ЮЮВ (**рис. 14: 29**).

◆ В изголовье лежала часть тушки *овцы*; в ногах - лепной *сосуд*.

• *Сосуд* с узким плоским дном, раздутым туловом и коротким отогнутым венчиком, высотой 20 см, диаметр венчика, тулова и днища – соответственно 10, 17 и 7 см (**рис. 14: 30**).

Погребение 11. В центре, к ЮЗ от п. 9, в яме, ССВ-ЮЮЗ (неправильной формы с разрушенной грабителями восточной стенкой), размером 3,4×2,5, глубиной 2,9 м (от вершины насыпи). В заполнении – разрозненные человеческие кости (череп, ребра, позвонки).

◆ Вещей нет.

По мнению раскопщика, «курган относится ко времени прохоровской культуры». Действительно, большинство комплексов - «раннесарматского» облика, а в прохоровском погр. 1, ориентированном на ЮВ, вместе с восьмёрковидной пряжкой, одним бронзовым трехлопастным и 6-7 железными черешковыми наконечниками стрел, найден уже кинжал с кольцевым навершием, типичный для среднесарматской культуры.

Центральным и, вероятно, древнейшим в кургане является тотально ограбленное погр. 11. Очевидно, именно с ним связаны оставленные в южной поле по типично «савроматскому» обряду псалий и часть сосуда. Самым ранним из числа сохранившихся хотя бы часть инвентаря выглядит мужское погр. 9 с акинаком, имеющим бабочковидное перекрестье (конструктивно яма погр. 9 близка к находившейся рядом яме погр. 8).

Гравированный рисунок на зеркале из погр. 4 отдалённо напоминает рисунки на медальевидных зеркалах из ранних курганов 13 и 23 могильника Юстыд-ХII (ср. также зеркало из кургана 2 тувинского могильника Мажалык-Ховузу-1) (*Кубарев 1991*: табл. XXXIV, 34; ЛП, 25; *Грач 1980*: рис. 113, 2). Близкие по форме к найденной в том же погр. 4 импортной гончарной фляге экземпляры встречены в погр. 5 кургана 8 в Мечетсае, в Темире и в погр. 1 кургана 18 Кардаиловского-1 могильника в низовьях Илека (*Смирнов 1975*: рис. 54, 1; *Зданович, Хабдулина 1987*: рис. 3, 2; *Моргунова 1996*: 16, рис. 14, 2). Тем не менее, сильно разводить по времени погребения 1-11 нет оснований. Характерный для прохоровской культуры принцип кругового распределения могил под насыпью появляется ещё в конце V-IV вв.

Ранний пример круговой планиграфии даёт, например, курган 23 Покровки-II, центральное, основное (?) коллективное погребение которого (не менее 10 скелетов), датированное раскопщиком второй половиной V-началом IV вв. до н.э., было совершено в большой яме с дромосом, ориентированным на ЮЗ (*Яблонский 2007: 20*). Круговая планиграфия засвидетельствована, например, в кургане 1 в Биш-Убе-1, а также в кургане 3 Новомусинского могильника, датированном гераклейской амфорой временем около рубежа IV-III вв. до н.э. (*Васильев, Сиротин 2004: 173-180*).

15. МаксUTOва землянка (рис. 15: 1-4)

доследование Р. Исмагила, 1982

В 7 км к ЮЗ от с. Ветлянка Соль-Илецкого р-на Оренбургской обл., на крутом северо-западном берегу Павлова озера (старица Илека), в уроч. МаксUTOва землянка находится большая песчаная дюна с грунтовым могильником, из которого, по словам чабана Василия Этманова, происходит много костей человека. Это подтвердилось во время нашей разведки весной 1982 г.: уплощенная вершина дюны была усыпана керамической крошкой из разрушенных древних погребений и/или из слоя алакульского селища.

Тогда же к ЮЗ от кошары было доследовано десять погребений разной степени сохранности (от практически полностью разрушенных до неплохо сохранившихся), происходящих с разных участков той же дюны. Большинство из них (2-5, 7, 9), с до сих пор неизданными скорченными на левом боку, ориентированными головой на З и ЗЮЗ костяками с характерной керамикой, бронзовыми браслетами и иглами относятся к алакульской культуре эпохи поздней бронзы; некоторые (1, 10) – к средневековью и, наконец, погребения 6 (?) и 8 – к раннему железному веку (рис. 15: 1).

Погребение 6. Находилось в 19 м к ССЗ от погр. 1 (расположенном в 0,18 км к ЮЗ от жилища кошары). Сильно разрушено, предположительно костяк мог быть ориентирован на Ю.

♦ *Вещей* нет.

Погребение 8 (рис. 15: 2). В 26 м к СЗ от погр. 1. Хорошей сохранности, было совершено в прямоугольной яме, 3-В, размером 2×0,82 м, глубиной 0,2 м (от уровня дюны). На дне, головой на З, лежал вытянутый на спине костяк с чуть разведенными в стороны ногами, одна из которых (левая) немного согнута в колене.

♦ У края могилы, рядом с костями ноги овцы находились острием вниз четыре *наконечники стрел*; на запястье левой руки лежал *крючок*.

• ***Наконечники стрел*** бронзовые, длиной 4,5, 3,9, 3,8 и 2,5 см, в том числе три трёхлопастных с выступающей втулкой и один трёхгранный с маленькой редуцированной головкой (рис. 15: 3); ***крючок*** колчаный бронзовый литой, изящной формы, овальный в сечении, с овальным отверстием, длиной 6,1 см (рис. 15: 4).

Савроматские колчаные крючки, близкие найденному в погр. 8, в Орско-Уральском междуречье найдены в погр. 10 кургана 23 в Покровке-2, погр. 1 кургана 10 и погр. 2 кургана 2 в Мечетсае. Аналогичен нашему экземпляру из Танабергана-II (*Гуцалов 2000Д: 61, табл. 17: 8, 2, 1*).

16. Ветлянские пёски (рис. 16: 1-2)

В 1977-1978 гг. в уроч. Пёски, в двух км к З от с. Ветлянка Соль-Илецкого р-на Оренбургской обл. (**рис. 16, 1**) местными школьниками под руководством историка В.В. Валицкого после сильного ветра было зачищено грунтовое женское (?) погребение РЖВ с неясной ориентировкой.

♦ В области груди лежали пять бусин. За черепом стоял сосуд, в котором находилось пять, по словам учителя, «обработанных камней».

• **Сосуд** плоскодонный биконической формы с невысоким, чуть отогнутым наружу венчиком. По верхней части тулова нанесен круговой поясок ямок. Обжиг костровой, неровный: верхняя половина наружной поверхности сосуда – черного, нижняя – желтого цвета (высотой 15,8 см, диаметр днища, тулова и устья – 8,4, 13,6 и 11,3 см) (**рис. 16, 2**). Из какого материала изготовлены бусы и какова их форма, осталось неизвестным; «обработанными камнями» могут быть как «молоточки», так и гальки-кумалаки, покрытые копотью или сажей.

Небольшой комплекс сохранить вместе не удалось. В 1982 г. сосуд хранился в Ветлянской школе; бусы были переданы В.В. Валицким сотруднику Оренбургского облмузея С.А. Попову; «обработанные камни» бесследно исчезли.

Сосуд типичен для последней четверти V-IV вв. до н.э.; аналогичный найден в кургане 3 группы Ивановка-III (*Пишеничнюк 1983*: табл. XXVIII, б), и т.д., и т.п.

17. Казачий кордон-1 (**рис. 17: 1-7**)

разведка Р. Исмагила, 1983; раскопки В.С. Горбунова, 1989

Могильник, состоявший из восьми грунтовых курганов, находится на высоком левом берегу р. Курала, в 1 км к С от восточной окраины с. Казанка Соль-Илецкого р-на Оренбургской обл., вдоль дороги в быв. д. Прохладное. Вытянут цепочкой ЮЗ-СВ, длиной 0,22 км (*Горбунов 1989А*) (**рис. 17: 1**).

С южной стороны к памятнику примыкает «казачий кордон» - укрепление XVIII-XIX вв., на котором попеременно стояли пушки «белых» и «красных» ещё в годы Гражданской войны столетней давности. Территория захламлена руинами туберкулёзного диспансера (стоявшего в советское время между курганами 3 и 7). На кургане 1 имеется дореволюционный квадратный раскоп-колодец археолога-«немца», который, по словам старожилов, раскопал довольно много курганов в окрестностях Казанки. В насыпи будто-бы была обнаружена огромная каменная плита с надписями, под которой находилась коллективная могила с костяками людей и животных. Рассказывали, что из неё археологом с сыном ночью тайком были извлечены меч в золотых ножнах, золотой кувшинчик с изображением людей, и пр. Эти мифы привели к массовым грабительским раскопкам в округе, закончившимся варварской добычей вещей, в описании которых угадывается савроматский инвентарь.

На памятнике вручную вскрыты три грунтовых кургана (5-7).

Курган 5. Насыпь диаметром 10 м, высотой 0,2 м. Для фиксации слоёв оставлены две бровки - С-Ю и З-В.

Стратиграфия. Дерн (мощностью 0,1 м); насыпь – темный гумус с обильной примесью гравия и щебня (0,4 м); погребённая почва – темный гумус, почти без гравия и щебня (0,15 м); материк – слои гравия и щебня.

Погребение 0. Совершено в могильном сооружении сложной формы. К Ю от центра в погребённой почве была выкопана яма, З-В, с прямоугольным западным и овальным восточным концами, размером 3,8×2,27 м, глубиной 0,3 м (**рис. 17: 2**). По периметру аккуратно обложена материковым выкидом в форме восьмигранной призмы, высотой 0,3-0,4 м.

С южной стороны дна склепа находилась входная прямоугольная яма, З-В, размером 2,2×0,6 м, с прямоугольным подбоем (2,4×1,4 м, глубиной 2,5 м от уровня погребёнки, свод - высотой 1 м) в широкой северной стенке. На дне параллельно друг другу, на спине, вытянуто, с кистями рук в области лобка, головой на З лежали два субъекта.

♦ В ногах северного, мужского костяка найдены ноги и череп лошади, у кисти левой руки - *сосуд*. У правой руки южного, женского (определения пола принадлежат И.В. Денисову. – Авт.) - задняя часть *тушки овцы*.

• Биконический *сосуд* со сливом и плоским днищем с поддоном. Украшен пояском «жемчужин» под венчиком. В тесте шамот и раковина. Высота 11,5 см; диаметр венчика, тулова и дна – 14, 15,5 и 8,5 см (**рис. 17: 3**).

Курган 6. Насыпь диаметром 10 м, высотой 0,27 м. Бровка С-Ю.

Стратиграфия. Дерн (мощностью 0,1 м); насыпь – светло-серый гумус с щебенкой (0,4 м); погребёнка – темный гумус (0,15 м); материк – щебень и гравий. На поверхности погребёнки зафиксирован аккуратно насыпанный щебеночный выкид овальной формы, размером 6,8×9 м, шириной 0,9-1,7 м. В разрезе до самого дна могилы хорошо фиксировалась древняя грабительская дудка, заполненная серым гумусом и щебенкой, диаметром. 3 м.

Погребение 0. Находилось в центре. Совершено в крупной неглубокой подбойной овальной (?) яме, ЮВ-СЗ, размером 3,15×2,7 м, глубиной 1,25 м (от уровня погребёнки), высота свода 0,95 м. Входная яма прямоугольная, С-Ю, 2,2×1,65 м. В камере разбросаны кости двух человек (**рис. 17: 4**).

♦ В заполнении лежал крупный фрагмент верхней части *сосуда*; на дне – *колчаный крючок* и скопление *наконечников стрел* (в колчане?).

• *Сосуд* лепной, с раструбообразным венчиком, диаметром 18 см; тулово украшено каннелюрами и геометрическими фигурами, в тесте - тальк (**рис. 17: 7**); *крючок колчаный* железный, в виде загнутого стержня с уплощённым верхним краем, ниже которого пробито отверстие, нижний конец разрушен, длина между концами 6 см (**рис. 17: 5**); *наконечники стрел* (16 экз.), длиной 2,2-3,4 см, бронзовые, трехлопастные с потайной (11 экз.) и выступающей (5 экз.) втулкой (**рис. 17: 6**).

Курган 7. Насыпь диаметром 16 м, высотой 0,29 м. Бровка С-Ю. В центре – небольшая воронка от грабительского лаза начала XX в.

Стратиграфия. Дерн (мощностью 0,1 м); насыпь – светло-серый гумус с щебенкой и гравием (1 м); погребёнка – темный гумус (0,15 м); материк – щебень и гравий. К Ю от центра фиксировался могильный выкид.

Погребение 0. Находилось к С от центра. Совершено в яме, З-В, со скошенными стенками, размером 2,5×1,6 (на дне 2,2×1,0) м, глубиной 2,05 м (от уровня погребёнки). Восточный конец ямы забит крупными камнями; по одному камню лежало на погребёнке у западного и восточного концов ямы.

♦ Кости и *вещи* отсутствуют.

Раскопки датировали курган 5 VII-VI вв. до н.э., курган 6 - IV-III вв. до н.э.

На самом деле, все три кургана относятся к концу V-IV вв. до н.э.

18. Обилькин луг-1 (рис. 18: 1-11)
раскопки В.С. Горбунова, 1989

Курганный могильник (эпоним - живший до революции казахский бай Обилькё, развалины построек которого находятся рядом с курганами 10-13) расположен в 3 км к ССВ от с. Казанка Соль-Илецкого р-на Оренбургской обл., на высоком левом берегу р. Курала. Территория памятника, размером 0,1×0,2 км, задернована; её северный участок весной активно обваливается в воду, регулярно прихватывая с собой и курганы (последним исчез курган 14, успевший еще попасть на план). На поверхности имеются воронки от снарядов, упавших в годы гражданской войны. В 1989 г. площадка могильника была занята полевым станом, и многие насыпи повреждены гусеницами тракторов (*Горбунов 1989А*) (**рис. 18: 1**).

Всего на памятнике зафиксировано 16 (17) грунтовых насыпей, диаметром 5-16 м, высотой 0,1-0,7 м. Раскопано три кургана в восточной части (1-2, 4).

Курган 1. Самый крупный в могильнике. Насыпь диаметром 30 м, высотой 2,25 (северная пола) – 0,73 м (южная пола), бровка С-Ю (**рис. 18: 2**). К моменту начала раскопок она уже была частично смыта рекой.

Стратиграфия. Дерн (мощностью 0,1-0,15 см); светлый гумус – вторичная насыпь (до 1,75 м); темно-желтый суглинок – погребённая почва (0,1-0,15 м); желтая глина – материк. В северном конце бровки зафиксировано каменное заполнение ямы впускного погребения, совершённого с поверхности вторичной насыпи (1).

К югу от условного центра насыпи на профиле зафиксирована первичная насыпь диаметром 16 м, высотой 1,2 м (от уровня материка). На разрезе виден выкид из погр. 4 с разрушившей его грабительской воронкой.

Раскопки показали, что первичная насыпь перекрывала погребения 3-5 эпохи бронзы. В раннем железном веке над погр. 2 (?), была досыпана вторичная насыпь, в которую было впущено погр. 5. Уже в годы Гражданской войны непосредственно под дёрном было совершено погр. 6.

Савроматские погребения 1 и 2 перекрыты вторичной насыпью.

Погребение 1. Впускное. В прямоугольной яме, СВ-ЮЗ, размером 2×1,05 м, глубиной 0,4 м (от уровня материка). Забутовано крупными камнями красного песчаника. На дне находился сильно растащенный грызунами или «грабителями» костяк подростка, лежащий вытянуто на спине, головой на ЮЗ (**рис. 18: 3**).

♦ *Вещей нет.*

Погребение 2. В 5,2 м к СВ от «0», в 4,8 м к ВЮВ от погр. 1. В насыпи контуры ямы не читались, глубина 0,6 м (от «0»). Содержало два костяка, ориентированных головами на ЮЗ (**рис. 18: 4**). Костяк 1 принадлежал старому мужчине, находившемуся на спине, в позе «всадника»; костяк 2 – молодой женщине (все определения возраста принадлежат И.В. Денисову. – Авт.), лежавшей вытянуто на спине. Тазовые кости обоих скелетов лежали на обезглавленной тушке овцы.

♦ В тазовой кости мужчины находился окисленный *кусочек бронзы* (возможно, наконечник стрелы, который мог стать причиной смерти).

Курган 2. Диаметр 14 м, высота 0,4 м. Бровка С-Ю (**рис. 18: 5**).

Стратиграфия. Дерн (0,1 м); насыпь – светлый гумус (до 0,75 м); погребённая почва – темно-желтый суглинок (0,1-0,15 м); материк – желтая глина.

Обнаружены четыре погребения, в том числе три – эпохи бронзы (1-3) и одно ограбленное - раннего железного века (4).

Погребение 4. Совершено в меридианально ориентированной катакомбной гробнице, длиной 3,2 м. Входная яма, С-Ю, размером 2,25×1,85 м, глубиной 1,75 м (от уровня погребённой почвы). В южной стенке вырыта катакомба, СВ-ЮЗ, размером 1,9×1,3 м, глубиной 2,45 м. Каждая из частей гробниц имеет форму широкого прямоугольника с закругленными углами. Свод обвален. На дне обнаружены мужской и женский старческие черепа; на стыке катакомбы и тамбура – выброшенные длинные кости ног (**рис. 18: 6**).

♦ На дне тамбура лежали фрагменты *сосуда 1*, две *бусины*, *кулон*. На дне камеры - *подвеска в два оборота*, *ложечка*, развал *сосуда 2*.

• *Сосуд 1* (рис. и описания в отчете нет. – Авт.); *бусины* пастовые, диаметром 0,3 см (**рис. 18: 7**); *кулон* золотой, диаметром 1 см, в виде круглой пластинки с загнутой петелькой (**рис. 18: 8**); *подвеска* в два оборота, бронзовая, плакированная золотом, диаметром 1,5 см (**рис. 18: 9**); *ложечка* костяная, длиной 10,5 см, с прямой обломанной ручкой, отделённой от овального черпачка зарубками (**рис. 18: 10**); *сосуд 2*, круглодонный с узким прямым горлом, отделённым от бомбовидного тулова узким валиком (высота 26 см, диаметр тулова 28 см, венчика – 8 см); поверхность розового цвета, жирная на ощупь от обильной примеси талька в тесте (**рис. 18: 11**).

Курган 1 может относиться к последней четверти V – IV вв. до н.э.; курган 2 – к прохоровскому времени.

19. Кушум-1 (**рис. 19: 1-3**)

раскопки Р. Исмагила, 1988

Могильник был открыт в 1987 г. членами АЭ УОИКМ Б. Раимкуловым и принявшим позже участие в раскопках Ю.А. Кочубеем. В одном километре от правого берега р. Кушум (правый приток Урала) и в 0,2-0,3 км к В от центральной усадьбы подхоза «Уральскводстрой» (в настоящее время, возможно, - п. Кушум) Зеленовского р-на Уральской области РК они зафиксировали два крупных кургана (еще два малых удалось обнаружить через год Р. Исмагилу) (**рис. 19: 1**)¹. В ходе спасательных работ совместным отрядом ИИАЭ АН КазССР и УОИКМ в августе 1988 г. были полностью раскопаны три (2-4) кургана; исследование последнего (1) было начато, но, к сожалению, по финансовым причинам не доведено до конца. Насыпи вскрывались скреперами и бульдозером ПМК-119, соорудившей в непосредственной близости от курганов грейдер и использовавшей грунт из насыпей для сооружения дороги. Курган 4 относится к эпохе средней бронзы; курган 2 - к раннему железному веку. В кургане 3 имелись захоронения эпохи бронзы и раннего железа; то же можно предполагать в отношении недокопанного кургана 1.

Курган 1. Слегка овальная насыпь с явными следами давнего ограбления вытянута по оси С-Ю; её диаметр 50×48 м, высота - около 3 м. На одном из бортов стоит геодезический пикет. Насыпь окружена по периметру кольцевым рвом, шириной до 14 м и глубиной до 1,4 м. Во рву с двух сторон (Ю и С) имелись две

¹ Помимо описываемого, в окрестностях этого населённого пункта АЭ УОИКМ в 1987 г. выявлены ещё два могильника, визуально относящиеся к эпохе раннего железа.

перемычки, шириной до 12 м.

Южная полá насыпи кургана была раскопана примерно до уровня погребенки. В вертикальном срезе оставшейся недоисследованной части насыпи в двух-трех местах на разной высоте были видны преднамеренно сложенные кости рослых людей (аналогичные скоплению костей в кургане 2, вынесенные при «ограблении» дромосной могилы эпохи раннего железа и сложенные в насыпи). Само погребение, к сожалению, исследовать не удалось; по косвенным признакам можно предполагать его сходство с камерой кургана 2.

♦ В нижней части насыпи (примерно на уровне погребенной почвы) из под ножа бульдозера было извлечено не менее 10-15 каменных орудий (абразивов, отбойников-пестов) полтавкинской культуры, поступивших на хранение в УОИКМ. Этим работы на описываемом объекте и ограничились.

Курган 2. Примыкал к строящемуся грейдеру. Насыпь едва заметной овальной формы, диаметром около 44 м, высотой 2,52–2,67 м. Северный скат круче южного. Она окружена глубоким кольцевым рвом, шириной до 12-14 м, глубиной до 1,1-1,4 м. Ров нигде не прерывался, однако его северная и восточная части глубже южной, отчего последняя производила впечатление имеющей несуществующую на самом деле перемычку. Курган был раскопан целиком на снос с оставлением центральной бровки С-Ю (**рис. 19: 2**).

Стратиграфия. Ниже слоя гумусированного дерна, мощностью 0,1-0,15 м, залегала насыпь, сложенная однородным светло-серым суглинком. Погребенная почва, незаметно переходящая в материк, по цвету и структуре очень плохо отличалась от грунта насыпи. В центральной части кургана на поверхности погребенки вокруг могильной ямы фиксировалась тонкая прослойка грунта почти черного цвета, диаметром 20,2 м, аналогичного заполнению могильной ямы. Прослойка, в свою очередь, была перекрыта горизонтом темного грунта, диаметром 31,8 м, тонким (0,1-0,3 м) на периферии и довольно мощным (до 1,2 м) на некоторых участках выше центральной части могильной ямы. Несколько скоплений того же темного грунта наблюдалось в слое насыпи вперемешку с ней значительно выше ямы. Они, начинаясь чуть ли не с самого верха насыпи, как бы нависали над ямой, образуя мощное скопление над ее южным краем и даже за ее пределами.

Погребение 0. В центре кургана обнаружена одна прямоугольной формы неглубокая могила большой длины и ширины с чуть скошенными стенками, размером 9×6,92, глубиной 0,75 м (от уровня погребенки), ориентированная СВ-ЮЗ. Дно покрыто тонким слоем растительного тлена. К северному углу ямы примыкал длинный (прослеженный на протяжении 17 м) прямой неглубокий (с дном на уровне материка) и узкий (шириной 1 м) дромос, входом ориентированный на СВ. В яме - несколько мелких косточек и, скорее всего, именно из нее происходит скопление человеческих костей в насыпи над северным углом ямы, на глубине 1,1 м (от «0»). (см.: **рис. 19: 2**).

♦ *Вещей*, кроме одного мелкого фрагмента керамики, нет.

Уникальной чертой погребального обряда кургана 2 является ритуальное *захоронение зайца*, зафиксированное в 0,52 м выше дна могильной ямы, в слое засыпки. Скелет небольшого животного, размером с кошку (длина тела 0,43 м), лежал на правом боку с подогнутыми лапами, головой на З. В теле обнаружено два очень плохо сохранившихся железных трехлопастных черешковых *наконечника стрелы* с довольно крупными головками: один, пробив левую лопатку, застрял в

ней; другой был найден около костей задней левой ноги (в мякоти бедра?). Судя по расположению наконечников, преследуемый заяц был поражен выстрелами, произведенными охотником сзади и сверху, скорее всего, с коня.

Несмотря на почти полное отсутствие материала, курган 2 следует считать местом захоронения богатой, судя по большой насыпи и могильной яме, семьи, последовательное захоронение членов которой происходило через дромос. Усыпальница была, несомненно, комбинированной, подземно-наземной, причем ее верхняя часть, скорее всего, была сложена из блоков дерна (яма, а также центральная часть подкурганной площади была заполнена чернозёмом) и кирпича-сырца, пахсы, от которого остался грунт темного цвета, перекрывавший развалы дерновых построек¹. Судя по наличию дромосной могилы и железным черешковым наконечникам стрел, известным уже в ранних памятниках (например, в Темире; см.: *Зданович, Хабдулина 1987*: рис. 8, 1, 2) курган может относиться к яйцкой культуре.

Курган 3. Насыпь едва заметной овальной формы, вытянута с С на Ю, диаметром 18×20 м, высотой 0,59 м. Северный скат круче южного; с двух этих сторон прослеживался неглубокий заплывший ровик. Ниже слоя дёрна (гумусированный суглинок) залегал не поддающийся членению единый горизонт насыпи и погребённой почвы (светло-серый однородный суглинок). Погребёнка фиксировалась лишь по перекрывавшему ее материковому выкиду из ямы 2. В центральной части кургана выявлены два погребения: основное полтавкинское (2) и описываемое впускное РЖВ (1).

Погребение 1. В насыпи, в яме с нечитаемыми границами, на глубине 0,8 м (от «0»). Костяк лежал на спине вытянуто, на 3; череп (находившийся в 0,8 м к Ю от центрального репера) разрушен ножом бульдозера (**рис. 19: 3**).

♦ В области груди найден небольшой кусочек *железа* (возможно, наконечник стрелы, которым мог быть убит погребённый). В ногах, в 0,47 м выше уровня костяка, стоял распавшийся глиняный *сосуд*, диам. 13 см.

По особенностям обряда (положение покойника на спине, западная ориентировка) нельзя исключать принадлежности его к концу V-IV вв. до н.э.

20. Гумарово (**рис. 20: 1-74**) *раскопки Р. Исмагила, 1979-1980 гг.*

Группа находилась на невысоком мысу террасы правого берега р. Сакмара (правый приток Урала), между д. (Старое) Гумарово и г. Кувандык одноимённого р-на Оренбургской обл. Она состояла из пяти каменно-грунтовых насыпей, диаметром 10-23 м, высотой 0,26-1 м: четырёх небольших, насыпанных цепочкой поперёк мыса, вдоль течения Сакмары (2-5), и одного довольно крупного «Большого» (1), стоящего в сторонке. Все объекты исследованы в 1979-1980 гг. (*Исмагил 1988*: 29-42; *Zuev, Ismagil 1998*; *Зуев, Исмагил 1999*: 105-123). Помимо погребения алакульской культуры эпохи бронзы и захоронения киммеро-раннескифского времени VIII-VII вв., в нём обнаружено пять основных и три впускных небогатых, но не

¹ Близкая стратиграфия наблюдалась в насыпи (высота 5 м) кургана Тенгиз, раскопанного Т.С. Жумаганбетовым в 1990-х гг. в Чингирлауском р-не Уральской обл. РК. Захоронений человека в кургане, буквально набитом конскими костями обнаружено не было.

потревоженных грабителями могил савроматской культуры. Засыпка двух могил частично состояла из речной гальки светлых тонов, обнаруженной и в насыпях курганов, в которых находились эти могилы. В четырёх ямах обнаружены следы огня в виде углей, золы и сажи. Под каждой насыпью найдено по 1-3 могилы, в том числе пять индивидуальных и три парных. Из 11 костяков на 3 (с отклонениями) ориентированы головой пять; на В и Ю - по три. По половому признаку около половины погребений – «мужских» (с оружием), половина – «женских» (с украшениями), в том числе три шаманских.

Инвентарь представлен глиняными лепными плоско- и круглодонными сосудами и курильницами, железными ножами, шильями, кольцами, прутьями, колчанными крючками, наконечниками копий и акинаками, стеклянными и пастовыми бусами, каменными алтариками, плитками для заточки стрел, оселками и ритуальными предметами, бронзовыми наконечниками стрел, колёсиками, зеркалами, удилами, браслетами и подпружными кольцами, костяными ложечками, деревянными сосудами, обложенными золотыми обкладками.

В публикациях, одним из авторов которых был Исмагил, описанная компактная группа погребений была неоправданно разделена на два периода и чрезмерно (до конца VI–рубежа V-IV вв. до н.э.) удревнена.

В насыпях и заполнении могильных ям курганов 1, 4 и 5 была обнаружена речная галька белого цвета. Для Восточной Европы эта деталь обряда совершенно не характерна, в отличие от Южной Сибири. Появление гольшей в засыпке гумаровских курганов вряд ли можно объяснить без учёта поверий алтайских мигрантов. В пазырыкском могильнике Уландрык, например, все 42 исследованные насыпи сооружены из рваного камня и речной гальки; в Юстыде все 44 раскопанные насыпи сложены из речной гальки (*Кубарев 1987: 10; 1991: 21*). В Уландрыке зафиксирован и интересный обряд укладки на деревянные перекрытия больших камней, правдоподобно объясняемая подражанием способу предохранения от сдувания сильными ветрами кусков лиственничной коры, которыми застилались крыши реальных жилищ алтайцев (*Кубарев 1987: 19-20, рис. 7*).

21. **Ибрагимово (рис. 21: 1-4)**

раскопки В.А. Иванова, 1982

История исследования этого одиночного кургана не совсем обычна. На основании Открытого листа, выданного на имя Р. Исмагила, раскопками в окрестностях с. Ибрагимово Кувандыкского р-на Оренбургской обл., в 1982 г. занимался отряд «Исседон» Стерлитамакского Дворца пионеров. В это время из д. Утягулово Зианчуринского р-на РБ прибыл отряд ИИЯЛ АН БАССР, возглавляемый В.А. Ивановым, недели полторы занимавшийся раскопками сурчин, принятых им за средневековые курганы (справедливости ради, надо сказать, что Утягуловские «курганы» были обнаружены и рекомендованы для раскопок коллеге тем же Р. Исмагилом). Оказавшийся не у дел в разгар полевого сезона, В.А. Иванов попросил у Р. Исмагила какой-либо памятник для раскопок и ему был «выделен» Ибрагимовский курган.

Курган 0. Находился на левобережье р.Сакмара, в центре села близ усадьбы Гумера Мухтарова. К 1982 г. курган уже был полностью срыт и не имел внешних признаков, но, по словам хозяина усадьбы, еще лет 20-25 до этого его насыпь имела

диаметр 10-12 и высоту 0,5-0,7 м.

Во время сооружения котлована под фундамент гаража Г. Мухтаров наткнулся на человеческие кости, о чём сообщил археологам. К моменту начала раскопок на южной полё кургана гараж уже стоял, а две полы, северная и восточная, были разрушены водопроводными траншеями. На месте находки заложили раскоп, разм. 4,5×2,7 м. Доследование показало, что насыпь состоит из чернозема с кусочками угля и обломками костей животных, встречающихся на разной глубине. Стратиграфия не ловилась. Артефакты синташтинской культуры эпохи бронзы (погр. 2) и яицкой культуры раннего железного века (1) залегали в северо-восточной части раскопа, но на разной глубине (соответственно в 0,7 и 0,3-0,65 м от современной поверхности).

Материалы раскопок изданы (*Иванов, Исмагил 1981*: 133; *Горбунов, Иванов 1992*: 99-109; *Денисов и др. 2001*: 75-90).

Погребение 1. Впускное. Человеку принадлежали лишь обломки черепа, занимавшие крайнее юго-восточное положение среди находок. К СЗ от них находились кости овцы (челюсть, голень и др.) и угли.

♦ В центре насыпи, на глубине 0,3-0,65 м от поверхности, найдены развал сосуда, фрагменты меча и наконечника копья, а также наконечники стрел.

• **Сосуд** с коротким утолщенным, отогнутым венчиком (диаметр 14,5 см); верхняя часть тулова орнаментирована резным зигзагом и косыми насечками; в тесте – тальк (**рис. 21: 4**); **меч** (реконструируемая длина - 35 см), с овальным навершием; короткой овальной прорезной рукоятью (7×4 см) с перемычкой; узкобабочковидным перекрестьем (8×3 см) и овального сечения клинком (шир. 4,5 см, реконструируемая длина - 28 см) (**рис. 21: 3**); **наконечник копья** (длина сохранившейся части 20 см, со средней длины цилиндрической втулкой (диам. 4 см) и невыделенным, овальным в сечении пером (**рис. 21: 2**); **наконечники стрел** (4 экз.) с короткой втулкой и длинной (3 экз.) и короткой (1 экз.) трехлопастной головками (**рис. 21: 1**).

Наиболее важен для датировки короткий меч с прорезной рукоятью, имеющий аналогии в материалах степной скифской культуры IV в. до н.э.: Толстая Могила (*Черненко 1975*: 157 сл., рис. 5), Чертомлык (*Алексеев и др. 1991*: рис. 67), и т.д.

22. Озёрный-3 (Жетыколь) (**рис. 22: 1-20**)

раскопки В.А. Иванова, 1985

Могильник, насчитывавший четыре кургана, находился на пологом западном берегу оз. Жетиколь, в 6 км к Ю от пос. Озёрный Светлинского р-на Оренбургской обл. Все раскопаны (**рис. 22: 1**). Материалы изданы (*Иванов и др., 1989*: 120-123, рис. 1, 3, 7; 2, 5-8, 11-14, 22-23, 25, 27, 30-31).

Курган 1. Грунтовая насыпь, диаметром 6 м, высотой 0,1 м. По периметру проходит кольцо в один ряд камней; несколько крупных камней имеется и в центре, над единственным в кургане погребением (**рис. 22: 2**).

Погребение 0. Совершено в прямоугольной яме с закруглёнными углами, СЗ-ЮВ (размером 2,15×0,9 м, глубина 0,95 м от уровня погребёнки). На дне в вытянутом на спине положении, головой на Ю лежал костяк беременной женщины (с плодом, остатки черепа которого находились под правой стороной грудной клетки матери) (**рис. 22: 3**).

♦ Правая сторона груди была накрыта прямоугольным куском бересты (20×30

см). Выше правого плеча в углу лежали два обломка *зеркала*. Запястья обеих рук обёрнуты браслетами из *бус*; на правом найдена ещё пара *бубенчиков*. В ногах справа находился *сосуд* и два *наконечника стрел*; ещё четыре экз. (на деле – восемь. – Авт.) – слева. За левой кистью лежали каменная *плитка* и колчаный *крючок*. На левом плече – *подвеска*.

- *Зеркало* с трапециевидной плоской ручкой (длиной 9, шириной 3 см) и круглым плоским диском (диаметром около 13 см) с невысоким валиком (шириной 1,7 см) (рис. 22: 13); гагатовые (2 экз.), белая мраморная и синяя пастовая с цветными глазками *бусы*, составляющие браслеты, или обшивки рукавов платья (рис. 22: 4-8); железные *бубенчики* (диаметром 2,8 и 2,5 см) (рис. 22: 10-11); узкогорлый круглодонный лепной глиняный *сосуд* с невысоким отогнутым венчиком и бомбовидным туловом (высотой 21 см, диаметр тулова и венчика 17,5 и 9,5 см), орнаментированный круговым пояском заштрихованных треугольников, в тесте – примесь талька (рис. 22: 15); *наконечники стрел* бронзовые трёхлопастные, три экз. – с потайной втулкой, пять – с выступающей (рис. 22: 14); восьмигранная плоская каменная *косметическая плитка* (12×12 см) (рис. 22: 12); фрагмент железного *колчанного крючка* (рис. 22: 9); бронзовая *подвеска в 1,5 оборота*, плакированная золотом (рис. в отчёте нет. – Авт.).

Курган 2. Грунтовая насыпь, диаметром 6 м, высотой 8 см, с каменной наброской в насыпи. В центре – ограбленное погребение (рис. 22: 16, 17).

Погребение 0. Совершено в прямоугольной яме с закруглёнными углами, ЮЮЗ-ССВ (размером 2,5×1 м, глубиной 1,15 м). В верхней части засыпки, ближе к западной стенке зафиксированы камни и небольшое скопление костей животных со следами огня. На дне найдено несколько разрозненных костей человека (рис. 22: 17).

- ◆ Под выкладкой в верхней части засыпки (в районе кострища) дном вверх стоял *сосуд*. В северной части ямы – *оселок*; в южной – 2 *наконечника*.

- Лепной круглодонный (по мнению раскопщика. – Авт.) *сосуд* с невысоким отогнутым венчиком, с примесью талька в тесте (сохранился на высоту 12 см, диаметр тулова и венчика 11,5 и 8,0 см), не имевший следов огня; орнаментирован резными горизонтальными фестонами. Был установлен в яме уже без дна (рис. 22: 20); *оселок* (7×2 см) уплощённый, с отверстием для подвешивания на более широком конце, изготовлен из мелкозернистого камня (рис. 22: 19); *наконечники стрел* бронзовые трёхлопастные с потайной втулкой (длина 2,9 и 2,7 см) (рис. 22: 18).

Курган 3. Насыпь из камня, диаметром 6 м, высотой 0,4 м. Находок нет.

Курган 4. Планов и текстов с описанием раскопок этого объекта в распоряжении авторов этой работы не имеется.

Издатели датировали комплексы Озерновки-3 VI-началом V вв. до н.э. На наш взгляд, они относятся к IV-III вв. до н.э.

23. Урус-Кискен-2 (рис. 23: 1-6)

раскопки В.А. Иванова, 1985

Два кургана с задернованными овальными каменными насыпями стоят на вершине горы на правом берегу р. Урус-Кискен, в 8 км к СЗ от элеватора ст. Шильда и в 6 км к В от с. Энбекши Адамовского р-на Оренбургской обл. Неисследованная каменная овальная насыпь 2, 3-В (размером 6×7 м, высотой 0,4 м), находится в 5 м к Ю от кургана 1 (рис. 23: 1).

Курган 1. После зачистки овальная насыпь трансформировалась в прямоугольную каменную выкладку, 3-В, разм. 3,5×2,7 м, высотой 0,1 м, сооружённую на специально зачищенном скальном материке (**рис. 23: 2**).

Погребение 0. Совершено в могиле трапециевидной формы, ЗЮЗ-ВСВ, размером 1,75×0,75-0,6 м, глубиной 0,5 (от уровня материка). На дне лежал на спине, головой на ЗЮЗ скелет подростка (**рис. 23: 3**).

◆ Под черепом и вокруг него – органический тлен тёмно-бурого цвета. У левого плеча - *колчанный крючок*. Слева от тела - *нож*. Над поясом - *бусина*.

• *Колчанный крючок* железный с утолщённой верхней частью, размером 6,5×4 см (**рис. 23: 5**); *нож-стилет* с сильно заострённым клинком вытянутой лавролистной формы и рукояткой-штырём, длиной 25,8, ширина клинка до 1 см (**рис. 23: 6**); *бусина* чёрная пастовая с белым волнистым орнаментом (**рис. 23: 4**).

Раскопанные комплексы могут датироваться концом IV в. до н.э.

24. Урус-Кискен-3 (**рис. 24: 1-7**)

раскопки В.А. Иванова, 1985

Могильник из трёх курганов находится на краю пологой террасы правого берега р. Урус-Кискен, близ старой кошары, в 12 км к З от элеватора ст. Шильда Адамовского р-на Оренбургской обл. Все раскопаны (**рис. 24: 1**).

Курган 1. Насыпь грунтовая, диаметром 6 м, высота 0,2 м. По периметру проходит кольцевая кладка, шириной и высотой в два камня. Кроме того, камни фиксируются в восточной половине насыпи; не исключено, что они были выброшены туда из центра во время ограбления кургана. Обнаружено ограбленное погребение, единственное в кургане (**рис. 24: 2**).

Погребение 0. Совершено в прямоугольной яме, СВ-ЮЗ, размером 1,7×1,3-1,2 м, глубиной 1,3 м (от уровня материка). «В северо-восточном конце могильной ямы, на глубине 1 м от уровня погребённой почвы выявлены следы жердей, толщиной 3-5 см, уложенных поперёк могилы. Своими концами жерди на 20 см уходят в продольные стенки могильной ямы» (назначение этой системы жердей, которая вряд ли является перекрытием, неясно. – Авт.).

◆ У северо-восточного края могилы в верхней части заполнения найден *череп лошади*, мордой на Ю. В заполнении - несколько фрагментов *сосуда*.

• От лепного глиняного *сосуда* с примесью талька в тесте дошли только фрагменты стенок. На одном имеется орнамент в виде трёх параллельных оттисков гладкого штампа (**рис. 24: 3**).

Курган 2. Насыпь грунтовая, диаметром 6 м, высотой 0,16 м. По периметру проходит кольцевая кладка, шириной в два и высотой в один ряд камней. Кроме того, камни фиксируются внутри насыпи (**рис. 24: 4**).

Погребение 0. Совершено в плохо заметной подпрямоугольной яме, СВ-ЮЗ, размером 2,2×1,5 м, глубина 1 м (от уровня материка). Находок нет.

[Курган 3. Эпоха бронзы. Насыпь грунтовая, 6×0,16 м.]

Раскопанные комплексы датируются концом IV в. до н.э.

25. Берёзовка-2 (**рис. 25: 1-4**)

раскопки В.Н. Васильева, 1990-е годы

Одиночный курган с грунтовой насыпью находился на возвышенной террасе излучины левого берега р. Урал, в 1,5 км к ЮВ от с. Берёзовка Уртазымского сельсовета Кваркенского р-на Оренбургской обл.). На плане видно около полутора десятка курганов, стоящих обособленно или в составе нескольких небольших курганных групп (**рис. 25: 1**). В документах отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН имеются планы памятника, несколько фотографий процесса раскопок и обломков керамики; текст отсутствует.

Курган 0. Насыпь диаметром 14 м, высотой 0,46 м (**рис. 25: 2**).

♦ В западной полё в трёх местах насыпи найдены бедренная кость и два ребра человека; в восточной – две кости животного; в центре - два фрагмента *сосуда*. Все находки встречены на глубине 0,4-0,6 м от вершины.

Погребение 0. Совершено в подпрямоугольной могиле с дуговидной северной стенкой, С-Ю, размером (по масштабу) 3,45×2,2 м, глубиной 0,6 м (от уровня материка). К С и Ю от неё на погребёнке зафиксированы линзы материкового выкида. В верхней части засыпки могилы с западной стороны аккуратно лежали лаги поперечного перекрытия. Погребение ограблено сверху, через лаз в восточной части могилы. Грабители, не заметив дна, пробили в нём овальную яму, С-Ю, размером 1,66×1,17 м, глубиной 0,45 м; северный и южный концы могилы также углублены на 0,3 м. Костяк разрушен. In situ близ западной стенки сохранились длинные кости левой ноги, судя по которым становится ясно, что единственный умерший был уложен первоначально в вытянутом положении, головой на Ю. Остальные кости (в том числе череп) разбросаны по западной половине дна (**рис. 25: 3**).

♦ От инвентаря дошли несколько обломков *керамики* из заполнения.

• Три фрагмента от одного *сосуда* (инв. № 1243,1245,1247). Судя по характерным беловатым крапинкам на поверхности, в состав глиняного теста мог входить тальк. Кроме того, поскольку на фотографии не видно ни одного фрагмента днища, можно осторожно предполагать, что сосуд был круглодонным (**рис. 25: 4**).

Курган может быть датирован концом IV в. до н.э.

26. Биш-Уба-1 (Суртан-Узьяк) (**рис. 26: 1-47**)

раскопки Б.Б. Агеева при участии Ф.А. Сунгатова, 1993

Цепочка из пяти земляных насыпей, диаметром 16-37 и высотой 0,45-3,29 м, находилась в трёх км к ЮВ от д. Суртан-Узьяк Зилаирского р-на РБ, из которых раскопаны четыре (Агеев 1995: 22-24; Агеев и др. 1998: 97-115).

В трех насыпях найдены сожженные деревянные конструкции с радиальным расположением бревен. Два последних (курганы 1, 3) окружены кольцевым валиком с разрывами-входами в южной части.

Сохранившийся от ограбления инвентарь типичен для памятников этого круга. Он представлен железными ножами и акинаком, местной лепной плоскодонной и гончарной привозной посудой; бронзовыми зеркалами, наконечниками стрел, браслетами, «колёсиком»; каменными алтариками, костяными ложечками, золотыми бляшкой, ворворкой и гривной.

В статье справедливо отмечается хронологическая компактность комплексов кургана 1, что подтверждается, например, находками в погребениях 5 и 6 идентичных зеркал («саринского типа». - Авт.). В отчёте раскопщик Биш-Убы датировал её V-IV вв., а в публикации без объяснений углубил до конца VI –

середины V вв. до н.э. (Агеев и др. 1998: 97 сл.).

Всего в четырех курганах исследовано девять погребений: семь одиночных и по одному тройному и парному. В двух случаях костяки лежали головами на В, в одном – на СВ, семь оставшихся были ориентированы на Ю, ЮЗ или ЮВ. В шести случаях умерших сопровождала мясная пища (кости крупного животного или овцы). Один раз под костяком прослежена меловая подсыпка. Не очень ясна ситуация с курганом 3: в радиальной конструкции, рассчитанной на коллективное погребение, были найдены останки только одного (?) человека и обломки двух горшков (аналогия редкому орнаменту одного из них - узкому налепному валику - имеется на поселении Тайсара под Магнитогорском (Савельев 1999: 54-55, рис. 12, 13).

На плане кургана 3 в одном метре к северу от шатра обозначено захоронение коня, о чём в тексте нет ни слова. По воспоминаниям Ф.А. Сунгатова, Б.Б. Агеев считал его впускным средневековым, что, однозначно опровергается уже тем, что на конских костях имеются следы огня. Иначе говоря, захоронение коня синхронно основным человеческим погребениям.

По рассказам местных жителей, вплоть до начала-середины 50-х гг. 20 в. на территории могильника, метрах в 15-20 к ЮВ от кургана 2, у края пашни стояла каменная «баба» (см. о ней ниже).

Биш-Уба-1 – типичный памятник последней четверти V-IV вв. до н.э.

27. Султантимирово-3 (рис. 27: 1)

раскопки А.Ф. Яминова, 1994

Одиночный курган находился на западном склоне хребта Ирендык, в 1,5 км к ЮВ от д. Султантимирово (Монгол) Зилаирского р-на РБ, слева от дороги в д. 1-е Мурзино. Открыт в 1993 г. Б.Б. Агеевым и Ф.А. Сунгатовым. Раскопан через год (раскопки плохо документированы, отчёт не составлялся).

Курган 0. Насыпь грунтовая, диаметр 14 м, высота 0,29 м (рис. 27: 1).

Стратиграфия: дёрн и насыпь (0,5 м); погребёнка (0,2 м); материк.

♦ В 2,5 м к 3 от центра кургана в насыпи (0,4 м от вершины) найден *астрагал* лошади (?); в 3 м к ЮЗ – трубчатые кости и три челюсти лошади.

Погребение 0. Очевидно, было совершено в небольшой (0,98×0,71 м, глубина 0,72 м от уровня погребёнки) прямоугольной яме, ССЗ-ЮЮВ. Над ямой и в 0,25 м к В от неё - остатки деревянного перекрытия. Ни останков ребёнка, ни следов нарушения ямы не имеется.

♦ В центре ямы на дне дном вверх стоял *сосуд* (рис. нет. – Авт.).

Скорее всего, памятник относится к IV в. до н.э.

28. Антинган-2 (рис. 28: 1-4)

раскопки Р.А. Аккильдина, 1991

Могильник из шести курганов был обнаружен А.Х. Пшеничнюком в 1991 г., в 6,5 км к СЗ от с. Антинган Хайбуллинского р-на РБ, у строящейся дороги Антинган-Новопетровское (по данным А.Х. Пшеничнюка - в 5 км к 3 от села, у дороги Янтышево-Новопетровское), на узкой полосе между дорогой и пашней (АПБ 1996: № 475; САП РБ 2004: № 470). Ещё два кургана были обнаружены хозяйственным отрядом БашГУ в том же году. Могильник вытянут неправильной цепочкой, С-Ю,

длиной 0,1 км. Три крайние южные насыпи стояли на пашне; пять других находятся на выгоне. Отрядом БашГУ раскопаны два распахивавшихся кургана (1, 2), располагавшихся по соседству с самым крупным курганом, диаметром около 26-28 м (**рис. 28: 1**).

[Курган 1 содержал ограбленное детское алакульское погребение.]

Курган 2. Насыпь грунтовая, с большим содержанием гальки, диаметром 20 м, выс. 1 м. Вскрыта при помощи бульдозера, бровка З-В. В западной поле имелась небольшая каменная кладка «размером 1,5×2 м» (на плане 5×2 м, ориентированная С-Ю. – Авт.). Из трёх обнаруженных в кургане могил одна (1) относится к эпохе раннего железа (**рис. 28: 2**).

Погребение 1. Впускное. Располагалось в центре насыпи, над погр. 2 бронзового века. Располагалось в узкой прямоугольной яме, ЮЗ-СВ, размером 1,8×0,75 м, глубина 1,4 м от вершины насыпи (в 0,2 м ниже уровня погребёнки). Костяк хорошей сохранности лежал на левом боку в слабоскорченной позе, головой на ЮЗ. Костей обеих рук нет; возможно, одна из длинных костей (плечевая или лучевая) на плане показана лежащей между черепом и торцевой стенкой. В средней части ямы над погребённым в засыпке найдены два обломка дерева от перекрытия (**рис. 28: 3**).

◆ За черепом на дне ямы лежали глиняное *пряслице* и кусочки *охры* (?). Под позвоночником найден небольшой плохо сохранившийся *железный наконечник стрелы* (?). Между стопами и торцевой стенкой стоял *сосуд*.

• **Сосуд** глиняный лепной круглодонный. Шейка невысокая, чуть отогнутая наружу. Срез венчика закруглён. Орнамента нет (высота 16 см; диаметр горла и тулова – 10 и 14 см) (**рис. 28: 4**).

Возможная дата погр. 1 - IV-III вв. до н.э.

29. Янтышево-2 (**рис. 29: 1-4**)

грабительские раскопки; мониторинг Р.Р. Насретдинова, 2009

Курган находится на левобережье р. Сакмара, в 2 км к С от д. Янтышево Хайбуллинского р-на РБ. Выявлен в 1991 г. (*Пиеничнюк 1991А: 2-3; АПБ 1996: № 472*) (**рис. 29: 1**).

Курган 0. Задернованная каменно-земляная насыпь, диаметром 14 м, высотой 1,5 м. По информации местного учителя Р.А. Ахметова, курган, якобы, был ограблен в июле 2007 г. некими сплавлявшимися по Сакмаре «туристами». Он был осмотрен в 2009 г. членами разведочного отряда НПЦ ГУОН МК, сфотографировавшими грабительскую дудку, диаметром 3 м, глубиной 0,7 м, с угольками и снявшими глазомерный план памятника.

◆ В местной школе хранятся *алтарик* из грабительских раскопок, фрагмент *зеркала* и 176 фрагментов *сосудов*, переданных учителем Р.А. Ахметовым, если и не участвовавшим в несанкционированном проникновении в курган, то, вероятно, основательно покопавшимся в дудке.

• **Алтарик** трёхногий, ложе круглой формы (диаметр 17,5, общая высота 9,5 см). Судя по фотографии, изготовлен из какой-то мелкозернистой породы типа песчаника. Ещё в древности он, вероятно, преднамеренно был разбит, с утратой около 1/3-1/4 ложа. Сохранившаяся часть состоит из двух примерно равных по размеру фрагментов. В отчёте приведён, к сожалению, рисунок только одной ножки

и прилегающей части ложа. На нём в невысоком рельефе изображено копытное животное. Изыщная фигура с коротким треугольным хвостом и круглым глазом показана строго в профиль вправо, с двумя ногами и прямым горизонтальным то ли ухом, то ли рогом, в центре которого размещено углубление. Между ногами высечен полукруглый выступ, либо обозначающий гору, либо просто являющийся декоративным приёмом. По периметру верхнего края ложа вырезан дугообразный фриз (**рис. 29: 2**); половина бронзового *зеркала* в виде плоского круглого диска (диаметром 10 см), возможно, имевшего в целом виде боковую ручку (**рис. 29: 3**); два больших круглодонных глиняных сосуда с чуть отогнутым наружу венчиком и бомбовидным туловом, отличающимися цветом поверхности. В верхней части *сосуда 1* нанесён ряд вдавлений треугольного конца штампа, ряд наклонных оттисков того же гладкого штампа и горизонтальный зигзаг с насечками. Орнаментация *сосуда 2* ограничена рядом вдавлений треугольного конца штампа. На фотографии фрагментов обоих сосудов видны в совокупности шесть сверлин (**рис. 29: 4**).

Янтышевский алтарик – всего лишь третья находка столика с изображением копытного. Два других происходят с Илека. Первый, на одной из ножек которого вырезано идентичное изображение, обнаружен в кургане 3 могильника Уркач-1 (Гуцалов 2000Д: табл. 35,4). Ножка второго случайно найдена в окрестностях г. Алга. Публикаторы считают, что на ней высечено изображение «горного барана (может быть, архара)» (Родионов, Гуцалов 2000: 134, рис. 9, 1). Однако нельзя исключить, что животные, изображённые на ножках трёх указанных алтариков, представляют собой так называемую «зооморфную головоломку». Если изображение загнутого рога даёт право говорить об архаре (теке), то изображение прямого уха – о степной антилопе (ср.: Фёдоров 2000: 34, прим. 5).

Актюбинские археологи в выступе между ногами илецких баранов (возможно, имеющем технический характер) увидели ни больше ни меньше мировую гору ведической мифологии (Родионов, Гуцалов 2000). Более того, в последние годы образовалась небольшая очередь из уральских археологов, опознающих в изображении каждого холмика гору Меру, а в антропоморфе – бога Индру (Иванова, Куликов 2002: 136 сл.; Ковалёва, Шилов 2002: 119-126, рис. 1, 1). Мы ничего не имеем против культуры индоиранских народов, но только до той поры, пока это не вступает в противоречие со вкладом в мировую культуру других этносов, в том числе и башкир. Создаётся впечатление, что названные выше исследователи никогда не слышали о не менее древнем, чем «Веды» или «Авеста», замечательном башкирском эпосе «Урал-батыр», зародившемся и бытовавшем на территории, где расположены исследуемые ими памятники, и ни разу не задумывалось хотя бы, например, о том, почему именем этого героя, а не Индры, названа такая огромная горная страна на границе Европы и Азии, как Урал.

Курган относится к концу V-IV вв. до н.э.

30. Новопетровское-1 (**рис. 30: 1-3**)

раскопки Ф.А. Сунгатова и Ф.Ф. Сафина, 1991

Одиночный курган с грунтовой насыпью, диаметром 22 м, высотой 0,8 м, находился на северо-восточной окраине с. Новопетровское Антинганского сельсовета Хайбуллинского р-на РБ (не путать с с. Новопетровское Уфимского

сельсовета того же р-на). Курган сооружён в эпоху бронзы. Под насыпью находилось каменное кольцо, диаметром около 10 м, в пределах которого было зафиксировано два синташтинских погребения (1, 2) с богатым инвентарём, относящиеся к ним четыре очага и два конских черепа (*Сунгатов, Сафин 1995*: 58-64) (**рис. 30: 1**).

Над погр. 1 близ западного края каменного кольца найдены тазовые кости впускного разрушенного женского (?) погребения **РЖВ (3)** бронзовый *браслет* из круглого в сечении дрота с заострёнными концами (**рис. 30: 2**) и нарочно сломанное бронзовое *зеркало* с длинной боковой ручкой (**рис. 30: 3**).

Курган относится к концу V-IV вв. до н.э.

31. Акъяр-2 (**рис. 31: 1-5**)

раскопки Б.Б. Агеева, при участии Ф.А. Сунгатова, 1991

Могильник, состоявший из 15 небольших грунтовых насыпей находится на левом берегу р. Таналык (правый приток Урала), в 1,5 км к ЮВ от райцентра Хайбуллинского р-на РБ, с. Акъяр (рис. 1). Он открыт в 1962 г. М.Х. Садыковой (АКБ **1976**: № 1784), нашедшей здесь всего пять насыпей. Позже к ним прибавилось ещё десять курганов (*Морозов 1989А*) (**рис. 31: 1**).

Раскопаны два объекта: в кургане 1 обнаружено ямное захоронение (*Сунгатов, Султанова 2001*); в кургане 11 – взаимоналожившиеся друг на друга алакульское и сарматское погребения (**рис. 31: 2**).

Ограбленное **савроматское погребение** совершено в прямоугольной яме, ЮЮЗ-ССВ (**рис. 31: 3**). На дне, у короткой южной стенки лежали *in situ* кусочки мела, *пряслице* (**рис. 31: 4**), фрагментированный *железный предмет* и бронзовое *зеркало* с боковой ручкой (**рис. 31: 5**).

Комплекс относится к концу V-IV вв. до н.э.

32. Валитово-2 (**рис. 32: 1-61**)

раскопки Ф.А. Сунгатова, при участии Р. Исмагила, 2003-2004

Могильник из трех курганов с насыпями, диаметром 10-16 м, высотой 0,18-0,85 м, сооружёнными из грунта и камня, находилась к Ю от д. Валитово Хайбуллинского р-на РБ. Раскопан в 2003-2004 гг. сводным отрядом (*Сунгатов Ф.А. 2003А; 2004Аа; Исмагил, Сунгатов 2011*: 65-80). В 0,4 км к СВ, у подножья холма с курганами находится святилище (какое-то время трактовавшееся нами как самостоятельный памятник) (*Исмагил и др. 2006*: 105 сл.). Оно представляет из себя два псевдооленных камня, установленных на вершинах разделённых ручьём холмов.

Под каждой насыпью обнаружено по одной могиле, содержащей один (курган 3), два (курган 1) и три (курган 2) костяка; причём два последних – на разных уровнях. Из шести костяков - три женских, инвентарь которых выдаёт в них «шаманок», по одной на курган. Из пяти доступных определению костяков три ориентированы на З, два – на Ю. В двух ямах из трёх обнаружены следы огня. Инвентарь мужских погребений представлен ножами, бронзовыми наконечниками стрел, подвеской из клыка кабана; женских – глиняными курильницами, каменными алтариками, стеклянными и пастовыми бусами, раковинами, бронзовыми зеркалами, костяными втулкой и подвеской, золотой пронизкой, сурьматашем из белемнита, железным браслетом, бронзовым колёсиком, яшмовой галькой. Глиняные сосуды

встречаются как в женских, так и в мужских погребениях.

Могильник оставлен небольшой небогатой группой кочевников. Погребальный обряд стандартен. Все насыпи грунтовые, с каменной наброской над могилой. Каждый курган содержал по одной широтной могиле, устроенной в длинной и широкой (2,7-3,0×1,85-2,42 м), но неглубокой (0,65-1,5 м) яме подпрямоугольно-овальной формы. В трёх ямах выявлены останки шести ингумированных покойников, лежащих на разных уровнях. Господствует вытянутое на спине положение, с параллельными туловищу конечностями (4 случая). Только в одном случае костяк лежал на правом боку, с завалом на спину, с ногами, согнутыми в разной степени; положение одного костяка не установлено. При этом головой на З, ЗЮЗ лежат четыре покойника (в том числе один предположительно); на Ю - два.

Любопытно сравнить данные о вертикальной стратификации ярусных погребений, половой принадлежности умерших и их ориентировке. Могильник, скорее всего, принадлежит членам одной большой семьи, состоящей из трёх малых, каждая из которых насыпала один курган. Судя по вещам, три погребения – мужские, три – женские. В могиле, содержащей одного покойника (курган 3), захоронена женщина; двух – женщина с мужчиной (курган 1); трёх – женщина с двумя мужчинами (курган 2). Каждое из трёх захоронений нижних, т.е. относительно ранних, ярусов (к числу которых условно можно отнести и располагавшееся на дне ямы единственное погребение курган 3), содержит костяк, лежащий головой на З (одно – предположительно). Два из них – женские «шаманские». У третьей «шаманки» (погр. 1 кургана 1) верхнего яруса, сохраняющей некоторые «савроматские» черты (ориентировка на З, наличие тушки овцы), встречен безногий алтарик в сочетании с круглодонным (?) сосудом (в то время как лежащий ниже мужчина (погр. 2 кургана 1) похоронен с плоскодонными горшками). Однако, в другом «шаманском» захоронении (погр. 3 кургана 2) плоскодонный сосуд со сливом найден вместе с круглодонным тальковым сосудом-курильницей.

Наиболее показательным для шаманских комплексов является наличие двух атрибутов - каменного алтарика и зеркала, процент совстречаемости которых друг с другом составляет 71% (Васильев 1998: 25 сл.). Этот «классический» набор (а также бронзовое «колёсико») обнаружены только в погр. 0 кургана 3. В погр. 1 кургана 1 найден лишь алтарик; погр. 3 кургана 2 – зеркало, глиняная курильница и яшмовая галька (но при этом в обоих найдены обычные для шаманских комплексов раковины *Gryphaea*). Остальной инвентарь погр. 3 кургана 2 (сурьматаш, браслет) и погр. 1 кургана 1 (бусы, золотая пронизка, костяная подвеска) представляет собой женские украшения.

Оба мужских костяка (1, 2) из верхних, т.е. относительно поздних, ярусов кургана 2 лежат головой на Ю (причём костяк 1 «штатно» сопровождается круглодонным сосудом).

Помимо преобладания многоярусных погребений, любопытной и редкой чертой могильника Валитово-2 является наличие при нём территориально обособленного культового комплекса – «святилища» (рис. 32: 55-59). Некоторых исследователи считают, что «новой чертой в культово-поминальной практике (середины I тыс. до н.э. – Авт.) стало появление святилищ, в которых нередко были установлены каменные изваяния» (Гуцалов 2007: 86; Гуцалов, Таиров 2000). Чуть более поздний комплекс, состоящий из некрополя и святилища с изваяниями, близкими Валитово-2, раскопан на Мангышлаке (Загородний и др. 1994).

Могильник представляет собой типичный памятник культуры конца V-IV вв. до н.э.

33. Валитово-3 (Алибай хазы) (рис. 33: 1-16)
раскопки Ф.А. Сунгатова, при участии Р. Исмагила, 2004

Одиночный курган открыт в 1991 г. (*Пшеничнюк 1991А*); переоткрыт в 2003 г. сводным отрядом Сунгатова и через год им же раскопан (*Сунгатов 2004Аб*). Стоял в 4 км к Ю от одной из трех (западной) водонапорных башен д. Валитово Хайбуллинского р-на РБ, на невысоком холме в 1,5 км к С от урочища Алибай хазы (**рис. 33: 1**).

Курган 0. До раскопок представлял из себя хорошо задернованную овальную насыпь, без видимых нарушений, диаметром 16×12 м, высотой 1,12 м. Над поверхностью восточной полы выступали камни более или менее ровного края каменной ограды, что еще до раскопок говорило о наличии здесь какой-то конструкции. Исследован вручную целиком на снос. Для наблюдений были оставлены бровки С-Ю и 3-В (**рис. 33: 2**).

Стратиграфия (рис.13-15). Плотный дерновый покров (0,15 м); темно-серый гумус с щебенкой – вторичная насыпь (мощность от 0,08 м в средней части насыпи до 0,45 м у края) – над погр. 4; светло-серый гумус с щебенкой – первичная насыпь (до 0,95 м в средней части) – над погр. 3; погребённая почва – коричневый гумус с щебенкой (0,15 м); материк – рыхлый желтовато-коричневый скальный выход. Переходы между различными слоями плохо заметны. Центральная часть насыпи была с эпохи бронзы и до нашего времени не менее 4-5 раз перекопана, что сильно затруднило стратиграфические наблюдения. Материковых выкидов из могильных ям не наблюдалось, что объясняется малым объемом выбранного из могил грунта и тем, что этот грунт был вынесен к периферии кургана.

Курган содержал четыре погребения, два ритуальных объекта (А и Б) и каменную ограду в насыпи; при этом погр. 1 и оба ритуальных объекта – эпохи бронзы; ограда и погребения 2-4 - савроматского времени.

Каменная ограда представляла собой сильно разрушенную прямоугольную конструкцию, ориентированную, как и насыпь, С-Ю. Лучше сохранилась южная стенка, длиной около 8 м; хуже – западная и восточная, и ничего не осталось от северной стенки (о наличии которой в прошлом можно судить по небольшому скоплению разрозненных камней у края насыпи), где предположительно находился вход. Оградка была сооружена методом нерегулярной небрежной кладки всухую. Судя по пропорциям насыпи кургана, конструкция, размером 10-12×8 м, имела стенки высотой и толщиной 0,5–1 м. Она ориентирована по оси ССЗ-ЮЮВ, аналогично ориентации ямы погр. 4, вокруг которой она, очевидно, и была сооружена. Подтверждается это предположение и тем, что основание оградки находится на стыке первичной и вторичной насыпей.

Погребение 2. Атрибутировано по скоплению человеческих костей (длинных, а также отдельных обломков черепа) и сосуда, найденных на уровне погребёнки (глубина 1,03 м от вершины насыпи) в 3 м к ЗЮЗ от центра. Материалы явно переотложены, а местом их первоначальной дислокации уверенно можно считать участок в центре кургана, на месте более поздних погребений 3 и 4, откуда они были выброшены (**рис. 33: 3-4**).

♦ В процессе раскопок в различных частях насыпи были найдены еще несколько разрозненных фрагментов *сосуда* из погр. 2. Кроме того, в верхней части насыпи были обнаружены два *наконечника стрелы* (один – в 4,2 м к ССЗ от центра насыпи, на глубине 0,44 м; другой – в 4,6 м к ЮЮВ от центра, на глубине 0,42 м), которые могут быть отнесены к составу инвентаря разрушенного комплекса. Основанием для этого предположения служит то, что разрушенный и отброшенный костяк лежал на границе погребенки и первичной насыпи, что объясняется отсутствием над погребениями 1 и 2 (соответственно, эпохи бронзы и раннего железа) до совершения погребений 3 и/или 4 сколько-нибудь заметной насыпи.

• *Сосуд* сохранился примерно наполовину (отсутствует нижняя часть). Высота сохранившейся части 18 см, диаметр венчика, горла и тулова – соответственно 10,6, 11,9 и 18,2 см. Венчик невысокий кососрезанный каннелированный, резко отогнутый наружу. Тулово биконической формы. Орнамент выполнен тонкой резьбой и явно имеет «пиктографический» характер. Так, на участке (занимающем примерно треть окружности) нанесены вертикальные прямые, соединенные по диагонали криволинейными отрезками. Другие мотивы: углообразные с криволинейными сторонами фигуры (одна из которых заполнена, как матрешка, такими же фигурами); короткие ряды параллельных ногтевых насечек. К сожалению, плохая сохранность сосуда не позволяет восстановить весь орнамент (**рис. 33: 5**); *наконечники стрел* (2 экз.) трехлопастные, с потайной втулкой; один крупный (длина 4,1 см) с длинными острыми шипами–лопастями; другой – мелкий (длина 2,5 см), с ложками, украшенными противостоящими друг другу парными выступами (**рис. 33: 6**).

Погребение 3. Располагалось практически под центром насыпи. Совершено в сравнительно широкой неглубокой овальной яме со слегка скошенными стенками, ЗЮЗ-ВСВ, размером 2,11×1,35 м, глубиной 1,63 (от «0») /0,43 м (от уровня погребенки). Внутри могилы, у южной стенки, фактически на дне ямы стояла *бетонная подквадратная тумба* (0,36×0,33×0,2 м) геодезического пикета советского времени. Заметим, что до момента ее обнаружения не было никаких стратиграфически оснований предполагать возможность его внедрения в курган; факт наличия в недавнем прошлом на кургане «вышки» был подтвержден местными жителями.

В яме был вытянут на спине мужской костяк, головой на ВСВ. Его средняя часть была разрушена при совершении погр. 4, при этом часть костей (кости рук, кроме плечевых; кости ног, кроме ступней и одной малой берцовой; большей части позвонков и ребер) отсутствовала, а тазовая кость, сломанная пополам, была переложена в северо-восточный угол. Все эти манипуляции и, очевидно, частичное ограбление были совершены при совершении более позднего погр. 4 (**рис. 33: 7-8, 11-12**).

♦ Между грудью и плечевой костью левой руки лежала *подвеска*; в ногах стоял *сосуд*. Кроме того, в засыпке в юго-западном углу найден фрагмент одного из сосудов погр. 1 эпохи бронзы.

• *Сосуд* узкогорлый, с коротким отогнутым венчиком и биконическим туловом (высота 18,3 см; диаметр венчика, горла, тулова и днища – соответственно 11,2, 10,4, 17,7 и 10 см). Верхняя часть тулова украшена спиральными фигурами, окаймленными мелкими наколами, нижняя – группами тройных косых линий (**рис. 33: 9, 13**); *подвеска* из крупного клыка (длина 12,5 см) кабана. Хорошо заполирована;

в верхней части просверлено отверстие для подвешивания (**рис. 33: 8, 12**). Клыки кабана встречаются исключительно в мужских погребениях (*Стрижак 2006: 7*), что и определяет половую принадлежность умершего.

Погребение 4. Находится в центре кургана, под небольшой наброской камней среднего размера. Совершено в прямоугольной яме, ССЗ-ЮЮВ, размером 2,15×1,3 м, глубиной 1,54 (от «0»)–0,34 м (от уровня погребёнки). В яме, располагавшейся над п.3 и частично его разрушившей, лежал вытянутый на спине костяк мужчины (?), головой на ЮЮВ (**рис. 33: 7-8, 11**).

◆ Слева от тела лежал *меч*. Между его острием и ногой найдены остатки истлевшего *берестяного колчана* с находящимися внутри его *стрелами с бронзовыми наконечниками* (20 экз.). В 0,1 м ниже от них лежали еще четыре *наконечника* и *астргал овцы*, скорее всего, находившиеся в несохранившемся органическом мешочке. Наконеч, еще по одному *наконечнику* обнаружено у локтевого сгиба левой руки и в области паха.

• *Меч*, длин. 102,5 см, с чуть прогнутым в средней, наиболее широкой части навершием. Рукоять узкая, овального сечения, чуть расширенная книзу. Перекрестье изготовлено из неширокого бруска, сломанного под тупым углом. Клинок в виде равномерно сужающегося к острию треугольника; фигура сечения (линза или ромб) точно не устанавливается (**рис. 33: 16**); *наконечники стрел* - 27 экз. Все одного типа – трехлопастные с потайной втулкой. Около половины их покрыто рельефными знаками (в виде косых крестов, выступов, дуг). Во втулках сохранились остатки древков (дерево, камыш?) (**рис. 33: 15**).

Курган относится к концу V-IV вв. до н.э.

34. Валитово-4 (**рис. 34: 1-11**)

раскопки Ф.А. Сунгатовой, при участии Р. Исмагила, 2004

Курганный могильник из двух стоящих рядом насыпей располагался на овальном холме выс. 4-5 м, в 6,5 км к ЮЗ от западной водонапорной башни д. Валитово. Обнаружен в 1997 г. (*Тагиров 2003А: 19-20*); исследован сводным отрядом. Нераскопанной осталась каменная выкладка (2,6×0,8 м), выявленная Ф.М. Тагировым¹.

Курган 1. Насыпь диаметром 10 м, высота 0,47 м. Бровка З-В. В центре хорошо задернованной насыпи выступали крупные камни. К З от центра имелась грабительская западинка, диаметром 1 м, глубиной 0,1 м (**рис. 34: 1**).

Стратиграфия. Плотный дерн (0,1 м); слой темно-коричневого гумуса с щебенкой (от 0,12 м по краям насыпи до 0,3 м в центре); погребённая почва – коричневый гумус с щебенкой (0,25 м); материковая глина. В центре насыпи фиксировалась линза выкида (диаметром 2 м, мощностью 0,2 м).

Погребение 0. Находилось в 1,25 м к Ю от центра. Было совершено в прямоугольной яме, ВСВ–ЗЮЗ, размером 2,12•1,2 м, глубиной 0,7 м (от уровня материка). На дне лежал вытянуто на спине плохо сохранившийся костяк мужчины

¹ Помимо названных, возле д. Валитово сводным отрядом были раскопаны стоявший в пойме и явно не погребальный одиночный курган Валитово-1 (диаметр 30, высота 1 м); Валитово-5; а также средневековый жертвенно-поминальный комплекс Валитово-6.

лет 45-50 (определение Р.М. Юсупова) с перекрещенными ногами, головой на **З**, без шейных позвонков, части ребер, большей части таза, правой бедренной и всех костей левой руки. Лучевая и локтевая кости правой руки и часть кисти располагались справа от костяка (**рис. 34: 2**).

♦ В засыпке (гумус с примесью мелкой щебенки и единичных камней) найден *наконечник стрелы*. Под грудной клеткой на дне ямы лежала *серьга*.

• *Наконечник стрелы* трехгранный с деформированной выступающей втулкой и сломанным острием, небольшого размера (**рис. 34: 3**); *серьга* проволоочная с заходящими друг за друга концами (**рис. 34: 4**).

Курган 2. Насыпь диаметром 6 м, высотой 0,24 м. В центре хорошо задернованной насыпи наблюдалась наброска камней (**рис. 34: 5**).

Стратиграфия. Плотный дерн (0,1-0,15 м); слой темно-коричневого гумуса с мелкой щебенкой (0,25-0,3 м); погребенка – коричневый гумус с щебенкой (0,1 м); глина (на глубине 0,8-1 м переходящая в скальник).

Погребение 0. Совершено в центре кургана, в яме с отвесными стенками, ЗЮЗ-ВСВ, размером 2,5×0,9 м, глубина 1 м (от уровня материка). В верхнюю часть заполнения, состоявшего из гумуса со включениями мелких камней и угля, из насыпи завалились крупные камни; в нижней (на глубине 0,8-1 м) находится зольник от разведенного над умершим костра, который окрасил стенки ямы и скальник в темно-оранжевый цвет.

На дне ямы, но не по центру, а вдоль южной стенки (по причине выхода скальника со стороны северной стенки, мешавшего захоронению) вытянут на спине, головой на **З** сильно обожженный костяк мужчины, 30-35 лет, с деформированным огнём и упавшей землей черепом (**рис. 34: 6**).

♦ В северо-западном углу ямы находились ребра крупного животного и передняя нога овцы в сочленении с лопаткой, *нож* и *ложечка*. В изголовье костяка и у левого предплечья найдены *втулка* и двудырчатый *псалий*. На уровне сгиба локтевого сустава левой руки находились два *наконечника*; *третий* (как и экз. из кургана 1) был найден в засыпке.

• *Нож* железный, представленный фрагментом однолезвийного клинка и узкого черешка, длиной 5,5 см (**рис. 34: 9**); *ложечка* костяная, длиной 6 см, с овальной головкой, переходящей в ручку (**рис. 34: 10**); *втулка* гофрированная, с насечками по верхнему и нижнему краям, изготовленная из обрезка треугольной в плане трубчатой кости (**рис. 34: 7**); *псалий* костяной, в виде изогнутого стержня, длиной (с учетом утраченной части) 14 см, с двумя круглыми отверстиями в центре (диаметром 0,5 см) (рис. 35, 7) (**рис. 34: 11**); три бронзовых *наконечника стрелы* с трехлопастной головкой и выступающей втулкой (**рис. 34: 8**).

Аналогии бронзовой *серьге* из кургана 1 обнаружены в погр. 74 синдо-меотского некрополя у хут. Рассвет (Население...**2010**: рис. 108, б), в погр. 2 Новоорского кургана (*Смирнов 1984*: рис. 2, 10), и др.

Курганы датируются последней четвертью V-IV вв. до н.э.

35. Петропавловский (Кыпсак) (**рис. 35: 1-5**)

раскопки Ф.А. Сунгатова, 1996

Курган находился на территории рудника «Юбилейный», близ д. Петропавловский (Кыпсак) Хайбуллинского р-на РБ (*Сунгатов, Мигранов 1998*: 116-

120). Он имел земляную насыпь диаметром 12, высотой 0,58 м (**рис. 35: 1**). Погребение выявлено в восточном секторе, в прямоугольной яме, 3-В, размером 2×1,3 м, глубина 0,6 м (в материке), перекрытой по длине березовыми жердями. На дне в вытянутом положении на спине, головой на 3 лежала женщина-всадница, 25-30 лет, европеоидного расового типа с монголоидной примесью (определение Р.М. Юсупова) (**рис. 35: 2**). Инвентарь представлен глиняным пряслицем (**рис. 35: 3**); двуногим алтариком из мелкозернистого песчаника (**рис. 35: 5**); бисером из песчаника же; костями лошади и овцы (челюсть и передняя нога в сочленении) с лежащими на них кварцитовым растиральником и раковиной-двухстворкой (**рис. 35: 4**). Близкую аналогию двуногую алтарик представляет алтарик, найденный вместе с сосудом, имеющим носик-слив, и зеркалом с закраиной из погр. 2 кургана 5 Новоорского-II могильника (*Заседателева 1983А*).

Курган представляет из себя типичный комплекс конца V-IV вв. до н.э.

36. Комсомол-1 (Ургазы) (**рис. 36: 1-6**)

раскопки Н.А. Мажитова, при участии Р. Исмагила, 1971

Курган находился в 1,5 км к С от д. Комсомол Зилаирского совхоза Баймакского р-на РБ, на левобережье Ургазы (не путать с курганами группы V у п. Комсомол(ьский) и курганом Старый Комсомол того же, Баймакского р-на раскопок А.Х. Пшеничнюка). Могильник из 14 насыпей был выявлен в 1962 г. М.Х. Садыковой (АКБ 1976: № 1710). В 1971 г. выяснилось, что курганом является только один из холмиков, с каменной бабой на вершине.

Курган 0. Насыпь грунтовая, диаметром 13 м, высотой 0,7 м (**рис. 36: 1**). В центре – задернованное углубление, диаметром около 2,5 м, глубиной 0,3 м. Точно под ним располагалась единственная в кургане могильная яма, ориентированная сторонами, судя по планам в отчёте, примерно по сторонам света, размером 2×1,8 м, глубина 1,1 м (от уровня погребёнки). Её форму с некоторыми основаниями можно назвать подквадратной, при том, что только северо-восточная стенка прямая, а все остальные – дуговидные; в юго-западном углу имеется округлый выступ. Ко дну стенки довольно сильно сужаются. Могила вырыта в каменистом материке. Судя по профилю, к 3 и В от могилы на погребёнке фиксировались линзы материкового выкида, диаметром 7 м (**рис. 36: 2**).

♦ Костей человека или животных, а также каких-либо вещей, за исключением трёх стоявших вдоль восточной стенки лепных глиняных плохо описанных *сосудов*, в яме не обнаружено.

• Судя по имеющимся в отчёте рисункам, по меньшей мере *два сосуда* имели округлое или уплощённое дно. Первый с узким высоким четко оформленным горлом, отделённым от тулова уступом. Венчик слабо отогнут. Середина тулова украшена прочерченными округлыми фигурами (высота 22, диаметр тулова и венчика - соответственно 16 и 7,5 см) (**рис. 36: 6**). Второй - широкогорлый, с резко отогнутым наружу венчиком, неорнаментированный (высота 13 см, диаметр тулова и венчика – 13 и 11 см) (**рис. 36: 4**); *третий сосуд* – неорнаментированный, плоскодонный колбообразной формы (высота 21 см, диаметр горла и дна – 16 и 14 см) (**рис. 36: 5**).

Раскопщик, ошибочно отнеся сосуды и изваяние (о нём ниже) к эпохе средневековья, датировал курган началом II тыс. н.э. (*Мажитов 1971А: 12*). На

самом деле – последняя четверть V-IV вв. до н.э.

37. Казанка (рис. 37: 1-6)
раскопки А.Х. Пшеничнюка, 1977

Могильник из трёх курганов находился на террасе левого берега р. Казанка, в 3 км к ССЗ от д. Казанка Баймакского р-на РБ. Все раскопаны. Один (2) относится к эпохе бронзы, два (1, 3) к раннему железу (**рис. 37: 1**).

В 40 м к ЮЗ от края насыпи кургана 1 наклонно, верхним концом на З, вкопан прямоугольный в сечении менгир высотой 2,3 м (без вкопанной части). А.Х. Пшеничнюк сообщает, что это положение камня – не изначальное, таким оно стало после попыток местных механизаторов вытащить его трактором из земли (**рис. 37: 6**).

Курган 1. Самый крупный в группе. Находился в наивысшей точке террасы, рядом с полевой дорогой и пашней. Насыпь грунтовая, диаметром 20×23 м, высотой 1,4 м. На вершине – впадина глубиной 1,5 м, диаметром 7-8 м. В центре – ограбленное погребение, единственное в кургане (**рис. 37: 2**).

Погребение 0. Совершено в подтрапезиевидной яме, З-В, размером 4,1×3,2 м, глубиной 1,3 м (от уровня погребёнки), искорёженной грабителями. На её краях фиксировался материковый выкид. В заполнении на глубине 0,5 м обнаружен костяк современной коровы, захороненной в грабительской впадине. На неровном дне (в центре и у северной стенки которого имеются глубокие ямки) разбросаны обломки человеческого черепа, зубы, рёбра.

◆ Вместе с костями обнаружен фрагмент стенки лепного глиняного *сосуда* с примесью талька в тесте (рис. в отчёте нет. – Авт.).

Курган 3. Находился в 0,9 км к Ю от кургана 1, на мысу террасы. Насыпь диаметром 20 м, выс. 0,6 м, сооружена из чернозёма, насыщенного гравием и щебнем. В центре выявлено ограбленное погребение, единственное в кургане (**рис. 37: 3**).

Погребение 0. Совершено в подтрапезиевидной могильной яме, по форме сопоставимое с ямой кургана 1. Она ориентирована З-В, размером 2,6×1,4 м, глубиной 0,6 м (от уровня погребённой почвы). Выкид серповидной формы, размещался к В от ямы. Дно ямы, горизонтальное в западной части, пандусообразно поднималось на В, в направлении входа (?). В заполнении ямы на разной глубине встречались кости взрослого человека (тазовой, обломки черепа, длинные кости конечностей) (**рис. 37: 4**).

◆ Ближе ко дну найдены кости *овцы*, обломок *бронзового стержня* (рис. в отчёте отсутствует. – Авт.) и фрагменты *сосуда*.

• Сосуд узкогорлый, с отогнутым венчиком, отделённым уступчиком от бомбовидного тулова. На плечиках – горизонтальный зигзаг из двух рядов гладкого штампа. В тесте – небольшая примесь талька (**рис. 37: 5**).

Оба кургана не позднее IV в. до н.э.

38. Тулубай (Исянгильдино-1) (рис. 38: 1-15)
раскопки Ф.А. Сунгатова, 2002

Курган с грунтовой насыпью, диаметром 16, высотой 1 м, находился у руч.

Тулубай, близ д. Исянгильдино Хайбуллинского р-на РБ. Найден М.Х. Садыковой в 1962 г., отметившей наличие на его вершине «каменной кладки» (АКБ 1976: № 1807) от склепа, ожидавшего своего раскопщика ещё 40 лет (*Исмагил, Сунгатов 2009*: 118-127).

Склеп - сооружение прямоугольной формы, С-Ю, размером 6,25×5,25 (по внутреннему обводу - 5,3×3,2) м, с прикрытым вертикальной плитой входом шириной 0,6 м. Стены, сохранившиеся на высоту 0,5-0,6 м, были сложены на древнем горизонте всухую из больших плоских плит и обложены снаружи плитами, поставленными на ребро. Плоская крыша, сооружённая из таких же плит, была разобрана, вероятно, в ходе совершения двух позднейших погребений (6, 7). Внутри склепа грунт удалён до уровня материка, т.е. пол был устроен на 0,25 м ниже основания кладки. В камере покоились останки семи погребённых, пять из которых лежали на полу (1-5). Двое (погребения 6,7) похоронены примерно через столетие в подбойных могилах, выкопанных в продольных стенках общей входной ямы¹.

Погребения 1-5 относятся к IV-середине III в. до н.э. Инвентарь представлен железным мечом со сломанным под тупым углом перекрестьем, бронзовыми наконечниками стрел, бронзовыми зеркалами, бусами. Помимо захоронений, среди плит кладки в разных местах обнаружены синхронные древнейшему погребению 1 четыре тайника, содержащие бронзовые зеркала, котёл, полусферическую бляшку с петлёй и железный акинак с волютообразным навершием и узкобабочковидным перекрестьем.

39. Васильевка (рис. 39: 1-4) *раскопки инкогнито, 1990-е годы (?)*

Курган находился около д. Васильевка Зилаирского р-на (?) РБ.

Курган 0. Насыпь грунтовая, диаметром 14 м, высотой около 0,4 м. В юго-западном и юго-восточном секторах насыпи - угольки. В 7,5 км к ЗЮЗ от условного центра найдены два ребра крупного животного; в 4 м к ЮВ – фрагмент сосуда. В центре – ограбленное погребение (рис. 39: 1).

Погребение 0. Совершено в крупной сложной формы могильной яме, которую в целом можно назвать подовальной (3,3×2,55 м), С-Ю, с коротким (длина около 1 м, ширина 1,15 м) прямоугольным дромосом, З-В, подходящим с юго-восточного угла (рис. 39: 2-3). Материковый выкид наблюдался к С от ямы. В засыпи встречены куски сгоревшей шатровой конструкции (или перекрытия), а в юго-западном углу ямы фиксировались большие фрагменты целых брёвен, или плах, лежавшие большей частью поперёк могилы. На дне могилы, в северо-западном и юго-восточном углах лежали сложенные в кучки кости одного (?) человека, возможно, первоначально ориентированного головой на З. В центре могилы была вырыта овальная яма, С-Ю, размером 0,85×0,6 м, глубиной 1,3 м, на дне которой находилось скопление человеческих (?) костей (рис. 39: 4).

◆ У восточной стенки в крупном глиняном *сосуде* (рис. в отчёте отсутствует).

¹ Двухкамерные подбои распространяются в раннесарматское время. Кроме описанного зауральского, нам известно о трёх в Среднем и Нижнем Поволжье, десяти – в Сало-Маньчском междуречье (*Скрипкин 1982*: рис. 3, 2; *Ильюков 2011*: 121 сл.).

– Авт.) лежали кости животного, скорее всего *овцы*. Художник на плане погребения изобразил орнамент на боку сосуда, напоминающий андроновский (?), однако среди костей обнаружен железный *нож*, датирующий погребение эпохой раннего железа, предположительно – последней четвертью V-IV вв. до н.э.

40. Акмурун (рис. 40: 1-4)
раскопки Ф.А. Сунгатова, 2001

Одиночный курган стоял в трёх км к ЮЗ от с. Акмурун Баймакского р-на, на возвышенности левого берега р. Акмурун (левый приток Сакмары).

Курган 0. Насыпь диаметром 22 м, высотой 1,79 м. В центре – задернованная впадина диаметром 4-5 м, глубиной 0,5-1 м. Раскопан бульдозером, бровка З-В. Найдено одно погребение (**рис. 40: 1**).

Стратиграфия. Дерн (0,2 м); насыпь – чернозем (до 1,5 м); погребённая почва (0,15 м); материк. В центре и в восточной поле насыпи уже практически под дерном начали встречаться находящиеся под наклоном крупные фрагменты бревен шатровой конструкции, на периферии лежавшие горизонтально прямо на поверхности погребёнки.

Под центром насыпи на уровне погребённой поверхности проявились остатки мощного перекрытия, размером 5×5 м, ориентированного углами по сторонам света. Нижний ряд брёвен лежал с СЗ на ЮВ, верхний – поперёк их. Просевшее перекрытие, особенно его северо-западная половина (под которой и оказались все дошедшие до нас артефакты), сильно разрушено грабителями. Брёвна уложены над большой (около 4×4 м), но неглубокой аналогично ориентированной камерой, с дном на уровне материка.

Погребение 0. Находилось в центре, в мелкой яме под бревенчатым перекрытием. В северо-восточном углу на дне лежала кучка аккуратно сложенных длинные кости, ключица и череп человека (**рис. 40: 2, 3**).

◆ В 2,2 м к В от них на уровне древней поверхности под северо-восточным краем перекрытия чуть наклонно стоял *сосуд*.

• *Сосуд* лепной глиняный плоскодонный с биконическим туловом и невысоким отогнутым венчиком (высота 12, 7 см; диам. днища, тулова и устья соответственно 8,5, 11,8 и 9 см). Поверхность хорошо заглажена, тёмно-жёлтого цвета, излом чёрный, в тесте примесь шамота (?) (**рис. 40: 4**).

Солидная насыпь и мощное перекрытие позволяют предположительно отнести памятник к концу V-IV вв. до н.э.

41. Булатово-1 (?) (рис. 41: 1)
раскопки Н.А. Мажитова, 1971¹

Могильник, известный местному населению как «Биш-Уба» («Пять курганов») выявлен в 1952 г. В.И. Фоминой. Он находится в 2 км к ЮВ от д. Булатово Абзелиловского р-на. Состоял из девяти располагавшихся цепочкой курганов диаметром 15-40 м, высотой 1-3 м (АКБ 1976: № 1890). Был раскопан один

¹ Не путать с могильником Булатово-2 (?), находящемся на противоположной стороне той же деревни, раскопанным и изданным А.Х. Пшеничнюком (1983: 51-52).

курган (которому публикаторы присвоили №1).

Курган 1. Грунтовая насыпь, диаметром 21 м, высотой 1,75 м. В центре - западина от давнего ограбления, диаметром 5 м, глубиной 1,25 м. Насыпь облицована по периметру крупными каменными плитами и валунами, залежавшими под дёрном в 1-3 слоя, диаметром 18 м. Обнаружены два погребения (**рис. 41: 1**).

Погребение 1. Ограблено. Находилось в центре. Было совершено в подпрямоугольной яме, С-Ю, размером 3,45×1,5 м, глубиной 0,6 м (от уровня погребёнки). Находок нет. Северная часть западной стенки деформирована, что автор отчёта считает результатом деятельности грабителей (*Мажитов 1971А*: 13-14). Однако, судя по тому, что участок, примыкающий к яме, плавно поднимается по мере удаления от неё, нельзя исключать наличия здесь короткого дромоса (типа погр. 4 кургана 1 в Утарке, см. № 10).

Вокруг центрального погребения прямо на поверхности погребённой почвы было возведено прямоугольное сооружение без крыши, размером 5×7 м, ориентированное СЗ-ЮВ. По мнению Мажитова, его можно представить в виде клетки, каждая из четырех сторон которой сложена из 6-7 неошкуранных берёзовых брёвен, лежавших в один накат, или сруба, высотой в те же самые 6-7 брёвен. На момент раскопок спрессованное под тяжестью насыпи сооружение имело толщину от 2-3 до 15-20 см.

Погребение 2. Примыкало к южному углу «сруба» и было выявлено лишь по обломкам черепа.

◆ Рядом с черепом находился раздавленный *сосуд*, лежавший на уровне материка (очевидно, в неглубокой яме, ориентированной СЗ-ЮВ?).

• «*Сосуд* изготовлен из глины с примесью талька. По форме он является типично сарматским» (рис. в отчёте нет. – Авт.).

Погр. 2 относится к числу так называемых «погребений стражников», зависимых лиц, совершённых рядом с основным (чаще всего к Ю от него).

Довольно большие размеры насыпи и наличие в кургане бревенчатого сооружения позволяют отнести памятник к концу V-IV вв. до н.э.

Глава 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

В настоящей работе анализируются материалы последней четверти V-IV вв. до н.э. из 41 погребального памятника Южного Урала. Сразу оговоримся, что по понятным причинам авторы не могли не включить в книгу и некоторые материалы III в. до н.э., относящиеся к прохоровской культуре. 3 памятника относятся к категории грунтовых могильников, 38 - курганных.

3.1. ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Все немногочисленные грунтовые погребения происходят с правобережья среднего течения Илека, - одного из наиболее крайних юго-восточных участков распространения савроматских древностей. Впрочем, немного их и в других районах. Из числа савроматских давно известны грунтовые погребения в окрестностях сел. Бажиган в Дагестане (*Виноградов 1963*: 17-20, рис. 4, 5), а также на Ивановской дюне в бассейне р. Самара (*Ледеяев 1983*: 117-120, рис. 1, 2). Погребения сарматского времени повсеместно встречаются в песках Северного Прикаспия (*Лисицын 1980*), на местах савроматских (сарматских) зимников.

Тип погребения из Ветлянских Песков, доследованного школьниками, неизвестен. Остальные три грунтовые погребения можно отнести к числу ямных, хотя и условно. Дело в том, что во всех трёх случаях были вскрыты только нижние части могил, одинаковые у простых ям, подбоев и катакомб. Впрочем, контуры этой ямы, имеющей прямоугольную форму зафиксированы и среди этих трёх только однажды (погр. 8 в Максutowой землянке). Ямный тип предполагается в связи с небольшой глубиной илекских грунтовых погребений, хотя на сарматской периферии, на Мангышлаке известны и погребения без насыпей, совершённые в глубоких грунтовых катакомбах (*Курманкулов 2007б*: 103-107).

Для трёх илекских грунтовых погребений известна ориентировка умерших: два - головой на запад, одно - на юг. Судя по инвентарю, один из них - мужчина (рядовой воин-лучник), двое - женщины («шаманка», похороненная с зеркалом и алтариком, а также «домохозяйка», захороненная с сосудом, бусами и «молоточками»). Любопытно, что и четыре костяка из трёх самарских погребений (из которых одно мужское, одно женское, пол ещё двух неопределим в силу отсутствия вещей) ориентированы аналогичным образом. Ориентировка обоих бажиганских погребений (по инвентарю - определённо воинских) осталась неизвестной.

Нет никаких сомнений, что в действительности савроматские и сарматские грунтовые погребения были гораздо многочисленнее. Одна из главных причин их малого количества - невнимание археологов к памятникам этой категории, выявляемым большей частью попутно, или случайно, как правило, в пустынных районах. В качестве примера можно было бы сослаться на пример работы Р. Исмагила в зоне Тенгизского нефтегазового месторождения в Атырауской (быв. Гурьевской) обл. Республики Казахстан в 1990 г. В ходе разведки было выявлено немало полуразрушенных и целиком сохранившихся погребений раннего железного века на развеваемых дюнах и бэровских буграх (материалы не опубликованы). Эпицентром захоронений такого рода можно считать всю зону Прикаспийской низменности, начиная от Мангышлака на востоке и заканчивая правобережьем р. Кума в Дагестане.

3.2. КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ

Диаметр насыпей варьируется в Зауралье от 6 м (Валитово-4, курган 2) до 36 м (Биш-Уба-1, курган 1), в Предуралье – от 7 м (Весёлый, курган 5 (1968) до 40 м (Елена, курган 8); высота, соответственно, в Зауралье от 0,18 м (Валитово-2, курган 2) до 3,29 м (Биш-Уба-1, курган 1), в Предуралье - от 0,15 м (Весёлый, курган 5 (1968), Казачий кордон, курган 5) до 2 м - Елена, курган 8). Выделяются размерами насыпи могильника Биш-Уба-1 (36×3,29, 26×1,2, 37×2,65, 16×0,45, 32×2,2 м). Преобладают насыпи диаметром 10-20 м (25 случаев); насыпи диаметром 20-30 м и 30-40 м представлены четырьмя случаями каждый. Меньше всего насыпей диаметром менее 10 м (два случая). Что касается высоты, то преобладают насыпи высотой менее 1 м (22 случая). Далее идут насыпи высотой 1-2 м (9 случаев). Насыпей высотой более 2 – одна, и столько же - высотой более 3 м. Две последние зафиксированы в могильнике Биш-Уба-1. Антропогенный фактор в ряде случаев серьезно повлиял на современное состояние древних курганов. Так, высота грунтовой насыпи одиночного кургана Тулубай за 40 лет (1963-2003) регулярной распашки с 3 м уменьшилась до 1 м (*Исмагил, Сунгатов 2009*: 118). Высота каменной насыпи Большого Гумаровского кургана в результате вывоза из неё строительного камня в середине XX в. с 2 м сократилась до 1 м (*Исмагил 1987*: 29).

Насыпи пятнадцати предуральских курганов сооружены из грунта. Один раз (Юрматы-1, курган 2) в насыпи встретились камни (которые А.Х. Пшеничнюк (1983: 88) оценивает как «наброску над могилой»), но здесь же находился плитовый склеп, и камни могли оказаться здесь просто в качестве строительного мусора. Преобладают грунтовые курганы и в Зауралье (11), однако три насыпи Валитовского-2 могильника и пять насыпей Гумаровского сооружены из дикарного камня. Редкую особенность последнего памятника составляет наличие в насыпях и в заполнении могил речных камней-голышей светлых оттенков, доставленных, очевидно, с реки Сакмара (1-1,5 км).

Крупные могильники, состоящие из многих десятков и, тем более, сотен курганов последней четверти V-IV вв. до н.э., среди раскопанных не представлены. На левобережье Белой имеется несколько сравнительно больших плохо исследованных памятников (Елимбетово, Уметбаево), но, кроме савроматских, они содержат также погребения бронзового века и среднесарматские. Это обстоятельство затрудняет восстановление пространственной структуры этих памятников, которые к тому же раскопаны далеко не полностью. Планиграфически исследованные объекты (кроме состоящих из одного или двух курганов, не поддающихся типологизации) относятся к числу могильников с не выраженной, или бессистемной структурой (Уметбаево, Елимбетово, Октябрьское-1, Акъяр, Валитово-2), или группирующихся в цепочки (Весёлый, Юрматы, Новотроицкое-2, Казачий кордон, Гумарово, Биш-Уба-1, Булатово-1).

Преобладающее большинство подкурганных погребений – индивидуальные; но довольно много парных (12); в двух ямах найдено по три костяка. Среди раскопанных погребений преобладают основные. Тем не менее, немало впускных погребений – 11 (встреченных в насыпях семи более ранних курганов). В территориальном отношении они распределены довольно равномерно (пять в Предуралье, шесть в Зауралье). Все впускные в курганы эпохи бронзы: абашевские - в Предуралье, алакульские - в Зауралье. В Большом кургане Гумаровского

могильника, расположенного на границе ареалов, савроматскому погребению 2, помимо алакульского (1), предшествовало и погребение (3) VIII-VII вв. до н.э.

Среди курганов последней четверти V-IV вв. до н.э. преобладают одномогильные (21 случай). Значительно реже встречаются насыпи, под которыми сооружены два (7 случаев), три (2 случая) и четыре (1 случай) погребения. Несколько выпадают из общей картины курганы, содержащие по семь погребений (2 случая). Первый из них связан с сооружением в крупнейшем в Биш-Убе-1 кургане 1 юртообразной конструкции, с которой и связано столь большое число захоронений. Во втором случае, семь погребений оказалось в склепе (правда, только пять из них относятся к яицкой культуре). Наибольшее же число погребений, перекрытых одной насыпью (11), обнаружено в кургане 1 Октябрьского-1 могильника. Это не случайно: описанный курган демонстрирует погребальный обряд уже практически сложившейся прохоровской культуры. К отличительным особенностям последней относится большое количество погребений, кольцеобразно размещённых под одной насыпью.

3.3. АРХИТЕКТУРА САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

3.3.1. **Каменные ограды.** Одним из любопытных конструктивных элементов одиночного кургана Валитово-3 является сильно разрушенная прямоугольная каменная ограда, воздвигнутая в насыпи вокруг погр. 4. Из четырёх погребений именно оно являлось позднейшим (при его совершении было деформировано савроматское погр. 3). Каменная ограда была довольно сильно разрушена, и далеко не праздным представляется вопрос о том, кто же это сделал.

Разрушение каменной ограды могло бы ожидаться в связи с деятельностью геодезистов во второй половине XX в. (которые установили бетонную чушку на дне ямы погр. 3), но это предположение не очень хорошо согласуется с картиной распределения камней в насыпи. Почему геодезисты практически целиком снесли северную стенку с прилегающими к ней участками западной и восточной стенок, но при этом почти не затронули южную стенку? Следов рва, обычно остающегося на поверхности насыпи после визита геодезистов, не зафиксировано, что также свидетельствует против версии о разрушения оградки нашими современниками. Не могли принимать участия в разрушении северной стенки и грабители, уже хотя бы потому, что курган цел (разрушение погребений 1 и 2 произошло при сооружении ям 3 и 4, когда оградки еще не существовало). Наконец, камни из северной полы насыпи не могли быть выпаханы, поскольку курган стоял на целине и никогда не подвергался воздействию плуга.

Изложенное дает право на вывод о том, что разрушение надмогильной каменной ограды было делом рук самих савроматов. Этот факт наталкивает на серьезные размышления, особенно в связи с появлением скоропалительных новых версий о поджоге савроматских шатрообразных конструкций грабителями (*Сдыков и др. 2003*: 66-68), о чём подробнее сказано ниже.

Прямых аналогий ограде кургана Валитово-3 немного: квадратная каменная ограда в кургане 3 у пос. Матвеевский, идентичная валитовской и по форме, и по размерам (*Граков 1947*: 113-115; *Смирнов 1964*: рис. 48, 1); округлые «кромлехи» в курганах 8 и 17 в могильнике Лебедёвка-VII (*Железчиков и др. 2006*: рис. 64, 3; 74, 7), и т.д. В более широком плане, вероятно, можно отметить и деревянные рамы

поволжских памятников, воздвигнутые на древнем горизонте (Усатово, курганы F 13 и 14; Боаро, курган E 23) (Смирнов 1964: рис. 7, 1,2,4). Более многочисленны такие рамы на Южном Урале (Тарабутак, курганы 3 и 2; Мечетсай, курган 2; Пятимары-I, курганы 8, 6, 4, и др.), где они являются основой мощных деревянных настилов (Смирнов 1964: рис. 17, 1; 18, 1, 3; 20, 1; 25, A; 29, 1; 31).

Назначение подкурганых каменных оград, в общем, понятно: отделение сакрального пространства от профанного, мира мёртвых от мира живых. Это не крепиды в виде каменных колец в насыпях, которые хорошо известны у савроматов, у причерноморских «скифов» (Тереножкин и др. 1973: 133, 150, рис. 17, 32) и особенно у «саков» и «усуней» Семиречья (Акишев 1963: рис. 80, 81; Кушаев 1963: рис. 2-5, 9, 10, 13, 16, 23, 28 и сл.). Правда, кольцами некоторые сооружения такого типа можно назвать с большой натяжкой. Так, в кургане 8 группы Пятимары-I крепида имела форму многоугольника с длинным прямым северо-западным участком (Смирнов 1964: рис. 25, A).

3.3.2/3. Шатрообразные (шатровые) конструкции. Культ огня у савроматов.

Относительно недавно сарматский погребальный обряд казался если не примитивным, то весьма простым, ограниченным преимущественно трупоположениями и, реже, трупосожжениями в могильных ямах или на древнем горизонте. В конце 50-х гг. 20 в. на правобережье Илека в крупных курганах были открыты первые в Предуралье шатрообразные конструкции (Смирнов 1975)¹. Такие же сооружения позже были обнаружены в башкирском и в челябинском Зауралье (Пшеничнюк 1983; Гаврилюк, Таиров 1993: 54). Внутри некоторых «шатров» фиксировались срубы-склепы с погребениями (Ивановка-III, курган 1) (Пшеничнюк 1983: табл. XXVIII, 1)².

Шатрообразные конструкции встречены во многих памятниках яицкой культуры, в частности, в Альмухаметово, курган 8 (Пшеничнюк 1983: 90), Новом Кумаке, курган 26 (Смирнов 1977: 36), Мечетсае, курган 8 (Смирнов 1975: 132), Обручевке, курган 2 (Гаврилюк, Таиров 1993: 54), Филипповке-1 (Пшеничнюк 2013: рис. 1-5; Яблонский 2007: 13), Покровке-II (Яблонский 2007: 16), Переволочане, курганы 5-10 (Пшеничнюк 1995: 32-96), Лебедёвке-II и Кырык-Обе-II (Сдыков и др. 2003), могильнике у с. Нагорное, курганы 1-3, 9 (Кадырбаев 1981A).

В архитектуре под шатром понимается многоугольная (как правило – восьмиугольная) пирамида, венчающая какую-либо постройку (например, в православных храмах и мусульманских мечетях). В таком случае к категории классических шатров должны относиться чумы и яранги северных народов, с которыми А.Х. Пшеничнюк постоянно устно и письменно сопоставляет сооружения филипповских курганов. Насколько правомерен этот термин в археологии раннего железного века? Конструкция Первого кургана с радиально расходящимися от

¹ Термин встречается уже в литературе конца XIX–начала XX в., но применительно к скифским памятникам (см., например: Ростовцев 1925: 332).

² Занимательным представляется мнение М.А. Очир-Горяевой (2011: 350 сл.) об уподоблении «деревянного сооружения радиальной конструкции» сарматскому зеркалу с кольцевым ободком (соответствующим курганному валику) и центральной кнопкой, высотой, очевидно, не более полуметра. Остаётся надеяться, что хотя бы сам автор такой реконструкции догадывается о назначении ритуального сооружения, под которыми пробираться можно только ползком.

центра лучами в виде брёвенчатого чума (*Пишеничнюк 2013*: рис. 4), как и в большинстве других крупных курганов, имеет основания быть названной шатрообразной. Однако следует иметь в виду, что сооружения Нагорненского могильника имеют другой вид (*Курманкулов 2007а*: рис. 2). Под насыпями пяти курганов оказались постройки в виде концентрических окружностей, имеющие сходство не с шатрами, а с юртами, широко представленными, например, на росписях стен погребальных камер Боспора и которыми башкиры, казахи и другие тюркоязычные наследники савроматской культуры пользуются вплоть до настоящего времени. Археологи не без основания полагают, что погребальные сооружения того или иного населения, в целом, копируют сооружения, применявшиеся в его повседневной жизни (*Мошкова 1974*: 48-49; *Смирнов 1975*: 152; *Кубарев 1987*: 20). Тем не менее, учитывая количественную сторону явления и тот факт, что в науке уже давно утвердился термин «шатровые конструкции», мы будем называть их именно так. В известной степени конкуренция между двумя формами у сарматов снимается аналогиями у их восточных соседей, носителей саргатской культуры (IV-II вв. до н.э.) Западной Сибири. Брёвна нижнего яруса двухъярусного шатрового сооружения кургана 6 Шмаковского могильника уложены радиально (наподобие «шатра»), а верхнего – концентрически («юрта») (*Генинг 1993*: 83-87, рис. 11-12).

В начале XXI в. в Западном Казахстане были исследованы два курганных могильника – Лебедёвка-II и Кырык-Оба-II (*Сдыков и др. 2006*). Раскопки показали сложный характер обнаруженных шатрообразных конструкций, справедливо трактованных в качестве склепов с уплощённой крышей. Это подтверждается сооружением, исследованным в кургане 11 могильника Кенес из Северного Казахстана. Прекрасной сохранности сгоревший деревянный сруб со входом, рубленый «вхлоп», размером 7×8 м, имел брёвенчатое перекрытие в виде четырёхгранной усечённой пирамиды, опиравшейся на центральные столбы (*Хабдулина 1994*: 21, табл. 13, 8).

Актюбинские археологи установили практически совпадающую с нашей иерархию курганов Лебедёвки-II. Вскрытые в 2002 г. насыпи они разделили на две группы: 1) диаметром до 20 м, высотой до 0,6 м, с погребениями воинов в ямах 2,5×1,5 м; 2) диаметром 25-40 м, высотой 1,5-2,5 м. Каждый из курганов второй группы представляет из себя сложное архитектурное сооружение с саманным валом, ограничивающим прямоугольную (8×15 м) или квадратную (15×15 м) площадку со входом-разрывом с востока (последнему утверждению, однако, противоречат приведённые планы, на которых разрывы фиксируются и с других сторон. – Авт.) (*Сдыков и др. 2006*: 50-51).

Три «шатра» зафиксированы в Биш-Убе-1, по одной – в Булатово-2 и в плохо документированном Акмуруне; предположительно - в Васильевке и в раскопанном колодцем кургане 2 у хут. Весёлый. По некоторым подсчётам, в Южном Приуралье шатровые конструкции составляют 18% от общего количества курганов конца VI-V вв. до н.э. (*Гуцалов 2011*: 88 сл.). Важно отметить, что они встречаются и в Зауралье, и в Предуралье. Единственным надёжным критерием для сооружения шатрообразных конструкций, видимо, является размер кургана, отражающий социальный статус похороненных в нём людей. Под насыпями менее 20×1,5 м (как, впрочем, и в курганах с каменными насыпями, например, в Большом Гумаровском) «шатры» не встречаются. Функциональным дублёром «шатра» в крупном кургане 8

Елены в Предуралье можно считать мощное деревянное перекрытие над центральным погр. 2.

Считается, что надмогильные сооружения описанного типа в течение какого-то времени были доступны для посещения через наземные дромосы (от которого в кургане 3 Биш-Убы-1 сохранились столбовые ямки южнее шатра). Аналогичные ямки, вырытые в центральной части курганов 1 и 3, очевидно, использовались для установки опорных столбов шатровых конструкций.

Шатрообразные конструкции до определенной высоты обкладывались рядами блоков из дерна (самана), являлась в таком случае лишь своего рода каркасом для стен, сложенных из грунта, а также, вероятно, топливом для погребального костра.

В коллективной статье о Биш-Убе-1, основные идеи которой принадлежат Б.Б. Агееву, утверждается, что в кургане 1 была обнаружена не один, а два «шатра». Это позволило её авторам прийти к заключению, что «...курган, видимо, был сооружён в два приёма. Об этом свидетельствуют два уровня залегания остатков деревянных сооружений. Верхняя (поздняя) деревянная конструкция была, очевидно, сооружена над одним из впускных погребений, нижняя (ранняя) – над основным..., располагавшимся на древней поверхности в центре кургана» (Агеев и др. 1998: 97). В случае подтверждения этого факта мы имели бы уникальное, не известное более нигде, явление, но приведённый вывод ни логическими умозаключениями, ни стратиграфическими данными не подтверждается и остаётся чистой фантазией. Вызывают вопросы и некоторые другие положения статьи 1998 г. Так, в этой работе говорится о том, что в кургане 1 «...после сооружения деревянной конструкции первоначально были сооружены погребения, расположенные кольцеобразно по его периметру, и только после этого был вырыт ровик и насыпан вал. В результате этого край погр. 6 оказался под валиком¹. Спустя некоторое время после сооружения валика курган был досыпан и в него было впущено погр. 1, которое находилось в насыпи в слое прокала» (Агеев и др. 1998: 100). Действительно, тот факт, что край могилы погр. 6 (а также, судя по плану, ямы-«бофра» 1. – Авт.) оказались засыпанными валиком, однозначно свидетельствует о том, что последний был насыпан после совершения основных захоронений. Однако никаких оснований считать, что первым этапом работ в кургане 1 было сооружение «шатра», нет. Судя по тому, что часть основных погребений (3, 5) частично оказалась засыпанной продуктами горения, в то время как другие (погребения 4, 7 и самое сложное, крупное, богатое и раннее в кургане погр. 6) вообще находятся за пределами горелого слоя, «шатёр» был сооружён не только после похорон, но - исходя из того, что западный участок слоя горелой земли был, кажется, подсыпан к уже существовавшему на тот момент валику - даже после сооружения валика. Таким образом, оказывается, что отнюдь не всегда валик в савроматских курганах служил основанием для упора нижних частей юртообразных конструкций и, более того, не всегда эти конструкции перекрывали подкурганные погребения.

Из двух погребений, причисленных Б.Б. Агеевым с соавторами к числу впускных, таковым является только погр. 1, действительно совершённое в слое насыпи, на глубине 2,85 м (при высоте насыпи 3,29 м), т.е. выше горелого слоя. Считать впускным погр. 2 с сильно обожжённым костяком (глубина 3,4 м), нельзя.

¹ Данное обстоятельство, по мнению Б.Б. Агеева с коллегами, и спасло его от полного ограбления. В настоящее время и эта версия также представляется весьма спорной.

На деле оно было совершено на уровне древнего горизонта, так как только в таком качестве костяк мог подвергнуться воздействию огня от сгоревшего шатра¹. Поскольку трудно представить а priori, что шатровая конструкция в кургане 1 была сооружена над одним погребением (2) из семи, остаётся предположить, что «юрта» не всегда сооружалась только в качестве склепа, но могла иметь и какое-то иное назначение (например, служить в качестве сооружения для совершения каких-то обрядов, являться материалом для погребального костра, и др.).

Курган 1 Биш-Убы-1 демонстрирует один из ранних случаев применения кольцевой планировки в погребальном обряде савроматов яйцкой культуры.

В описываемой группе памятников зафиксировано 13 случаев применения огня. В трёх (из четырёх раскопанных) курганах Биш-Убы-1 оказались сожжённые шатрообразные конструкции. Ни одного факта полной кремации нет, однако зафиксировано четыре случая обожжения костяка в могиле (Уметбаево-1, курган 1, погр. 2; Юрматы-1, курган 1, погр. 2; Бараково, курган 1, погр. 3; Валитово-4, курган 2, погр. 0). В четырех погребениях (из восьми) Гумаровского могильника и в двух погребениях (из трёх) Валитово-2 обнаружены уголь, зола и сажа. В погр. 0 кургана 1 последнего в яме был разожжён костёр, отчего на стенках налипли копоть и сажа, а вся засыпка была перемешана с продуктами горения. Над ямой фиксировался слой золы, причём сама яма по периметру была окружена оранжевым горелым валиком. В погр. 0 кургана 2 костёр, прокаливший доставленную со стороны щебёнку, находился в юго-западном углу могилы.

Шатрообразные конструкции большинства памятников следов огня не содержат, в то время как все сооружения в Биш-Убе-1, как и в ряде курганов Филипповки-1, Покровки-2, Переволочана и др., были сожжены. Детали обряда сожжения остаются неясными. По мнению Б.Б. Агеева с соавторами и ряда других археологов, «стратиграфические наблюдения позволяют думать, что насыпи всех этих курганов сооружались над еще непогасшим костром» (Агеев и др. **1998**; *Очир-Горяева 2011*: 350 сл.). Мы не уверены, что продолжающая гореть шатровая конструкция дала бы возможность производителям похорон заниматься сооружением насыпи. «Шатёр» в условиях открытого огня вряд ли был способен гореть более нескольких часов, и успеть соорудить за это время насыпь, тем более крупную, совершенно невозможно. К тому же, силы такого костра вряд ли было достаточно для образования слоя горения мощностью около метра (как, например, в первом кургане Биш-Убы-1). Всё это заставляет искать какие-то другие объяснения. Шатровую конструкцию, очевидно, для начала надо было завалить максимально возможным слоем коры, бересты, травы, хвороста и веток. После того, как слой веток «садился», а бревенчатый каркас хорошо просыхал, сооружение обкладывалось на значительную высоту дерновыми блоками и/или саманными кирпичами, которые, в свою очередь, засыпались слоем земли. «Шатёр» поджигался или изнутри, через дромос (если он был ещё открыт), или через какое-то временное отверстие в насыпи. В условиях нехватки кислорода дерево тлело несколько суток, обугливалось, превращаясь в высококачественный уголь (которым, кстати, топили свои самовары грабители оренбургских курганов) (ср.: *Пшеничнюк 1995*: 93).

¹ Аналогичный случай зафиксирован в кургане 1 могильника Ивановка-I, где также имелось сожжённое сооружение. В находившемся близ центральной могилы ямном погр. 1 кургана 2, совершённом в погребёнке, был найден обожжённый костяк.

Обгорала, конечно, и часть трупов людей и коней (последнее - в кургане 3 могильника Биш-Уба-1).

В упоминавшейся монографии казахстанских археологов высказана мысль о том, «что сжигание деревянных погребальных конструкций в курганах Кырык-Обы происходило уже после совершения погребальных ритуалов, непродолжительное время спустя». Отсюда следовала остроумная гипотеза, согласно которой пожары в южноуральских курганах – «результат деятельности грабителей», заимствованная, очевидно, у А.Х. Пшеничнюка (1995: 93-94; 1999: 28-29) без указания на источник. При этом актюбинские коллеги считают, что это были не простые, а «ритуальные ограбления» (Сдыков и др. 2003: 66-67).

Весь вопрос состоит в том, какое из двух слов этого словосочетания считать ключевым: «ограбление» (как думают М.Д. Сдыков с коллегами), или «ритуальное» (как полагают авторы этой книги). И мы, и наши оппоненты согласны в том, что в могилы с некоей ритуальной целью проникали практически те же люди, что хоронили умерших. Можно ли кровных родичей и их ближайшее окружение считать грабителями? Положенные в могилу ювелирные украшения, дорогое оружие, культовую утварь (например, фигуры оленей и посуду из тайников кургане 1 в Филипповке) и предметы быта, ценной иногда в десятки и сотни голов скота, являлись законной собственностью не только самого умершего, но и его семьи и рода. Погребальные обычаи, вряд ли одобрявшие проникновение живых в вечное жильё умершего, постоянно вступали в противоречие с желанием не потерять своё имущество, временно хранившееся в курганах и легко доступное для грабежа со стороны новых хозяев степи. Не всегда сакральное побеждало профанное, а страх перед умершим – бережливость. Надолго или навсегда покидая свои родовые территории (как это случилось с носителями яицкой культуры около рубежа IV-III вв. до н.э.), кочевники старались унести из родных могил не только память о них, но и дорогие (в прямом и переносном смысле этого слова) вещи.

Культ огня в южноуральских могилах последней четверти V-IV вв. до н.э. отнюдь не сводился к сжиганию своих склепов, он проявлялся в разных формах, частично описанных выше, причём, не только какое-то время спустя после похорон. Так, в кургане 2 Валиново-2 обращает на себя внимание немотивированная, на первый взгляд, концентрация всех умерших в восточной половине ямы при наличии пустой западной части. Это место, несомненно, было необходимо для проведения огненного ритуала.

Яркие формы применения огня в погребальном обряде приняло в курганах у Варны, Обручёмки, Бесобы, Филипповки-1, в могилах которых зафиксированы, несомненно, ритуальные лепные глиняные очаги, в том числе и неоднократно возжигавшиеся (Стоколос 1962: 21 сл.; Таиров, Боталов 1988: 102 сл.; Кадырбаев, Курманкулов 1976: 65-70, 86-88; Яблонский 2007: 12-13). Грабители, греющиеся у очага вскрытого ими кургана, выглядят настолько нелепо, что лучшего подтверждения несомненного наличия культа огня у населения яицкой культуры не приходится и желать. Но все эти яркие и многочисленные факты наличия огнепоклонничества у савроматов блекнут перед тем, который мы имеем в заволжском могильнике Берёзки-V (Мышкин и др. 2000: 71 сл.). Весь курган с его тщательно разработанной системой воздухопроводов, рассчитанной на достижение максимально высокой температуры, можно считать материализованным гимном огненной стихии.

3.3.4. **Каменные склепы.** Вопрос о наличии у савроматов монументальных долговечных склепов был поставлен относительно недавно (*Сдыков и др. 2003*). На возобновившихся в 2001-2003 гг. в Западном Казахстане исследованиях группы Лебедевка-II и начавшихся раскопках группы Кырык-Оба-II было вскрыто несколько курганов с насыпями значительных размеров. В них найдены содержащие погребения в материковых ямах или на горизонте комбинированные наземные погребальные склепы. Они воздвигались из земляных (дерновых) валиков или глиняных сырцовых кирпичей и армировались деревом. В связи с этим было заявлено, что такие склепы обнаружены впервые и что «основная ... масса археологов полагает, что после положения покойника в яму над ней насыпался могильный холм» (*Там же 2003*: 64 сл.).

Критика «основной массы археологов» здесь уместна только отчасти. О нарезанных из дёрна кирпичях в насыпи кургана 3 в Филипповке-1 (вслед за консультировавшим раскопки челябинским исследователем Г.Б. Здановичем) не раз писал А.Х. Пшеничнюк. Другие уфимские археологи тоже знали о том, что «шатры» могильника Биш-Уба-1 обкладывались дерновыми кирпичами (*Агеев и др. 1998*: 100). Эти блоки, вероятно, активно использовались в архитектуре больших савроматских курганов. Впрочем, стоит ли удивляться этому, если, известно, например, что «основным и универсальным материалом при возведении курганов степной Украины являются плитки дёрна» (*Андросов 1989*: 10).

Помимо деревянных и сырцово-деревянных склепов (близкие аналогии которым обнаружены, например, в Семибратних курганах Боспора, в приазовском Тузлинском некрополе, и др.) (*Власова 2001*: 128-129), на Южном Урале около середины I тыс. до н.э. появляются и каменные наземные сооружения. Один склеп из больших уплощённых плит был исследован в Тулубае, а второй, как оказалось, раскопала ещё полвека назад в кургане 2 группы Юрматы-1 М.Х. Садыкова, ошибочно принявшая его за ограду. В отличие от Тулубая, рассчитанного на захоронение членов малой семьи из семи человек, в Юрматы был погребен один человек (амазонка), правда, с конём.

Перекрытия над савроматскими склепами оказались разрушенными, однако найденные в насыпи юрматинского кургана большие плоские камни позволяют думать, что крыша, скорее всего, была плоской, или уплощённой. В тулубайском кургане это устанавливается по обнаруженным в стенах остаткам лаг перекрытия, плиты которого после разборки были аккуратно складированы у склепа. Этот приём до деталей повторяется в кургане 2 Ивановки-III, где плиты от разобранного перекрытия также старательно сложены на бревенчатом настиле, перекрывавшем ямный склеп (*Пшеничнюк 1983*: 38, рис. 10). Стратиграфия и тщательная работа явно выдают в строителях не грабителей, а сородичей умерших.

Развалины третьего, более совершенного южноуральского каменного склепа, сложенного из относительно неплохо обработанных плит, были исследованы Н.С. Савельевым в 2010 г. в неизданном ещё кургане Улек-Хазы в Башкирском Зауралье. Он имел восьмигранную форму и был перекрыт сводом с найденным «замковым» камнем. Возможности датировки этой ограбленной гробницы ограничены, однако найденный в нём бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы не противоречит возможности датировки памятника концом V-IV вв. до н.э. Отметим также описанный выше неглубокий грунтовый склеп в виде восьмигранной призмы из кургана 5 Казачьего кордона и квадратный склеп, вписанный в восьмигранную

ограду со входом с южной стороны в кургане 19 могильника Кырык-Оба-2 (*Сдыков и др. 2003*: 45, 61). Имеют ли отношение к описанному восьмиугольная форма склепа Улек-Хазы в Баишевской долине в Зауралье (раскопки Н.С. Савельева), неисследованный пока курган с насыпью диаметром около 50 м и высотой около 4 м в виде шестигранной усечённой пирамиды с уплощённой вершиной у с. Базлык Бижбулякского р-на¹ РБ, четырёхугольные насыпи «сакских» курганов Большого и Малого Новоалексеевских могильников в Семиречье (*Копылов 1958*: 158 сл.), могильника Беркара в Южном Казахстане (Раскопки Р. Исмагила рубежа 80-90-х гг. XX в.), - мы пока не знаем, но сбрасывать их со счёта явно нельзя. В раскопанном под Алма-Атой пирамидальном кургане обнаружено каменное сооружение в форме усечённой пирамиды, содержащее погребение в подбойной яме (*Копылов 1958*: 158 сл.).

Аналогии сооружениям Тулубая и Юрматов-1 встречены в разных концах скифского мира. Напоминает тулубайский склеп близкая ему по времени гробница Дыкылтас на Мангышлаке, состоящая, правда, из трёх отсеков и сооружённая из камней, врытых на ребро. Содержавшая останки трёх десятков субъектов камера, высотой всего в полметра, находившаяся в центре сложного культового комплекса, была перекрыта плитами, уложенными поверх засыпки (*Загородний и др. 1994*: 94 сл.). В кургане 18 у Крыловки в степном Крыму была раскопана редкая глухая плитовая камера второй половины IV в. до н.э. В отличие от большинства южноуральских сооружений, она была перекрыта куполом высотой 2,1 м (*Гаврилов, Шкарбан 1985*: 236-239, рис. 1-4). Однако наибольшее сходство с тулубайским обнаруживают склепы северных районов Средней Азии. В низовьях Узбоя были выявлены глухие или имеющие вход склепы с ложносводчатыми перекрытиями, сложенные, как и на Южном Урале, из рваного камня без раствора и окруженные стоящими на ребре плитами (Дордуль, Игды, Гичгельды, Дэвкескен-4 и др.). Каждый из них содержал по 10-30 костяков с вещами V-III вв.,² в том числе и савроматских типов (*Вайнберг, Юсупов 1992*: 122-130, табл. 47). Другая группа – носители джетысарской культуры низовьев Сырдарьи, первый этап развития которой можно синхронизировать с узбойской (*Левина 1992*: 61-72, табл. 15-25). Около 15% сооружений здесь составляют склепы (со входом в южной или юго-восточной стенке), служившие местом совершения коллективных захоронений. Они сложены из крупных сырцовых кирпичей и перекрыты сводами. Умерших укладывали на пристенные суфы-лежанки, на пол и в ямы (*Левина 1996*: рис. 39-49), что также повторяется в обряде тулубайского склепа. В последние годы много каменных склепов с ложными сводами стремительно растёт в Казахстане, на Устюрте (*Самашев 2007*: 132-138) и в Сарыарке (*Бейсенов 2007*: 173-181)³.

3.3.5. Многоярусные погребения. Важность этой темы стала особенно ясной в связи с нашими раскопками группы Валитово-2 и с открытием там серии погребений, захороненных на разных уровнях.

¹ На курган, даже плана которого до сих пор пока не имеется, в буквальном смысле слова случайно наткнулись несколько лет тому назад Н.С. Савельев и Ф.А. Сунгатов.

² Наибольшее известное нам число костяков в Приуралье зафиксировано в гробнице кургана 3 могильника Набережный на Илеке – 14 (*Кадырбаев 1981А*: 3, рис. 10).

³ Мы полагаем, что датированные раскопщиком VI в. до н.э. курганы 1 и 2 могильника Нуркен-2 синхронны яйцкой культуре.

Специальную работу о савроматских многоярусных погребениях издал недавно С.Ю. Гуцалов (2004: 135-152). По его, явно заниженным, данным, таковых в Южном Приуралье насчитывается 16. Однако в список по неизвестным нам причинам не попали описанные в той же работе два комплекса - Шаншар, курган 38 (с двумя костяками) и Кызылжар, курган 2 (с тремя костяками). В то же время, следует признать правоту и С.Ю. Гуцалова (1998: 127-136) в вопросе о характере раскопанного им парного погребения кургана 59 в Целинном-1, которое он, в отличие от нас (Исмагилов 1992а: 143-146, 255-257), изначально не считал многоярусным.

Нельзя исключать возможности появления некоторого количества латентных многоярусных погребений, скрывающихся в давно раскопанных курганах. Таковыми, очевидно, следует считать и оба безынвентарных погребения кургана 6 в Уваке (Смирнов 1975: 66, рис. 21, 1). Они совершены одно над другим в центре насыпи на глубинах 0,52 и 0,6 м. Первым был похоронен мужчина 35-45 лет, лежавший на спине в «атакующей» позе, головой на ЗЮЗ; практически на нём лежал костяк ребёнка в идентичном положении. Автор раскопок не исключает даже синхронности обоих умерших, однако факт нарушения северо-восточного угла ямы легче объяснить наличием между захоронениями «отца» и его «сына» какого-то непродолжительного хронологического интервала. Такая же ситуация сложилась с безынвентарным погр. 3 кургана 7 в Пятимарах-1. «В могиле были погребены два взрослых человека. На дне лежал костяк, кажется, женщины, на спине, головой на З; ноги расставлены ромбом..., руки также слегка расставлены и согнуты в локтях... Верхний костяк (мужской, 20-25 лет) лежал непосредственно на нижнем, не потревожив последний. Вероятно, захоронение совершено одновременно» (Смирнов 1975: 28-29, рис. 9, 1). В основном погр. 2 кургана 19 в Новом Кумаке раннее, нижнее погребение принадлежало крупному, убитому стрелой, мужчине, лежащему головой на ВЮВ, верхнее – старухе-жрице, датированной раскопщиком концом VI в. до н.э. Многоярусное захоронение в Новом Кумаке, кроме того, зафиксировано и в кургане 5 (Смирнов 1977: 7, 24, 26, 50; рис. 2, 1-2; 11, 13). Наконец, в яме 1 (размером 3×2,8 м, глубиной 0,65 м, ориентированной с СВ на ЮЗ) кургана 6 могильника у Нагорного совершено двухъярусное захоронение: нижнее (2) разрушено; верхнее (1) принадлежало молодой женщине не старше 30 лет, ориентированной головой на З. Её скелет в мягкой засыпке сильно «разъехался» (Кадырбаев 1981А: 42-44).

С учётом этих, а также двух валитовских, комплексов минимальное число известных нам многоярусных «савромато-сарматских» погребений приблизилось к 25. Многоярусные погребальные композиции, безусловно, следует рассматривать в качестве одного из вариантов коллективных погребений последней четверти V-IV вв. до н.э. Валиново-2 является на сегодня единственным, хотя и небольшим, савроматским памятником, состоящим практически лишь из многоярусных погребений. Коллективный, семейный характер погребальных памятников этого времени Южного Урала можно считать далеко не последним по значению признаком описываемой культуры последней четверти V-IV вв. до н.э.

Погребения на разных уровнях в одной яме известны не только у савроматов. Так, в двух мелких (около 0,4 м) грунтовых ямах курганов 6 и 9 рядового сакского могильника Кылауз-1 в Семиречье исследованы два двухъярусных захоронения (с соответственно двумя и четырьмя субъектами. Автор раскопок справедливо относит их к числу коллективных захоронений и считает «семейными усыпальницами»

(Акишев 1963: 93-94, рис. 74-76). Ещё более справедлив этот вывод относительно «царских» курганов Бешатыра, из бревенчатых дромосных гробниц которого вскоре после похорон были вынесены и вещи, и человеческие останки (Там же: 25-87).

3.3.6. «Странные» ходы (непогребальные подкурганые коммуникации). В целом ряде крупных филипповских курганов, а также в некоторых других памятниках (Кичигинские курганы) были обнаружены длинные ходы, ведущие от полы к центру насыпи (Пшеничнюк 2013). Эти сооружения были приняты А.Х. Пшеничнюком за грабительские траншеи. Но все ли они действительно имеют криминальное происхождение? Грабить могилы короткой вертикальной дудкой на порядок легче и безопаснее, чем длинной горизонтальной траншеей. К тому же, эти последние, иногда подходя к могильной яме буквально на расстояние вытянутой руки, явно не без умысла её обходят. Мы считаем этот факт надёжным доказательством того, что ни горизонтальные ходы, ни сожжение гробниц нельзя связывать с деятельностью грабителей (ср.: Яблонский, Мецзяков 2006: 38-45).

Первые подкурганые коммуникации типа приуральских были обнаружены более полувека тому назад в «царских» курганах 3 и 6 сакского могильника Бешатыр в Семиречье (Акишев 1963: 25 сл.). Авторы раскопок, правильно отказавшись от интерпретации их в качестве грабительских траншей (в связи с тщательностью работы, наличием специальных деревянных калиток у входа, и др.), всё же затруднились объяснить их назначение. В 1988 г. аналогичные ходы были обнаружены одним из авторов в 600 км к западу, под насыпью крупного (70×8 м) кургана 3 могильника Уш-Тобе в г. Джамбул (ныне - Тараз) в Южном Казахстане. Они прорыты на уровне погребённой почвы, причём дно находится в материке, а свод – в насыпи. Последнее свидетельствует о том, что ходы были проложены спустя какое-то время после сооружения насыпи, которая к тому времени уже успела слежаться и «держала» стенки прокопа. Как и бешатырские, уштобинские ходы, проходя едва ли не в считанных сантиметрах от гробницы, старательно её обходили (Исмагилов 1990: 30-32).

Ответ на вопрос о назначении ходов притяньшанских курганов сохранил, очевидно, позднеантичный писатель Элиан. Описывая экзотический для просвещённого европейца свадебный обряд у саков, он писал: «Кто из них хочет жениться на девушке, должен вступить с нею в борьбу; если верх в борьбе остаётся за девушкой, побеждённый борец становится её пленником и поступает в полное её распоряжение; только поборов девушку, может юноша взять её в свою власть. Для борьбы такого рода саки удаляются в подземные храмины» (Variae historiae, XII, 38). Горизонтальные ходы казахстанских курганов как нельзя лучше подходят под описание «подземных храмин» саков, «маркшейдеры» которых достаточно качественно делали свою работу (до наших дней они дошли целыми, пустыми и сухими). Это драгоценное свидетельство древнего автора можно принимать как «свидетельство существования у саков концепции кругооборота жизни, при котором смерть рассматривается в качестве начала новой жизни, а сам акт её ритуального зачатия и рождения должен был происходить на грани миров» (Исмагилов 1992: 154-155). Кстати говоря, не исключено, что на Урале для этого обряда могли использовать и полости шатрообразных сооружений. Отметим популярность игр типа «Кызкуу» («Погоня за девушкой») у многих тюркских народов, как и сюжета о

ритуальных единоборствах между батыром и девушкой в тюркском фольклоре¹.

«Странные» ходы, часто принимаемые археологами за грабительские, встречаются также в курганах Боспора и степной Скифии. Один, например, зафиксирован в Старшем кургане группы Трёхбратних в Восточном Крыму, где найден рельеф IV в. до н.э. с изображением женского божества в повозке (*Бессонова, Кирилин 1977*: 128 сл., рис. 1). Считать его грабительским мешает явно преднамеренная форма (в виде креста), а также отчётливо выраженная планиграфическая связь с одним из погребений кургана и с местом находки рельефа. Не исключено, что подземные коммуникации Старшего Трёхбратнего кургана могли служить местом проведения неких мистерий в честь вышеназванной богини.

Помимо описанных выше ходов, в курганах встречаются неглубокие ямы, напоминающие так называемые *бофры* воронежской группы курганов лесостепной Скифии. Некоторые учёные считают, что они предназначались для стока крови жертвенных животных в ходе обряда погребения (*Либеров 1961*: 162). В нашей выборке «бофры» известны в кургане 1 Биш-Убы-1 (яма треугольной формы, со стороной длиной около метра, чернозёмное заполнение без находок), кургане 13 группы Сибай-II, принятый А.Х. Пшеничнюком за грабительский лаз (размером 2,5×1,2 м, глубина в материке 0,25 м, засыпана чернозёмом, содержит угольки и обугленную кору). В одиночном кургане Старый Комсомол к В от единственного в кургане погр. 1 имелась почти квадратная яма, размером 2×1,9, глубиной 0,8 м, с пологими стенками и округлым дном. В заполнении много угольков, что связывается с выявленными в насыпи следами горения. Автор раскопок считает яму неудачным грабительским вкопом (*Пшеничнюк 1983*: 56-57, 60,62). В кургане 1 Покровки-2 обнаружено целых десять ям различной формы, ориентации и глубины (наиболее глубокая – 1,3 м от уровня погребёнки). Важной их особенностью является то, что все они начинаются от поверхности насыпи кургана, т.е. были вырыты уже после её сооружения, а яма 1 при этом ещё и прорезала бревенчатое сооружение (*Веддер и др. 1993*: 22-23). Иначе говоря, предположение А.Х. Пшеничнюка о том, что «бофры» вырыты грабителями, теоретически имеет право на жизнь, но плохо согласуется с фактом излишней для грабителей тщательности работы, чересчур большим количеством таких ям на некоторых объектах, наличием в ряде ям материальных остатков ритуального характера (угольки, косточки, обломки керамики), и т.д.

3.3.7/8. Каменные изваяния. Святилища. Из 41 памятника последней четверти V-IV вв. до н.э., попавших в нашу выборку, происходят пять-шесть каменных изваяний, воспроизводящих образ человека. Кроме того, имеются данные о двух десятках вкопанных в насыпи курганов или возле них необработанных камней, – менгиров (балбалов).

На самом крупном кургане Уметбаевского могильника, имевшем имя собственное «Кюмуш-Таш» (башкир. Көмөш-Таш) («Серебряный камень»), стоял большой монолит из красного песчаника. М.Х. Садыковой от местных жителей удалось записать легенду на его счёт. «О камне...существует легенда..., что когда-то, лет 80-90 тому назад, камень стоял у самого берега реки... По...случайности камень упал и убил...старушку по имени Кюмуш-Эби. Якобы, после этого случая

¹ «Камеры-часовни» Больших Пазырыкских курганов на Алтае, помимо своего прямого назначения, являлись также местом проведения религиозных служб (*Савинов 1996*: 111).

жители деревни в знак уважения к умершей занесли...плиту на возвышенность и поставили в центр самого высокого кургана и после этого за этим курганом...и за возвышенностью укрепилось название «Кюмуш-Таш» (Садыкова 1962А: 25).

На канале Башкирского спутникового телевидения (эфир от 09. 07. 2012) Р. Исмагилу довелось увидеть передачу о менгире «Килен-Таш» («Невестка-камень»). Он находится на территории д. Ташлы Альшеевского р-на РБ (в 70 км к СЗ от Уметбаево) в специально огороженном месте. Камень будто-бы скатился с местной горы и убил невестку с лошадью, которую она в это время доила. О связи «Килен-Таш» с каким-либо археологическим объектом в сюжете ничего не говорилось, хотя исключать этого нельзя.

По словам жителей, камни стояли раньше и на многих курганах Елимбетовского могильника. К началу раскопок (1962) «полузасыпанный» (т.е. основанием вкопанный в насыпь. – Авт.) менгир «Эби-таш» («Старуха-камень»), сохранился только на самом крупном кургане 13. Этот факт не только неопровержимо свидетельствует о существовании в на юго-западе Башкортостана по сей день заслуживающего пристального внимания фольклористов этиологического мифа о менгирах типа «Эби-Таш», «Кюмуш-Таш» и «Килен-Таш», но и позволяет говорить о его глубокой древности¹.

Описания елимбетовского менгира М.Х. Садыкова не приводит, но имеется, пусть и сделанный на большом расстоянии, его фотоснимок в профиль. Плита имеет скошенный верх, характерный для оленных камней (рис.). Оленные камни позднего типа в Приуралье обнаружены в святилище Валитовского-2 могильника, что позволяет относить валитовские и елимбетовский псевдооленные камни к последней четверти V-IV вв. до н.э.

Высокий, прямоугольный в сечении и, скорее всего, перемещённый с первоначального места, менгир стоял в Казанке (рис. 37: 6).

Могильник Юрматы-1 состоит из двух частей, разделённых одна от другой большой группой менгиров. В 0,2 км к СВ от юго-западной группы на плане М.Х. Садыковой нанесены полтора десятка менгиров; еще один, в сопровождении «каменной бабы», отмечен стоящим в 0,15 км к Ю от ближних к деревне курганов той же группы. Об облике менгиров можно судить по единственной фотографии (рис. 5: 2). Ни в 1991 г. (при осмотре Ю.А. Морозовым могильников у с. Юрматы, ни в 1994 г. (во время «раскопок» А.Ф. Яминова), ни в 2010 г. (в процессе мониторинга Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелёвой) менгиров уже не было. Очевидно, они исчезли в интервале между 1962 и 1991 гг. Наличие большого числа менгиров заметно выделяет Юрматы-1 из числа савроматских погребальных памятников. Эти камни напоминают группы вертикально поставленных балбалов близ малых курганов могильников пазырыкской культуры Горного Алтая, таких как Барбургазы, Уландрык и Юстыд (Кубарев 1979: табл. XX, 1; 1987: 11; 1991: 22).

С каменными «бабами» дело обстоит хуже. Ни рисунка, ни фотографии юрматинской «бабы», судьба которой сложилась, по-видимому, незавидно, мы не имеем. Территориально ближайшими к ней можно считать две каменные «бабы», по некоторым архивным данным, доставленные в 1911 г. с Прохоровского могильника в

¹ Широко известная группа менгиров находится около п. Кундряк Стерлибашевского р-на РБ (Мажитов 1971А: рис. 4). Один лежащий на боку менгир, напоминающий по форме и размеру современный холодильник, Р. Исмагил видел в конце 1990-х гг. у д. Мурдашево под Стерлитамаком.

Оренбургский музей и «пропавшие без вести» в годы Гражданской войны. Они также не были ни изданы, ни, видимо, даже зарисованы (Зуев 1999: 15). Изваяние неизвестного облика стояло в начале XX в. около Утаркинских курганов на р. Большой Ик (АКБ 1976: № 1661).

По рассказам местных жителей, ещё в 50-х гг. 20 в. на территории могильника Биш-Уба-1, в 15-20 м к ЮВ от кургана, у границы выгона с пашней также находилась вкопанная каменная «баба». В период «целинной эпопеи», совпавшей с грабительскими раскопками этого могильника, в начале 60-х гг. при помощи троса трактором она была вырвана из земли. Потом её варварски волоком перетасили в соседний п. Петропавловский, где заложили в фундамент строящегося дома. В 1993 г. раскопщики Биш-Убы-1 побывали в Петропавловском и нашли дом, под которым лежала «баба». Увидеть её возможности, естественно, не было; на просьбу передать её в распоряжение учёных хозяин предложил купить у него дом и таким способом заполучить «бабу». На этом переговоры закончились.

Изваяние стояло и на кургане Комсомол-1. ««Каменная баба» находилась в вертикальном положении. Она носит следы незавершённости. Голова отколота, плечи и талия выделены только грубыми сколами, но не подлежит сомнению, что это действительно остаток настоящей «каменной бабы». Сзади, от талии чётко видны три вертикальные линии, обозначающие, вероятно, складки одежды... В момент осмотра М.Х. Садыковой «каменная баба» лежала на боку, но, судя по рассказам местных жителей, они весной этого (1962. – Авт.) года её подняли, укрепив её фундамент известняковыми камнями» (Мажитов 1971А: 11-12).

Рисунка комсомольской «бабы» Н.А. Мажитов не приводит, скорее всего, его и не существует (во всяком случае, Р. Исмагил, занимавшийся в экспедициях Н.А. Мажитова чертёжными делами, её не рисовал). В Уфу изваяние не поступало и что с ним стало после раскопок, неизвестно. В отчёте имеется фотография спины-бока, на которой должны быть высечены три вертикальные линии. Если у изваяния голова и отколота, то лишь частично; в целом виде она явно имела округлую форму и чётко отделялась от плеч. Промеров фигуры Н.А. Мажитов, похоже, также не делал, а фотография помещена без масштаба. И всё же, судя по ещё одной фотографии в отчёте, воспроизводящей процесс начала раскопок кургана, размеры «бабы» сопоставимы с ростом рабочих. Таким образом, высота изваяния примерно равна 1,75 м, а с учётом вкопанной части – около 2,25 м (рис. 36: 3).

Святылище могильника Валитово-2 представляло из себя два псевдооленных камня, установленных на вершинах разделённых ручьём естественных курганообразных бугров близ летовки Иске ызма (рис. 7А). Камни имеют вид уплощённой плиты с преднамеренно скошенным верхним краем, - характерный отличительный признак этой категории меморативных памятников Евразии. Изваяние 2 (северное) вытесанное из тёмно-зелёного крупнозернистого известняка (высота от земли 1,23 м) без изображений, но с углублением искусственного (?) характера на короткой узкой («задней») стороне плиты (рис. 7Б: 2). Изваяние 1 (южное), изготовленное из зеленоватого песчаника (общая длина 1,75 м) лежало на земле (рис. 7Б: 1). Помимо изображения узкого пояса на одной из широких сторон камня («правая боковая») выбиты три группы знаков. Две из них (одна, цифровая – над поясом справа, другая, графическая – выше первой) явно поздние, арабоязычные. Третья вертикальная, неясного времени, состоит из трёх тамгообразных знаков (напоминающих буквы «С», обратное «С» и «Ц»). Выше надписи, на месте «лица»

нанесена вертикальная пара прямых линий, которые мы считаем аналогичными «косым» линиям на лице классических оленных камней (ближайший из которых найден в Гумаровском кургане 1, в 120 км к ЮЗ от Валитово-2) (*Исмагилов 1988*).

По формальным основаниям три монумента из Башкортостана (Елимбетово, Валитово-2, Казанка) относятся к категории псевдооленных камней, четыре (Комсомол-1, Юрматы-1 (?), Биш-Уба-1 (?) и Утарка (?)) – антропоморфных изваяний. Они принципиально отличаются друг от друга тем, что на узких гранях оленных камней обозначены лицо и спина, в то время как на антропоморфных изваяниях эти части человеческого тела изображены на широких плоскостях. Исходя из того, что родина оленных камней находилась где-то около Западной Монголии, антропоморфных изваяний – на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, эти особенности можно считать локальными (*Ольховский 2005*: 152).

Четыре стелы выявлены в Башкирском Зауралье в памятниках ирендык-крыктинской группы Сакмаро-Уральского междуречья последней четверти V в. до н.э., по мнению выделившего их исследователя, связанной своим происхождением с восточными районами Евразии. Две из них, «веретенной» формы, высотой около метра, были установлены на курганах могильника Юмаш-Тау (*Савельев 2000*: 41-52). Ещё две, высотой 60 и 75 см, обнаружены в стенке ограды и в стенке ящика кургана Кушалыкуак-1 (*Савельев 2006*: 92-104, рис. 4-5). Оценить степень близости стел ирендык-крыктинской группы с савроматскими сложно. Визуально (небольшие размеры, отсутствие обработки) они ближе к менгирам, функционально – к изваяниям и оленным камням. Конечно, эти выводы следует считать сугубо предварительными, но, тем не менее, вклад населения Алтая и Сары-Арки в формирование культуры населения Зауралья и, в частности, монументальной скульптуры последнего, вполне ощутим. Целый набор алтайских черт демонстрируют савроматские курганы Гумарово (которые Н.С. Савельев даже относит к ирендык-крыктинской группе): каменные насыпи, белая галька в насыпях и засыпке, и др. Учитывая наличие ряда саяно-алтайских реплик в материальной культуре «киммерийского» или «скифского» погр. 3 кургана 1 в Гумарово (наличие оленного камня алтайско-кавказского облика, полихромные изделия, некоторая скорченность костяка, та же галька в насыпи), может быть, не случайным следует считать возникновение именно около раннего кургана 1 целого, хоть и небольшого более позднего могильника, имеющего элементы культуры алтайского типа. Возможно, что пришедшая в последней четверти V-IV вв. до н.э. с востока на Южный Урал в среднее Присакмарье небольшая группа населения могла знать место захоронения своего предка, совершённое в VIII-VII вв. до н.э. Правда, более реальным всё же является вариант, при котором бывшие «алтайцы» V-IV вв. стали хоронить своих покойников возле приуральского погребения своего алтайского земляка случайно.

Стелы Валитово-2 вряд ли могут восходить к малочисленным классическим оленным камням, известным на этой территории лет за 250-300 до этого: Гумарово (*Исмагил 1987*: 89-93), Дюсметьево Пономарёвского р-на Оренбургской обл. (не издан). Их генезис проходил где-то в других районах. Территориально наиболее близкими псевдооленным изваяниям святилища могильника Валитово-2 являются плиты из Имангазы-Карасу-II, погр. 18 кургана 23 в Покровке-2 (*Ольховский 2005*: илл. 132, 8, 11) и мангышлакского Дыкылтаса (*Загородний и др. 1994*: 94 сл.; *Ольховский 2005*: илл. 134-138; подробнее см.: *Исмагил и др. 2006*: 111-112).

Таким образом, на территории савроматской культуры, с учётом, в известной степени виртуальных, антропоморфов нашей выборки и прохоровских, в настоящее время известно около полутора десятков каменных монументов (*Смирнов 1964*: рис. 75, 20, 21; *Таиров, Гуцалов 2001*: рис. 1, 1-7; *Ольховский 2005*: 132 сл., илл. 131, 1-3; 132, 1-4, 6-7, 9-10). Показательно, что лишь один из них найден в Нижнем Поволжье, все остальные происходят с территории самаро-уральского варианта (один – из Самарской обл., три – из Оренбургской обл., четыре – из Башкирии, семь – из Актюбинской обл. Казахстана). Это примерно в десять раз меньше, чем у скифов Кавказа, Северного Причерноморья и Крыма (*Ольховский, Евдокимов 1994*: 39 сл.), правда, при этом следует помнить, что скифские изваяния известны уже с VII-VI вв. до н.э., а савроматские – только с последней четверти V в. до н.э. Крайней восточной находкой этого типа, видимо, является неопубликованное изваяние из Карагандинской обл. (Центральный Казахстан). Оно хранится в Музее народных музыкальных инструментов в г. Алматы, где его в середине 90-х годов 20 в. видел один из авторов этой работы (Р. Исмагил). Изваяние было вкопано основанием в стоявший в тёмном углу деревянный чан с землёй таким образом, что обозрению практически была доступна только одна сторона из четырёх (из которой к тому же нижняя четверть была под землёй). В специализированный музыкальный музей изваяние попало по вполне уважительной причине: на лицевой стороне ниже пояса было выбито изображение домбры. Через несколько лет сотрудники музея в «домбре» опознали изображение мужских гениталий. Поскольку ценный экспонат, доставленный не без хлопот из пункта в тысяче километров от Алматы, находился на балансе музея, его просто-напросто вогнали глубже, таким способом убрав «неприличное» изображение под землю. В архиве Р. Исмагила хранится схематическое изображение изваяния, выполненное, к сожалению, только по памяти карагандинским археологом Э.Р. Усмановой. В целом, оно по форме и таким признакам, как наличие фаллоса при одновременном отсутствии изображений вещей на лицевой грани (три другие, напомним, мало доступны для обозрения), ближе всего стоит к случайной находке из Кашкантау (*Таиров, Гуцалов 2001*: рис. 1, 2).

В последние десятилетия стала широко известной устюртская группа изваяний. Некоторые челябинские археологи их генезис связывают с южноуральским импульсом (*Таиров, Гуцалов 2001*). Определённые основания для подобного мнения, действительно, имеются. На изваяниях типа Байте помещены исключительно изображения прохоровских мечей, кинжалов и многовитковых гривн; носители обеих культур являются географическими соседями; устюртские изваяния датируются III в. до н.э.¹, в то время как приуральские – последней четвертью V-IV вв. И всё же мы рискнём утверждать, что эти доводы нельзя считать решающими. «Исходные» южноуральские антропоморфы малочисленны; изображений оружия (в том числе и «савроматского», и «раннесарматского») и вообще аксессуаров на них нет; они минимально детализированы и практически все имеют вид нерасчленённого монолита. Устюртские изваяния передают образ воина, вооружённого мечами, кинжалами, колчанами; возможно, с надетыми панцырями; на них выгравированы пояса с застёжками, гривны; ноги и руки часто разделены сквозными щелеобразными пазами. Скорее всего, в основу изваяний типа Байте легли

¹ Прежнюю точку зрения Р. Исмагила о бытовании их уже с начала V в. до н.э. (озвученную, например, в докладе в Государственном Эрмитаже в первой половине 90-х гг. XX в.) следует считать ошибочной.

поздескифские формы, дополненные набором местных (прохоровских) аксессуаров (Ольховский 2005: 149).

3.3.9/10. **Южноуральские шаманки. Амазонки.** Одной из загадок савроматской археологии продолжает оставаться атрибуция погребений женщин и девушек, похороненных с набором определённых, очевидно, культовых вещей. Это - «алтарики», или «жертвенники», имеющие вид каменных столиков или чаш, бронзовые зеркала, раковины Gryphaea, различные красящие вещества, курильницы, сосуды, бусы, предметы вооружения и конской сбруи, костяные ложечки, камни (в том числе кумалаки - закопченные речные гальки, чистые кварцитовые гальки, камни с красивым рисунком и др.), бронзовые, железные, костяные шильца, и др. (Васильев 1998: 25-43, табл. III).

В нашей выборке насчитывается 16 «шаманских» (мы употребляем этот термин взамен понятия «жреческий») комплексов¹:

Уметбаево, курган 2, погр. 1: фрагмент алтарика, обломок ножа; наконечники стрел, кремнёвая пластина;

Юрматы-1, курган 2, погр. 0: алтарик, пестик, курильница, галька, мел, красная краска, уголь, нож; меч, кинжал, оселок, наконечники стрел, колчаный крючок;

Юрматы-1, курган 1, погр. 2: алтарик, красная краска, бусы, миниатюрный нож, железный предмет, трубочка;

Гумарово, курган 1, погр. 2: алтарик, зеркало, деревянные сосуды с золотыми обкладки, бусы;

Гумарово, курган 3, погр. 0: алтарик, зеркало, курильница, раковина Gryphaea, красная краска, два шильца, нож, бусы, браслеты; меч, железный прут, наконечники стрел;

Гумарово, курган 5, погр. 2: алтарик, зеркало, юла, шило, сосуд, браслеты, железный предмет;

Биш-Уба-1, курган 1, погр. 2: фрагмент алтарика, обломок зеркала, железный предмет;

Биш-Уба-1, курган 1, погр. 5: зеркало, красная краска, юла, золотая ворварка, нож, два сосуда, железный предмет;

Биш-Уба-1, курган 1, погр. 6: зеркало, миниатюрный нож, ложечка, золотая бляшка, фрагмент золотой гривны;

Биш-Уба-1, курган 2, погр. 0: фрагмент алтарика, сосуд; наконечники стрел;

Янтышево-2, курган 0: алтарик, зеркало, два сосуда;

Акъяр, курган 11, погр. 2: зеркало, мел, пряслице, железный предмет;

Валитово-2, курган 1, погр. 1: алтарик, раковина Gryphaea, курильница, сосуд, галька, сурьматаш, браслет;

Валитово-2, курган 2, погр. 3: зеркало, раковина Gryphaea, сосуд, костяная подвеска, бусы, золотая пронизь;

Валитово-2, курган 3, погр. 0: алтарик, зеркало, юла, галька яшмовая, раковины Gryphaea (одна) и каури (две);

Петропавловский, курган 0, погр. 0: алтарик, раковина-двустворка, галька, бусы, пряслице.

¹ В литературе сделаны явно пока не обеспеченные соответствующим фактическим материалом попытки разделить служителей культа у «иранцев»-савроматов на две категории – «низшую» (шаманов) и «высшую» (жрецов) (Стрижак 2006).

Алтарики встречены в 12 перечисленных комплексах; зеркала – 9; ножи (в число которых включены все неатрибутированные более детально «железные предметы») - 9; раковины *Gyrfhaea* и двустворки - 5, глиняные сосуды - 5, бусы – 5; наконечники стрел - 4, гальки - 4, красная краска – 4; бронзовые колёсики - 3, браслеты - 3, сосуды-курильницы – 3; мел - 2, пряслица - 2, шильца - 2, мечи – 2; кинжалы, железные прутья, колчаные крючки, оселки, раковины-каури, ложечки, уголь, пестики, костяные подвески, трубочки, сурьматаши, кремнёвые пластины, деревянные сосуды, золотые накладки на деревянные сосуды, золотые бляшки, золотые гривны (фрагмент), золотые пронизи, золотые ворварки – 1.

Большинство наших предшественников (П.В. Алабин, А.В. Попов, Б.Н. Граков, А.М. Тальгрэн, и др.) и современников придерживается мнения о религиозно-магическом, или ритуальном назначении этих комплексов, что и послужило поводом к обозначению их в науке «жреческими». При этом учёные делают попытки отделить в этих комплексах «женский» и «профанный» инвентарь (например, бусы, керамику, ложечки, сбрую, оружие) от сакрального. Широкой популярностью до сих пор пользуется точка зрения К.Ф. Смирнова (1964: 167), полагавшего, что савроматские столики предназначались для растирания ароматических веществ, предназначенных в качестве жертвы божеству, для возжигания священного огня, и т.д. Точка зрения об использовании столика преимущественно в качестве абразива преобладает и среди современных сарматологов, которые, правда, никак не могут договориться по вопросу как о веществе для растирания, так и о целях самого акта растирания. Так, В.Ю. Зуев (1996а: 14), основоположник гигиеническо-косметологического направления, считает, что красящие вещества, растёртые с жиром на столиках и нанесённые на кожу, предохраняли кожу «скифянок Приуралья» (савроматскую принадлежность населения этого региона он категорически не признаёт) от солнца, мороза и ветра. Новую гипотезу на волне «авесто-ригведийского» ренессанса в провинциальной российской историографии последних лет выдвинул В.К. Фёдоров (2001: 21 сл.), предположивший, что на столиках зороастрийцы-савроматы растирали коноплю, или дурман-хаому для получения обрядового галлюциногена. Правда, никак не может усилить позиций уфимского учёного попытка привлечь к анализу ложечки, которыми, на его взгляд, возливали жертвенную сому в костёр. Ложечки, процент встречаемости которых с алтариками составляет всего 10% (Васильев 1998: 31, табл. III), характерны, как показал сам Фёдоров (1992), для мужчин, а не для женщин.

В.Н. Васильев высоко оценил работу В.Ю. Зуева и согласился с ним в том, что каменные столики являются краскотёрками. Правда, дальше взгляды этих исследователей серьёзно расходятся. В.Н. Васильев предположил, что растёртые на столиках красители использовались савроматами для татуировки тел. От его взгляда не ускользнул тот факт, что в 33% «жреческих» комплексов вместе со столиками были сделаны находки «прокол, шильев и даже декоративной иглы с зооморфным навершием», которыми и могли наносить рисунки. Правда, при этом нам остались непонятными причины разделяемой В.Н. Васильевым солидарности с В.Ю. Зуевым в деле «справедливого развенчания» научного мифа Б.Н. Гракова о «савроматских жрицах». Состав предметов «жреческих» комплексов наглядно свидетельствует о том, что татуировка в савроматском обществе находилась в руках женщин. Неясно, почему нанесение татуировки, имевшей, как правильно полагает наш оппонент, «несомненно ритуальный характер» (Васильев 1998: 32), должно

противопоставляться остальной деятельности шаманок, осуществлявших в савроматском обществе целый ряд ритуально-обрядовых функций. Первое не только не противоречит второму, но прямо предполагает его.

Итак, есть основания думать, что именно савроматские женщины и девушки татуировали тела своих мужчин, - мужей, братьев, сыновей и отцов. О том, что сарматам была хорошо известна татуировка, сообщают греческие и латинские авторы (Plin., NH., 22). Из античной традиции, данных этнографических источников нам известно, что состав, количество изображений, цвет рисунков и пр., был жёстко обусловлен требованиями сословно-социальной структуры общества (*Таиров, Бушмакин 2001*: 168 сл.). Практическое представление о репертуаре той эпохи дают сохранившиеся в условиях вечной мерзлоты тела людей из курганов Алтая.

Первая находка татуированной мумии, как известно, была сделана при раскопках Второго Пазырыкского кургана (*Руденко 1953*: 136-140, рис. 80-83). Проведённое долгое время спустя фотографирование тел в инфракрасном излучении позволило выяснить, что и три остальные сохранившиеся мумии (из Второго и Пятого курганов) также оказались татуированными. Не так давно рисунки были выявлены на мумиях из ещё двух курганов с высокогорного плато Укок (Ак-Алаха-3 и Верхний Кульджин). Выяснилось, что у алтайцев татуировались тела как мужчин, так и женщин (на татуировку лица было наложено табу). Все изображения были наколоты краской синего цвета (*Баркова, Панкова 2005*: 48-59). Как известно, в синий (точнее, голубой) цвет татуировались исторические агафирсы¹.

Не лишённую интереса параллель сарматским обычаям предоставляют сказания народов Полинезии. У многих полинезийцев (в частности, жителей островов Фиджи, Самоа и др.) было принято наносить татуировку на тела мужчин (и, реже, женщин), причём делали это именно женщины. Так, на острове Ротума «женщины-духи в образе старух являются девушкам, достигшим зрелости, и учат их узорам и правилам татуировки» (*Мифы... фиджийцев 1989*: 35-36; прим. 1 к тексту № 20). В Полинезии существовал даже культ легендарных основательниц этого ремесла (*Мифы... Западной Полинезии 1986*: тексты №№ 18,44).

В настоящее время появляются дополнительные данные, позволяющие думать о том, что функции савроматских шаманок были гораздо более широкими, чем это предполагалось. Интересные факты были зафиксированы в Нагорненском могильнике на левобережье Илека, в 35 км к СЗ от г. Актобе (см. об этом памятнике: *Курманкулов 2007а*: 98-102). В каждом из шаманских погребений 6 и 7 кургана 9 (включавших алтарики, зеркала, краски и пр.), находилось по три изящных железных миниатюрных, длиной около 10 см, ножа (аналогичных ножичкам из Юрматов-1 и Биш-Убы-1) (*Кадырбаев 1981А*: 4-5, 53-56). Автор раскопок приписывает им косметологическое назначение, чего, разумеется, полностью исключать нельзя (хотя остаётся необъяснимым иногда слишком большое количество их у савроматских «визажисток»). В то же время, не лишённым интереса выглядит обозначение раскопщиком ножичков «скальпелями», на которые они, действительно, похожи и которыми они могли являться в действительности.

В том же кургане 9 были исследованы ещё два женских погребения (3 и 9) с алтариками, зеркалами, раковинами и т.д. Особый интерес представляют найденные в них керамические воронки. Случайно ли они оказались в шаманских погребениях?

¹ В шаманских комплексах савроматов синяя краска встречается редко, что может свидетельствовать о предпочтении ими красителей иного, возможно, чёрного цвета.

Эти предметы достаточно часто встречаются в савроматских комплексах (в том числе, в Валитово-2), что не удивительно, учитывая скотоводческий характер их культуры. Однако небольшой размер воронок (они раза в полтора-два меньше современных) заставляет задуматься о том, только ли для разлива молока, сливок, кумыса они были предназначены. В этой связи небезынтересным представляется тот факт, что на внутренней поверхности воронки из погр. 9 были замечены остатки чёрного смолистого вещества, возможно, того самого, которое находилось в двух стоявших около воронки сосудиках, соответственно, в твёрдом и мягко-маслянистом, консистенциях (*Кадырбаев 1981А: 57-58*). Анализ вещества из сосудиков погр. 9 кургана 9 не производился, но будет не слишком удивительным, если в них найдётся отнюдь не краска, а лёгкий растительный наркотик типа марихуаны, скажем - перетёртый жмых конопли и/или его масляный настой. О том, что это предположение - не голая фантазия авторов книги, можно судить, например, по содержимому бокового кармана колчана погр. 3 VIII-VII вв. до н.э. в гумаровском кургане 1, где было обнаружено около 1-2 стаканов жмыха конопли. Это выяснилось уже после раскопок, во время разборки сотрудниками Эрмитажа гумаровского колчана. Информация об этом была размещена на выставке в одной из скандинавских стран в первой половине 1980-х гг., посвящённой культуре использования наркотиков в истории, но мало известна на родине открытия. Слова из песни не выбросишь: гумаровское погребение является не только древнейшим на сегодня в Предуралье захоронением скифо-киммерийского типа, но и первым в раннем железном веке Евразии наркокомплексом. Каково было конкретное назначение наркотических веществ, происходящих из шаманских погребений (сам факт наличия которых, разумеется, ещё предстоит выяснить), пока не до конца ясно. Основная борьба, очевидно, может идти между версиями, предполагающими в наркотике галлюциноген для проведения шаманских трансов типа «скифской бани» (Нег., IV, 73-75) (*Курочкин 1994: 66*; ср. *Фёдоров 2001: 21* сл.), либо болеутоляющее лекарство, показанное при лёгких недомоганиях или несложных медицинских операциях – кровопускании, и пр.

Вместе со столиками, зеркалами, шильцами и пр. в погребениях савроматов часто находят т.н. «колёсики» – бронзовые или, редко, свинцовые предметы в виде обода с центральным отверстием и с несколькими спицами. Специальных статей о назначении «колёсиков» не имеется; в работах общего характера они безальтернативно считаются подвесками или амулетами. Очень важным в деле атрибуции «колёсиков» представляется малозначительный, на первый взгляд, технический факт, связанный с наличием в отверстии деревянных палочек. Таковая обнаружена в целом ряде комплексов, например, в кургане 9 в Переволочане (*Пшеничнюк 1995*, рис. 9, 6)¹, кургане 18 в Новом Кумаке (Орск) (*Смирнов 1977: 23*), кургане 3 в Валитово-2 (*Исмагил, Сунгатов 2011: 65-79*); в двух последних эти предметы, что особенно важно, найдены в составе стандартных шаманских комплексов с алтариками. Ясно, что находка в центральном отверстии палочки (а не остатков материи, кожи и пр.) оставляет мало места для идеи о «колёсике» как подвеске. Определённо напрашивается предположение о том, что металлические «колёсики» могли служить маховичком для раскручивания какого-то деревянного

¹ В публикации А.Х. Пшеничнюка (1995: 78) опущен тот факт, что в отверстии «колесовидной подвески» находилась деревянная палочка, но об этой детали хорошо помнит лично исследовавший этот комплекс Ф.А. Сунгатов.

приспособления. Труднее определить конкретный тип последнего. Выбор может идти между бытовой и сакральной версиями: у каждой есть свои плюсы и свои минусы.

Версия 1: колёсико – деталь веретена для прядения шерстяной нити. Во время прядения шерсти для того, чтобы веретено оставалось на одном месте и не «убегало» в сторону от прядущего человека, башкирские ткачихи вращают его на чайном блюде (или тарелке), диаметром 15-20 см, высотой 1,5-2 см. Блюде очень напоминает савроматские алтарики, которые, таким образом, также могли служить в качестве приспособления для прядения шерсти. Против этой версии работает факт малого диаметра отверстия колёсика (в среднем, около 0,5-0,7 см) и малой длины палочки (не более 5-10 см). Современные веретёна имеют гораздо большую длину (25-50 см) и представить, как на них можно насадить «колёсико», затруднительно. Диаметр отверстий древних глиняных пряслиц, правда, тоже не особенно значителен, но всё же достигает значений около 1 см.

Однако, помимо употребления веретена по прямому назначению, у башкир оно применялось и в совершенно ином качестве. Летом 1999 г. в д. Сатлыкү Кугарчинского р-на РБ уфимским этнологом З.И. Минибаевой было зафиксировано интересное *юрау* («гадание») с веретеном. Он был проведён местной жительницей Бану-апай по факту пропажи из своих семей трёх башкирских юношей. Двоих (из д. Мурадымово Кугарчинского р-на и из какого-то населённого пункта Белорецкого р-на) видели недавно, они считались *de facto* живыми, и гадание по их поводу носило достаточно формальный характер. О третьем фигуранте *юрау*, из д. Сапыково Кугарчинского р-на, сыне Зульфизы-эбей (Зөлфизә-эбей), не было известно уже шесть лет. Отметим, что просьбы узнать о судьбе пропавших людях вместе с деталями их биографий передали гадательнице не их родные, а этнолог.

Отведенное для обряда место представляло собой участок на топчане (урындык) в виде условной окружности диаметром около 1 м, разделённой на четыре сектора. Около себя Бану-апай положила кусочек древесного угля; напротив - солонку с солью. Слева она поместила кусочек хлеба, справа – моток шерстяных ниток. Хлеб (икмэк) символизировал «дом», «благополучие» (йорт, именлек); нитки (еп) – «дорогу» (юл); соль (тоз) – «горе» (әсенеү); уголь (күмер) – «могилу» (гүр). Главным орудием гадания служило веретено (орсок) с намотанным на него клубком ниток. Веретено приводилось во вращение в центральной точке площадки для гадания и, в зависимости от того, возле какого из четырёх предметов оно останавливалось, делалось заключение о судьбе пропавшего человека. Так, судя по тому, что веретено «не идёт к углю» (күмергә бармай бит), а остановилось около мотка ниток, было предсказано, что сыну Зульфизы-эбей «выпала дорога» («юл төшә ул») и он вернётся домой в ближайшие годы.

Описанный обряд до недавнего времени был широко распространён у башкир. Проводили его исключительно женщины. Этнолог З.Г. Аминев в в 60-70-х гг. 20 в. ребёнком имел возможность часто наблюдать этот обряд в ауле Идельбай (ныне вошедшем в границы г. Баймак) в исполнении своей тёти Маглифы Куланбаевой, уроженки д. Первое Иткулово. Набор атрибутов у баймакских башкир-бурзянцев был аналогичен тому, который наблюдала Минибаева у башкир-кипчаков Кугарчинского р-на.

Версия 2: колёсико – деталь юлы (волчка), предмета для гадания (Исмагил, Миннибаева 2011). Для раскручивания юлы и мог служить каменный столик в обряде

типа описанного выше. Как видим, версии 1 и 2 вряд ли стоит жёстко противопоставлять друг другу, скорее их можно рассматривать как взаимозаменяемые варианты одной гипотезы. Наличие связей в культуре сарматов и башкир не должно удивлять. Дело не только в том, что ареалы их обитания в значительной степени совпадают; исторические сарматы, несомненно, вошли в состав современных башкир в качестве одного из основных этнических компонентов.

Таким образом, факт существования у савроматов института шаманок неоспорим. Они осуществляли в семье и роде многообразные функции, в целом близкие тем, что мы знаем о шаманках традиционного общества, знакомого нам из наблюдений над среднеазиатскими и сибирскими народами в недавнем прошлом. Недавняя находка стерлитамакским археологом С.В. Сиротиным в зауральском погребении органических остатков шаманского бубна (?)¹ это подтверждает.

Некоторые важные сакральные функции в скифском обществе (жертвоприношения, прорицания, гадания), судя по описанию Геродота, осуществляли мужчины (Her., IV, 60-70). Никаких сведений о наличии института жриц у скифов он не приводит. Информации о некоторых сторонах культовой жизни у савроматов мы обязаны другим авторам, прежде всего, псевдо-Гиппократу. Эти данные как будто бы говорят о серьёзных различиях между двумя близкородственными, живущими по соседству народами, но, на наш взгляд, эти противоречия в значительной степени – кажущиеся. Они снимаются тем, что информация Геродота касается прежде всего скифской аристократии, в то время как псевдо-Гиппократ описывает средние слои савроматского общества. Безусловно, и в последнем были служители культа-мужчины, сопоставимые со скифскими или, например, с пазырыкскими шаманами. Представление о последних даёт интересная работа Г.Н. Курочкина (1994: 60-70; контрверзы см.: *Мотов* 2007: 42-73).

Коснуться вопроса о савроматских амазонках позволяют обнаруженные среди 17 шаманских три комплекса с нетипичными для этого класса погребений наконечниками стрел: Уметбаево, курган 2, погр. 1; Гумарово, курган 3, погр. 0; Юрматы, курган 2, погр. 0. В Уметбаево находки предметов вооружения стрелами и ограничивались. В Гумарово они дополнялись мечом и, возможно, железным прутом (стиллет, или деталь колчана?). Юрматинская воительница выделяется на этом фоне не только полным набором наступательного вооружения (стрелы, меч, кинжал, оселок и колчанный крючок), но и тем, что была похоронена в редком у савроматов каменном склепе и, к тому же, со своим боевым конём.

Таким образом, наши данные позволяют считать вполне заслуживающими доверия данные Псевдо-Гиппократа (О воздухе, водах и местностях, 24) не только об участии савроматок в боевых действиях, но и о том, что они могли в течение своей жизни после участия в военных действиях вполне имели возможность заниматься сакральной деятельностью (ср. *Стрижак* 2006: 6 сл.).

Безусловно, число воительниц в савроматском обществе было бóльшим, чем названные нами выше три погребения, но узнать их точное число мешает недостаточное число половозрастных определений. Ясно, что значительное число погребений с оружием принадлежит женщинам, хотя доказать это без палеоантропологических определений сложно. В этом отношении предпочтительнее опираться именно на комплексы с культовым инвентарём, надёжно диагностирующим женский пол погребенных.

¹ Устная информация Н.С. Савельева.

Глава 4. БЛЮМЕНФЕЛЬДСКИЙ КУРГАН А-12 И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ «САВРОМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Вопросы, связанные с определением хронологических позиций артефактов, добытых из земли, можно отнести к своего рода «технической зоне» археологии. С них начинается любое мало-мальски развёрнутое исследование о древностях. Говорить о том, что огрехи в этой зоне могут привести к серьёзному искажению исторических реконструкций, значит ломиться в открытые двери. Один из основных методов археологической хронологии, типологический, используемый преимущественно для относительной датировки артефактов, мало применим для определения абсолютных дат. Разрешающая способность методов естественных наук (в первую очередь – радиоуглеродного) для археологии раннего железного века, пока, к сожалению, недостаточно высока. Определяющее значение здесь приобретает степень географической близости той или иной археологической культуры к зоне древних цивилизаций. Носители последних, широкой полосой располагавшихся между Средиземноморьем на западе и Китаем на востоке, создали свою письменность и дошедшие до нас системы летоисчисления, к которым, в конечном счёте, и привязана в той или иной степени абсолютная хронология примыкающих к этой зоне с севера «варварских» культур Евразии. Территория степного Южного Урала, Среднего и Нижнего Поволжья на протяжении тысячелетия (VIII-VII вв. до н.э. – II-III вв. н.э.) была занята населением одной крупной этнокультурной общности, или, по меньшей мере, группой нескольких родственных. Вещи из ахеменидского Ирана, Хорезма, Китая, Индии, Египта, Рима и Греции не столь уж и редкие гости в комплексах Южного Урала и Поволжья. В Северном Причерноморье для определения хронологии скифской культуры первенствующее значение имеет такая массовая и хорошо датированная категория вещественного материала, как амфоры. К сожалению, даже до Волго-Донского междуречья, не говоря о Заволжье, они добывались крайне редко. Пока самая восточная находка амфоры сделана в Новомусинском могильнике из Предуралья (*Васильев, Сиротин 2004*: 173-180).

Проблемы хронологии и периодизации древностей ранних кочевников Южного Урала стали разрабатываться с начала XX в., а первые успехи связаны с именем М.И. Ростовцева. При наличии весьма ограниченного количества археологических источников, в условиях революции и гражданской войны, он сумел создать периодизацию, не потерявшую своего значения и столетие спустя. Покровские курганы были датированы временем не позже V-IV вв. до н.э. (со ссылкой, в частности, на ахеменидские «печатки»), Прохоровские – III-II вв. до н.э. (*Ростовцев 1918*: 76,79). Заметный след оставили труды поволжского археолога П.Д. Рау.

Общее признание на родине М.И. Ростовцева, покинутой им в 1918 г., получила хронологическая схема Б.Н. Гракова, основанная на учёте значительно большего числа комплексов. Но и он, из-за отсутствия в его распоряжении более ранних памятников, был вынужден начать свой анализ лишь с конца VI в. до н.э. Всю эпоху раннего железа Б.Н. Граков разделил на четыре ступени-культуры: I) савроматская, или блюменфельдская (VI-IV вв. до н.э.); II) савромато-сарматская, или прохоровская (IV-II вв. до н.э.); III) сарматская, или сусловская (II в. до н.э.-II в.н.э.); IV) аланская, или шиповская (II-IV вв. н.э.) (*Граков 1947*: 104 сл.). Следует признать, что эта хронологическая линейка показала поразительную живучесть; с

некоторыми изменениями (связанными с отпадением из неё последнего этапа, признанного несарматским (*Засецкая 1968*: 52-62), переименованием термина «савромато-сарматский» в термин «раннесарматский»), она вошла в другие, более поздние разработки.

На базе схемы Б.Н. Гракова была создана применяющаяся по сей день хронологическая схема К.Ф. Смирнова (1964: 24 сл.), оперировавшего, правда, с памятниками VIII-IV вв. до н.э. Этот отрезок времени он разделил на четыре этапа: (1) VIII-VII вв. (или памятники «переходного типа» между эпохой бронзы и РЖВ); (2) конец VII-VI вв.; (3) конец VI-V вв.; (4) конец V-IV вв.

В степях Поволжья и Приуралья К.Ф. Смирнову удалось обнаружить 43 погребения VIII-VII вв. Отметим ярко выраженную диспропорцию в пользу Поволжья, где было найдено 39 погребений, в то время как в Приуралье - лишь четыре (*Смирнов 1964*: 26-33). К концу VII-VI вв. учёный отнёс уже 90 с лишним комплексов (более 75 в Поволжье, и 14 – в Приуралье) (*Смирнов 1964*: 33-40). В их число попали и два челябинских погребения с редкими в Волго-Уралье дисковидными зеркалами с полукруглой петлёй на обороте: из кургана 27 у пос. Чурилово (при костяке с западной ориентировкой и песчаниковой «чашкой») и основное погребение из кургана 7 у пос. Сухомесово. «Каменное блюдо», близкое сухомесовскому, было обнаружено и в одном из переходных погребений под Челябинском, в кургане 36 у пос. Черняки. Самую многочисленную группу савроматских памятников, насчитывающую 130 памятников и случайных находок, этот автор датировал концом VI-V вв. до н.э. (*Смирнов 1964*: 41-57). Они распределились между поволжским и приуральским вариантами уже примерно поровну. Наконец, к концу V-IV вв. до н.э. исследователь отнёс 109 погребений (*Смирнов 1964*: 57-74). Впервые наметился количественный перевес в пользу Южного Приуралья перед Поволжьем – соответственно 64 и 45 комплексов.

Количественные показатели, касающиеся памятников «VIII-VII вв. до н.э.», позднее справедливо были оспорены некоторыми археологами, показавшими, что в список «переходных» ошибочно попали как более ранние (эпохи поздней бронзы), так и более поздние (вплоть до среднесарматских) памятники. В степях между Дунаем и Волгой близкие «переходным» комплексы принято делить на относительно более ранние (так называемые черногоровские) и более поздние (новочеркасские), хотя есть и сторонники синхронизации их между собой. В настоящее время комплексы этой группы датируют временем от конца II до начала I тыс. до н.э. (*Кореняко 1982*: 38-51).

Оказавшаяся вакантной хронологическая позиция VIII-VII вв. до н.э. в Приуралье пустовала вплоть до раскопок погр. 3 Большого Гумаровского кургана на Сакмаре в 1980 г. (*Исмагилов 1988*: 29-44). Датировка по C-14 дала возможность относить его к одному из перечисленных ниже отрезков: первой половине VIII, первой половине VII, середине-второй половине VII, рубежу VII-VI, или, наконец, первой половине VI вв. до н.э. При этом, «...период первой половины VIII в. до н.э. следует считать предпочтительным, во всяком случае несколько более вероятным, чем VII-начало VI в. до н.э. (*Алексеев и др., 2005*: 121-122; рис. 3.33). По типологическим основаниям комплекс был датирован нами рубежом VIII-VII вв. или первой половиной VII в. до н.э. (*Исмагилов 1988*: 29-48). В соответствии с необычным составом инвентаря, погребение 3 было отнесено его исследователем к числу древнейших скифских (*Там же*: 44). Теперь мы можем уточнить

этнокультурную атрибуцию и статус комплекса. Гумаровское погр. 3 следует считать *древнейшим савроматским*. Немногочисленные памятники Южного Предуралья указанного времени, представляющие собой культурную амальгаму из весьма разнородных элементов центрально- и средназиатского, северокавказского и фракийского происхождения (Гумарово, курган 1 погр. 3; неисследованные пока Дюсметьевские курганы в Пономарёвском районе Оренбургской обл. с выпаванным из насыпи оленным камнем; Елбулак-Тамак, курган 1 погр. 1 и курган 2 погр. 1; Новая Белогорка, курган 2, погр. 38; Политотдельское I, курган 4, погр. 33) следует атрибутировать в качестве *гумаровской археологической культуры*. Она исчезает в Приуралье в середине или в конце VII вв. до н.э., а её носителями, очевидно, были исторические савроматы на этапе, предшествующем их походам в Переднюю Азию.

Следующий за гумаровской культурой период в Предуралье названия пока не получил. Пожалуй, наиболее ярким его компонентом являются акинаки *марычевского* типа, наименованные так по месту находки первого эпонимного акинака с роскошно декорированной рукоятью (*Смирнов 1961*: 13-14, рис. 1, 10). В настоящее время известно десять таких предметов. Все они являются случайными находками и найдены (за одним, впрочем, весьма важным исключением) на территории Оренбургской, Самарской областей и Башкортостана (*Исмагил, Сунгатов 2004*). Они восходят к архаическим образцам мидо-персидского оружия, лучше известного по рельефам доахеменидского времени (*Галанина 1997*: рис. 26). В Келермесских и Мельгуновских курганах в Северном Причерноморье обнаружены два меча иранской работы, имеющие несомненное сходство с марычевскими. Названные памятники оставлены скифами, вернувшимися из Передней Азии и Закавказья, и этот факт имеет важное значение для принципиальных заключений. Мы получаем право, во-первых, связывать с акинаками марычевского типа культуру приуральского населения уже постпоходного времени; во-вторых, синхронизировать марычевские акинаки с келермесским этапом раннескифской культуры. В соответствии с датировкой последнего, марычевку в настоящее время можно относить либо ко второй половине VII, либо к первой половине VI в. до н.э. С акинаками марычевского типа в Предуралье коррелируются немногочисленные и большей частью также случайные находки архаических бронзовых удил со стремечковидными концами, псалии с изображениями грифо-баранов, среди которых особенно важен экземпляр с арамейской надписью (*Чежина 1989*: 261-264, рис. 1-2) из с. Рысайкино того же, Бугурусланского р-на Оренбургской обл. Что касается погребальных памятников, то они пока ограничиваются немногими комплексами, преимущественно с Илека (Целинный-1, курган 59; Покровка-II, курган 17, погр. 1, и др.), связь которых с акинаками марычевского типа пока не установлена.

Для решения вопроса о культурно-исторической принадлежности древностей марычевского круга трудно обойтись без пассажа Диодора Сицилийского. В своей «Исторической библиотеке» он упоминает о переселении царями скифов многих племён, отмечая, что «...самых важных переселений было два: одно из Ассирии..., другое из Мидии, основавшееся у реки Танаиса; эти переселенцы назывались савроматами» (Диодор, II, 43). Достоверность указанной информации подтверждает короткое сообщение Плиния Старшего о том, что сарматы были «ветвью мидян» (NH, VI, 19). Некоторые учёные даже считают эти данные доказательством совместных походов скифов и савроматов в Закавказье (*Виноградов 1972*: 19-20).

Формально ничто не препятствует механическому совмещению начала

савроматского (блюменфельдского) этапа старой схемы Б.Н. Гракова с финалом марычевского этапа (или культуры) нашей периодизации, особенно, если датировать марычевский феномен первой половиной VI в. до н.э. Сложнее это сделать, если дату марычевки углублять (повторимся, вслед за Келермесом в Скифии) до второй половины VII в. до н.э. Этот вариант приводил бы к появлению между марычевкой и блюменфельдом хронологического зазора протяжённостью около 75 лет, который требовалось бы чем-то заполнить. Мы не будем касаться здесь вопроса, решение которого могло бы далеко увести нас в сторону от нашей темы, особенно с учётом необходимости хотя бы вчерне согласовать его с хронологическими схемами С.Ю. Гуцалова (2000Д: 91 сл.) для памятников орско-илекского междуречья, А.Д. Таирова (2004: 3-21) – для могильников Южного Зауралья, волгоградских археологов (*Железчиков и др.* 2006) – для комплексов Предуралья, и т.д. Однако главным препятствием на этом пути является всё же другой фактор - человеческий. Этот человек – Б.Н. Граков.

«1925 год дал мне в руки исключительный инвентарь кургана А 12 близ...с. Блюменфельд. Это позволило мне выделить в поволжских и куйбышевско-чкаловских степях группу памятников скифского времени. Я усмотрел в её носителях непередвинувшуюся на запад часть кочевых скифов. <...> В 1929 г. Рау нашёл новые данные для датировок. Он отверг мою точку зрения о носителях этой культуры и, сопоставив область и время ее рас-пространения с засвидетельствованной древними территорией савроматов, высказался следующим образом: «это восточные соседи скифов, проживавшие на противоположном берегу Дона...савроматы Геродота».

Так начинается ключевой раздел небольшой, но сыгравшей в сарматской археологии исключительную роль, статьи, опубликованной на страницах «Вестника древней истории» (*Граков 1947*: 102), настоящего бестселлера советской сарматологии.

Звучное немецкое «Блюменфельд» (в археологии, к счастью, так и не побеждённое официальной русской калькой «Цветочное [поле]», иначе нам пришлось бы иметь дело с «цветочной культурой», погребения которой буквально забиты оружием), с лёгкой руки удачливого автора работы, стало эпонимом культуры VI-IV вв. до н.э., второе название которой - «савроматская». Весьма показательным, что Б.Н. Граков, вслед за М.И. Ростовцевым первоначально считавший выделенную им культуру скифской, лишь под влиянием П.Д. Рау (*Rau 1929*: 60) изменил свои убеждения в пользу савроматов. Удивительно вдвойне, что первоначально Б.Н. Граков и датировал Блюменфельд А-12 совершенно иначе - концом V-IV вв. до н.э. Кто знает, куда пошла бы отечественная сарматология, если бы он сумел настоять на этой последней – абсолютно правильной, на наш взгляд - дате. Но история, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Отнести курган А-12 к числу самых архаических савроматских комплексов (конец VI-первая половина V вв. до н.э.) убедили мэтра его юная ученица Анна Мелюкова и... всё тот же Пётр Рау (см. об этом: *Смирнов 1964*: 41). «...Основные черты этой культуры (савроматской. – Авт.) были перечислены при характеристике так называемых скифо-сарматских погребений Заволжья П. Рау в 1927 г. ..., а Б.Н. Граковым уже в следующем 1928 г. распространены на обширную область от Поволжья до Приуралья...» (Клепиков (2007: 37).

Сказанное характеризует Б.Н. Гракова как человека, легко и непринуждённо

воспринимававшего и ретранслировавшего чужие идеи. Этот факт, разумеется, нельзя а priori считать ни достоинством, ни недостатком, но в нашем случае иметь в виду необходимо. Об этом, может быть, даже ярче изложенных выше случаев, говорит такой долго остававшийся никем не замеченным факт. Широко известная и охотно цитируемая фраза Б.Н. Гракова о том, что скифы занимали Северное Причерноморье «по праву *места и времени*» (выделено нами. – Авт.) (*Граков 1971*: 25), сколь яркая, столь и не совсем грамотная с точки зрения норм русского языка, поразительно близка словам другого автора, сказанным по иному, хотя и близкому поводу: «Общий облик культуры сарматских курганов (юга России. – Авт.), как это мы видим для скифских, везде один и тот же. В деталях однако он меняется соответственно *месту и времени* (выделено нами. – Авт.) местным культурным условиям и местному культурному развитию» (*Ростовцев 1925*: 613). Замена одного слова в постороннем предложении перевела последнее из категории лёгкого плагиата в разряд крылатых археологических выражений (последний случай его употребления – И.В. Бруяко (2005)). В унисон сказанному, ученики «отца-основателя» московской школы прямо отмечают, что «в начале своей деятельности Б.Н. Граков находился под определённым влиянием крупнейшего историка античности академика М.И. Ростовцева...» (*Мошкова, Смирнов 1977б*: 223).

Коснёмся некоторых деталей биографии Б.Н. Гракова, важных для понимания сути дела. В 1947 г. ему было почти 50 лет. Это был опытный археолог, за которым числилось много исследованных памятников. Однако в Нижнем Поволжье и Приуралье он занимался раскопками давно, будучи ещё молодым человеком. Б.Н. Граков уехал с берегов Волги и Урала около 15 лет тому назад, и вернулся туда только один раз, причём, уже виртуально – на страницах той самой статьи. Главная претензия критиков к гипотезе В.Ю. Зуева свелась к отсутствию у последнего детальной классификации вещевого материала. Это условие, желательное в теории, на практике нередко становится настоящим шлакбаумом на пути новых идей. Статья Б.Н. Гракова 1947 г., по справедливому замечанию В.Ю. Зуева (2003: 588 сл.), представляющая из себя скорее талантливый литературный очерк, чем научную статью, от многочисленных и насыщенных материалом зувских работ была дальше на два порядка, но это не помешало ей быть встреченной в СССР «на ура». Это и понятно. Круг людей, которые могли профессионально разобраться в сложной савромато-сарматской хронологии, в результате репрессий и войны был чрезвычайно узок, да и значительная их часть состояла из питомцев того же Б.Н. Гракова.

Знамя отечественной сарматологии Б.Н. Граков передал в надёжные руки учеников. К.Ф. Смирновым (1961; 1964) при посильной помощи М.Г. Мошковой в 60-первой половине 70-х гг. была создана, говоря шахматным языком, «защита Гракова». Эта развивавшаяся практически монополюс теория стала общепризнанной и чуть ли не официальной научной парадигмой, рассчитанной, казалось бы «на века». Лёгкие (и не совсем корректные) претензии к ней изредка всё-же возникали (*Шилов 1975*: 111-127), но вызывали немедленный и жёсткий ответ (*Мошкова, Смирнов 1977а*: 265-271). Парадокс состоит в том, что говоря «А», никто не сказал «Б»: научная традиция обладает огромной кинетической силой, и отнюдь не всегда положительной. Увы, «отцы-основатели» нё задумывались над тем, что существование теории вне зоны критики, этого воздуха науки, смертельно для их теории.

Б.Н. Граков (1947: 108) отмечает, что «...делом археологической случайности

является то, что погребений блюменфельдского времени в Поуралье немного. Курганы эти одиноки и не образуют целых групп...»¹. Однако, как мы уже упоминали выше, даже по подсчётам более чем лояльного ко взглядам своего учителя К.Ф. Смирнова, на 109 погребений конца VI-V вв. до н.э. приходится 163 погребения конца V-IV вв. до н.э. Именно последние преобладают сегодня среди приуральских комплексов эпохи раннего железа. К.Ф. Смирнов, в отличие от Б.Н. Гракова, обоснованно выделяет на Илеке целые крупные могильники блюменфельдского времени. «По левому берегу Илека от Акбулака до Покровки, по вершинам сыртов в привольных степях возникают компактные группы больших земляных насыпей, достигавших 6 м высоты. Эти «пятимары» - кладбища военно-жреческой аристократии и зависимых от неё представителей рода» (*Смирнов 1975: 151*). В настоящее время число выявленных и исследованных целиком или частично памятников яицкой культуры достигает многих десятков (Пятимары, Альмухаметово, Переволочан, Сибай, Гумарово, Биш-Уба-1, Филипповка-1, Кырык-Оба-1, 2, и пр.).

Б.Н. Граков, сравнивая савроматскую и савромато-сарматскую стадии, отмечал: «При коллективных...захоронениях (прохоровской стадии. – Авт.) часто ямы – размером и ориентировки блюменфельдского кургана А-12» (*Граков 1947: 104*). Он совершенно прав, но не потому, что погребальный обряд Блюменфельда в силу каких-то загадочных причин, как птица феникс, возрождается через 100-150 лет, а потому что он сам и есть памятник этого, предпрохоровского времени. Правда, его же утверждение, что «...переход от погребений головою на запад в блюменфельдской ступени к меридиальному положению на юг...у позднейших сарматов совершился постепенно и медленно. <...>» (*Там же: 104*), требует уточнения. Ориентированные в западный и южный секторы погребения появляются в рамках интересующей нас культуры практически одновременно и сосуществуют около века вплоть до начала прохоровки, когда победил «юг».

Вернёмся к кургану Блюменфельд А-12. В большой квадратной могильной яме (5,5×5,5 м), ориентированной стенками по сторонам света, было похоронено не менее четырёх умерших. В один ряд вдоль восточной стенки лежали вытянуто на спине головами на запад два сохранившихся от разрушения, очевидно, мужских костяка; поза женского и детского костяков не установлены. Уцелевший от ограбления инвентарь представлен конской сбруей (три пары железных удиц, несколько бляшек с петлёй на обороте, ворворка, и др.), оружием (два копья с железными наконечниками и втоками, два железных акинака, большой колчан с почти двумя сотнями наконечников стрел, бронзовая колчанная застёжка в виде рифлёной палочки), предметами быта (железными ножами), культа (бронзовое колёсико, каменная косметическая плитка) и костяными украшениями (резные клыки в зверином стиле, и т.д.), кости животных.

Наличие в могиле трёх комплектов узды можно увязать с тремя похороненными в ней разновозрастными мужчинами (два взрослых + мальчик (?)), или разнополыми взрослыми (женщина + двое мужчин), из которых последняя пара совершенно аналогична так называемым «погребениям стражников» Приуралья. Единственное отличие между ними состоит в том, что приуральские зависимые лица обычно лежат вне главной гробницы, а блюменфельдские оказались внутри неё, хотя

¹ Эту информацию, кстати говоря, без ссылки на работу Б.Н. Гракова, некритически повторяет Л.Т. Яблонский (2007).

и находились чуть обособленно от других покойников, в юго-восточном углу ямы). Отметим и подмеченный Б.Н. Граковым (1947: 104) факт, по его мнению, типологической (на самом деле - генетической) близости коллективного захоронения кургана А-12 с аналогичными памятниками Приуралья, составляющими здесь, как указано выше, целые некрополи.

Памятники, включённые в состав блюменфельдской стадии, Б.Н. Граков без особой аргументации разделил на ранние - VI в. до н.э. (Елга, Черниговский, Бис-Оба, Блюменфельд А-12) и поздние - V в. до н.э. (Соболевский, и т.д.)¹. Главным аргументом в пользу ранней датировки кургана А-12 послужил набор наконечников стрел (182 экз., в том числе 8 железных), в составе которого особенно выделяют двулопастные (3 экз.) и лёгкие стройные экземпляры, орнаментированные рельефными знаками - змейками (15 экз.) и строеными косыми (2 экз.) (Смирнов 1961: рис. 16, А, Б). При этом факт единичности в колчане первых и относительной малочисленности вторых, как и факт отсутствия аналогий стройным наконечникам в бесспорных архаических комплексах, игнорируется. Довольно близкий блюменфельдскому набор «стройных» и «обычных» трёхлопастных наконечников (а также один железный) был обнаружен П.Д. Рау в погр. 4 кургана 4 группы Меркель (Смирнов 1961: рис. 18, А). Нередки в Поволжье и Приуралье колчаны с трёхлопастными наконечниками, в составе которых имеется по одному-два двулопастных (Усатово, курган F 18/4; Визенмиллер, курган III/3; Политотдельское, курган 19, погр. 24; Покровка, курган 5, погр. 3; Черниговский и Соболевский курганы; Сара, курган 7; Мечетсай, курган 2, погр. 2 и курган 10, погр. 0; Пятимары-I, курган 9) (Смирнов 1961: рис. 12, 3; 14, А; Б; 15, А, Б; 19, А; 21, А; 23, А; 1964: рис. 23, 2 г; 24, 7), и др. Это обстоятельство также послужило основанием для отнесения перечисленных наборов к концу VI-началу V вв. до н.э.). Вопреки приведённым выводам Б.Н. Гракова, имеется множество случаев совстречаемости колчанов описанного состава с явно более поздними вещами.

Отметим, что бронзовые уздечные бляшки из кургана Блюменфельд А-12 (Смирнов 1964: рис. 11Б: 21, 22) обнаруживают сходство с грифоновидной бляшкой из Елимбетово, далеко не самого раннего памятника яйцкой культуры. В погр. 1 кургана 18 Ново-Кумакского могильника вместе с акинаком с волютным навершием и почковидным (?) перекрестьем, близким блюменфельдским, найден круглодонный тальковый сосуд (Мошкова 1962: рис. 13, 5-6). В центральном погребении с глинобитным очагом, раскопанном В.С. Стоколосом ещё в 1960 г. в центральной могиле (яме 1) кургана у с. Варна на юге Челябинской обл., датированном его издателями второй половиной /концом VI-началом V вв. до н.э., найдены вместе два сосуда, «плоскодонный архаической формы» и круглодонный с трубчатым носиком-сливом, а также зооморфный костяной клык типа блюменфельдского (Таиров, Боталов 1988: 100-126).

В составе блюменфельдской культуры постепенно стали выявляться погребения, противоречащие представлениям о её хронологии в понимании Гракова-Смирнова. На них долго не обращали (как, впрочем, не обращают до сих пор) внимания, считая досадным исключением. Сегодня стало предельно ясно, что комплексы-исключения преобладают над комплексами, живущими по написанным авторитетными московскими учёными (в этот список каждый из отечественных

¹ И вновь эти неверные хронологические выкладки без ссылки на работу Б.Н. Гракова повторяет Л.Т. Яблонский (2007).

сарматологов второй половины XX-начала XXI вв. своей рукой смело может внести и своё имя) правилам. Можно выразиться ещё определеннее: «правильных» комплексов в блюменфельдской культуре нет совсем. Так, в посмертной статье К.Ф. Смирнов (1984) опубликовал небольшой курган у Новоорска с двумя погребениями. В них найдены сосуды с трубчатыми сливами: в центральном, основном, при мужчине, лежащем головой на З – круглодонный, во впускном, с ребёнком, ориентированном головой на Ю – плоскодонный. К.Ф. Смирнов бесстрастно отмечает, что плоскодонные сосуды с трубчатыми сливами «весьма типичны для савроматов Поволжья и Приуралья, встречаются они и в Липовском могильнике...рубежа V-IV вв., и у саков Приаралья, например, в Уйгаракском могильнике». В датировке этих двух новоорских погребений он колеблется между началом прохоровской культуры (IV в.) и переходным от савроматской стадии к прохоровской временем (рубеж V-IV в.). Его представлениям, очевидно, лучше отвечал бы вариант, при котором «отец» и «сын» поменялись бы сосудами. Однако, теория с практикой совпадают в безраздельно властвующей у нас научной парадигме далеко не всегда. При костяке, лежащем головой на З, исследованном в погр. 0 кургана 1 Комсомольского-V могильника (*Пшеничнюк 1983*: 62, табл. XLV, 11, 12, 15), найдены три сосуда: два плоскодонных и один – круглодонный, что тоже мало соответствует представлению о их одновременности. В одном из погребений Бажигана найдены семь наконечников стрел: пять костяных и два бронзовых (трёхлопастной со сводчатой и двухлопастной с лавролистной головками), а также меч без перекрестья «меотского типа», не известный до конца V в. до н.э. (*Смирнов 1964*: рис. 12, 3).

Очень близким блюменфельдскому и типологически и, очевидно, хронологически, выглядит целая серия погребений в Нижнем Поволжье, совершённых в квадратных ямах из Бекетовки, Кривой Луки V, Сазонкина Бугра, Аксёновского, Берёзовки, Жутово, Капитанского) (*Клепиков 2007*: рис. 2, 2, 4; 3, 7; 4, 1-3). Наиболее же важным представляется сходство с погр. 7 кургана 16 группы Лебедёвка-VII в Западном Казахстане. Оно было совершено в широкой прямоугольной яме, 3-В, размером 5,5×2,5 м, с дромосом в южной стенке. В яме в один ряд вытянуто на спине, головами на Ю лежали четыре скелета. Инвентарь близок блюменфельдскому: конская узда в зооморфном стиле, меч с бабочковидным перекрестьем и волютообразным навершием, бронзовые и костяной наконечник стрелы, и пр. В то же время, никак не согласуется с хронологической схемой Гракова-Смирнова найденный в погр. 7 орнаментированный круглодонный тальковый сосуд. Комплекс отнесён издателями ко второй группе, конца V-IV вв. до н.э., названной ими «раннепрохоровской» (*Железчиков и др. 2006*: 31-34, 37-38; рис. 72, 1; 73).

Первую, «савроматскую» группу Лебедёвки её раскопщики и издатели, вслед за Граковым-Смирновым, датируют концом VI-V вв. до н.э. Они отмечают очевидное сходство комплексов первой и второй групп. «Всё это является свидетельством эволюционного развития местного населения, что не исключает...влияния извне. Такой вывод не позволяет... провести чёткой хронологической и культурной границы между анализируемыми группами памятников, однако наличие раннего и более позднего хронологического пластов не вызывает сомнения» (*Железчиков и др. 2006*: 38).

Ещё раньше близкие взгляды были высказаны А.Х. Пшеничнюком. Ни разу не

назвав в работах имён своих оппонентов, он, по существу, выразил своё несогласие с их хронологической схемой. Чёткость изложения и лаконизм делают вторую главу его монографии, посвящённую хронологии и периодизации, одним из лучших изложений этой объективно действительно весьма сложной и противоречивой проблемы в литературе (Пшеничнюк 1983: 76-86). Не будет преувеличением сказать, что часть его положений мы готовы разделить с её автором. Часть, но не все. Так, он считает, что «многие типы вещей без заметных изменений бытовали на протяжении всего периода V-III вв. до н.э.» (Пшеничнюк 1995: 95-96). Исходя из этого, он заключает: «Естественно, что датировать то или иное погребение таким коротким отрезком времени, а соответственно причислить его к савроматской или прохоровской культуре по вещевым материалам далеко не всегда представляется возможным. При таких обстоятельствах наиболее надёжным критерием является погребальный обряд и керамика» (Пшеничнюк 1983: 79-80). Получается, что «культура ранних кочевников Южного Урала» VI-III вв. до н.э. А.Х. Пшеничнюка (соответствующая савромато-сарматской культуре других авторов) состоит как бы из трёх автономных модулей (вещевые материалы – керамика (которая, если мы не ошибаемся, является лишь одной из составных частей вещевого инвентаря) - погребальный обряд). Желание разрубить гордиев узел савроматско-сарматской проблемы одним «чётким» («фирменный» термин А.Х. Пшеничнюка) ударом понять можно, но сама посылка, при котором каждый из этих модулей живёт особой жизнью, по своим законам, кажется нам теоретически далеко не безупречной.

Противоречивые чувства вызывают две тезисные работы Б.Ф. Железчикова, одна из которых написана совместно с тем же А.Х. Пшеничнюком (Железчиков 1987: 38-40; Железчиков, Пшеничнюк 1994: 5-8). Эти учёные, собственно говоря, представляют в каком-то роде альтернативное направление в отечественной сарматологии. Именно – «в каком-то». В отличие от коллег и даже учителей (Б.Ф. Железчиков – аспирант К.Ф. Смирнова, А.Х. Пшеничнюк – К.В. Сальникова), предполагавших автохтонно-эволюционное происхождение савроматской культуры на базе срубно-андроновских древностей, они, открыто не возражая против эволюционизма, в то же время считают савроматскую культуру пришлой, появившейся в Приуралье в «готовом виде». Возможно, только тот факт, что этот вывод был сделан уже в конце советской эпохи и, к тому же, состоявшимися, уважаемыми учёными, не вызвал никаких скандальных последствий.

Новую археологическую культуру мы предлагаем назвать яицкой. Древнее название Яик носила река, переименованная в 1775 г. по приказу императрицы Екатерины в Урал в качестве морального наказания яицких казаков, а также башкир, принявших массовое участие в крестьянской войне 1773-1775 гг. под руководством Емельяна Пугачева (хотя полунезависимые тогда казахи его название сохранили). Яицкая культура носила, начиная с 1925 г., врозь или совокупно название (названия) «савроматской (блюменфельдской)» и/или «савромато-сарматской (раннесарматской, прохоровской)» культур, «позднесавроматского», «древнепрохоровского», а также «переходного» этапов. Вплоть до последнего времени их было принято датировать второй половиной или концом VI-IV/III вв. до н.э. Мы время бытования новой культуры определяем в рамках последней четверти V-IV вв. до н.э. Таким образом, протяжённость культуры, существовавшей, по привычным представлениям, около 250 лет, предложено сократить вдвое. Эта операция, характеризующая как самую культуру, так и весьма не простую динамику формирования гносеологических

представлений о ней, послужила основанием для её второго, образного названия – «шагреновая» (*Исмагил, Сунгатов 2011*). Ещё одним поводом для переименования блюменфельдской культуры в яицкую послужил тот факт, что большинство её комплексов в течение прошедшего с 1925 г. времени были исследованы на Южном Урале, а не в Поволжье, где находится старый эпонимный памятник. Савроматская принадлежность поволжских курганов в последние годы активно оспаривается (на наш взгляд, по меньшей мере - чересчур поспешно), что также не способствует тренду сохранения названия культуры в качестве «блюменфельдской».

В.Ю. Зуев (1998: 45-50) в ходе дискуссии сделал попытку ввести в научный обиход понятие «филипповской культуры», в чём (разумеется, после замены «культуры» на «горизонт») вполне ожидаемо был поддержан Л.Т. Яблонским (2007: рис.). Но были и встретившие её в штыки. «Весьма неудачно выбрано...название...культуры по получившему в последнее время известность Филипповскому кургану... Филипповский курган является памятником субэлитарной культуры, он представляет собой своеобразную сокровищницу кочевнической знати и не отражает массовой культуры. К тому же он полностью не опубликован и ждёт ещё своего всестороннего исследования и в отношении хронологической позиции и историко-культурной интерпретации» (*Скрипкин 2000: 22-23*). Примерно тот же набор аргументов используется и в работах ещё одного противника «филипповской культуры» (*Мошкова 2007: 113*)¹.

Мы также выступаем против предложения называть культуру населения Приуралья и Поволжья середины I тыс. до н.э. филипповской, хотя и по другим основаниям. Принцип, согласно которой одну и ту же культуру пытаются назвать по только-что раскопанному, более престижному и богатому, чем прежний, комплексу, напоминает известный сюжет восточного фольклора. Его герой, находящийся последовательно пещеры с медью, серебром и золотом, вынужден каждый раз освободить карманы, чтобы набить их монетами из более благородного металла. Нет ничего невозможного в том, что через несколько лет в местечке N будет исследован памятник, более богатый (или менее ограбленный, что в данном случае одно и то же) чем Филипповка-1. По логике, мы должны будем номинировать в качестве эпонима культуры могильник N, что выглядит нонсенсом. «Яицкая» в качестве названия культуры подходит гораздо лучше. Эпоним – крупная река (третья по длине в Европе), практически от начала до конца протекающая исключительно в савроматском (сарматском) ареале, идеальный медиатор для её зауральской и предуральской, северной и южной частей. Яик практически вечен: он катил свои воды десятки миллионов лет до человека и, не исключено, столько же будет катить после него. Не вдохновляет нас на переименование блюменфельдской культуры в филипповскую и то, что оба основных исследователя Филипповки-1, А.Х. Пшеничнюк и Л.Т. Яблонский, которые больше других заслуживают уважения за спасение этого выдающегося некрополя, решительно настроены не считать своё детище савроматским². Эта точка зрения, на наш взгляд, ошибочна, но коль скоро сами раскопщики савроматского (сарматского) памятника №1 выступают против определения его этнической принадлежности, их оппоненты имеют полное право

¹ Своеобразия обряда Филипповки не отрицает, впрочем, и сам Л.Т.Яблонский (2008:204).

² Любопытно, что ещё один сторонник филипповской культуры, В.Ю. Зуев, также не признаёт савроматов на Южном Урале.

использовать эту промашку в обороне оппонетов в интересах своей точки зрения.

Продолжительность бытования «савроматской культуры» Гракова-Смирнова определяется почти в 250 лет (VI-IV вв. до н.э.). Её исследователи в недавнем прошлом не особенно задумывались над вопросами соотношения общей даты культуры с датой отдельного памятника (например, раскопщик Алебастровой горы продолжительность функционирования группы в десяток насыпей оценивает в три века (*Граков 1947*: 116-117)). Ещё куда ни шло, когда требуется «раскидать» в этом интервале полсотни или более курганов таких относительно больших некрополей, как Покровка (с её десятью группами), Лебедёвка (восемь групп), Новый Кумак (более 50 насыпей), и т.п. Но как быть с таким памятником, как Валитово-2, насчитывающим всего три кургана с тремя могилами и шестью умершими? Исходя из традиционных представлений, погребение кургана 3 с западной ориентировкой можно, не греша против собственной совести, отнести ко второй половине-концу VI в. до н.э., а верхние ярусы погребений курганов 1 и 2 – к IV вв. до н.э.¹ Но мог ли могильник, содержащий прах всего шести человек, функционировать в течение 250 лет (когда каждый умерший должен был захораниваться более чем через 40 лет после своего предшественника), сохраняя в неизменности один обряд? Сами исследователи Филипповки-1, насчитывающей 27 насыпей, время существования этого не самого маленького некрополя пытаются ограничить всего 30-50 или 50-70 (с рубежа V-IV до третьей четверти IV в. до н.э.) (*Пшеничнюк 2013*; *Влияния ... 2012*: 282-284) годами².

Мы склонны думать, что и период бытования яицкой, или «шагреновой» культуры в целом, достаточно короток – около 125 лет. Это заключение подтверждается преобладанием в составе памятников яицкой культуры родовых аристократических могильников (Филипповка-1, Кырык-Оба-1 и 2) со сложным, устойчивым погребальным обрядом и импортом с узкой датой бытования. Как никогда, в отношении этих памятников уместно широко известное выражение – «в готовом виде» (*Железчиков, Пшеничнюк 1994*: 5-8), правда, с важной оговоркой, касающейся того обстоятельства, что в погребальном обряде и в инвентаре Филипповки-1 мы видим всё же не одну застывшую традицию, а, как минимум, две, и притом в состоянии активного взаимодействующая между собой.

В официальной советской историографии положение дел в сарматологии долго казалось образцом благополучия (*Нейхарт 1982*: 143 сл.). К тому же идеи учёных московской школы были серьёзно поддержаны в 1988 г. Небольшая работа двух молодых археологов (неформальному лидеру было всего 22 года) в провинциальном сборнике была посвящена, казалось бы, частной проблеме происхождения прохоровской культуры (*Таиров, Гаврилюк 1988*: 141-157). Однако по своему содержанию статья явно выходила за пределы своего скромного названная («К вопросу о...»), и неожиданно стала одной из наиболее заметных в сарматологии.

¹ Собственно говоря, именно такой «арифметикой» и вынуждены были заниматься все копающие сарматологи, в том числе и оба соавтора, пытаясь свести концы с концами (хронологические) Гумаровского могильника с его восемью погребениями (*Zuev, Ismagil 1998*; *Зуев, Исмагил 1999*) и Биш-Убы-1 – с девятью (*Агеев и др., 1998*), и т.д.

² Для сравнения: длительность могильника Юстыд (44 насыпи) на Алтае его раскопщик оценивает в 100 лет (*Кубарев 1991*:133), что, на наш взгляд, ближе к действительности.

Через год А.Г. Гаврилюк (1989: 58-59) в двухстраничных тезисах ввёл в науку адаптированное для территории Южного Зауралья и получившее широкое признание понятие «древнепрохоровского (обручѣвского) этапа раннесарматской культуры», соответствующего блюменфельдскому (савроматскому) этапу схемы Гракова-Смирнова. Формально эта номенклатурно-таксонимическая дефиниция выглядит весьма научнообразно. Однако, отдавая неизбежную дань эволюционизму, челябинские авторы закрыли глаза на чрезмерную тяжеловесность нового понятия и другие литературные неувязки. В дефиниции ощущается избыток недостаточно согласованных между собой тавтологических сопоставительных степеней, в результате чего первый этап назван, например, не «ранним», а именно «древним». Жонглирование этими словами может создать и уже создаёт при сопоставлении материалов Зауралья с артефактами соседних регионов много неудобств. Так, остаётся большой загадкой, в каких реальных культурно-хронологических отношениях находятся между собой комплексы «древнепрохоровского этапа раннесарматской культуры» Южного Зауралья (датированного челябинцами второй половиной VI-серединой V вв. до н.э.) и памятники «раннепрохоровской» («второй хронологической группы») Лебедѣвского курганного поля в Южном Приуралье (отнесённой волгоградскими авторами к концу V-IV вв. до н.э.) (Гаврилюк, Таиров 1993: 65; Железчиков и др. 2006: 31-34, 37-38). На самом деле эти две локальные группы памятников синхронны между собой и относятся к яичковой культуре последней четверти V-IV вв. до н.э.¹

Удивляет то, что от внимания авторов новой гипотезы, поддержанной многими (Пшеничнюк 1995: 95-96; Зуев 2000: 92; Яблонский 2007: табл. 1), по непонятным причинам ускользает одно очевидное обстоятельство. Согласно их концепции, со второй половины VI до середины II вв. до н.э., на протяжении 400 лет, в Южном Зауралье существует «единая прохоровская культура», состоящая из трёх этапов – древнепрохоровского второй половины VI-середины V вв. (она же стадия В), раннепрохоровского второй половины V-IV вв. (стадия С) и собственно прохоровского III-середины II вв. до н.э. (стадия D) (Таиров 2004: 3 сл.). Столь большая продолжительность бытования одного степного феномена беспрецедента для скифо-сарматского ареала. Трудно даже представить, как период формирования одной культуры (собственно прохоровской), существовавшей всего около 150 лет, мог продолжаться 250 лет - почти в два раза дольше времени бытования самой культуры. Наконец, вряд ли самую невыразительную из трёх культур стадию D, представленную наименьшим числом комплексов, к тому же преимущественно бедных, вообще можно считать вершиной, неким эталоном развития местной культуры. Если прохоровская культура в лице её древнепрохоровского этапа развивалась уже со второй половины VI в. до н.э., становится больно уже за старую добрую савроматскую культуру. И в самом деле, известный уфимский археолог констатирует: «Практически места для савроматской культуры в памятниках

¹ Талантливый лидер челябинского творческого тандема скоро отошёл от названной проблематики и новые идеи пришлось реализовать его более амбициозному и опытному соавтору, многочисленные и уважаемые работы которого отмечены печатью «немецкого» педантизма (см.: Таиров 2005Д). Вкладом А.Д. Таирова в общее дело можно считать разработку модели т.н. «пастбищно-кочевой системы», исследование тасмолинского компонента в культуре зауральского населения, и т.д.

Южного Урала почти не остаётся» (*Пшеничник 1995*: 96), но как поступить с её остатками (варианты решения: не замечать; инкорпорировать в прохоровку - как когда-то прохоровка была инкорпорирована в блюменфельдскую культуру; ждать, когда проблема рассосётся сама собой...), очевидно, не знает и сам.

В конце XX в., не в последнюю очередь, на волне политического вольнодумства, связанного с крахом коммунистической идеологии и развалом СССР¹, подспудно копившиеся мелкие нестыковки и шероховатости привели к практически синхронному возникновению ещё трёх (помимо разобранных выше) «проблемных ситуаций», закопёрщиками которых стали три археолога, - элистинский, московский и петербургский. Первой на изменения «политического климата» среагировала М.А. Очир-Горяева, на основе анализа погребального обряда, конской сбруи, колчаных наборов и других категорий вещевого инвентаря разделившая одну археологическую культуру, савроматскую, на две самостоятельные, доно-волжскую и самаро-уральскую, соответствующие двум локальным вариантам К.Ф. Смирнова (*Очир-Горяева 1988; 1989; 1992*). Л.Т. Яблонский решительно выступил за автономное изучение археологических памятников раннего железа Поволжья и Приуралья и «савромато-сарматов» античной литературной традиции. В.Ю. Зуев, увлечённый построениями ряда украинских учёных, постулировавших факт запустения причерноморских степей в III в. до н.э., предположил, что погребений этого времени нет и в Приуралье. Сосредоточив своё внимание на эпонимном Прохоровском могильнике, он предложил разделить материалы раннесарматской культуры перерывом в 100-150 лет (позднее, под нажимом оппонентов, суженный до 25-50 лет) (*Зуев 1996б; 1999*). В настоящее время дискуссию о «хиатусе III в. до н.э.» можно считать завершённой. Научное сообщество, не разглядевшее временного зазора между ранней и поздней прохоровкой В.Ю. Зуева, справедливо отвергло *idée fixe* петербургского археолога. Но победа оказалась пирровой: победители, потратив огромные усилия, недалеко ушли от побеждённых в плане разработки правильной общесарматской хронологии.

Время бытования яйцкой культуры определено нами в рамках последней четверти V-IV вв. до н.э. (с возможной корректировкой до четверти столетия в ту или иную сторону, - середина V- первая четверть III вв.). Что касается верхнего рубежа, то он в значительной степени опирается на датировку гераклеийской амфоры варианта П-А-1 «поздней» серии, обнаруженной в 1999 в Новомусинском могильнике (*Васильев 2001б*: 169-179; *Васильев, Сиротин 2004*: 173-180, рис. 2, 3). Эта серия датирована последней четвертью IV-первыми двумя десятилетиями III вв. до н.э., а собственно погребение 1 отнесено к первым десятилетиям III в. до н.э. (*Монахов 2006*: 89-94)². В небольшом кургане 3 обнаружено шесть большей частью ограбленных погребений: основное (№5) и пять кольцеобразно его окружающих впускных. Умершие лежат головой на Ю, ЮЗ, ЮВ. В кургане найдено всего два

¹ Так, известный сарматолог, не успев сдать в начале 1990-х гг. партбилет члена КПСС, в одночасье преобразился в глубоко верующего человека, монархиста и антисемита. Эти кульбиты не столь безобидны, как может показаться на первый взгляд, ибо а priori ставят под сомнение также научную добросовестность и репутацию исследователя.

² Кстати, и вторая найденная у савроматов амфора – из Кривой Луки в Астраханской области, на правом берегу Волги – тоже гераклеийского производства (*Яценко 1977*: 67 сл.).

сосуда местной работы (оба в насыпи): плоскодонный с примесью талька и круглодонный с примесью песка. Амфора находилась в подбойной камере погр. 1. Покойника, кроме амфоры, сопровождали меч и набор из 38 бронзовых наконечников стрел. Издатели не заметили несомненного сходства последних со стрелами кургана А-12 Блюменфельда. В обоих наборах основу составляют трехлопастные с изящной длинной сводчатой головкой и короткой выступающей втулкой: соответственно 86 из 182 и 18 из 38 (*Смирнов 1964*: рис. 11Б, 4-5; *Васильев, Сиротин 2004*: рис. 3, 2), два средних экземпляра из верхнего ряда и два левых – из нижнего. И в Блюменфельде, и в Новомусино представлены одиночные наконечники пулевидной формы (*Смирнов 1964*: рис. 11Б, 24; *Васильев, Сиротин 2004*: рис. 3, 2, крайний справа в нижнем ряду и третий справа в нижнем ряду). Железный меч (длиной 0,85 м) с узким дуговидным перекрестьем и едва изогнутым брусковидным навершием (*Васильев, Сиротин 2004*: рис. 2, 4) типичен для памятников «переходного времени» в трактовке К.Ф. Смирнова. Таким образом, Блюменфельдский курган А-12 хронологически достаточно близок даже к опорному для датировки одного из наиболее поздних памятников яицкой культуры.

Определение абсолютной даты нижнего рубежа яицкой культуры (последняя четверть или, в крайнем случае, середина V в. до н.э.) возможно пока лишь на основании частично перечисленных ниже типологических данных и соображений общего характера, и поэтому, к сожалению, не столь надёжно даже в сравнении с верхней датой, о трудностях определения которой было уже много сказано.

Ниже мы предлагаем вниманию читателя список некоторых признаков погребального инвентаря и обряда (во многом идентичный рассмотренным в главах 3-4) яицкой культуры. Ни до, ни после этого времени они в Приуралье и, тем более, в жёсткой связке друг с другом, не встречаются. Понятно, что этот список сегодня можно считать сугубо предварительным, не претендующим ни на полноту, ни на «чистоту» приведённых примеров. Окончательный вид он может получить только в результате кропотливой и долгой работы, которую предстоит ещё выполнить.

Отдельные хроноиндикаторы яицкой культуры: инвентарь¹

1. *Алтарики*. Своеобразным «брендом» савроматской археологической культуры считаются каменные столики круглой формы на трёх ножках, трактованных в виде волчьих голов. Аналогии алтарикам ранних типов (безногих, в форме птичьей головы или овального корытца) встречаются далеко за пределами Приуралья, а трёхногие зооморфные практически бытуют только у савроматов яицкой культуры (*Мошкова 2000*: 208). Выдвинутая еще К.Ф. Смирновым (*1964*: 162-163) точка зрения об иранских истоках прямоугольных савроматских столиков на четырёх столбообразных ножках (I тип) нашла блестящее подтверждение после находки в 2007 г. Р.С. Мергалиевым в центральном погребении кургана 3

¹ Вне своего поля зрения авторы этой книги сознательно оставили такие признанные хроноиндикаторы, как бусы и бронзовые наконечники стрел. Причина – неполнота данных о них в отчётах, а также не до конца разработанная методика их использования, когда, например, автор разработки просто-напросто переносит датировку памятника тем или иным исследователем на бусы, тогда как требуется делать наоборот.

могильника Тонкерис-III в Западно-Казахстанской обл. импортного алтарика описанного типа (*Зданович и др. 2008*: 57-58, рис. 1, 3; *Влияния...2012 I*: 195-196, рис. 93-95). Один из бортиков столика украшен изображением головы зебувидного быка, обитавшего во II-I тыс. до н.э. на полуострове Индостан. Дальнейшая эволюция исходного прототипа на берегах Яика связана, очевидно, с заменой прямоугольного ложа круглым, сокращением количества ножек (с четырёх до трёх) и переносом трансформированного зооморфного изображения (бык > волк) с бортика на ножки. Тонкерисская находка подтвердила принадлежность так называемых плиток с головой барана, распространённых в Южном Зауралье, к савроматской эпохе.

2. «Музыкальные зеркала». Представляют из себя полые склёпанные из зеркального диска и лицевой пластины круглые изделия, диаметром около 15 см, с короткой боковой штыревидной ручкой треугольной формы. Пластины украшены зоо- и антропоморфными изображениями и геометрическим орнаментом. В Приуралье известны два таких зеркала (Мечетсай, погр. 5 кургана 8 (1961); Яковлевка-2, погр. 4 кургана 0); ещё три происходят с территории Горного (Пазырык, курган 2) и равнинного Алтая (Рогозиха-1, погр. 1 кургана 5; Локоть-1а, погр. 4 кургана 1). Все они изготовлены из высокооловянистой (около 23%) бронзы по передовой технологии горячейковки и представляют собой индийский (?) импорт (*Равич и др. 2012*: 63-93). Барнаульские археологи время попадания пяти названных культовых предметов в могилы относят к V в. до н.э. (*Шульга 2003*: 91-92), их оппоненты - ко второй половине IV в. до н.э. (*Равич и др. 2012*: 83-84). Если, как считается, до своего оседания в земле зеркала-погремушки 100-150 лет находились в активном пользовании, то у кочевников они могли появиться либо в конце VI-начале V вв. до н.э. (согласно мнению П.И. Шульги), либо в первой половине V в. до н.э. (как думают И.Г. Равич с соавтором). Понятно, что нас больше устраивает третья версия, относящая эти события ко второй половине V в. до н.э. (*Берлизов 2009*: 61).

3. Зеркала саринского типа. Представляют из себя кованные изделия с круглыми или слегка овальными дисками (диаметром 15-25 см) с длинной (10-15) широкой прямоугольной, иногда чуть расширенной к концу плоской боковой ручкой (общая длина 25-40 см). В 3-4 см от края диска проходит низкий подтреугольный валик, или утолщённая закраина. Блестящая поверхность желтоватого цвета дала повод к атрибуции большинства зеркал в качестве «позолоченных». Раскопщик Нагорненского могильника считал, что зеркало из этого памятника покрыто «золотистой краской» (*Кадырбаев 1981А*: 58). Анализ состава известен только для экземпляра из погр. 15 кургана 2 в Филипповке-I, изготовленного из высокооловянистой бронзы (24% Sn), придавшей зеркалу белый цвет (*Влияния...2012 II*: 139-140, рис. 101, 1). Обратная сторона диска чаще всего украшена одним-двумя параллельными краю рядами пуансонных розеток. На стыке ручки и диска нанесён пуансонный орнамент в виде одной-двух гирлянд и/или зигзагов. Всего к настоящему времени насчитывается, как минимум, восемь зеркал указанного типа (Сара, курган 7, «рубёжа VI-V вв. до н.э.», по которому получила у авторов этой книги своё название; Черниговский курган 1888 г.; Гумарово, курган 3; два экз. в погребениях 5 и 6 кургана 1 в Биш-Убе-1; погр. 9 кургана 9 в Нагорном; погр. 3 кургана 1 и погр. 2 кургана 15/2 в Филипповке-I (*Смирнов 1964*: рис. 35-Б, 8; *Зуев 1991*: 42-53; *Зуев, Исмагилов 1999*: табл. 7, 1; *Агеев и др. 1998*: рис. 8, 5; 10, 2; *Кадырбаев 1981А*: 58, рис. 43; *Пшеничнюк 2013*: рис. 53; *Влияния...2012 II*, рис. 101,

1). Не мешало бы заново осмотреть зеркала из кургана 7 в Бис-Обе, их кургана у хут. Весёлый близ с. Акбулак, да и из других комплексов, форма и размеры которых весьма близки саринским (Смирнов 1964: рис. 15, 4а; 38, 17). Судя по высокому качеству, стандартизованным размерам и орнаментации, зеркала саринского типа вполне могли являться продукцией мастерских, функционировавших в течение сравнительно короткого отрезка времени. Совсем недавно авторы этой работы были уверены, что место их производства находилось где-то в Приуралье или на поселениях лесостепного Зауралья. После появления статьи, посвящённой комплексному исследованию «музыкального зеркала» из Яковлевки-2, нам стало ясно, что высококачественные зеркала саринского типа, скорее всего, также являются импортом. Установление центров производства зеркал этого типа будет составлять одну из задач сарматологии в обозримом будущем. Зеркала саринского типа (время активного бытования и время попадания в землю) вчерне могут быть синхронизированы с «музыкальными зеркалами». В этом отношении особенно важно зеркало из погр. 1 кургана 3 в Филипповке-1, на ручке которого представлены изображения двух божеств (?), напоминающих персонажей «музыкальных зеркал» (Пшеничнюк 2013: рис. 53).

4. *Маховички юлы* (в традиционном представлении - «колёсовидные подвески или амулеты»). Помимо Приуралья, описанные предметы, которые, по преобладающему мнению, «были, вероятно, связаны с солярным культом», имели хождение в каменной культуре Верхнего Приобья (Могильников 1997: 87-88, рис. 55а, 18, 42). Любопытно, что на соседнем Алтае, у саков Казахстана и у носителей саргатской культуры Тоболо-Иртышья их нет. Представлены в единичных погребениях с V-IV вв. до н.э. (Рогозиха-I) по III-II вв. до н.э. (Масляха-I, в мешочке на поясе умершего) (Шамишин, Навротский 1986: 105; Могильников, Уманский 1992: 80, рис. 6, 9). К III-II вв. вместо спиц появляются отверстия в диске, что может выглядеть как процесс трансформации солярных амулетов в бытовые пряслица. Однако приуральский трафик развития этих предметов показывает, что они не были амулетами, а являлись маховичками юлы, применяемыми савроматскими шаманками в их обрядах (в первую очередь, связанных с гаданиями).

5. *Ложечки*. Как простые, так и украшенные в зооморфном стиле костяные ложечки найдены в Покровске (Энгельс), курган 31; Абрамовке (курган Чёрная гора); Соболевском кургане (1927); Пятимарах-I, могила 1 и 2; Башкирском стойле; уроч. Лапасина, погр. 2 кургана 1; Фриденберге, группа 1, погр. 2 кургана 5, и др. (Смирнов 1964: рис. 7, 9д; 9, 2в; 14, 4; 32, 3г, 2б; 41, 3д; 42, 2д; 51, 3в). Они относятся к женскому шаманскому комплексу (хотя изредка встречаются и в мужских погребениях), сполна функционировавшему у савроматов только в яйцкое время. В отличие от алтариков, ложечки часто встречаются и в прохоровских комплексах, например, в Бишунгаровском могильнике III в. до н.э. под Уфой, но там они исключительно простых форм и лишены зооморфных изображений (Пшеничнюк 1983: табл. IX, 12; XIII, 2; XIV, 1; XVI, 8; XXIV, 6).

6. *Железные браслеты*. В специальных работах волгоградских исследователей, вышедших в разгар дискуссии о «хиатусе III в. до н.э.», обосновывается их принадлежность к числу хроноиндикаторов IV в. до н.э. (Скрипкин, Клепиков 2004: 95; и др.). Исходя из идей настоящей работы, эту дату следует углубить до последней четверти V в. до н.э.

7. *Металлические накладки на деревянную посуду*. В нашей выборке

засвидетельствованы в двух комплексах: золотые – в относительно раннем (Гумарово, погр. 2 кургана 1), бронзовая - в относительно позднем (Новые Ябалаклы-1, погр. 1 кургана 8). Первые накладки в восточноевропейских степях начинают встречаться с эпохи бронзы, но появление их у савроматов следует объяснять, вероятно, контактами с южными цивилизациями. В отличие от большинства других категорий, накладки простых форм продолжают бытовать вплоть до позднесарматского времени (*Сергацков 2006*: 130, рис. 4, 4).

8. Роговые клыки и их бронзовые реплики. После отнесения Блюменфельдского кургана А-12 к VI-V вв. до н.э. все аналогичные предметы (как с изображениями волка, так и без них) стали датировать этим временем. Но среди них совершенно определённо есть экземпляры, найденные в комплексах «переходного этапа», с мечами с перекрестьями, «сломанными под тупым углом» (например, Валитово-3, погр. 3 кургана 0), что и позволяет включать погребения с клыками в рамки яицкой культуры.

Своего наивысшего развития традиция украшать конскую узду репликами клыков (деревянными и роговыми) фиксируется в Горном Алтае. Число таких предметов при одном коне достигает 15-20 экз. Приводящий эти цифры В.Д. Кубарев (**1987**: 37) справедливо отмечает, что «столь же излюбленный обычай украшать упряжь коня клыками кабана существовал у скифов» (и, как мы видели, у савроматов). Несколько бронзовых изделий найдено в таком важном памятнике конца V-IV вв. до н.э., как Хошеутовское погребение на границе доно-волжского и самаро-уральского вариантов «савроматской» культуры (*Дворниченко, Очир-Горяева 1997*: 99-115, рис. 1).

9. Г-образные псалии. Псалий такой формы обнаружен в Загребайловке. Они широко распространены в степной Евразии, от Скифии до Алтая включительно. Если скифские псалии (Завадская и Испановы могилы, курган 389 у с. Журовка, курган 491 у с. Макеевка), изготовлены преимущественно из бронзы, то савроматские – чаще железные (курган 8, Пятимары-1; погр. 2 кургана 2, Мечетсай; погр. 3 кургана 2, Тарабутак; погр. 2 кургана 6, Переволочан, Маровый шлях, курган 3, могильная яма 2 и др.) (*Смирнов 1964*: рис. 27, 2; 28, 7; 19, 1л; Пшеничнюк 1995: рис. 5, 4; *Таиров 2006*: рис. 7, 2). Предметы этой формы датируются исследователями V в. до н.э. (*Лукьяшко 1994*: 99). Самый восточный известный нам экземпляр найден на левобережье Оби в составе комплекса из разрушенного кургана возле дер. Новообинка Алтайского края (*Могильников, Медникова 1985*: 179-185, рис. 3, 1). Кроме железного псалия, в подкурганном погребении (обряд которого, остался, к сожалению, неизвестным) были обнаружены также бронзовые однокольчатые удила, бронзовый нож с кольчатой рукояткой, два колчанных крючка (в том числе один бронзовый зооморфный, напоминающий крючок из Максutowой землянки), бронзовые преимущественно трёхлопастные и трёхгранные наконечники стрел, а также длинный (1,06 м) железный меч с брусковидным навершием и следами золотой инкрустации в виде золотых нитей на рубчатой рукояти и почковидном перекрестии. Издатели справедливо связали основную часть инвентаря (псалий, зооморфный крючок, наконечники стрел) с савроматами, а меч был прямо сопоставлен с лапасинским акинаком (см. ниже). Опираясь на хронологические выкладки К.Ф. Смирнова, они датировали комплекс «второй половиной VI-V вв., уже – концом VI-началом V в. до н.э. (*Могильников, Медникова 1985*: 182-183), т.е. временем блюменфельдской культуры. На наш взгляд, Новообинка синхронна

древностям яйцкой культуры последней четверти V-IV вв. до н.э.

Особое значение алтайского комплекса состоит в том, что он позволяет значительно омолодить дату ряда собственно савроматских мечей с брусковидным навершием и почковидным (или сердцевидным) перекрестьем. Один из них, аналогичный новообинскому, но более короткий (длина 0,55 м), найден в погр. 5 кургана 1 в уроч. Лапасина у с. Любимовка и отнесён к типу 1 отдела I, датированному VI в. до н.э. (Смирнов 1961: рис. 1, 2). Два других меча (из кургана 12 юго-восточной группы у г. Покровск (Энгельс) и случайная находка из Саратовского музея, инв. № 616) выделены К.Ф. Смирновым (1961: рис. 5, 1-2) в датируемый им не позднее начала V в. до н.э. отдел IV мечей с сердцевидным перекрестьем и без металлического навершия. Длина только клинка первого из них составляет 1,17 м (т.е. он сопоставим в этом отношении с мечом из кургана 8 Нагорненского могильника; см. о нём ниже), второго – 1,11 м (без учёта навершия). Отсутствие металлических наверший и разница в деталях оформления рукоятей не может кардинально препятствовать сближению мечей отдела IV с мечами и кинжалами типа 1 отдела I. Все эти находки отличает массивность перекрестья и, за одним исключением, большая длина клинка (и, следовательно, большая общая длина). Своеобразным медиатором, сближающим между собой два описанных типа савроматских мечей, является новообинский экземпляр. Помимо всего прочего, он был украшен золотой инкрустацией, что свойственно уже относительно позднему савроматскому оружию, например, длинному мечу «переходного типа» из Буруктала (Смирнов 1961: 25, рис. 7, б), несколькими акинакам из Филипповки (Пшеничнюк 2013: рис. 20; 51).

10. Мечи и кинжалы переходного типа (с тупоугольными и дуговидными перекрестьями). Аналогии: Верхнее Приобье, погр. 3 кургана 5 в Новотроицком-II, вместе с круглыми полушарными бляшками с перекладиной на обороте (Могильников 1997: рис. 38, 11); Устюрт, Каскажол (Ягодин 1978: 83-89); Северный Казахстан, Амангельды, курган 13 (Хабдулина 1994: табл. 22, 8); Горный Алтай, долина р. Ачик (Суразаков 1979: 268-269). К.Ф. Смирнов, датировавший их вначале IV в. до н.э. (Смирнов 1961: 25 сл.), ближе к концу жизни был вынужден изменить своё решение в связи с находкой в погребениях 1 и 2 кургана 4 могильника Три Мара акинака с дуговидным перекрестьем: «Этот тип меча, характерный вообще для прохоровской культуры IV в. до н.э., впервые фиксируется в Приуралье определённо для V в. до н.э.» (Смирнов 1981: 81-84, рис. 7, 3; 9, 8). Правда, при этом он всегда считал их продуктом эволюционного развития местных акинаков с бабочковидным перекрестьем. Противоречащие последней версии факты предоставляет тулубайский склеп, где были найдены два синхронных друг другу меча. Один из них – «переходного типа», с тупоугольным перекрестьем. Необычайно длинное (10 см), узкое (2-3 см) и почти прямое перекрестье второго формально относится к числу узкобабочковидных (или ложнотреугольных). Сравнение двух этих мечей между собой приводит к неожиданному выводу, что не тупоугольное перекрестье пытается подражать форме узкобабочковидного, а напротив, эволюция «классических» скифо-савромато-сакских бабочковидных перекрестий в яйцкое время стала коррелироваться проникшей в Приуралье откуда-то с юга (?) тупоугольной гардой длинного кавалерийского меча.

Один из самых длинных известных нам савроматский меч (1,36 м, лично измеренный Р. Исмагилом) найден в кургане 8 могильника у с. Нагорное (Кадырбаев

1981А: рис. 18, б). Он имеет клинок в виде полосы с параллельными друг другу лезвиями и закруглённым остриём; перекрестье, среднее по форме между тупоугольным и бабочковидным; дуговидное широкое навершие и расширяющуюся книзу овальную в сечении рукоять. Напомним, что по шкале Гракова-Смирнова Нагорненский могильник относится к «раннему V в.» или даже к концу VI в. до н.э., хотя на деле это типичный памятник яйцкой культуры конца V-IV вв. до н.э. Создаётся впечатление, что очень важным критерием принадлежности сарматских мечей к этому периоду могут служить не только типологические особенности, но и их габариты. В предшествующее время кавалерийские мечи метровой длины встречаются только в виде исключения; в последующее (у прохоровцев, суловцев и т.д.) они становятся нормой.

11. Акинаки позднескифского и северокавказского происхождения. В настоящее время в Предуралье известно уже довольно много мечей скифского и северокавказского происхождения. К первым относятся мечи с ажурно-зооморфным навершием и узкобабочковидным перекрестьем (*Горбунов, Исмагилов 1976:* 240-241, рис. 1, 9, 10; *Исмагилов 1978:* 229-238); ко вторым – мечи без металлического перекрестья, так называемого синдо-меотского типа (*Смирнов 1980*). Чернолаковой керамикой и гераклеями амфорами синдо-меотские мечи датируются IV-началом III вв. до н.э. (*Лимберис, Марченко 1997:* 81 сл.). Примерно к тому же времени следует теперь относить и общие для степных скифов и савроматов типы с брусковидным навершием и узкобабочковидным навершием, ещё недавно датировавшиеся V в. до н.э.

12. Орнаментированные трёхлопастные бронзовые наконечники стрел. Речь идёт о наконечниках, ложки которых украшены различными литыми геометрическими знаками. В Блюменфельде А-12 обнаружены четыре экземпляра, украшенные змейками и косыми тройными линиями (*Смирнов 1964:* рис. 11 Б, 25, 4). Такие знаки встречены на отдельных наконечниках из датированных К.Ф. Смирновым VI-V вв. до н.э. памятников: Сара, курган 7; Соболевский курган (1927); Бердинская гора; Мечетсай, курган 2, погр. 2; Пятимары-1, курганы 9 и 8 (*Там же:* рис. 35А, 4; 14, ч; 16, 3а; 21, 1а; 24, 7; 26, 3з). Но они встречаются и на наконечниках из отнесённых им к V-IV и IV вв. до н.э. комплексов, например, в кургане 1 группы VI у пос. Благодольский и в погр. 3 кургана 3 в Ново-Никольском могильнике (*Там же:* рис. 37, 1а; 52, 8г). Среди «поздних» (по определению К.Ф. Смирнова) особенно любопытны наборы из могил 3 и 4 кургана 1 в уроч. Лапасина и кургана 9 в Пятимарах-I, где покойников сопровождают длинные мечи (*Там же:* рис. 43, 1а; 2а; 44, 1г). В кургане 3 у Нагорного встречен всего один орнаментированный наконечник (*Курманкулов 2007а:* рис. 4); есть и комплексы, где такие экземпляры преобладают. Так, в коллективном подбойном погр. 2 кургана 9 в Лебедёвке-V, содержащем три костяка, лежащих головой на ЮЗ, женщину сопровождал лишь тальковый сосуд; при мужчине и ребёнке лежало по длинному (1 м) мечу и колчану, соответственно с 278 и 116 наконечниками. В первом наборе 9 экземпляров орнаментированы прочерченным, а 36 – рельефным орнаментом; во втором – соответственно 4 и 14 (*Железчиков и др. 2006:* рис. 17-20, 21-22). В коллективном центральном погр. 5 того же кургана, рядом с ориентированным на Ю женским костяком 6 найдено 36 наконечников, из которых орнаментированы рельефными знаками 34 (*Железчиков и др. 2006:* рис. 29). Описанные лебедёвские комплексы волгоградские исследователи относят к раннепрохоровской культуре (по их

хронологии – конец V-IV вв. до н.э.) (*Железчиков и др. 2006: 37 сл.*), синхронной нашей яикской. Так же датируют раскопки курган Темир (*Зданович, Хабдулина 1987: рис. 4*).

Из числа наших особенно близок описанным наборам с ориентированными наконечниками и «кавалерийскими» мечами один комплекс. В погр. 4 кургана 0 в Валитово-3 при костяке, ориентированном на ВЮВ, имеется меч длиной 102,5 см «переходного» типа с дуговидным перекрестьем и 27 наконечников с потайной втулкой, половина которых орнаментирована (**рис. 33: 14**).

13. Пряжки-обоймы квадратной или подквадратной формы из сложенной вдвое пластинки с узким горизонтальным отверстием на лицевой стороне: погр. 2 кургана 19 в Новом Кумаке (*Смирнов 1977: 24, рис. 11, 22*); погр. 1 кургана 4 в могильнике Три Мара (с древнейшим, на взгляд К.Ф. Смирнова, описанным выше акинаком с дуговидным перекрестьем) и погр. 2 оттуда же (*Смирнов 1981: 81-84, рис. 7, 3; 9, 8*); Гумарово, погр. 1 кургана 5, северный костяк (*Исмагилов, Зуев 1979: 109*); Лебедёвка-VI, курган 5 с «железной обоймой с отверстиями на обеих сторонах»; ср. Лебедёвка-V, погр. 1 кургана 28 (*Железчиков и др. 2006: рис. 49, 46; рис. 40, 8*).

Аналогии у ближних и дальних соседей: Лесостепное Приуралье – «бронзовая обойма» из погр. 7 первой половины IV вв. до н.э. Уфимского могильника (*Овсянников, Яминов 2003: 21, рис. 8, А, 1*); Верхнее Приобье – погр. 15 «конца VI-V вв. до н.э.» из Малого Гоньбинского Кордона-1; погр. 1, «V-III вв. до н.э.», кургана 15 в Новотроицком-I; погр. 5 «V-III вв. до н.э.» из кургана 15 в Камне-II; курган 19, «V-III вв. до н.э.», в Новом Шарапе-I (*Могильников 1997: рис. 54, 11, 4, 8*); Семиречье – Капчагай-III, курган 24, «III-II вв. до н.э.» (*Кушаев 1963: 153, таб. II, 12*); Тува – Дужерлик-Ховузу-I, курган 2, «IV-III вв. до н.э.» (*Грач 1980: вкладка III, 169*); Монголия – Улангом, могилы 37 и 43 (*Членова 1993: рис. 11, 4; 13, 3*).

Впрочем, не обошлось и без контровез: Николаевка-II (Южное Зауралье), погр. 2, «VII-VI вв. до н.э.», кургана 1. На кожаный пояс умершего было нанизано 10 узких прямоугольных бронзовых обойм и пряжка-обойма вроде савроматских, но трапецевидной формы и с двусторонним отверстием. Её сопоставляют с пряжкой «VI-V вв. до н.э.» из Арагола на Алтае (*Таиров 1987: 29, рис. 2, 5*). Наборные пояса, собранные из прямоугольных и пропеллеровидных бронзовых обойм бытовали у тасмолинцев; на одном из них (Нурманбет-IV, курган 3) есть трапецевидная пряжка типа Николаевки и Арагола (*Кадырбаев 1966: рис. 39, 1*).

Таким образом, наиболее ранние экземпляры описанных пряжек, изготовленные из бронзы, трапецевидной формы и с двумя разноразмерными отверстиями появляются в Сары-Арке и в Южном Зауралье у населения тасмолинской и бобровской культур (VII-VI вв. до н.э.). В конце V-IV вв. до н.э. ареал их распространения значительно расширяется (Семиречье, Монголия, Алтай, Верхнее Приобье и Южное Приуралье). После рубежа IV-III вв. до н.э. они исчезают. Датировка экземпляра из «усуньского» могильника Капчагай-III в Семиречье «III-II вв. до н.э.» спорна.

14. Полусферические бляшки с перекладиной на обороте. Одна из самых незаметных и в то же время хронологически чутких категорий инвентаря. Помимо блюменфельдского кургана А-12, они найдены, например, в группе II Молчановки, погр. 3 кургана 2; Мечетсае, погр. 2 кургана 9; Весёлом-1 (*Смирнов 1964: рис. 11Б, 19; 13, 6б, 6е; 22, 9; 38, 10*). Перечисленные памятники датированы К.Ф. Смирновым от конца VI до рубежа V-IV вв. до н.э., хотя на самом деле не выходят за пределы

конца V-IV вв. до н.э.

15. Греческая пальметта. В Загребайловке представляет интерес деталь узды, авторами публикации названная «бронзовой бляшкой в виде кисти правой руки человека» (*Мажитов, Пшеничнюк 1977*: 60). Аналогичные вещи их предшественник называл «изображением хищной птицы» (*Смирнов 1964*: рис. 77). В связи с находкой серии «бляшек с изображением хвоста птицы» в Хошеутовском погребении на левом берегу Ахтубы, такие предметы были собраны в одной публикации (*Дворниченко, Очир-Горяева 1997*: 99-115, рис. 1, 35-37; *Očir-Gorjaeva 2005*: №. 193-194, 197-199). Все они имеют отношение к конской узде. В настоящее время насчитывается девять памятников, в которых найдены одна (Пятимары-I, курган 8; Алебастрова гора, курган 3; Бажиган, погр. 1948 г.; Загребайловка, погр. 0 кургана 1; Старица, курган 51; Нагорное, курган 3), три (Новый Кумак, погр. 2 кургана 6), четыре (Варна) или пять (Хошеутово) бляшек.

Считать интересующие нас предметы изображением человеческой руки нельзя уже по той простой причине, что бляшки отнюдь не всегда пятипалые, встречаются экземпляры и с меньшим (четыре) и с большим (восемь) числом выступов. Ближе всего к правильной трактовке сюжета на интересующих нас уздечных бляшках подошли челябинские исследователи, назвавшие изображения на уздечных бляшках «хвостом-пальметкой» (*Таиров, Боталов 1988*: 105). Но и они не разглядели лежащей в основе всей этой поволжско-приуральской серии античной пальметты, которая могла попасть к савроматам только через скифское посредство. Ранние (восточные) образцы этого орнамента мы имеем уже на золотых изделиях из Зивие (*Ильинская, Тереножкин 1983*: рис. 8 на с. 42); к V в. до н.э. относится котёл из Раскопаной Могилы (*Там же*: рис. на с. 109). Однако массовое распространение в Северном Причерноморье мотив получил в V-IV в. до н.э., когда он, собственно, и перебрался за Волгу. Так, мы находим его на окончаниях золотых нащёчников из Чмырёва кургана, на рукояти ситечка из Аджигола (*Там же*: рис. на сс. 151 и 199), на каменных вставках золотых подвесок из курганов Страшной могилы (*Тереножкин и др. 1973*: рис. 29, 4), на золотых бляшках из Мелитопольского кургана (*Тереножкин, Мозолевский 1988*: рис. 98, 17), на золотой обкладке горита и на знаменитой серебряной амфоре из Чертомлыка (*Алексеев и др. 1991*: кат. 189; 91), и т.д. Есть и разница между пальметтами скифов и савроматов: первые встречаются на предметах самых разных категорий, а вторые – только на уздечных бляшках и на перекрестьях двух-трёх неизданных акинаков.

М.А. Очир-Горяева относит Хошеутовский комплекс ко второй четверти V в. до н.э., а появление стиля «скифского барокко» с описанными «церемониальными» уздечными наборами) - к рубежу VI-V вв. (*Očir-Gorjaeva 2005*: 130). На наш взгляд, эти датировки занижены лет на 50-100; савроматские вещи, украшенные заимствованными у греков Северного Причерноморья пальметтами, вряд ли старше конца V в. до н.э.

Отдельные хроноиндикаторы яицкой культуры: погребальный обряд

1. Крупные насыпи, диам. до 100-120 м, выс. до 7-8 м. Известны нераскопанные пока курганы-гиганты с насыпями выс. до 15 м (Кырык-Оба 1)¹. Ни до, ни после

¹ В его огромной грабительской яме сотрудником УОИКМ Ю.А. Кочубеем было найдено бронзовое навершие с изображением птицы, близкое степным скифским IV в. до н.э.

периода 425-300 гг. до н.э. насыпи выше 2 м в Приуралье не известны. Лишь в Прохоровке остался неисследованный крупный курган выс. около 4 м, но дата его, во-первых, неизвестна, а во-вторых, Прохоровский могильник – один из немногих памятников эпонимной культуры, обнаруживающий какие-то «интимные» связи с яицкой культурой.

2/3. Монументальные подкурганные сооружения (шатрообразные конструкции, клетки, склепы, перекрытия, помосты). У тагарцев, саков Восточного Казахстана, скифов лесостепи и Кавказа они бытовали как на ранних, так и на поздних стадиях развития их культуры. Древнейшая такая конструкция в савроматском ареале обнаружена в кургане 59 могильника Целинный-1 на Илеке, датированном раскопщиком концом VII-первой половиной VI вв. до н.э. и относящемся именно к ранней культурно-хронологической традиции (Гуцалов 1998). Распространение «шатров» у носителей яикской культуры, как, впрочем, и многих других описываемых нами явлений, является отражением процесса имущественной и социальной дифференциации в савроматском социуме.

2/3. Культ огня. Наличие культа огня у савроматов яицкой культуры несомненно. К.Ф. Смирнов (1964: 175-177) выводит его из местных культур эпохи бронзы, прежде всего андроновской (фёдоровской). На наш взгляд, более приемлемым представляется заимствованный около середины I тыс. до н.э. где-то на далёком юге характер этого явления у населения Южного Приуралья.

4. Коллективные и многоярусные погребения. Появляются вместе с южными мигрантами в конце V в. до н.э., как приложение к семейным монументальным погребальным сооружениям социальной элиты савроматов.

5. «Странные» ходы (непогребальные подкурганные коммуникации). Принятые первоначально за грабительские траншеи, эти сооружения являются таким же неотделимым признаком погребального обряда яицкой культуры, как и крупные насыпи, шатры и пр. Варианты этих ходов известны также в синхронных савроматским курганах саков Казахстана и степных скифов, отражая наличие каких-то общих или близких духовных ценностей.

6. Конские захоронения. Казавшиеся поначалу довольно экзотическими для погребального обряда савроматов Приуралья, в настоящее время регулярно обнаруживаются в больших курганах конца V-IV вв. до н.э.; имеется такое погребение и в кургане 3 могильника Биш-Уба-1 (каталог, №26). Эта дата соответствует времени распространения аналогичного явления у саков Горного Алтая и степных скифов Северного Причерноморья.

7. Комплексы защитного снаряжения тяжеловооружённого всадника. На конец XX в. было известно 9 погребений, содержащих элементы защитного снаряжения (Васильев 2001а: 66). В настоящее время этот далеко не последний по значению сегмент яицкой культуры регулярно пополняется новыми находками (см., напр.: Равич и др. 2012). Показательно, что число таких комплексов у савроматов во много раз ниже, чем у степных скифов конца V-IV вв. до н.э., находившихся ближе к европейским театрам боевых действий.

8. Погребения «стражников». Впервые на погребения людей с оружием, похороненных рядом с богатыми могилами, было обращено во второй половине 50-х гг. XX в. при раскопках могильника Пятимары-1 (Смирнов 1964: рис. 26, 2а), хотя два неопознанных раскопщиком «стражника» были раскопаны уже в 1925 г. кургане Блюменфельд А-12 в одной могиле с основными погребёнными (см. выше в

настоящей главе). В нашей выборке имеются, как минимум, два кургана с такими комплексами (Елена, курган 8; Булатово-2, курган 1). Каждый из курганов содержит одно центральное престижное погребение, к которому пристроено одно более скромное. Погребения и «хозяина», и «прислужника» в обоих курганах тотально ограблены, вещей в них практически не сохранилось, но наличие самого явления не вызывает сомнений. О нём мы знаем от Геродота (IV, 71-72), подробно описавшего похороны скифского царя. По словам «отца истории», в царскую могилу клали задушенных слуг из числа «природных скифов». Как видим, близкие обычаи имелись и у савроматов, причём, не только среди «царей», но и среди рядовых общинников. Были ли савроматские «стражники» умерщвлены, или к состоятельным персонам подхоранивались бедные сородичи, умершие естественной смертью, остаётся пока загадкой. До 425 г. до н.э. у савроматов погребений «стражников» нет.

9/10. Погребения «шаманок». Яркая и многочисленная категория савроматских служительниц культа функционирует в Приуралье и, реже, в Нижнем Поволжье преимущественно также в пределах 425-300 гг. до н.э. (хотя появляется, кажется, в более раннее время) и имеет, очевидно, южные корни.

9/10. Погребения «амазонок». В нашей выборке представлены три бесспорных «амазонских» рядовых погребения (Уметбаево, погр. 1 кургана 2; Гумарово, погр. 0 кургана 3; Юрматы, погр. 0 кургана 2). Более высокий ранг последнего подчёркнут не только количеством оружия и качеством положенного с дамой оружия, но и захоронением вместе с ней в каменном склепе коня. Любопытно, что второй и пока последний, случай погребения коня в одной могиле с человеком в Башкирии также зафиксирован в женском погребении в Загребайловке, в нескольких километрах от могильника Юрматы-1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы среди исследователей, изучающих степную волго-уральскую культуру эпохи раннего железа, в противоречии с традициями отечественной науки, усилились тенденции в пользу максимальной её деэтнизации. Непримирым противником идентификации кочевников региона с савроматами (сарматами) или с другими народами античных источников, в противоречии с традициями отечественной науки, внезапно проявил себя известный московский археолог и палеоантрополог Л.Т. Яблонский¹. Однако, плохо ориентируясь в античной литературе, куратор этого направления, как думается, стал жертвой системного сбоя в аналитике скифского логоса, приведшему его и большинство коллег к коллапсу в сарматологии. Мы отчасти согласны с данным им диагнозом болезни, но не с предложенным им планом лечения, заключающимся в раздельном изучении материальных остатков культуры и письменных источников, соответственно археологами и историками и классическими филологами. Помимо проявившихся оппонентов (например: *Малашев 2007*), у Л.Т. Яблонского уже нашлись и сторонники (*Гуцалов 2007*: 83-84). Может ли это направление стать панацеей прорыва в этой области (или всё таки - областях?). Б.Ф. Железчиков четверть века назад написал провидческие строки: «Если рассмотреть большое количество публикаций 60-80-х годов, то складывается впечатление, что в них преобладают две крайности. С одной стороны, это публикации археологического материала без какой-либо интерпретации, с другой – преувеличенная вера в объективность письменных источников, без достаточной проверки их археологическим материалом. <...> Обе отмеченные крайности одинаково опасны» (*Железчиков 1986*: 61). Волгоградский «Кассандра» не написал «малоперспективны», «неприятны», или «вредны», он написал более жёстко - «опасны». Видный археолог, успевший скончаться в начале «эпохи перемен» (которой, не без основания, так боялись древнекитайские мудрецы) в сарматологии, попал не в бровь, а в глаз. Однако даже он не мог знать того, что опасность науке в начале XXI в. будет исходить со стороны не только сонма «чёрных копателей» и дилетантов, но и людей со званиями и степенями, занимающих важные посты в академических учреждениях, вузах, редакциях и фондах. Надеемся, что они всё же поймут, что тот, кто хочет и может заниматься сарматологией в традиционном понимании, как комплексной научной дисциплиной, должен иметь на это гарантированное право; кто не хочет и не может - пусть или копает, или анализирует письменные источники. Дел хватит и тем, и другим. О том, к чему может привести нахрапистое выдавливание из науки несогласных с «генеральной линией», наглядно показывает не столь давний пример войны Лысенко со своими врагами в биологии. Советская археология, к сожалению, тоже не всегда была в этом отношении белой и пушистой.

В археологической части работы её авторам пришлось преодолевать завалы не меньшие, чем в исторической. Причиной явилось, мягко говоря, неудовлетворительное положение дел с хронологией сарматских древностей.

¹ Справедливости ради, следует отметить, что до Л.Т. Яблонского от этнически окрашенного термина «савроматы (сарматы)» в пользу нейтрального понятия «ранние кочевники Южного Приуралья» отказался А.Х. Пшеничнюк (*1983*: 126 сл.). Правда, тогда прямых последователей у него не нашлось, но сама идея, как видим, выжила..

Комплексы, располагавшихся между памятниками VII-VI и IV-III вв. до н.э., по ряду критериев (ориентировка – западная или южная; жертвенная пища – тушка барана или передняя нога с лопаткой; посуда - плоскодонная или круглодонная; отсутствие или наличие в тесте примеси талька; типология инвентаря, особенно - колчаных наборов, и т.д.) были разделены Б.Н. Граковым, и особенно К.Ф. Смирновым, на два горизонта - «савроматский» («блюменфельдский») и «савромато-сарматский» («прохоровский»). Правда, датировали они их всё же не совсем одинаково: Б.Н. Граков - VI-IV и IV-II вв. до н.э., К.Ф. Смирнов – соответственно, концом VI-V и концом V-первой половиной IV вв. до н.э. (симптоматично, что позднее К.Ф. Смирнов выделил и так называемый «переходный» этап, понимая под последним финальные савроматские памятники, подготовив тем самым столь нужный плацдарм для появления гипотезы Гаврилюка-Таирова). Эти датировки позже были подтверждены многими авторами. Но количество не всегда переходит в качество, и большое количество работ в этой области (только перечисление специальных сборников и конференций заняло бы немало места) совершенно не гарантировало правильных датировок вещей, комплексов, памятников, самой культуры. Парадоксально, но даты М.И. Ростовцева, оперировавшего немногими десятками не очень хорошо раскопанных дореволюционных курганов, оказались более точными, чем определения Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова и других археологов советского и постсоветского периодов, опиравшихся на многие сотни исследованных по современной методике погребений. Тому есть разные причины. Объективной причиной системных ошибок в области хронологии и периодизации можно считать недостаток импортных вещей (правда, во времена М.И. Ростовцева их было неизмеримо меньше!), наличие которых выгодно отличает в этом отношении, например, скифские памятники Северного Причерноморья. Были и причины более частного порядка, например, представление об обязательной плотной заселённости Южного Приуралья и Нижнего Поволжья во все периоды раннего железа¹.

В монографии обобщены, заново осмыслены и частично передатированы материалы раскопок ряда погребальных памятников Южного Урала одного хронологического периода, который можно считать временем наивысшего взлёта бытовавшей здесь культуры. В результате анализа, взамен дезавуированной блюменфельдской археологической культуры, ошибочно датированной её основателем Б.Н. Граковым концом VI-IV вв. до н.э., была выделена новая, яицкая культура (конец V-III вв. до н.э.).

Авторы этой книги исходят в оценке яицкой культуры из нескольких принципиально важных положений, касающихся её содержания, хронологии и этнической принадлежности.

1. Основной принципиальной особенностью яицкой культуры является её синкретизм. Она состоит, как минимум, из двух компонентов различного происхождения - «местного» и «пришлого», с принципиально сходной, но в деталях

¹ Впервые конкретно о такой возможности заявил в ходе недавней дискуссии о «хиатусе III в. до н.э.» В.Ю. Зуев, разделивший на две части казавшуюся монолитной прохоровку перерывом в 25-50 лет (Зуев 1999). На наш взгляд, никакого «хиатуса» в названное время не было, хотя определённый культурный и демографический разрыв, произошедший на сарматской территории в III в. до н.э., безусловно, ощущается. В нашей шкале он хорошо совпадает со сменой яицкой культуры прохоровской около 300 г. до н.э.

отличавшейся культурой.

2. «Местный» компонент характеризуется ямными захоронениями, западной ориентировка умерших, плоскодонной керамикой с примесью шамота или дресвы, короткими акинаками, алтариками без ножек. Закавыченность термина связана с тем, что вплоть до конца V в. до н.э. численность населения на собственно Южном Урале была невелика и довольно быстро стала увеличиваться лишь начиная с указанного времени за счёт ближних соседей из Нижнего Поволжья, Зауралья, Сары-Арки.

3. Формирование яицкой культуры начинается около рубежа третьей и четвёртой четверти V в. до н.э. (в крайнем случае – около середины V в. до н.э.), с момента внезапного появления на Южном Урале пришлого компонента, состоявшего из сравнительно крупной группы кочевого населения. Причины миграции неизвестны. Отличительными особенностями культуры этого населения являются бревенчатые шатрообразные подкурганые сооружения, преимущественно семейные захоронения на горизонте или в крупных ямах с дромосами, в камерных могилах (подбойных, реже катакомбных), южная с отклонениями ориентировка умерших, каменные алтарики на трёх ножках, часто украшенных зооморфной символикой, «музыкальные» и «саринского» типа зеркала, длинные кавалерийские мечи с тупоугольным и дуговидным перекрестьем, круглодонная тальковая керамика зауральского происхождения или среднеазиатская импортная станковая керамика, и т.д. Пришельцы быстро вступают в тесные отношения (очевидно, брачные, экономические и др.) с «местным» населением (индивидуальные захоронения в ямах, западная ориентировка, плоскодонная керамика, алтарики без ножек, и пр.). Южные корни пришлого компонента столь же очевидны, сколь пока и неопределимы более детально. Ясно одно, что они находились за пределами прикаспийских степей и Средней Азии, определяемых Б.Ф. Железчиковым и А.Х. Пшеничнюком в качестве савроматской прародины. Потенциальные исходные регионы – Центральная (Северный Китай, Монголия) или, скорее, Южная Азия (Индия, Иран, Афганистан), откуда происходит абсолютное большинство импортов. Основным содержанием этнокультурного процесса в Южном Приуралье этого времени была не эволюция «савроматской» культуры в «прохоровскую», а взаимодействие двух компонентов, закончившееся вытеснением элементов менее престижного и менее конкурентоспособного компонента элитарным, более сильным и жизнеспособным.

4. Весьма вероятный мирный характер (разумеется, не исключая обычных для любого кочевого общества столкновений за пастбища и скот) многогранных взаимоотношений туземцев и пришельцев, несмотря на высокий уровень милитаризации «народа-войска», особенно в лице первого его компонента, позволяет предполагать их близкое этническое родство между собой. Наиболее естественное объяснение состоит в том, что пришлый компонент представлял из себя орду, когда-то ушедшую с Южного Урала и в конце V в. до н.э. вернувшуюся обратно.

5. Апофеоз нового образования на берегах Яика был довольно кратковременным. Ещё быстрее, чем блестящая яицкая культура Приуралья появилась в Приуралье, образно говоря, «из ниоткуда», около рубежа IV-III вв. до н.э. она исчезает – тоже «в никуда», хотя никаких признаков внешней, или внутренней угрозы, природных катаклизмов, эпизоотий и джутов не ощущается (доводы contra см.: *Таиров 2000*: 16-28). Она прекращает своё существование без видимых признаков наличия какой-либо опасности, в результате, как мы считаем, мирного и добровольного ухода большинства её носителей в неизвестном

направлении. Яйцкам наследуют оставшиеся в названном регионе их прямые потомки, носители менее яркой прохоровской культуры. Примерно через полтора столетия последние также покидают степи Южного Урала. Палеопочвоведы считают, что «...факты свидетельствуют об усилении засушливости климата в регионе (Южного Приуралья. – Авт.) в раннесарматское время по сравнению с савроматским» (Дёмкин и др., 2000: 7), но было ли этого достаточно для их миграции? В отличие от населения яйцкой культуры, достаточно растянутый во времени исход на восток прохоровцев (где они активно участвуют в формировании саргатской культуры Западной Сибири), и особенно на запад (в Нижнее Поволжье - Северное Причерноморье и далее, очевидно, на Балканы), а также на юг, в Среднюю Азию и дальше, надёжно маркируется сарматскими погребениями, находками мечей и кинжалов с серповидным и кольцевидным навешием, фаларов и т.д., и т.п.¹

6. Носителями яйцкой культуры были кочевые племена, именовавшиеся по-гречески савроматами, по-латыни – сарматами и сирматами. Повторный анализ глав четвёртой книги Геродота, посвящённых локализации Танаиса и связанной с ним Меотиды, показал, что они, несомненно, описывают две разные пары гидронимов. Только в одном сообщении, имеющем мифологический характер (гл. 116), речь идёт о реке Дон с Азовским морем; во всех остальных (гл. 20, 21, 57, 120, 122, 123) – о Волге с Каспийском морем. Элементы этой весьма устойчивой дихотомии сохранялись ещё у Страбона и у других поздних авторов.

7. Не отрицая наличия в яйцкой культуре сравнительно ранних («савроматских») и поздних («раннесарматских») памятников, мы оцениваем этот факт принципиально по-новому. Во главу угла мы ставим не эволюцию одной культурной традиции, а синкретическое смешение двух степных культурных традиций. Синкретизм исходит из установки на механическое смешение в одном явлении заведомо разнородных черт - «савроматских» и «раннесарматских». Эти «исходники» явно не желают плавно перерастать друг в друга (например, западная ориентировка – в южную, плоскодонная керамика – в круглодонную, мечи с бабочковидным перекрестьем – в тупоугольные и далее в прямоугольные, и т.д., и т.п.). Естественное стремление учёных преодолеть эти противоречия (образно говоря, попытка заставить двигаться машину, одновременно нажимая на газ и на тормоза) приводило их, начиная с К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой, и кончая А.Д. Таировым и С.Ю. Гуцаловым, к неустанным поискам тех или иных черт обряда и материальной культуры у соседей савроматов, - северных и южных, восточных и западных.

8. Яйцкий феномен следует рассматривать не просто как археологическую культуру, а как одну из форм первого на территории Южного Урала и, возможно, Нижнего Поволжья политического образования, стоявшего на пороге образования государства и включавшего под свой контроль и этнически неродственные савроматам разнородные группы населения лесостепных районов Южного Урала. По уровню своего социально-политического развития Савроматия (Сарматия) находилась примерно на одном уровне со степной Скифией IV в. до н.э.²

¹ Впрочем, мы дожили до того дня, когда уже не только акт миграции сарматов на запад, но и сам факт их историчности активно оспаривается (Мордвинцева 2008: 162-181).

² Выдвинутая Р. Исмагилом в 90-х гг. XX в. гипотеза о сарматской принадлежности культуры степных скифов, в V-IV вв. до н.э. якобы принесённой на Днепр из

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ДИССЕРТАЦИИ, РУКОПИСИ

Агеев Б.Б. 1971А. Отчет об археологических исследованиях в 1971 г. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН. А/АО. 1-3а,б.

Васюткин С.М., Калинин В.К. 1974А. Отчёт об исследованиях первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1974 г. / Архив кабинета археологии БашГУ.

Горбунов В.С. 1989А. Научный отчет об археологических исследованиях у с. Казанка Соль-Илецкого района Оренбургской области летом 1989 г. / Архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 1, оп. 6.

Гуцалов С.Ю. 2000Д. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII-I вв. до н.э. / Дисс. на соискание ... к.и.н. Уфа.

Заседателева С.Н. 1983А. Отчет / Архив ИА РАН, Р-1, № 9719.

Исламов Д.К. 1973А. Научный отчет о результатах археологических работ в Федоровском районе БАССР за 1973 г. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Исмагилов Р.Б. 1980А. Отчет об археологических исследованиях на Южном Урале в 1980 году / Архив ИА РАН.

Исмагилов Р.Б. 2010А. Научный отчет об итогах инвентаризации археологических памятников на территории Стерлитамакского и Белебеевского районов Республики Башкортостан. Уфа / Архив НПЦ ГУОН МК и НП РБ.

Кадырбаев М.К. 1981А. Научный отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1981 г. Алма-Ата, 1982.

Мажитов Н.А. 1969А. Отчёт об итогах работ археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР в 1969 г. / Архив УНЦ РАН.

Мажитов Н.А. 1970А. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1970 г. / Архив ИЭИ УНЦ РАН, А/АО, 1-47.

Мажитов Н.А. 1971А. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1970 г. / Архив ИЭИ УНЦ РАН, А/АО, 1-47.

Мажитов Н.А. 1974А. Научный отчет о результатах археологических исследований в 1974 г. / Архив МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН.

Морозов Ю.А. 1989А. Отчет об археологических работах в юго-западных и южных районах Башкирской АССР в 1989 г. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Пишеничнюк А.Х. 1968А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1968 г. / Архив МАЭ ЦЭИ.

Пишеничнюк А.Х. 1991А. Отчет об археологических раскопках и разведках на территории республики Башкортостан в 1991 г. / Архив ИА РАН.

Садыкова М.Х. 1962А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Сунгатов Ф.А. 2003А. Научный отчет о раскопках Валитовских курганов в 2003 г. / Архив НПЦ ГУОН МК и НП РБ.

Сунгатов Ф.А. 2004Аа. Научный отчет о завершении раскопок Валитовских I курганов в Башкирском Зауралье в 2004 г. Уфа / Архив НПЦ ГУОН МК и НП РБ.

Сунгатов Ф.А. 2004Аб. Научный отчет о раскопках Валитовского III одиночного кургана в 2004 г. Уфа / Архив НПЦ ГУОН МК и НП РБ.

Тагиров Ф.М. 2003А. Научный отчет об археологических разведках в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан на р. Кизяташ в 1997 г. / Архив НПЦ ГУОН МК и НП РБ.

Таиров А.Д. 2005Д. Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII-II вв. до н.э. / Дисс. на соискание ... д.и.н. М.

Семиречья, сегодня представляется её автору ошибочной (*Исмагил 1996а*: 32-72; *1996б*: 176-211).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* **1949.** Скифский язык // Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.
- Абаев В.И.* **1958.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. I. М.; Л.
- Агеев Б.Б.* **1995.** Могильник Биш-Уба I и его место в культуре ранних кочевников // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Т. II. Уфа.
- Агеев Б.Б., Сунгатов Ф.А., Вильданов А.А.* **1998.** Могильник Биш-Уба I в юго-восточном Зауралье // УАВ. Вып. 1.
- Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Плихт Й., ван дер, Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В.* **2005.** Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* **1991.** Чертомлык: скифский курган IV в. до н.э. Киев.
- АКБ. 1976.** М.
- Акбулатов И.М.* **1998.** Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э.- IV в. н.э.). Уфа.
- Акишев К.А.* **1963.** Культура саков долины реки Или (VII-IV вв. до н.э.) // Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.
- Андросов А.В.* **1989.** Архитектура скифских курганов Украины: традиции и инновации // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов. Ч. I. Запорожье.
- АПБ. 1996.** Уфа.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В.* **2005.** Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. № 2.
- Бейсенов А.З.* **2007.** Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда.
- Берлизов Н.Е.* **2009.** Ещё раз о происхождении зеркал Хазанов-VIII // Историко-археологический альманах. 9. Ставрополь.
- Бессонова С.С., Кирилин Д.С.* **1977.** Надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана // Скифы и сарматы. Киев.
- Болтрик Ю.В.* **1989.** Курган Кара-Тюбе в Северном Приазовье // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов. Ч. I. Запорожье.
- Бруяко И.В.* **2005.** Ранние кочевники в Восточной Европе. Кишинёв.
- Вайнберг Б.И., Юсупов Х.Ю.* **1992.** Кочевники Северо-Западной Туркмении // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20 томах. М.
- Васильев В.Н.* **1998.** К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1.
- Васильев В.Н.* **2001а.** Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI-II вв. до н.э. Уфа.
- Васильев В.Н.* **2001б.** К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград.
- Васильев В.Н., Сиротин С.В.* **2004.** Ново-Мусинский 3 курган // УАВ. Вып. 5.

Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. **1993.** Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.

Виноградов В.Б. **1963.** Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Тр. ЧИНИИ. Т. VI. Грозный.

Виноградов В.Б. **1972.** Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.

Виноградов Ю.Г. **1997.** Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I (2) 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. №3.

Власова Е.В. **2001.** Семибратние курганы // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб.

Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.) / Под ред. М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. **2012.** Тома I, II. М.

Гаврилов А.В., Шкарбан А.С. **1985.** Скифский курган у села Крыловка в Крыму // СА. № 2.

Гаврилюк А.Г. **1989.** Прохоровская культура на Южном Урале // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения). Тезисы докладов Всесоюзной археологической конфер. Ч. II. Кемерово.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. **1993.** Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Галанина Л.Н. **1997.** Келермесские курганы. «Царские погребения раннескифской эпохи. М.

Гарустович Г.Н. **2003.** Начало археологического изучения Башкортостана в советское время (экспедиционные работы М.С. Смирнова) // УАВ. Вып. 4.

Генинг В.Ф. **1993.** Большие курганы лесостепного Притоболья // Кочевники урало-казахстанских степей. Сборник научных трудов. Екатеринбург.

Горбунов В.С., Иванов В.А. **1992.** Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. **1976.** Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. № 3.

Граков Б.Н. **1947.** Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.

Граков Б.Н. **1971.** Скифы. М.

Грач А.Д. **1980.** Древние кочевники в центре Азии. М.

Григорьев С.А. **1999.** Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск.

Гуцалов С.Ю. **1998.** Курган раннескифского времени на Илеке // АПО. Вып. 2. Оренбург.

Гуцалов С.Ю. **2004.** Ярусные погребения Южного Приуралья // УАВ. Вып. 4.

Гуцалов С.Ю. **2007.** Кочевники Южного Приуралья в системе культур скифского времени Восточной Европы: общее и особенное // Региональные особенности раннесарматской культуры (Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов). Вып.2. Волгоград.

Гуцалов С.Ю. **2011.** Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI-V вв. до н.э.: истоки // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону.

Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. **2000.** Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и

палеодемография Евразии. М.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А. 1997. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // *Донские древности.* 1997. Вып. 5. Ростов-на-Дону.

Денисов И.В., Иванов В.А., Исмагил Р. 2001. Новые древности с территории Южного Урала // АПО. Вып. V.

Дёмкин В.А., Сергацков И.В., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Песочина Л.С. 2000. Почвенные критерии оценки комфортности среды обитания ранних кочевников степей Волго-Уралья: палеоэкологические кризисы и оптимумы // *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV междунар. конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Вып. I. Самара.

Дмитриев П.А., Сальников К.В. 1941. Гор[од] Уфа – ст[анция] Ишимбаево // *Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг.* М.; Л.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.

Железчиков Б.Ф. 1986. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // *Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья.* Саратов.

Железчиков Б.Ф. 1987. Южное Приуралье V-IV вв. до н.э. // *Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов.* Ч. 2. Кемерово.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. 2006. Древности Лебедёвки (VI-II вв. до н.э.). М.

Железчиков Б.Ф., Пиеничнюк А.Х. 1994. Племена Южного Приуралья в VI-III вв. до н.э. // *Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов междунар. конференции.* Волгоград.

Журавлёв Ю.Е. 1986. «Танаис» в Апамейском мирном договоре Рима с Антиохом III в. // *Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 году.* Азов.

Загородний А.С., Исмагил Р., Самашев З.С. 1994. Могильник Дыкылтас на Мангышлаке // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции, посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова.* Ч. 2. Запорожье.

Засецкая И.П. 1968. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // *СА.* 1968. № 2.

Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. 1987. Курган Темир // *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья.* Челябинск.

Зданович Г.Б., Любчанский И.Э., Петров Ф.Н., Таиров А.Д., Лукпанова Я., Ткачёв В.В., Усманова Э.Р., Шилов С.Н., Ченченкова О.П. 2008. Новые находки плиток с головой барана и фигурных пестов // *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции.* СПб.

Зуев В.Ю. 1996а. Научный миф о «савроматских жрицах» // *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху.* СПб.

Зуев В.Ю. 1996б. О путях решения «проблемы III в. до н.э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum. Скифский квадрат.* СПб.-Кишенёв-Одесса.

Зуев В.Ю. 1998. Периодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тыс. до н.э. (по материалам Южного Приуралья) //

Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб.

Зуев В.Ю. **1999**. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дисс. ...к.и.н. СПб.

Зуев В.Ю., Исмагил Р. **1999**. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // АПО. Вып. 3.

Иванов В.А., Исмагилов Р.Б. **1981**. Исследования в междуречье Урала и Сакмары // АО-1980. М.

Иванов В.А., Фалалеев А.Ф., Ягафарова И.М. **1989**. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.

Иванова М.Г., Куликов К.И. **2002**. Древнеудмуртская мифология и Ригведа // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. **1983**. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев.

Ильюков Л.С. **2011**. Двухкамерные подбои раннесарматской культуры Нижнего Дона // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону.

Исмагил Р. **1996а**. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Сборник научных статей. Уфа.

Исмагил Р. **1996б**. Сарматское окно в Европу // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара.

Исмагил Р. **2001**. Танаис Геродота: Дон или Волга? // Ватандаш. Уфа, 2001. № 4.

Исмагил Р. **2002**. Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «скифском логосе» // ВАП. Вып. 2. Самара.

Исмагил Р. **2004**. Заволжье и Южный Урал в «Скифском логосе» Геродота // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье / Междунар. конференция к 70-летию Н.А. Мажитова. Уфа.

Исмагил Р. **2009а**. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к железу // История башкирского народа в семи томах. Том 1 (макет). Уфа.

Исмагил Р. **2009б**. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // От Древности к Новому времени. Вып. XIII. Уфа.

Исмагил Р., Минибаева З.И. **2011**. О назначении савроматских каменных столиков и бронзовых колёсиков // Материалы V междунар. конференции памяти проф. МГУ Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань-Астрахань.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. **2009**. Николаевские курганы («Елена») на р. Стерля в Башкортостане. Уфа.

Исмагил Р., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. **2006**. Оленные камни Валитовского (Кизяташского) святилища в Башкирском Зауралье // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей, посвящённый 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. **2004**. О генезисе акинаков марычевского типа // УАВ. Вып. 5.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. **2009**. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // УАВ. Вып. 9.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. **2011**. Могильник Валит-2 и проблема датировки «шагреновой» культуры V-IV в. до н.э. Южного Урала // Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвящённой 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-

летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 2. Алматы.

Исмагилов Р.Б. **1978.** Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии // СА. 1978. №4.

Исмагилов Р.Б. **1987.** Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск.

Исмагилов Р.Б. **1988.** Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29.

Исмагилов Р.Б. **1990.** О некоторых конструктивных особенностях сакских курганов // Тезисы докладов в честь 70-летия Чимкентского областного историко-краеведческого музея. Алма-Ата.

Исмагилов Р.Б. **1992а.** Новое погребение эпохи раннего железа на Илеке // Маргулановские чтения (Сборник материалов конференции). Ч. 1. М.

Исмагилов Р.Б. **1992б.** Об одном сакском обряде // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов. Мелитополь.

Кадырбаев М.К. **1966.** Памятники тасмолинской культуры // Акишев К.А., Оразбаев А.М., Кадырбаев М.К., Кушаев Г.А. 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. **1978.** Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. Вып. 154.

Клепиков В.М. **2007.** Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Региональные особенности раннесарматской культуры (Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов.). Волгоград.

Ковалёва В.Т., Шилов С.Н. **2002.** Праобраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.

Копылов И.И. **1958.** Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины // Учёные записки Алма-Атинского государственного педагогического педагогического института, серия общественно-политическая. Том 15 (3), вып. 2.

Коренько В.А. **1982.** О погребениях времени перехода от бронзы к железу в Приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа.

Кубарев В.Д. **1979.** Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск.

Кубарев В.Д. **1987.** Курганы Уландрыка. Новосибирск.

Кубарев В.Д. **1991.** Курганы Юстыда. Новосибирск.

Куклина И.В. **1985.** Этногеография Скифии по античным источникам. Л.

Курманкулов Ж.К. **2007а.** Исследование могильника Нагорненский в 1091 году (предварительный итог) // Кадырбаевские чтения. Материалы междунар. научной конференции. Актобе.

Курманкулов Ж.К. **2007б.** Материалы катакомбы могильника Шагатай на полуострове Тупкараган // Кадырбаевские чтения. Материалы междунар. научной конференции. Актобе.

Курочкин Г.Н. **1994.** Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» Пазырыкских курганов // ПАВ. Вып. 8.

Кушаев Г.А. **1963.** Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.

Левина Л.М. **1992.** Памятники джетыясарской культуры середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. / Археология СССР в 20 томах. М.

Левина Л.М. **1996.** Этокультурная история Восточного Приуралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Ледяев Н.М. **1983.** Савроматские погребения Ивановской дюны // История и культура сарматов. Саратов.

Либеров П.Д. **1961.** Мастюгинские курганы // СА. № 3.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. **1997.** Погребения с гераклейскими амфорами из раскопок могильника Старокорсунского городища №2 // STRATUM + Петербургский археологический вестник. СПб. – Кишинёв.

Лисицын И.П. **1980.** Раннесарматские погребения в урочище Сазды Гурьевской области // СА. 1.

Лукъяшко С.И. **1994.** Погребения V в. до н.э. на правом берегу Нижнего Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Вып. 13.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. **1977.** Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Малашев В.Ю. **2007.** О статье Л.Т. Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград.

Малолетко А.М. **1987.** Топонимические свидетельства пребывания саков на Алтае // Проблемы археологии степной Азии. Тезисы докладов. Часть II. Кемерово.

Медведев А.П. **2008.** Сарматы в верховьях Танаиса. М.

Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. **1986.** М.

Мифы, предания и сказки фиджийцев. 1989. М.

Могильников В.А. **1997.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.

Могильников В.А., Медникова Э.М. **1985.** Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки (Алтайский край) // СА. № 1.

Могильников В.А., Уманский А.П. **1992.** Курганы Масляха I по раскопкам 1979 г. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.

Монахов С.Ю. **2006.** О хронологии сарматского погребения с гераклейской амфорой из Башкирии // LIBER ARCHAEOLOGICAE. Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар – Ростов-на-Дону.

Моргунова Н.Л. **1996.** Курганы у сёл Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // АПО. Вып. 1.

Мордвинцева В.И. **2008.** Фалары из votивных кладов Северного Причерноморья III-I вв. до н.э. и сарматская парадигма // ВДИ. 4.

Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А. **2003.** Погребальные памятники срубной культуры бассейна реки Дёма (Башкирское Приуралье). Уфа.

Мотов Ю.А. **2007.** «Восхождение на небо». К интерпретации погребального обряда пазырыкской элиты по материалам Первого кургана могильника Пазырык // История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций. Вып. 3. Алматы.

Мошкова М.Г. **1962.** Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. № 115.

Мошкова М.Г. **1974.** Происхождение раннесарматской (прохоровской)

культуры. М.

Мошкова М.Г. **1989**. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Научный доклад...д.и.н.

Мошкова М.Г. **2000**. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология (Материалы междунар. конфер.). М.

Мошкова М.Г. **2007**. По поводу статьи Л.Т. Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры (Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов.). Волгоград.

Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф. **1977а**. [Рец.:] Шилов В.П. 1975. Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья. Л. // СА. №2.

Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф. **1977б**. Проблемы сарматской археологии в работах Б.Н. Гракова // Б.Н. Граков. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы).

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. **2000**. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тыс. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология (Материалы IV междунар. конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»). Вып. 1. Самара.

Население архаической Синдики (по материалам некрополя у хут. Рассвет). **2010**. Под ред. А.А. Малышева. М.

Нейхардт А.А. **1982**. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. М.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. **2003**. Исследования могильника у Чёртова городища в Уфе // УАВ. Вып. 4.

Ольховский В.С. **2005**. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. **1994**. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. М.

Очир-Горяева М.А. **1988а**. О расселении савроматов // ВЛГУ. Сер. 2, вып. 3 (16).

Очир-Горяева М.А. **1988б**. Савроматская культура Нижнего Поволжья (VI-IV вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Очир-Горяева М.А. **1989**. Савроматы и савроматская культура // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск.

Очир-Горяева М.А. **2011**. О планировке курганов Южного Приуралья позднескифской эпохи // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону.

Переводчикова Е.В. **2000**. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология (Материалы междунар. конференции). М.

Пузикова А.И. **2001**. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.

Пьянков И.В. **1987**. Скифы и сарматы реальные и «археологические» //

Проблемы археологии степной Азии. Тезисы докладов. Ч. II. Кемерово.

Пшеничнюк А.Х. **1983.** Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А.Х. **1995.** Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А.Х. **1999.** «Царский» курган на Южном Урале // Наука в России. № 3.

Пшеничнюк А.Х. **2013.** Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа (в печати).

Равич И.Г., Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. **2012.** Индийское (?) бронзовое зеркало из кочевнического погребения IV в. до н.э. в Южном Приуралье // ВДИ. № 4.

Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. **2000.** Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // УАВ. Вып. 2.

Ростовцев М.И. **1918.** Эллинство и иранство на юге России. Пг.

Ростовцев М.И. **1925.** Скифия и Боспор. Л.

Руденко С.И. **1953.** Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Рыбаков Б.А. **1979.** Геродотова Скифия. М.

Савельев Н.С. **1998.** Население Месягутовской лесостепи в V-III вв. до н.э.: Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа.

Савельев Н.С. **1999.** К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1.

Савельев Н.С. **2000.** Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология (Материалы IV междунар. конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»). Вып. 1. Самара.

Савельев Н.С. **2006.** Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей, посвященный 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа.

Савельев Н.С. **2007.** Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа.

Савинов Д.Г. **1996.** Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Садыкова М.Х. **1961.** Археологические находки в Башкирии // СА. 4.

Садыкова М.Х. **1962а.** Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. Т. I.

Садыкова М.Х. **1962б.** Сарматские памятники Башкирии // МИА. № 115.

Самашев З.С. **2007.** К вопросу об истоках происхождения архитектурных традиций каменного зодчества Мангистау // Кадырбаевские чтения. Материалы междунар. научной конференции. Актобе.

САП РБ. **2004.** Уфа.

Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. **2003.** Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск.

Сергацков И.В. **2006.** Сарматские курганы у с. Саломатино на р. Иловля // LIBER ARCHAEOLOGICAE. Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар – Ростов-на-Дону.

Скрипкин А.С. **2000.** Значение научного наследия Б.Н. Гракова в разработке

проблем сарматской археологии // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. Материалы международной конференции. М.

Скрипкин А.С. **2008.** К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б.Н. Гракова // НАВ. Вып. 9.

Скрипкин А.С., Клепиков В.М. **2004.** Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной археологии. Краснодар.

Смирнов К.Ф. **1961.** Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов К.Ф. **1964.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К.Ф. **1975.** Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К.Ф. **1977.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Смирнов К.Ф. **1980.** О мечях синдо-меотского типа // КСИА. Вып. 162.

Смирнов К.Ф. **1981.** Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племён Южного Урала. Уфа.

Смирнов К.Ф. **1984.** Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Смирнов М.С. **2003.** Отчет научной экспедиции Башнаркомпроса по итогам раскопок и разведок в 1920 году // УАВ. Вып.4.

Стоколос В.С. **1962.** Археологические исследования Челябинского областного музея // ВАУ. Вып. 2.

Стрижак М.С. **2006.** К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 8.

Сунгатов Ф.А., Мигранов Р.М. **1998.** Петропавловский одиночный курган в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып. 1.

Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф. **1995.** Исследование курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков: Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. **2001.** Памятники древнеямной культуры в Башкирском Зауралье // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа.

Суразаков А.С. **1979.** Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. № 3.

Таиров А.Д. **1987.** Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Таиров А.Д. **2004.** Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7-2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной археологии. Краснодар.

Таиров А.Д. **2000.** Прохоровская культура Южного Урала. Генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV междунар. конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара.

Таиров А.Д. **2006.** Саки Приуралья в степях Южного Зауралья (по материалам

могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время (Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничного). Уфа.

Таиров А.Д., Боталов С.Г. 1988. Курган у села Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф. 2001. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана // УАВ. Вып. 3.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.

Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. 2001. О генезисе каменных антропоморфных изваяний арало-каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. 1988. Мелитопольский курган. Киев.

Фёдоров В.К. 1992. Савромато-сарматские костяные ложечки: к вопросу об индоевропейских корнях некоторых явлений скифо-савроматской культуры // Башкирский край. Вып. 2. Уфа.

Фёдоров В.К. 2000. О так называемых «савроматских жертвенниках» с зооморфной декорировкой // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV междунар. конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара.

Фёдоров В.К. 2001. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // УАВ. Вып. 3.

Хабдулина М.К. 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.

Чежина Е.Ф. 1989. Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья // СА. № 1.

Черненко Е.В. 1975. Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир. Киев.

Членова Н.Л. 1993. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // ПАВ. № 4.

Чугунов К.В. 1993. Датировка больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая (тезисы научно-практической конференции). Ч. 1. Барнаул.

Щеглов Д.А. 2002. Три источника скифской географии Геродота // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб.

Шамшин А.Б., Навротский П.И. 1986. Курганный могильник Рогозиха I // Скифская эпоха Алтая. Тезисы докладов к конференции. Барнаул.

Шилов В.П. 1975. Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья. Л.

Шилов В.П., Очир-Горяева М.А. 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксёновский I-II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М. (МИАР. № 1.)

Шульга П.И. 2003. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул.

Яблонский Л.Т. 2007. Проблемы хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения в свете новейших материалов из Южного Приуралья // Региональные особенности раннесарматской культуры (Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов). Вып. II. Волгоград.

Яблонский Л.Т. 2008. Новые материалы к проблеме формирования культуры

ранних кочевников Южного Приуралья // ВАУ. Вып. 25.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. 2006. Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время (Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка). Уфа.

Ягодин В.Н. 1978. Сарматские курганы на Устюрте // КСИА. Вып. 154.

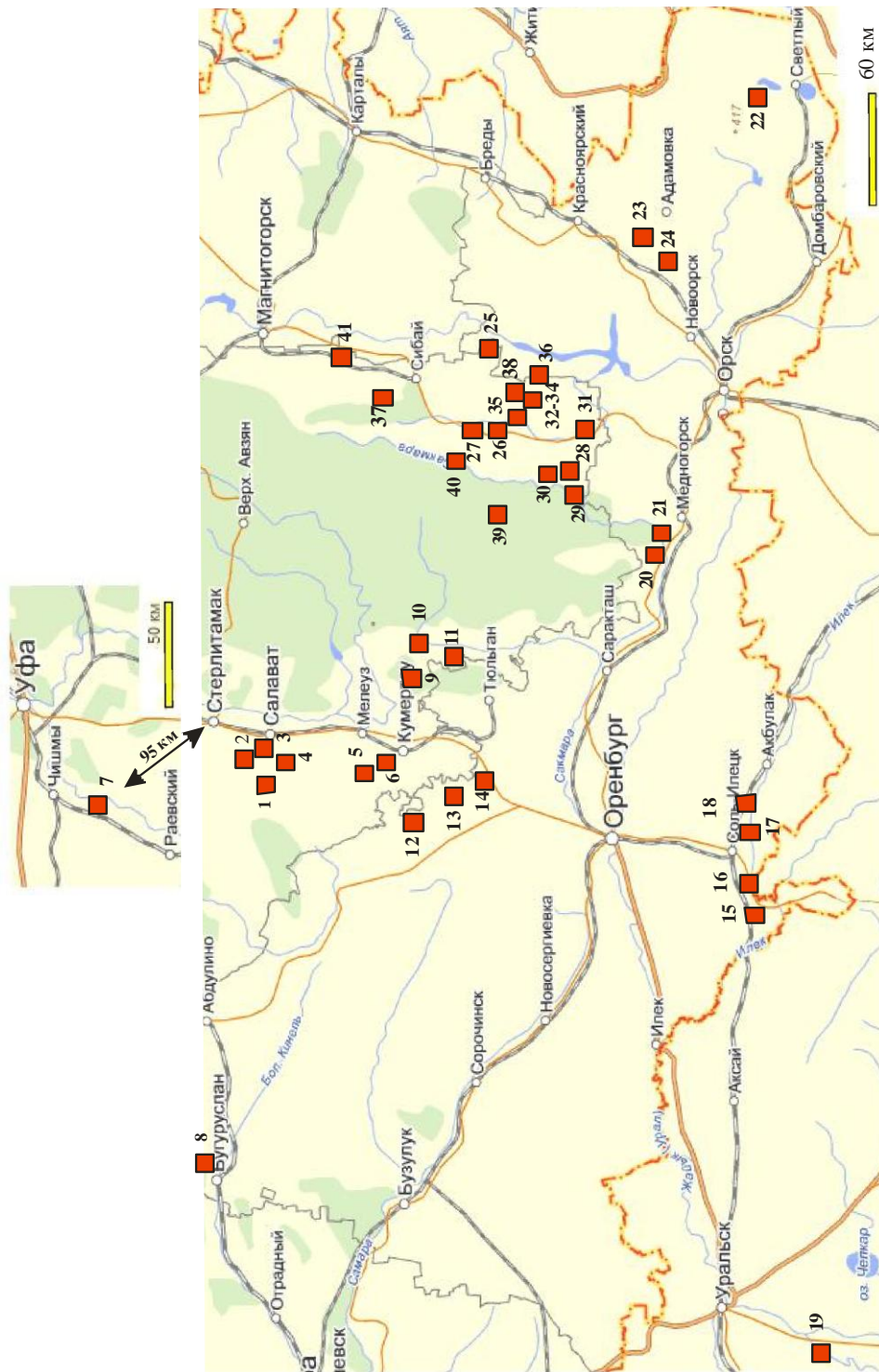
Яценко И.В. 1977. О клейме на гераклеийской амфоре из могильника Кривая Лука VI // Древности Астраханского края. М.

Očir-Gorjaeva M. 2005. Pferdegeschirr aus Chošeutovo (Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga) // Archäologie in Eurasien. Band 19. Berlin.

Rau P. 1929. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk.

Rostowzew M. 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.

Zuev V.Yu., Ismagil R. 1998. Kurganen bei dem Dorf Gumarovo im Südrural Gebiet // Eurasia antique: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Mainz am Rhein.

- 1 - Веселый, 2 - Елена, 3 - Умебаево-1, 4 - Елибегово, 5 - Юрмагы-1, 6 - Загребайловка, 7 - Новые Ябалаклы-1, 8 - Лобовка-1, 9 - Худайбердино-1, 10 - Утарка, 11 - Касино, 12 - Бараково-1, 13 - Новотроицкое-2, 14 - Октябрьское-1, 15 - Макутова землянка, 16 - Веплянский пески, 17 - Казачий кордон-1, 18 - Обильский луг-1, 19 - Кушум-1, 20 - Гумарово, 21 - Ибрагимово, 22 - Озерный, 23 - Урус Кыскен-2, 24 - Урус Кыскен-3, 25 - Березовка-2, 26 - Биш-Уба-1, 27 - Султантмирово, 28 - Ангинган-2, 29 - Янгышево-2, 30 - Новопетровское-1, 31 - Актяр-2, 32 - Вадитово-2, 33 - Вадитово-3, 34 - Вадитово-4, 35 - Петропавловский, 36 - Комсомол-1, 37 - Казанка, 38 - Гулубай, 39 - Васильевка, 40 - Акмурун, 41 - Булагово-1

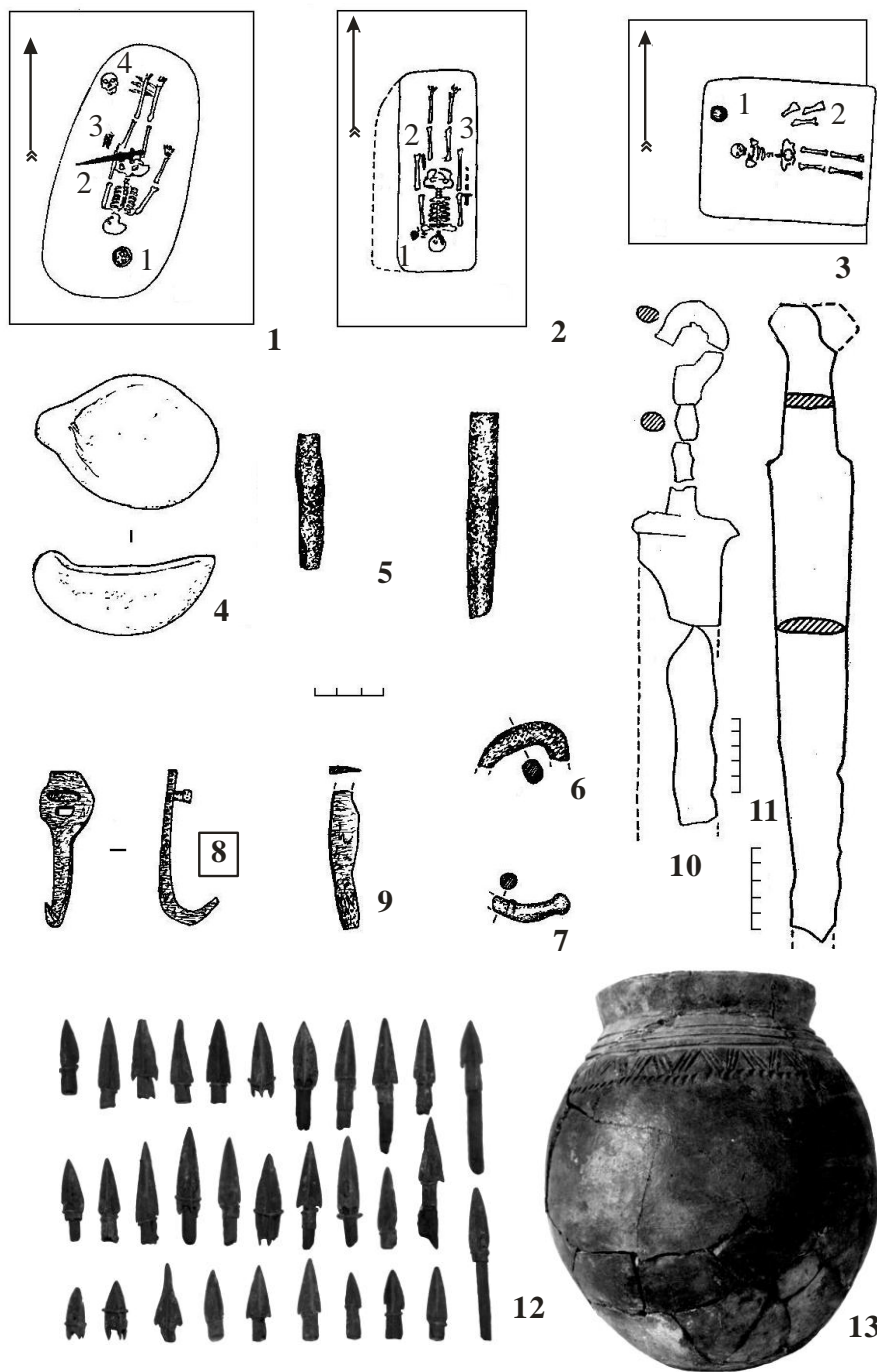

Рис. 1: 1-13. Весёлый (1920). 1 – кург. 2, погр. 0, костяк 1 (1 – сосуд, 2 – меч, 3 – наконечники стрел, 4 – длинные кости и череп костяка 2 в засыпке); 2 – кург. 5, погр. 0 (1 – наконечники стрел, 2 – оселок); 3 – кург. 4, погр. 0 (1 – сосуд, 2 – кости коровы)
 1, 7, 8 (?), 11, 13 – кург. 2 (13 – погр. 0, костяк 1; остальные – костяк 2); 2, 10 – кург. 5, погр. 0; 3 – кург. 4, погр. 0; 4, 6, 9 – депаспартизованные вещи (4 – Гурфаеа, 5 - стержень, 6 – кольцо, 7 – псалий, 8 – колчанный крючок, 9 – нож, 11, 12 – мечи) (4 – раковина, 7, 12 – бронза, 13 – керамика, 5, 6, 8, 9 – железо)

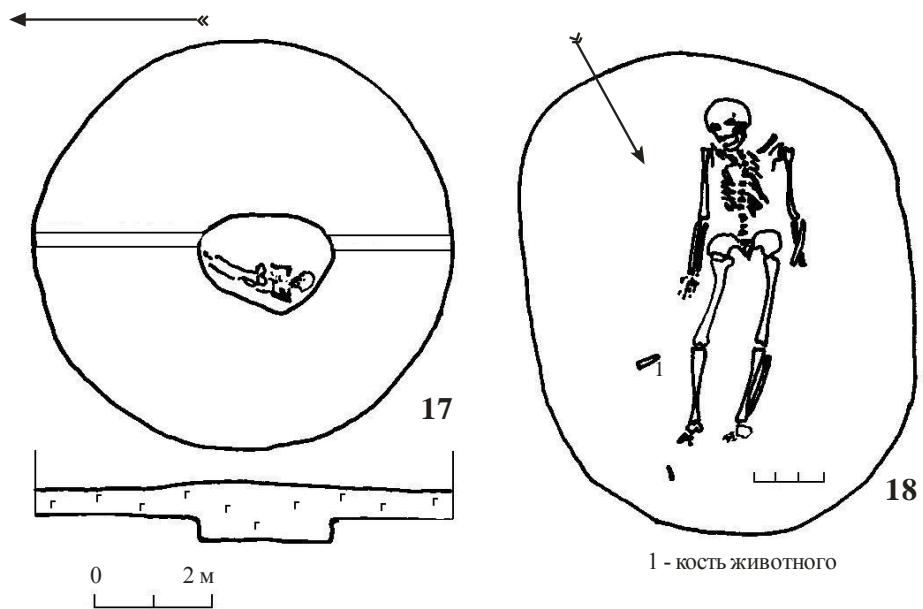
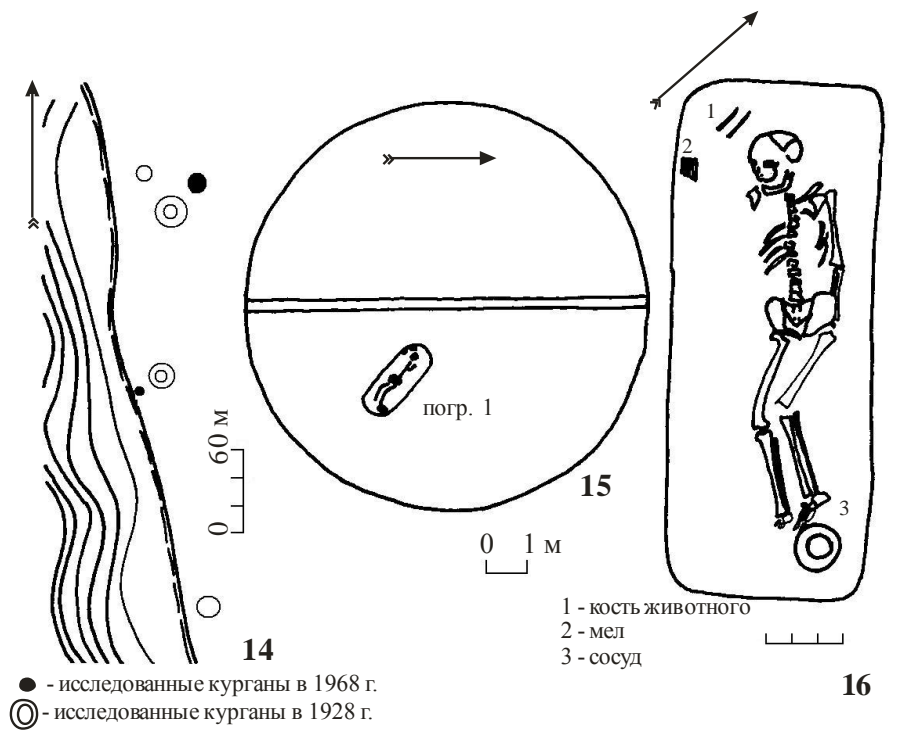

Рис. 1: 14-18. Весёлый (1968). 14 – план КМ; 15, 16 – курган 1; 17, 18 – курган 5

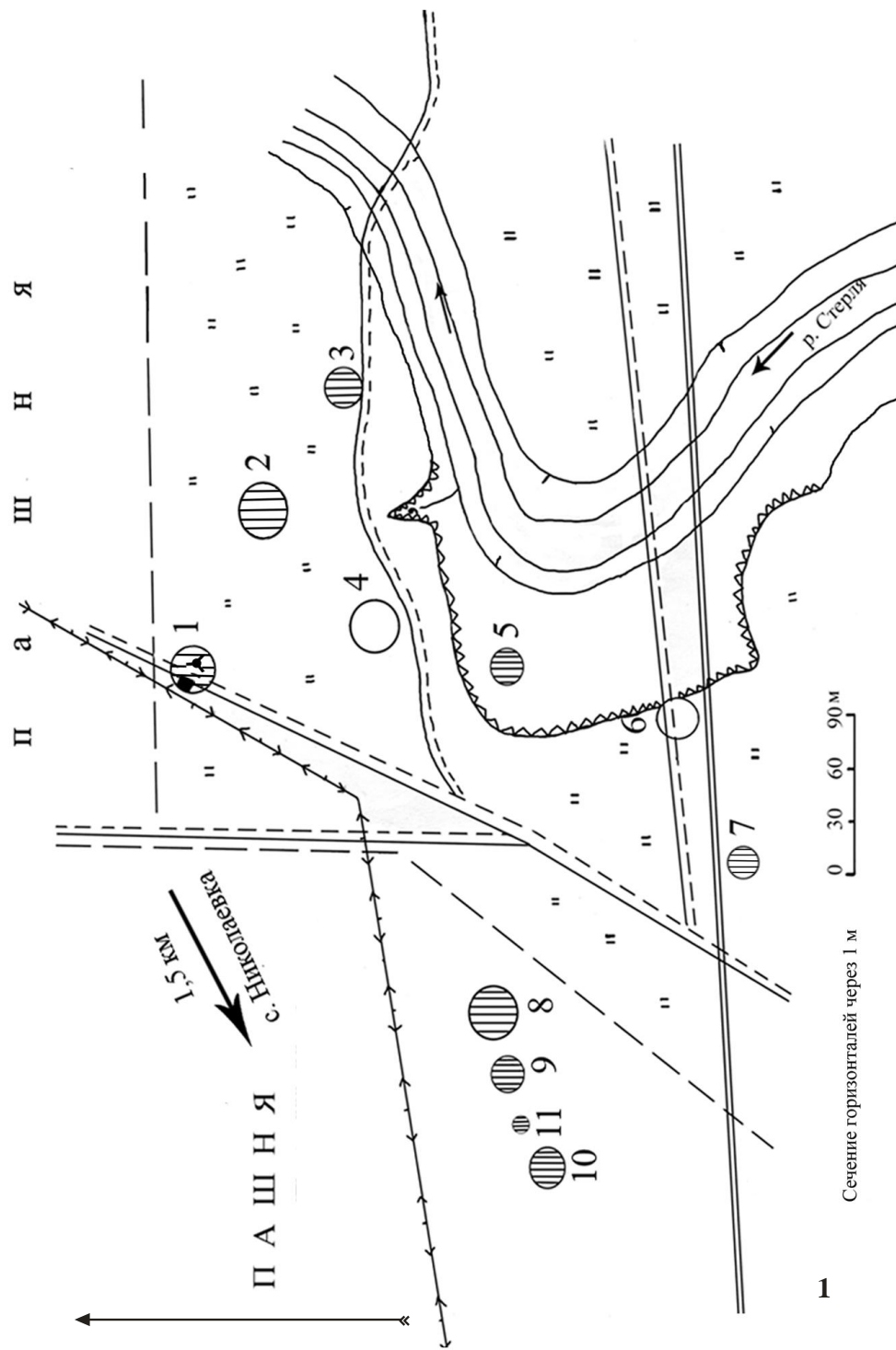
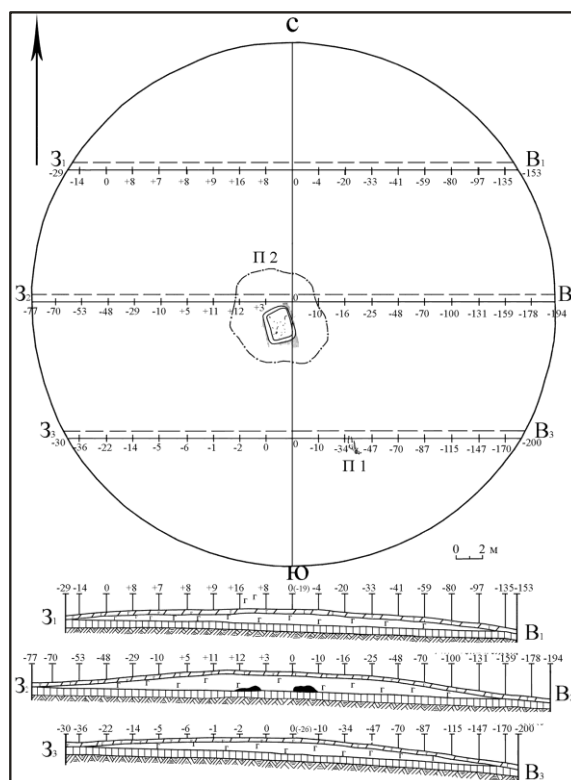

Рис. 2: 1. Елена. 1 - план КМ

2

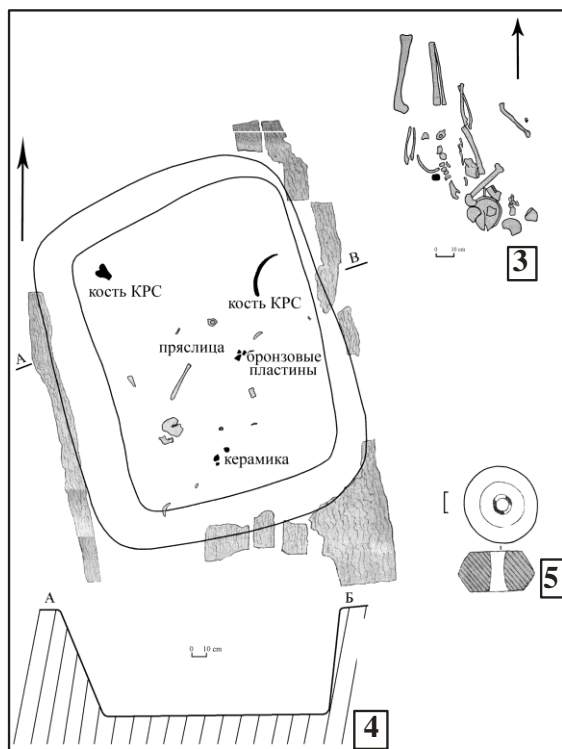
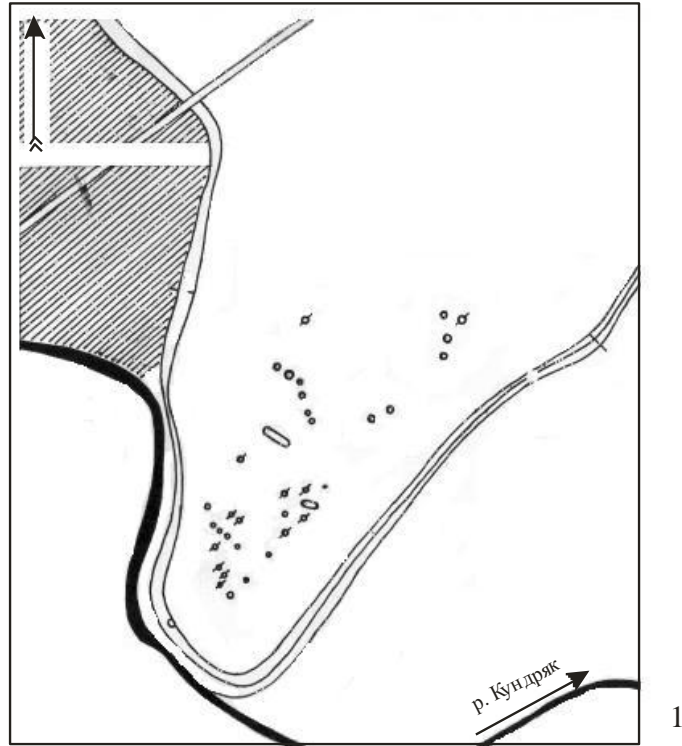
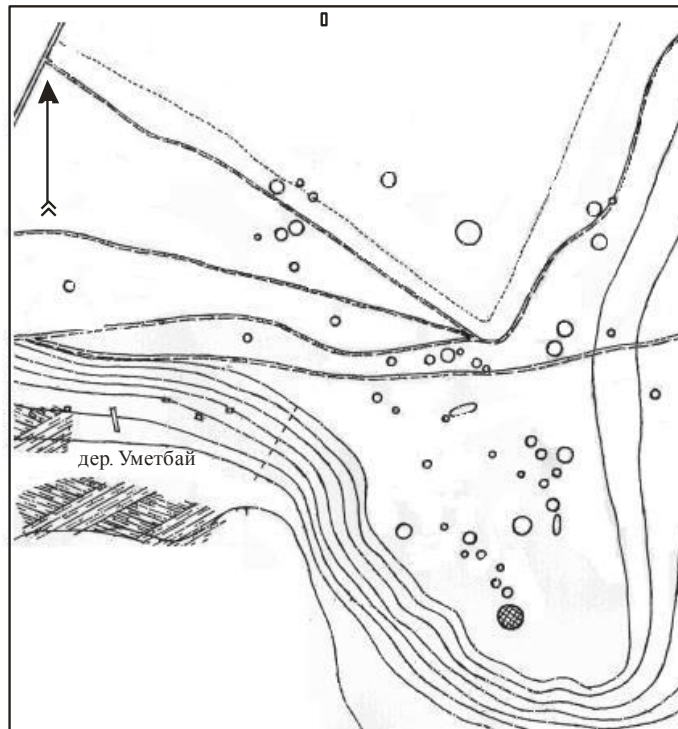

Рис. 2: 2-5. Елена. (1982). 2 – курган 8; 3 – погр. 1; 4 – погр. 2; 5 – глиняное пряслице

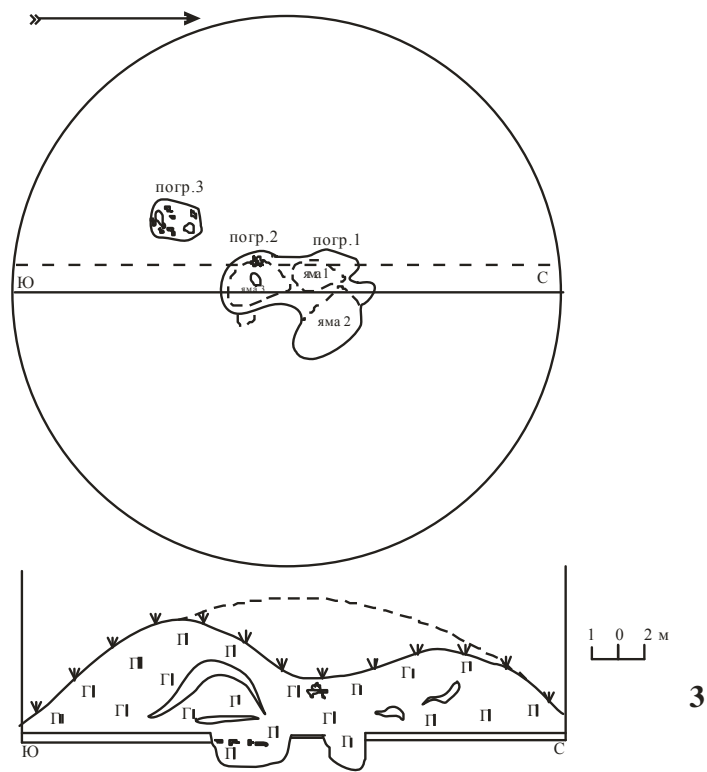

1

2

Рис. 3: 1-2. Уметбаево. Планы КМ разных лет: 1962 (1) и 1971 (2)

4

Рис. 3: 3-4. Уметбаево (1962). 3 – курган 1 (план и схематический профиль); 4 – вид на насыпь кургана 1 с менгиром

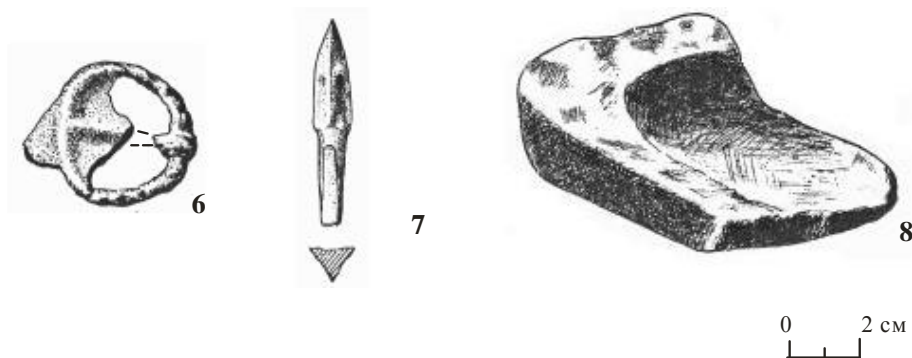
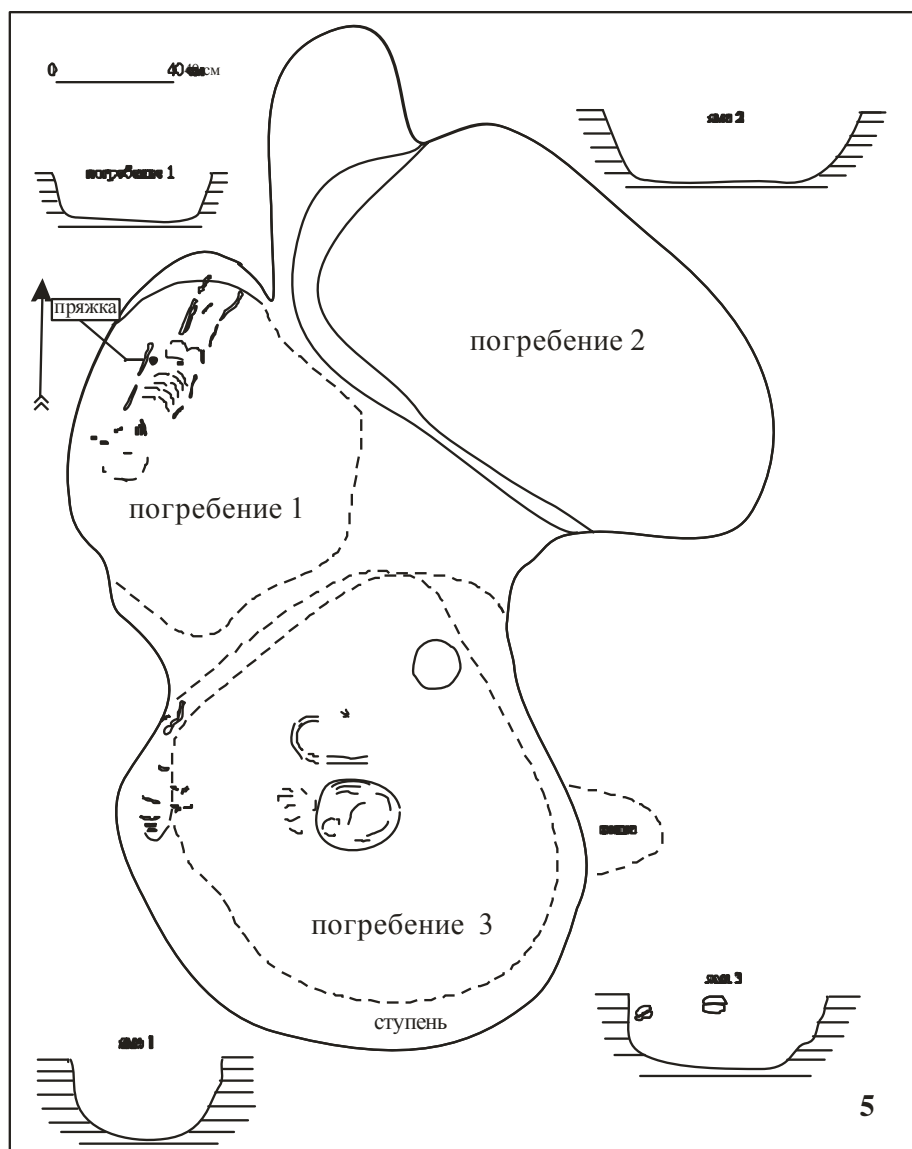

Рис. 3: 5. Уметбаево (1962). Курган 1. 5 – планы погребений 1-3;
 6 – бронзовая пряжка с железным язычком (погр. 1);
 7 – бронзовый наконечник стрелы; 8 – фрагмент каменной
 косметической плитки (погр. 2)

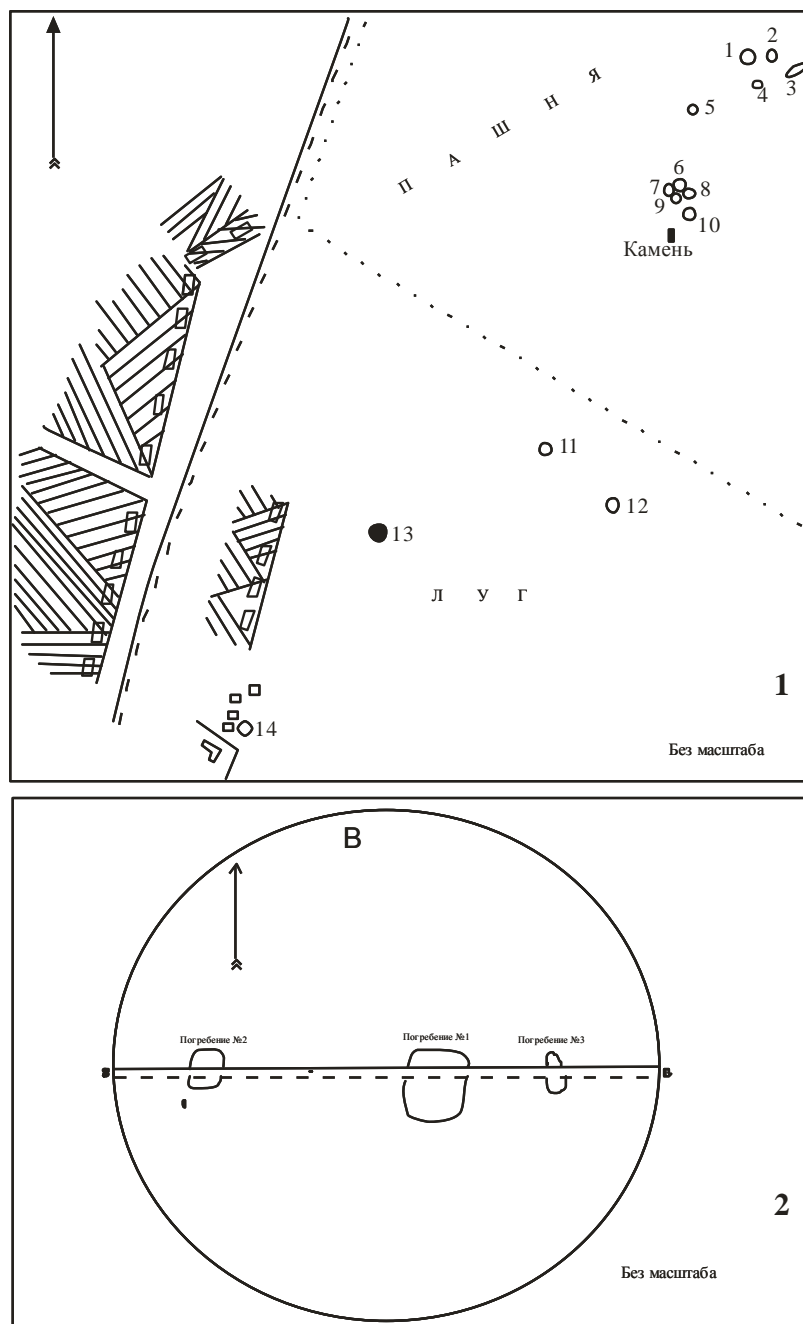

Рис. 4: 1-2. Елимбетово. (1962). 1 и 2 – планы КМ (1962) и кургана 13

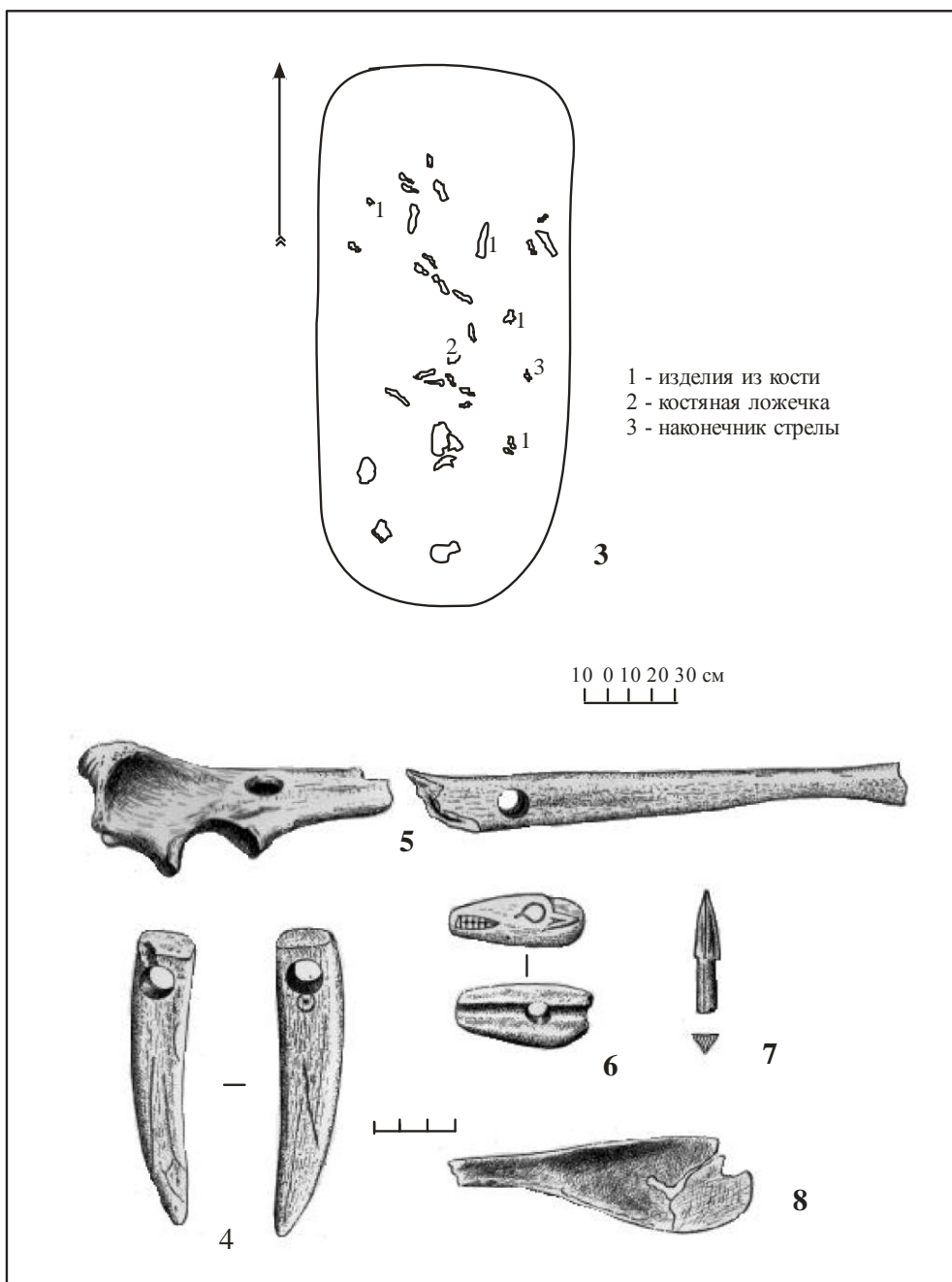

Рис. 4: 3-8. Елимбетово. Курган 13. 3 – план погр. 3; 4 – подвеска;
 5 – предмет неясного назначения; 6 – головка грифона;
 7 – наконечник стрелы; 8 – ложка (7 – бронза, остальное – кость)

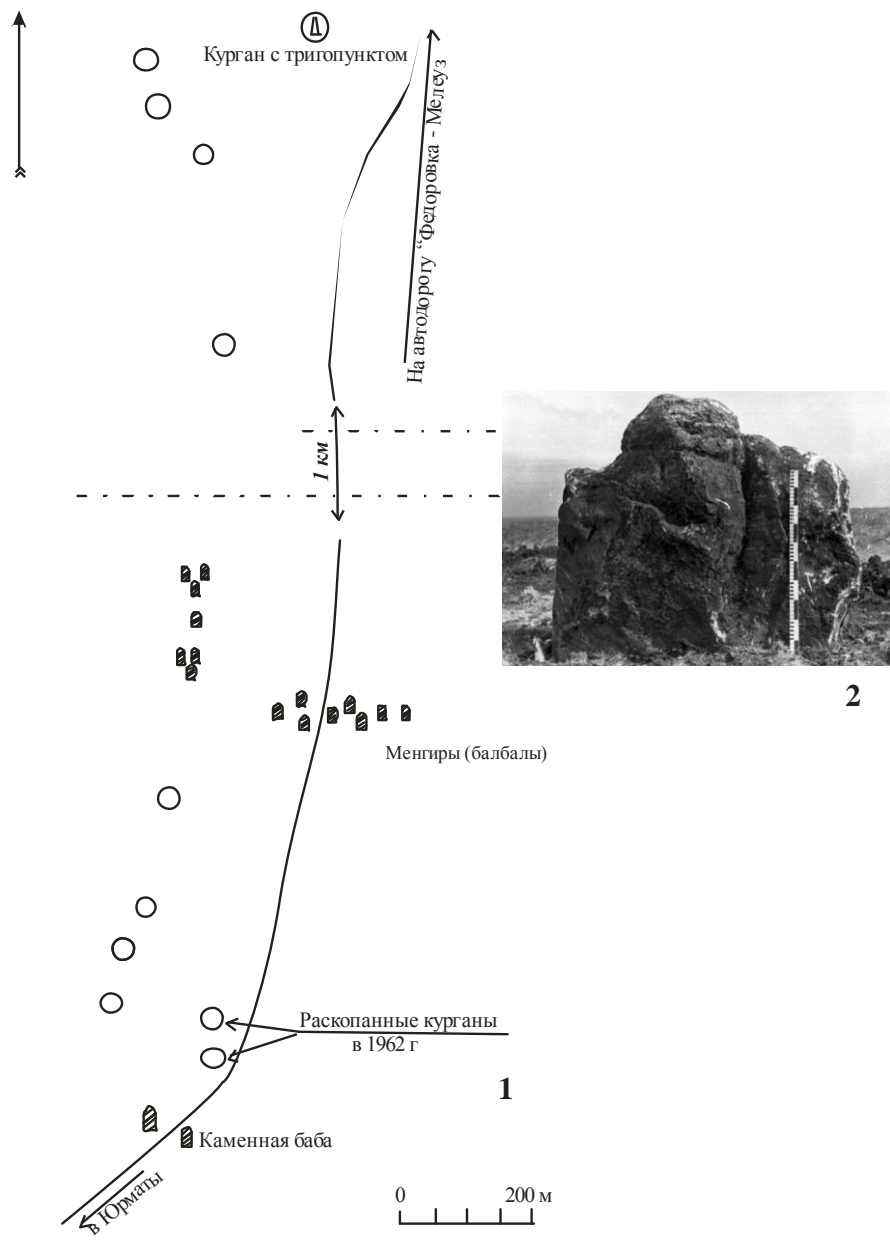

Рис. 5: 1-2. Юрматы-1 (1962). 1 и 2 - план КМ и фото менгира

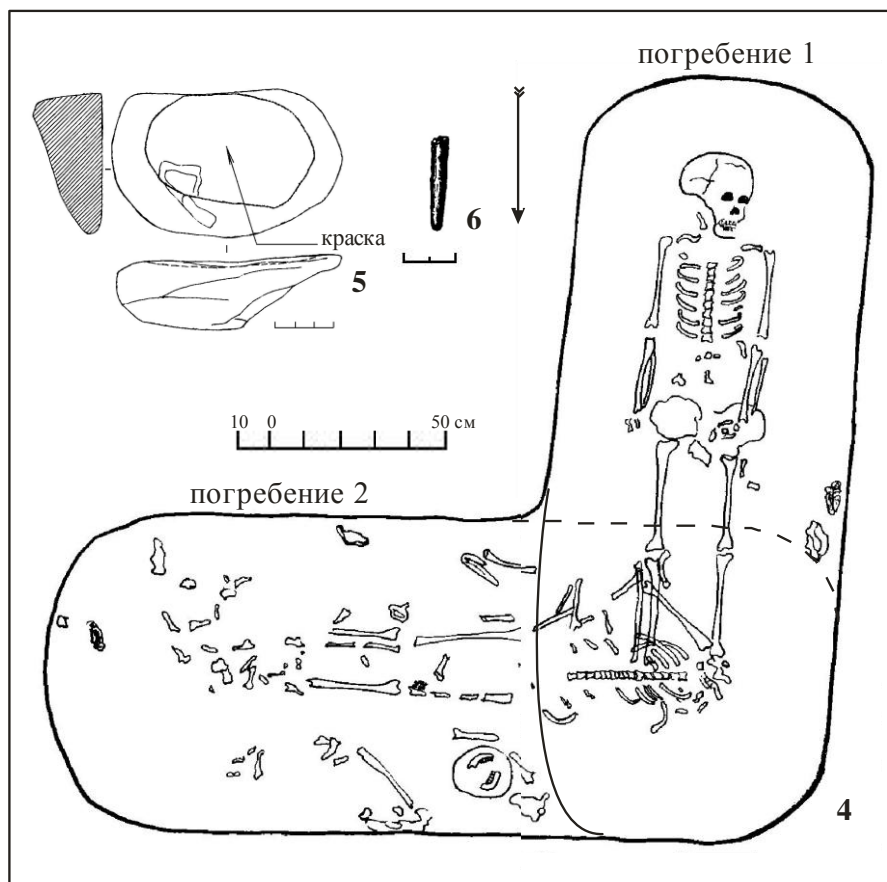

Рис. 5: 3-б. Юрматы-1 (1962). 3 – профиль бровки кургана 1;
4 – погребения 1 и 2; 5 и 6 – плитка и бусина (погр. 2)

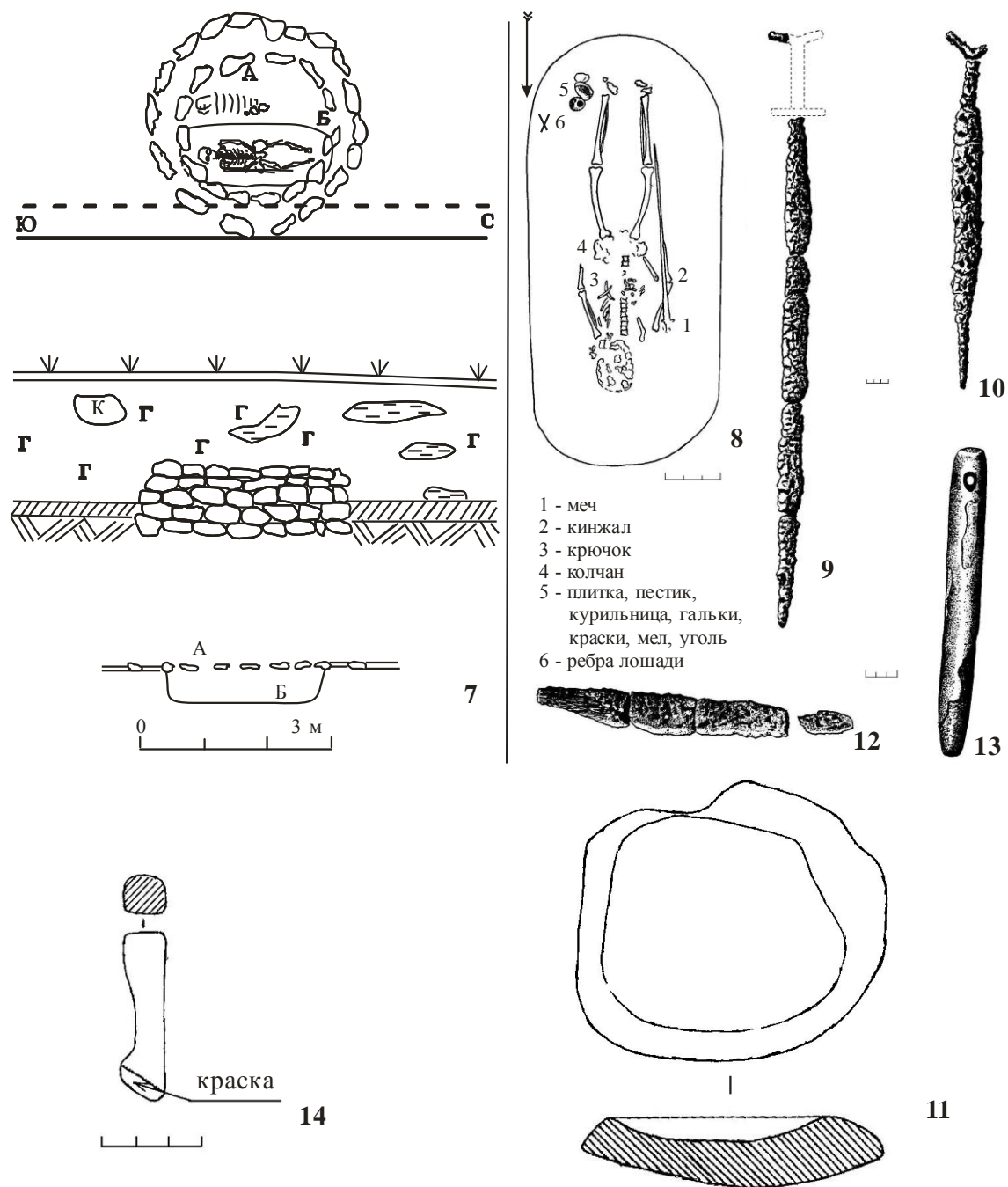
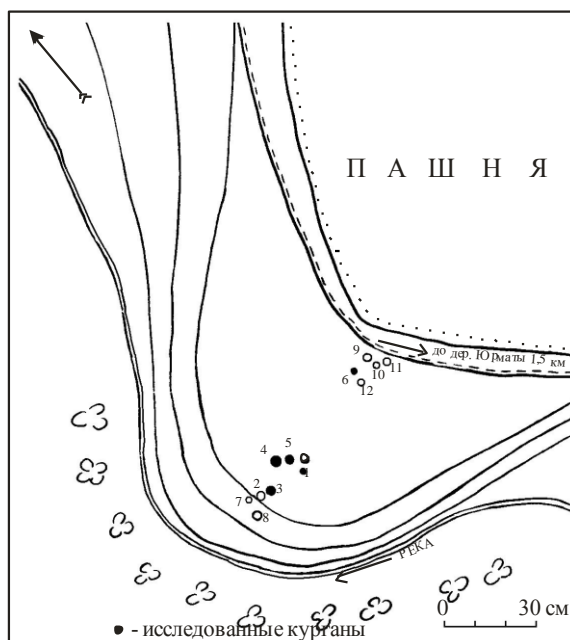
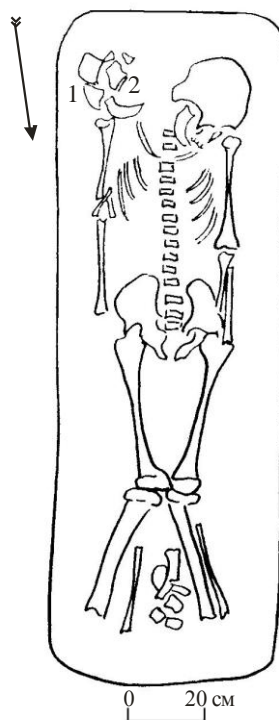

Рис. 5: 7-14. Юрматы-1 (1962). 7 – курган 2 (план, профиль центра насыпи, разрез могилы); 8 – погр. 0 (1 – меч, 2 – кинжал, 3 – крючок, 4 – колчан со стрелами, 5 – плитка, пестик, курильница, гальки, красная краска, мел, уголь, 6 – рёбра лошади); 9 – кинжал, 10 – меч, 11 – плитка, 12 – нож, 13 – оселок, 14 – пестик (9,10,12 – железо; 11,13,14 – камень)

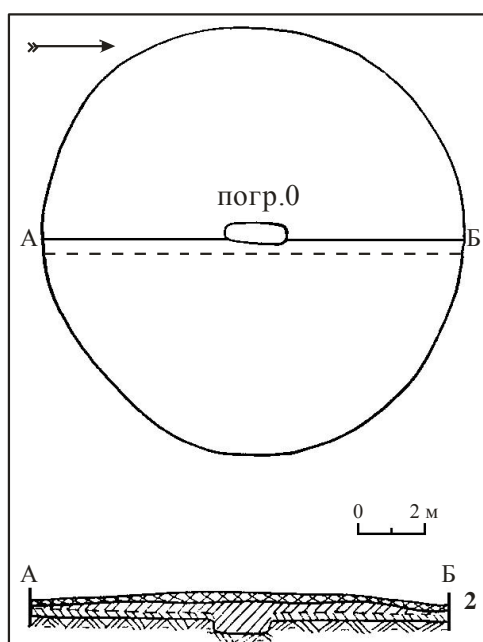

15

17

1 - обломки сосуда
2 - косточка животного

16

18

Рис. 5: 15-18. Юрматы-1 (1973). 15 – план КМ; 16 – курган 2; 17, 18 – погр. 0 и фрагмент глиняного сосуда из него

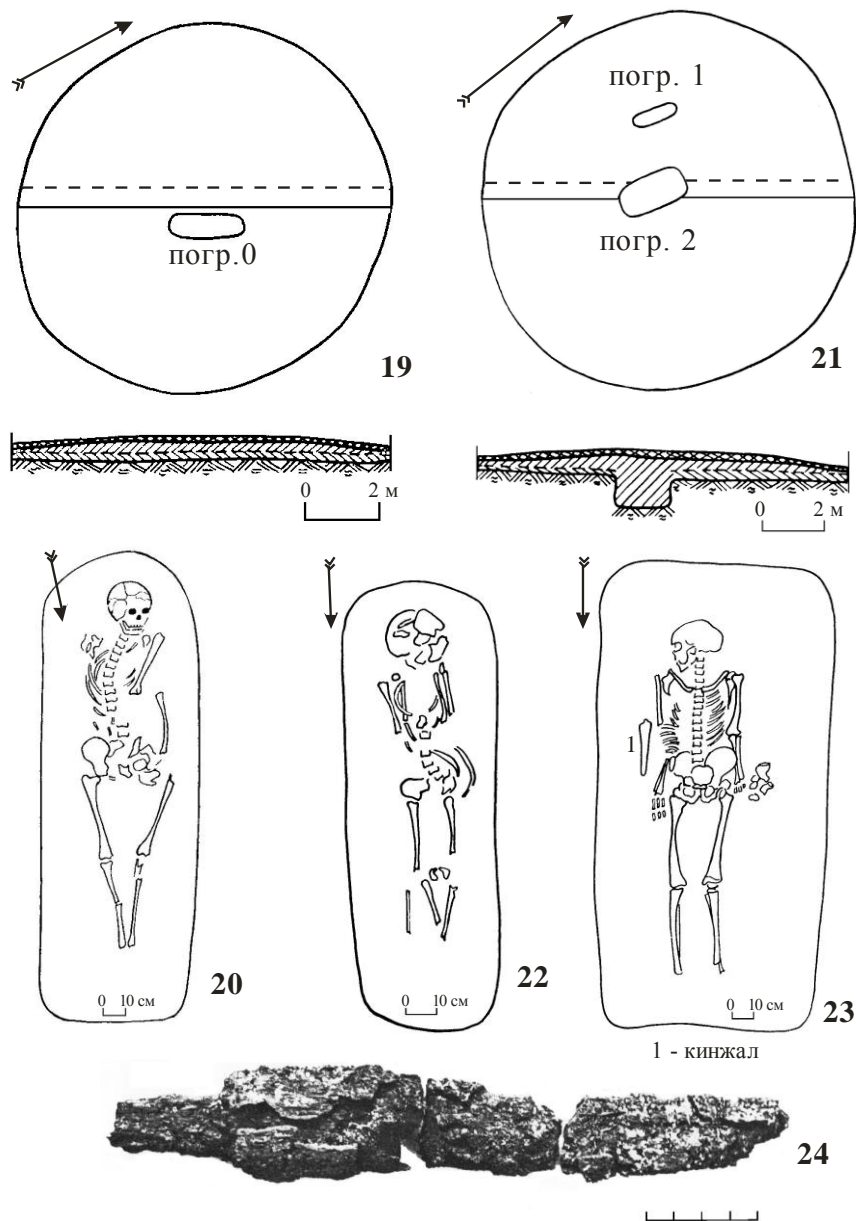

Рис. 5: 19-24. Юрматы-1 (1973). 19,20 – курган 3; 21-23 – курган 4 и погребений 1 и 2; 24 – железный кинжал из погр. 2

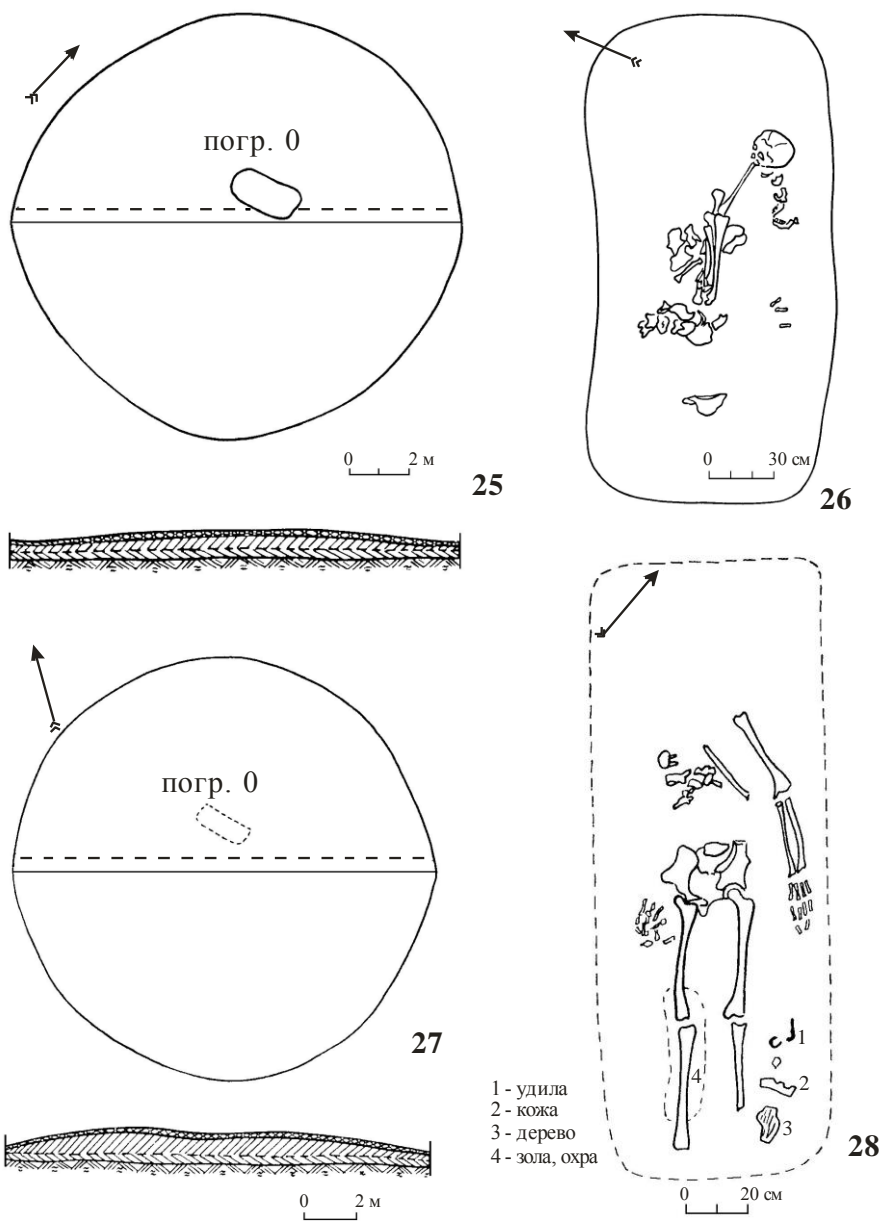

Рис. 5: 25-28. Юрматы-1 (1973). 25,26 – курган 5; 27,28 – курган 6

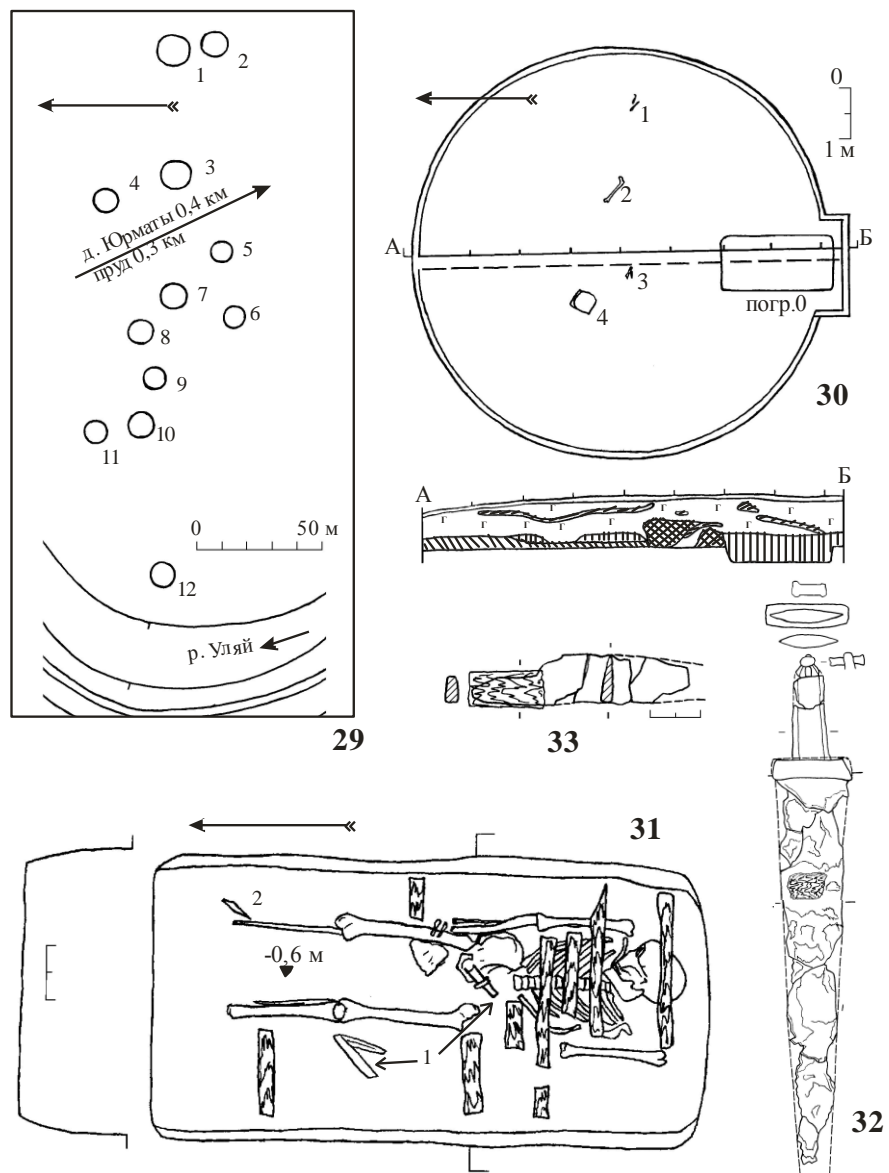

Рис. 5: 29-33. Юрматы-1 (1994). 29 – план КМ; 30, 31 – курган 1 и погр. 0; 32,33 – железные меч и нож из погр. 0

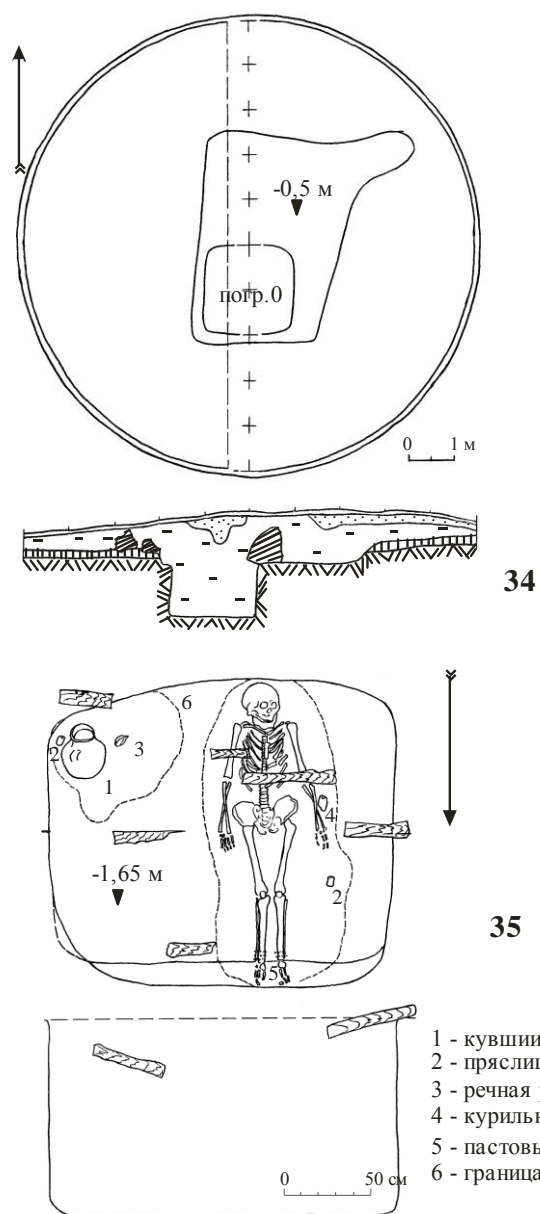

Рис. 5: 34-35. Юрматы-1 (1994). 34,35 - курган 5 и погр. 0 (1 – кувшин, 2 – пряслице, 3 – двустворка, 4 – курительница, 5 – бисер, 6 – граница тлена коры) (1,2,4 – глина, 3 – раковина, 5 – паста)

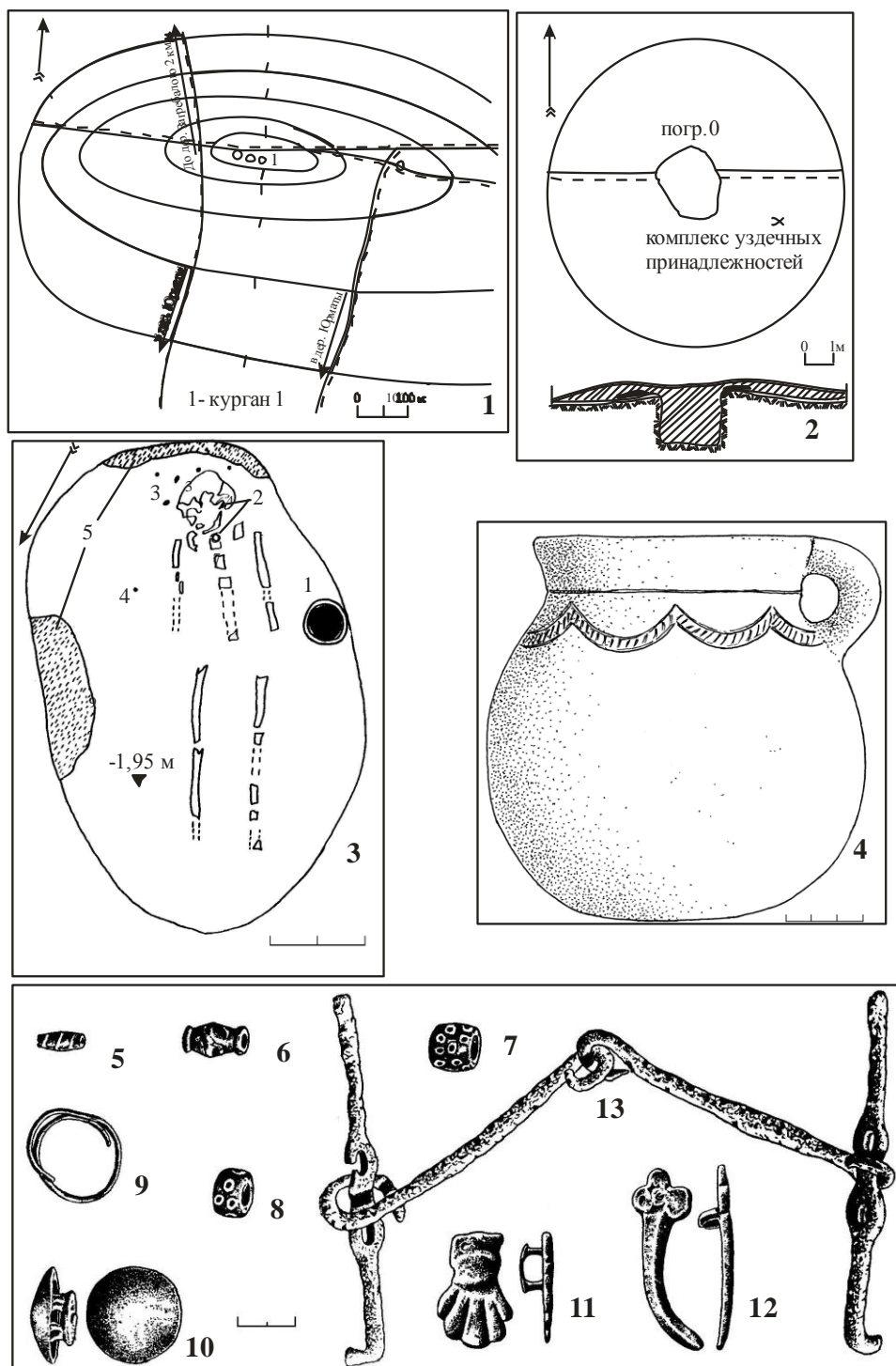

Рис. 6: 1-13. Загребайловка. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 0 (1 – сосуд, 2 – серьги, 3-4 – бусы); 4 – кувшин; 5-8 – бусы; 9 – серьга; 10-11 – бляшки; 12 – крючок; 13 – удила с псалями (4 – глина, 5-8 – паста, 9 – серебро, 10-12 – бронза, 13 – железо)

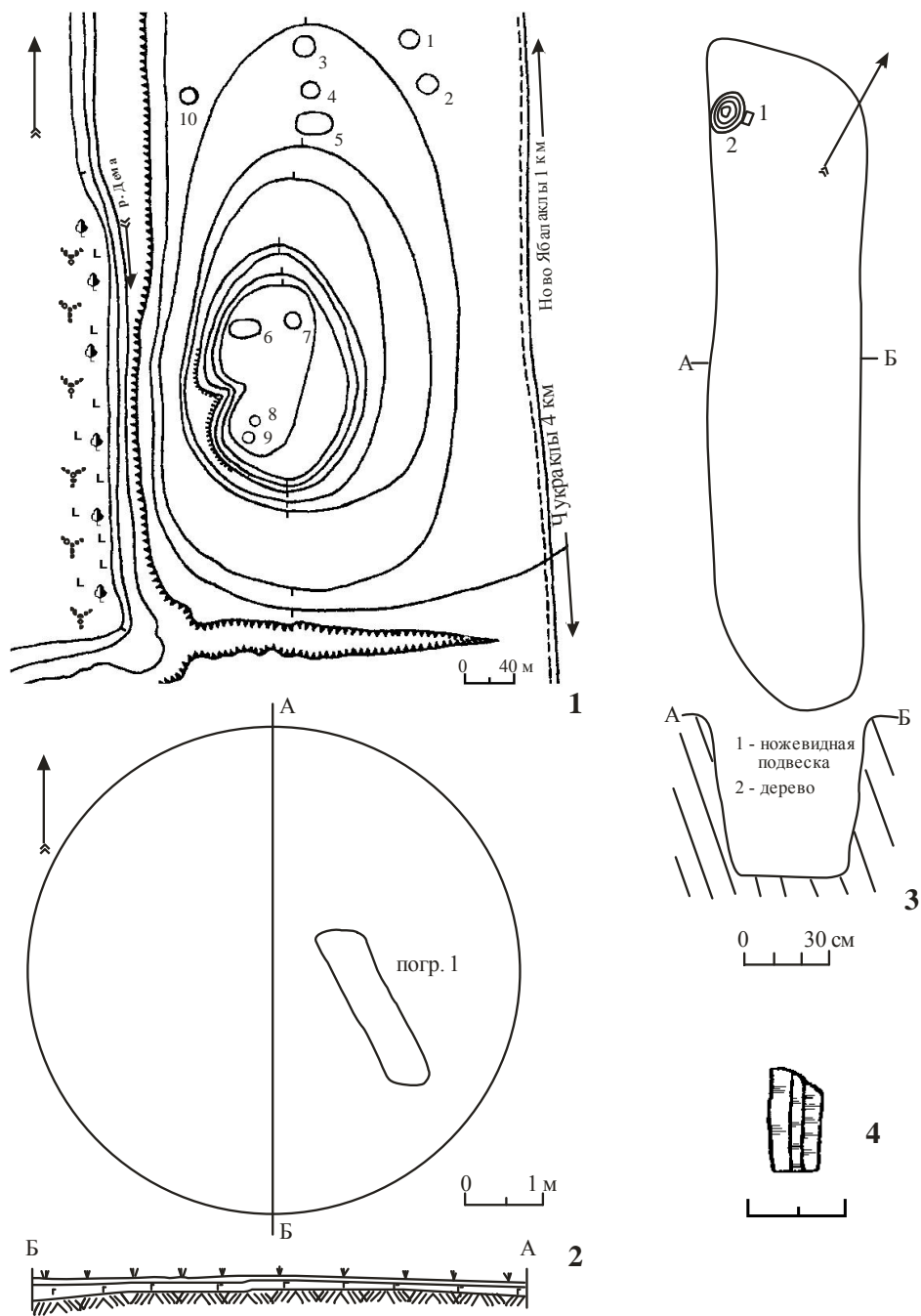

Рис. 7: 1-4. Новые Ябалаклы 1 – план КМ; 2 - курган 9; 3 – погр. 1; 4 – кремнёвая пластинка

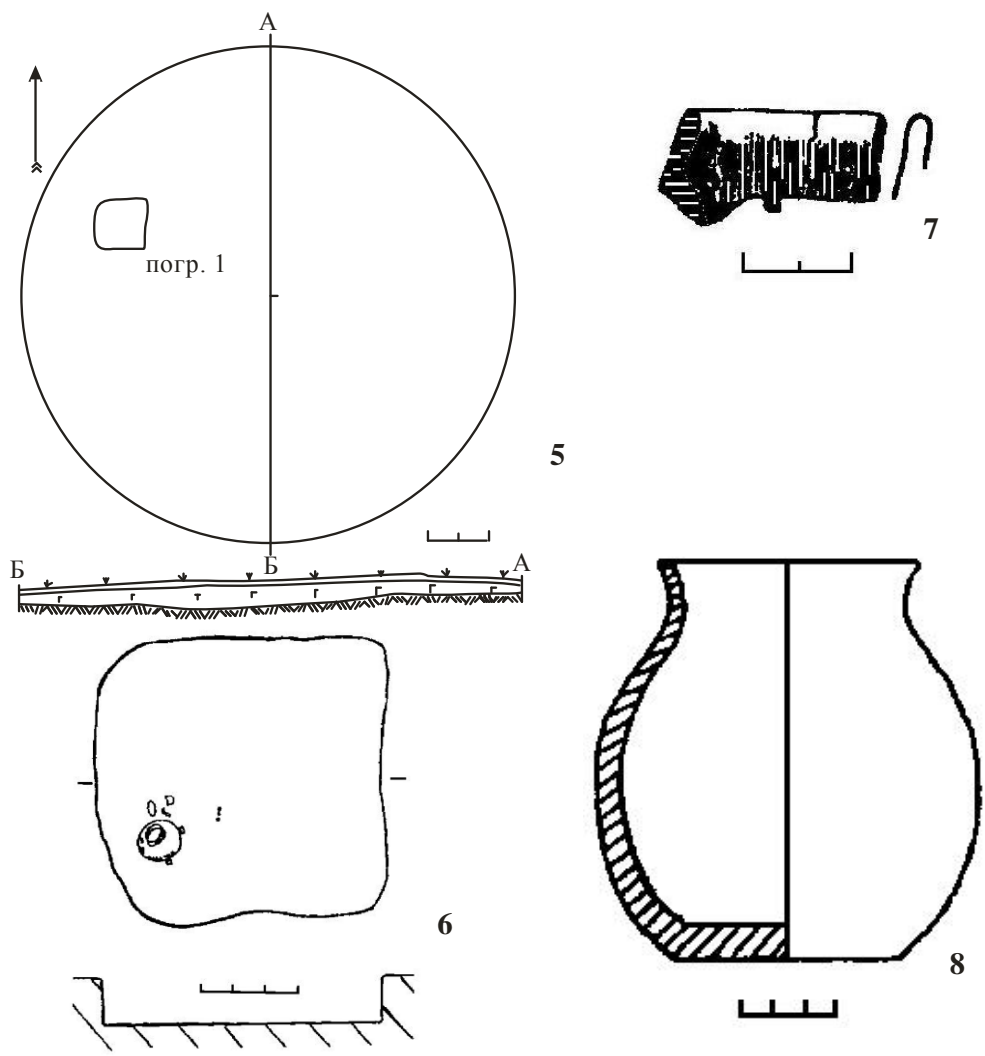

Рис. 7: 5-8. Новые Ябалаклы. 5 – курган 8; 6 – погр. 1; 7 – бронзовая обкладка; 8 – глиняный сосуд

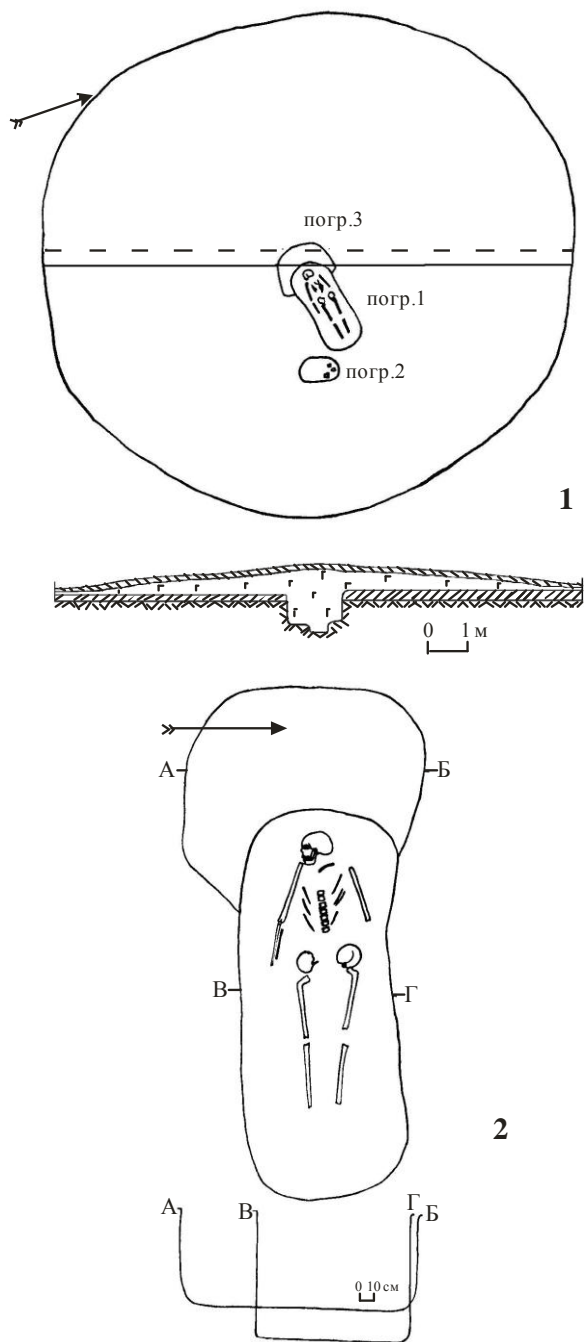

Рис. 8: 1-2. Лобовка-1. 1 – курган 5; 2 – погребения 1 (раннее железо) и 3 (эпоха бронзы)

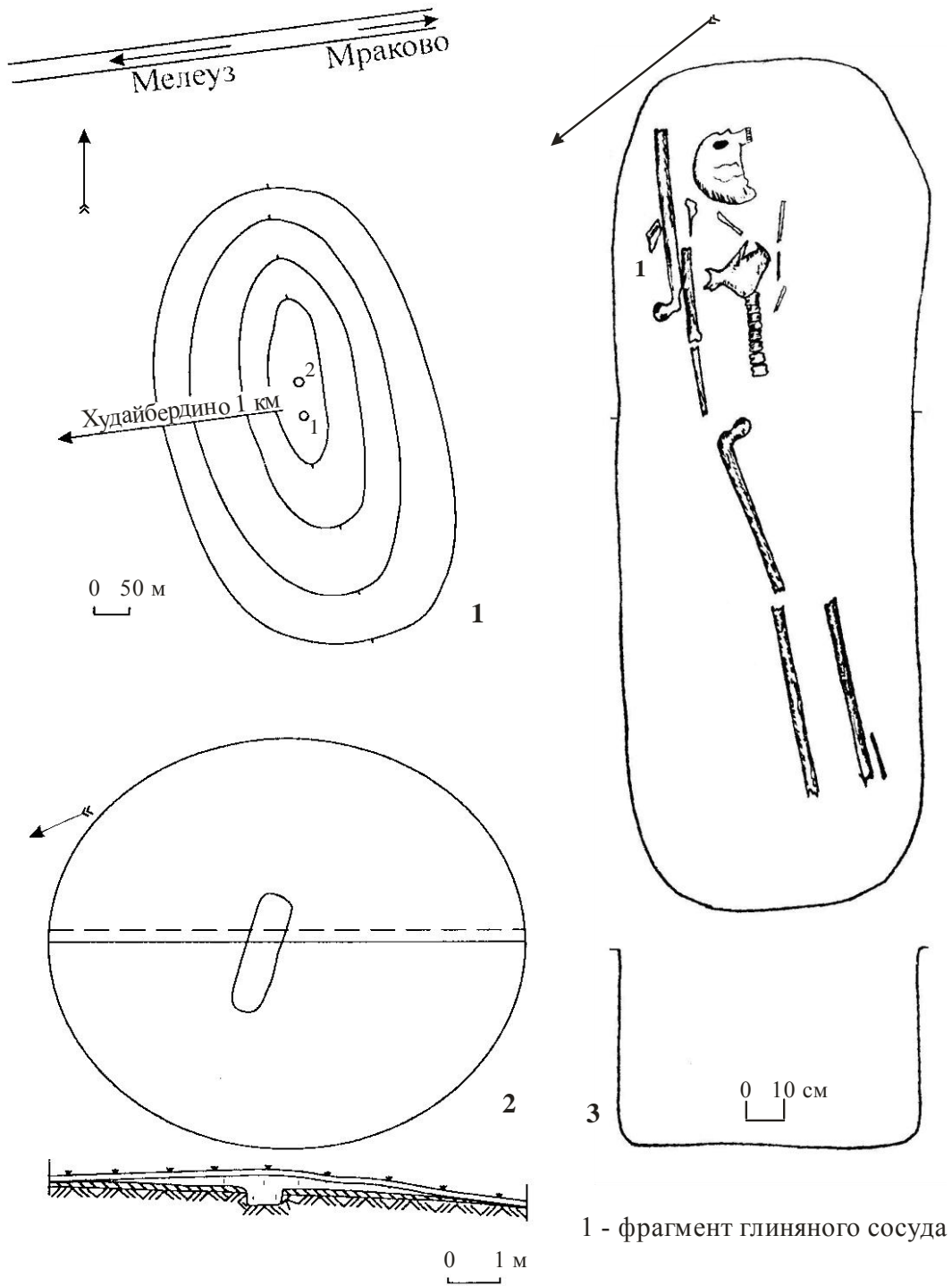

Рис. 9: 1-3. Худайбердино-1. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 0

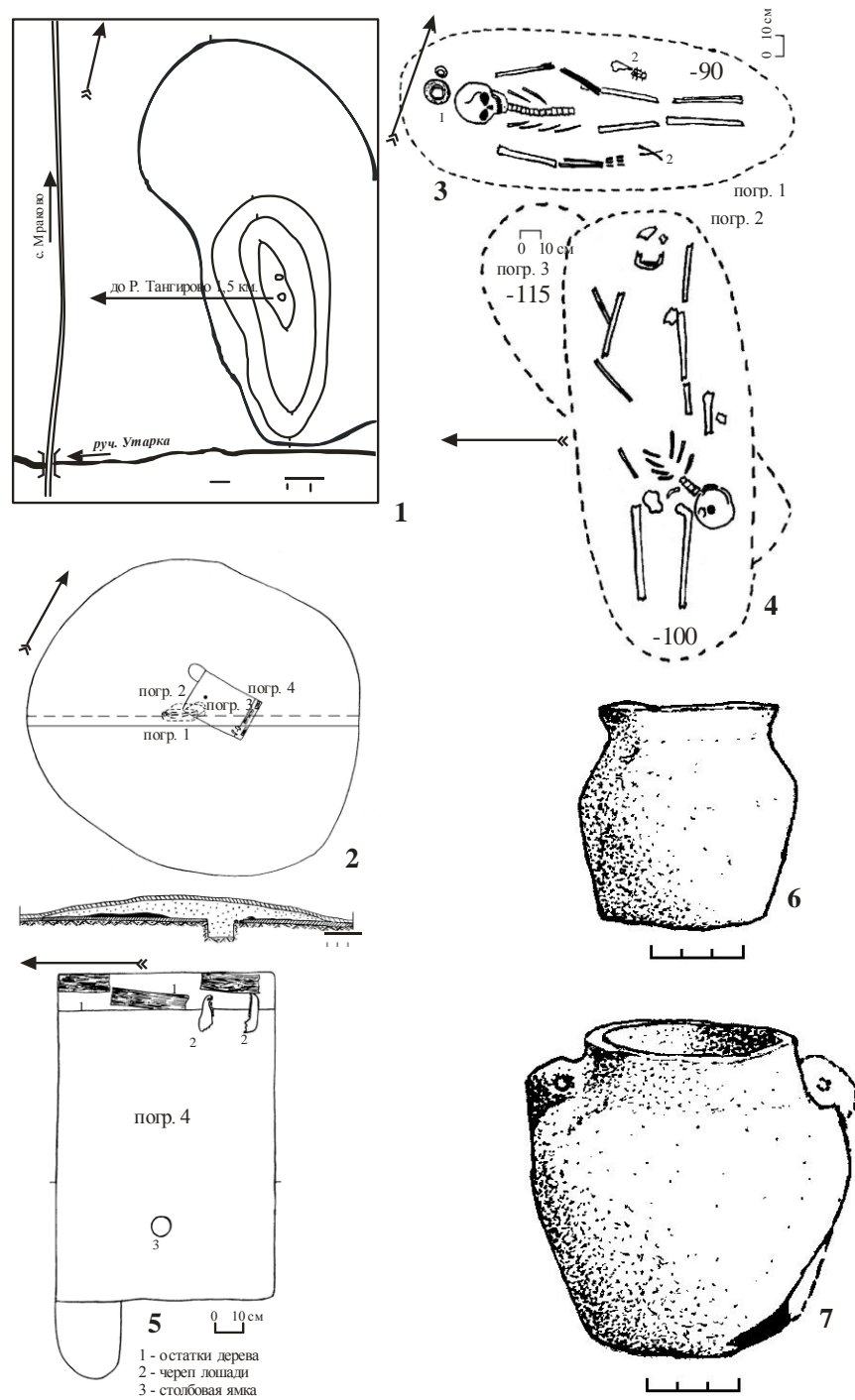

Рис. 10: 1-7. Утарка. 1 – план КМ; 2 – курган 2; 3 – погр. 1; 4 – погребения 2 и 3; 5 – погр. 4; 6, 7 – глиняные сосуды 2 и 1 из погр. 1

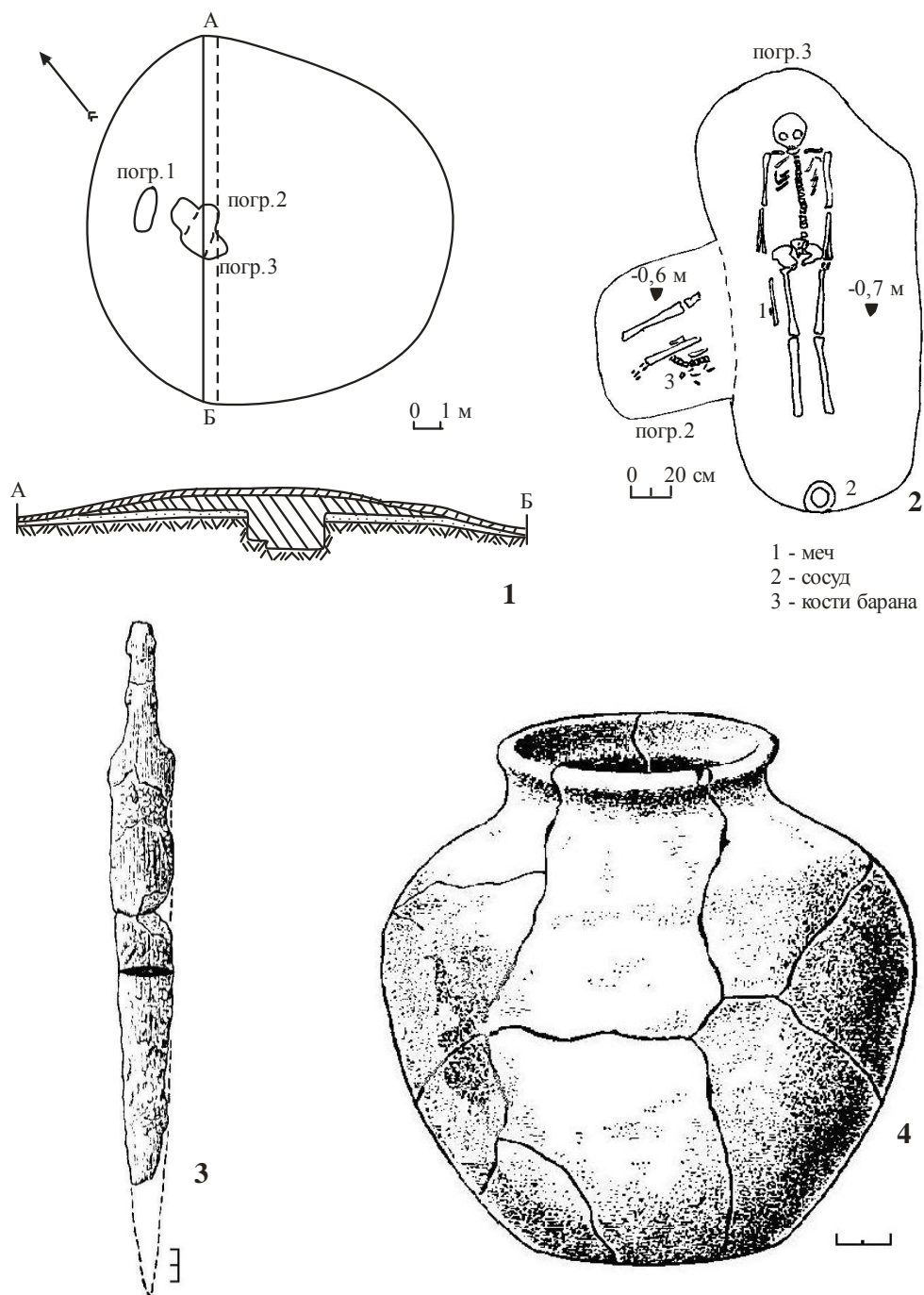
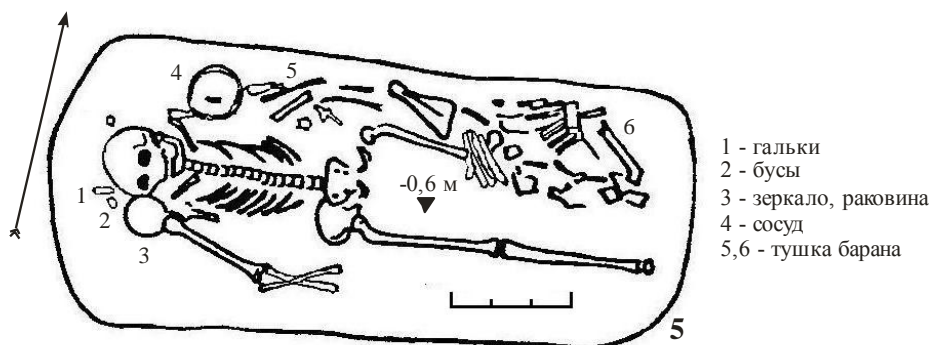

Рис. 11: 1-4. Каскиново. 1 – план кургана; 2 – план погр. 2 и 3;
3 – железный меч; 4 – глиняный сосуд

- 1 - гальки
- 2 - бусы
- 3 - зеркало, раковина
- 4 - сосуд
- 5, 6 - тушка барана

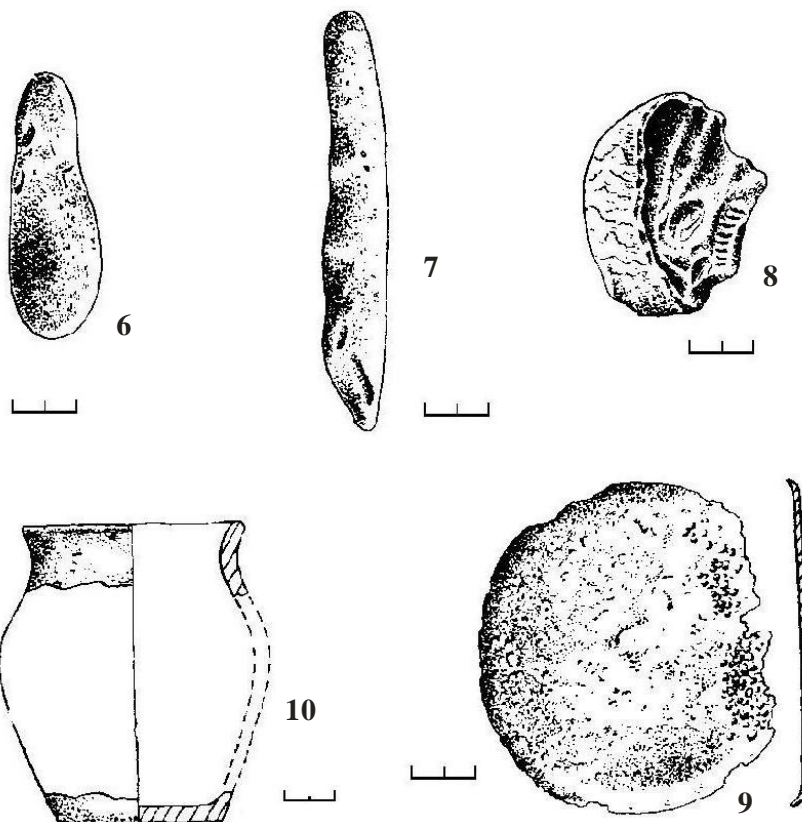
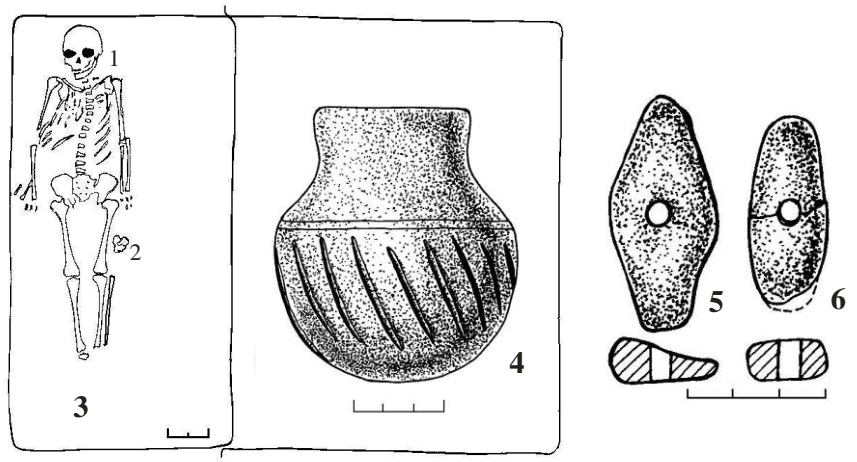
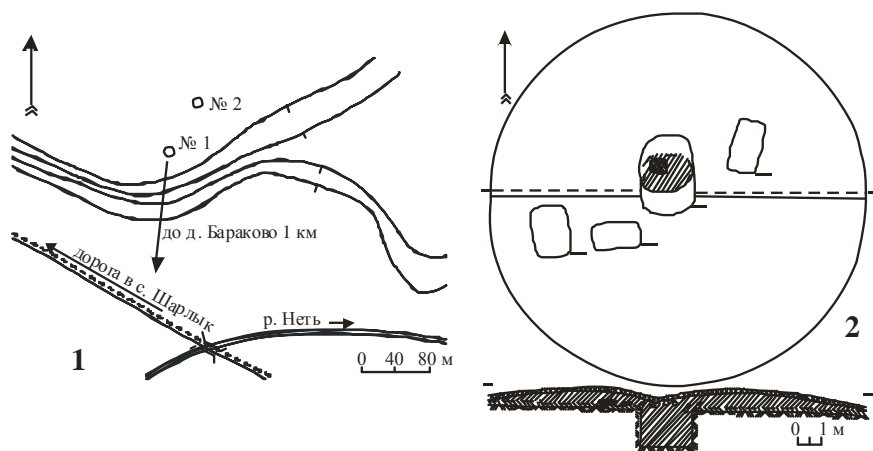

Рис. 11: 5-10. Каскиново. 5 – погр. 1 (1 – гальки, 2 - бусы, 3 – зеркало, раковина, 4 – сосуд, 5,6 – тушки барана); 6,7 – гальки, 8 – раковина Gryphaea, 9 – бронзовое зеркало, 10 - глиняный сосуд

1 - бусы; 2 - сосуд с «молоточками»

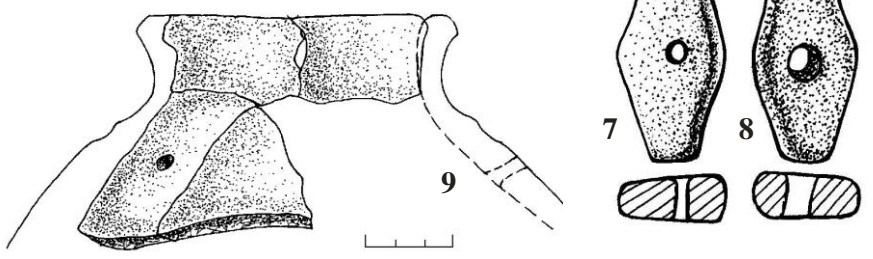

Рис. 12: 1-9. Бараково-1. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 4 (1 – бусы, 2 – сосуд с «молоточками»); 5-8 – глиняные «молоточки»; 4,9 – глиняные сосуды (4-8 – погр. 4; 9 – погр. 1)

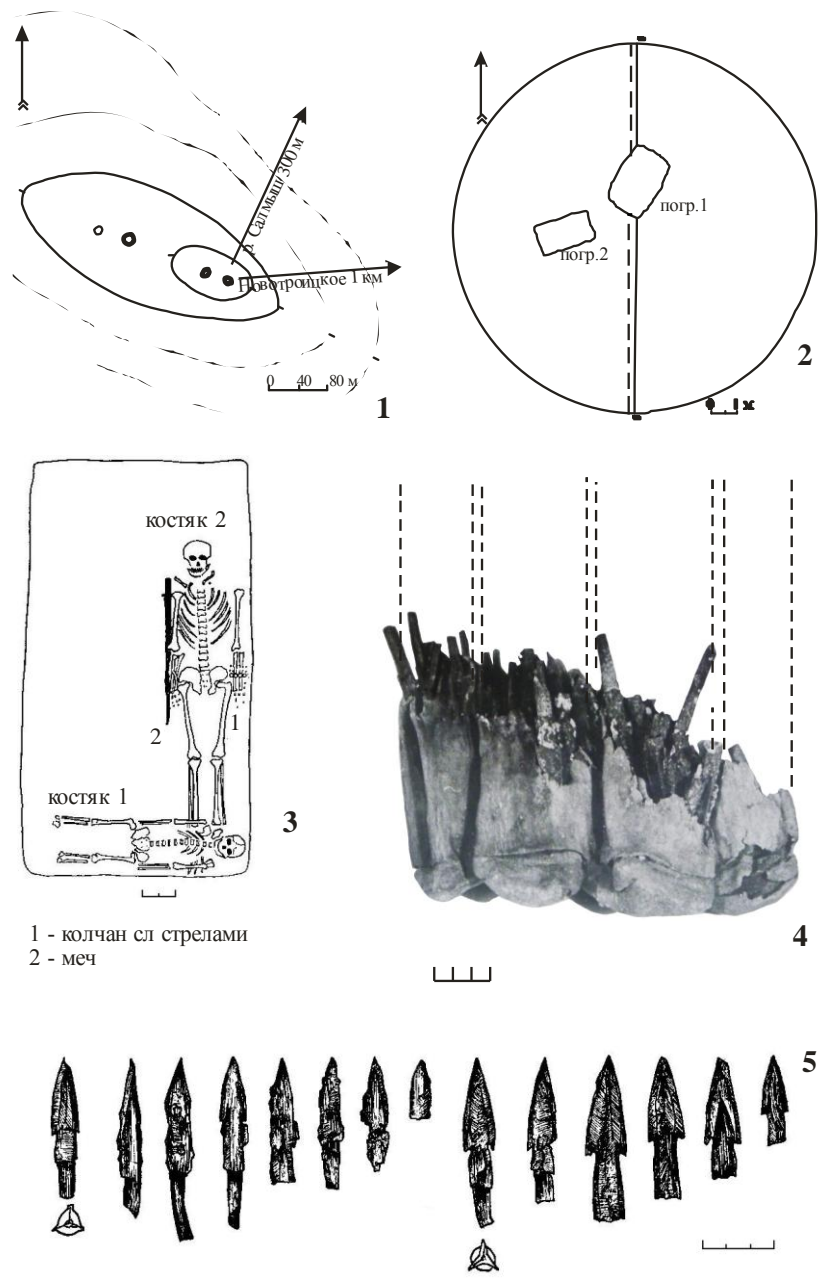

Рис. 13: 1-5. Новотроицкое-2. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 2 (1 – колчан со стрелами, 2 - меч); 4 – нижняя часть кожаного колчана; 5 – бронзовые наконечники стрел с деревянными древками

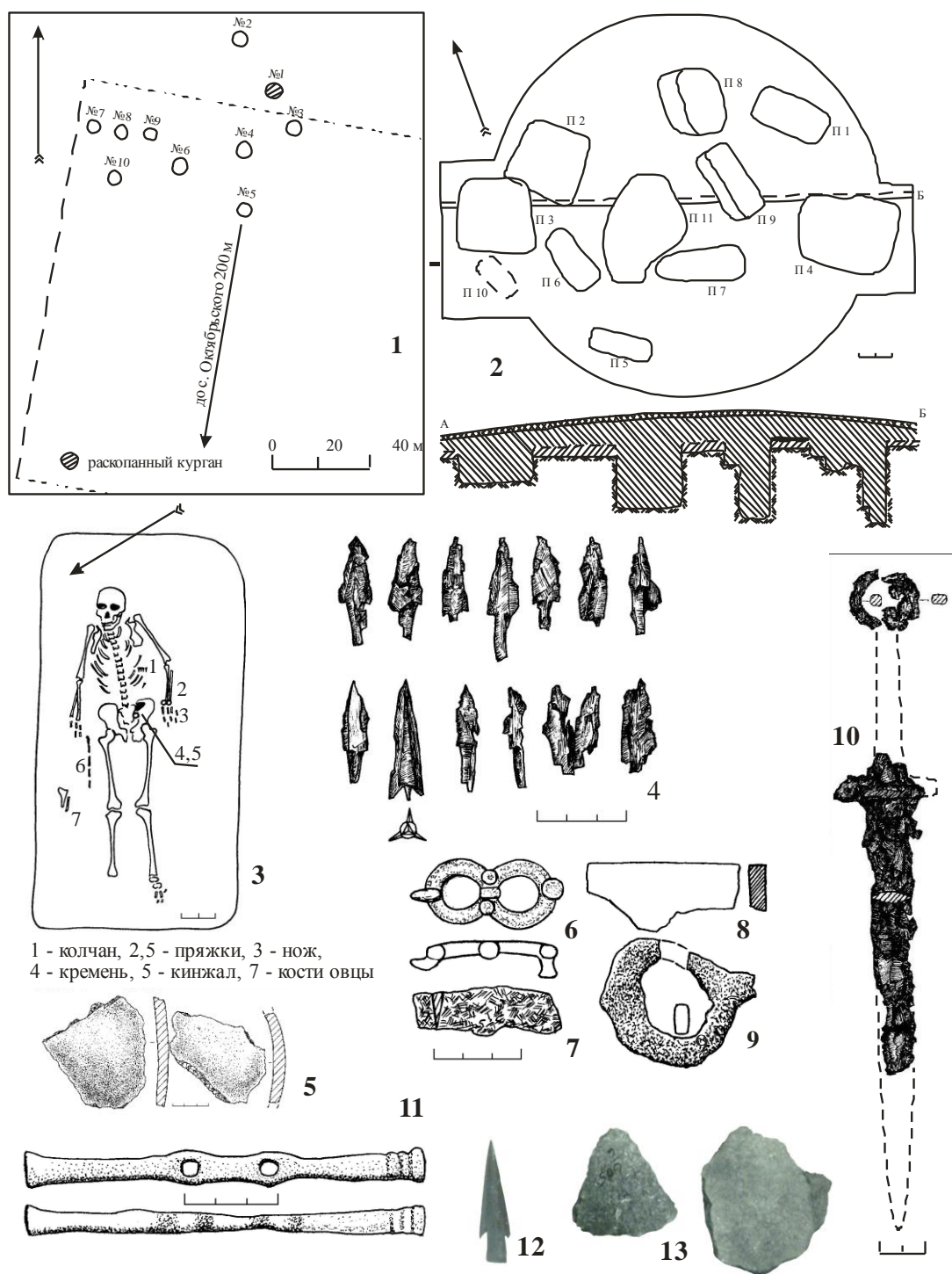

Рис. 14: 1-13. Октябрьское-1. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 1 (1 – колчан со стрелами, 2,5 – пряжки, 3 – нож, 4 – кремь, 6 – кинжал, 7 – кости овцы); 4 – бронзовый и железные наконечники стрел; 5, 13 – 14 – керамика; 6, 9 – бронзовая и железная пряжки; обломок железного ножа; 8 – кремь; 10 – железный кинжал; 11 – железный псалий; 12 – бронзовый наконечник (4-10 – погр. 1; 11-13 – насыпь кургана 1)

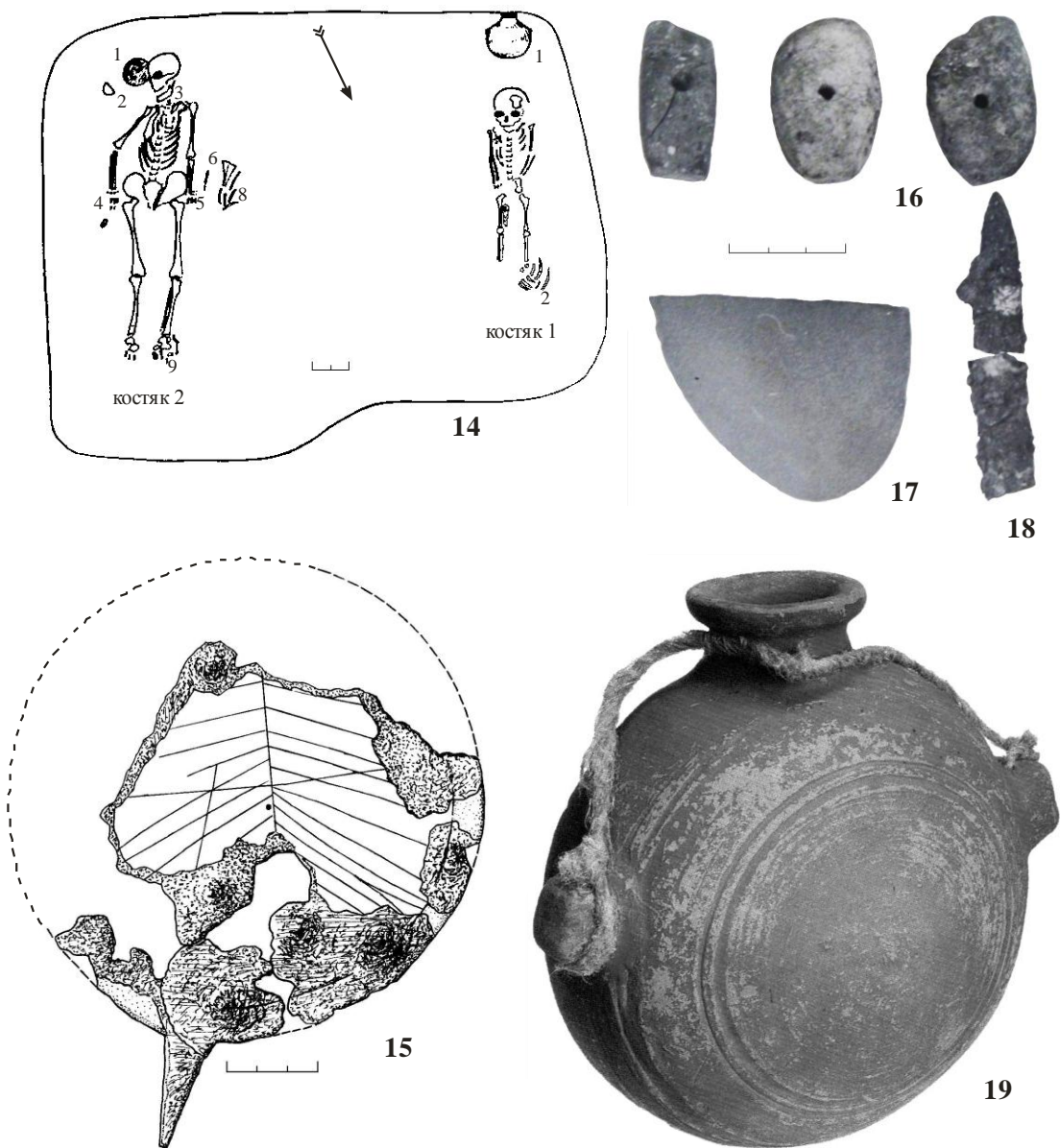

Рис. 14: 14-19. Октябрьское-1. 14 – погр. 4 (косяк 2: 1 – зеркало, 2 – плитка, 3 – ожерелье, 4,5 – браслеты из бус, 6 – нож, 7,9 – «молоточки», 8 – кости овцы; косяк 1: фляга, 2 – железный предмет, 3 – кости овцы); 15 – бронзовое зеркало; 16 – тальковые «молоточки»; 17 – каменная плитка; 18 – железный нож; 19 – глиняная фляга

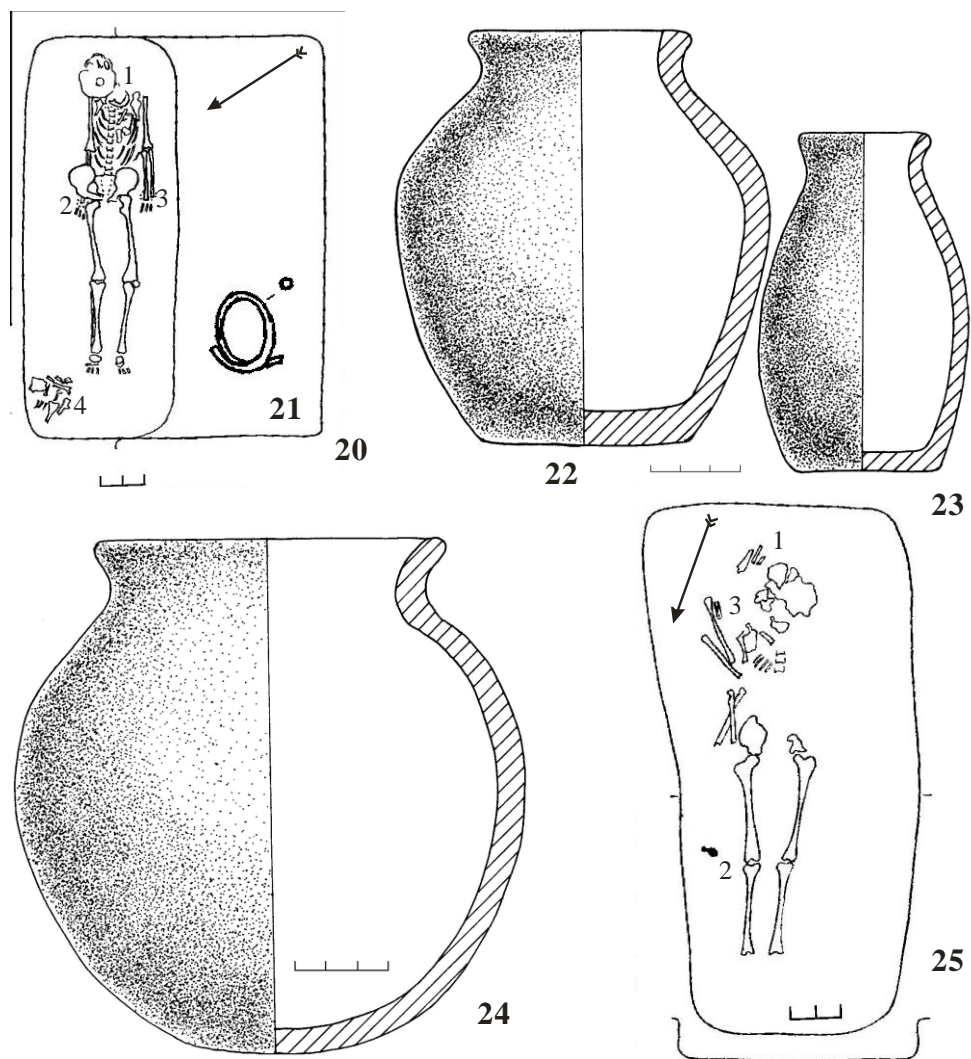

Рис. 14: 20-25. Октябрьское-1. 20 – погр. 5 (1 - серьга, 2,3 – браслеты из бус, 4 – кости барана); 21 – бронзовая серьга; 22-24 - глиняные сосуды; 25 – погр. 6 (1- кости овцы, 2- кусочки мела, 3 – труха дерева)

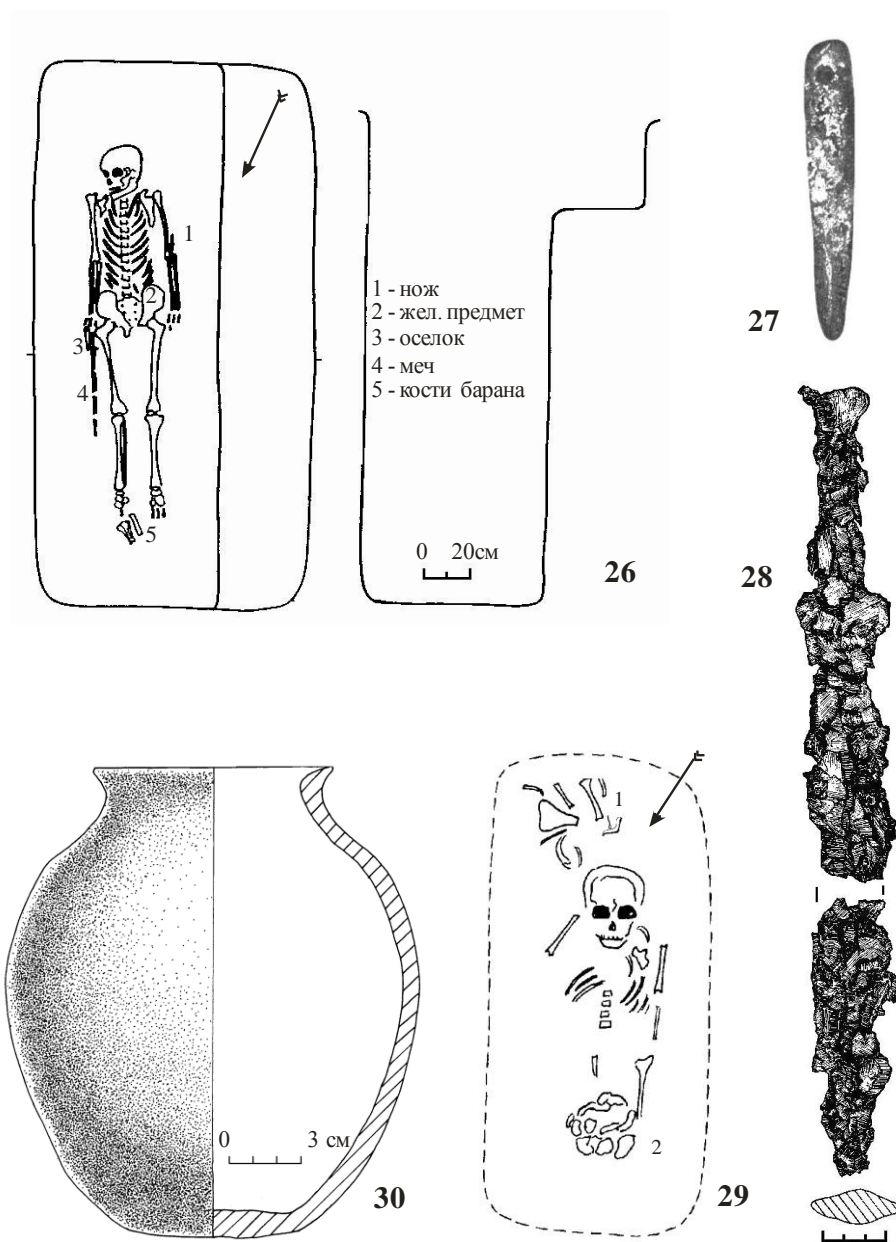
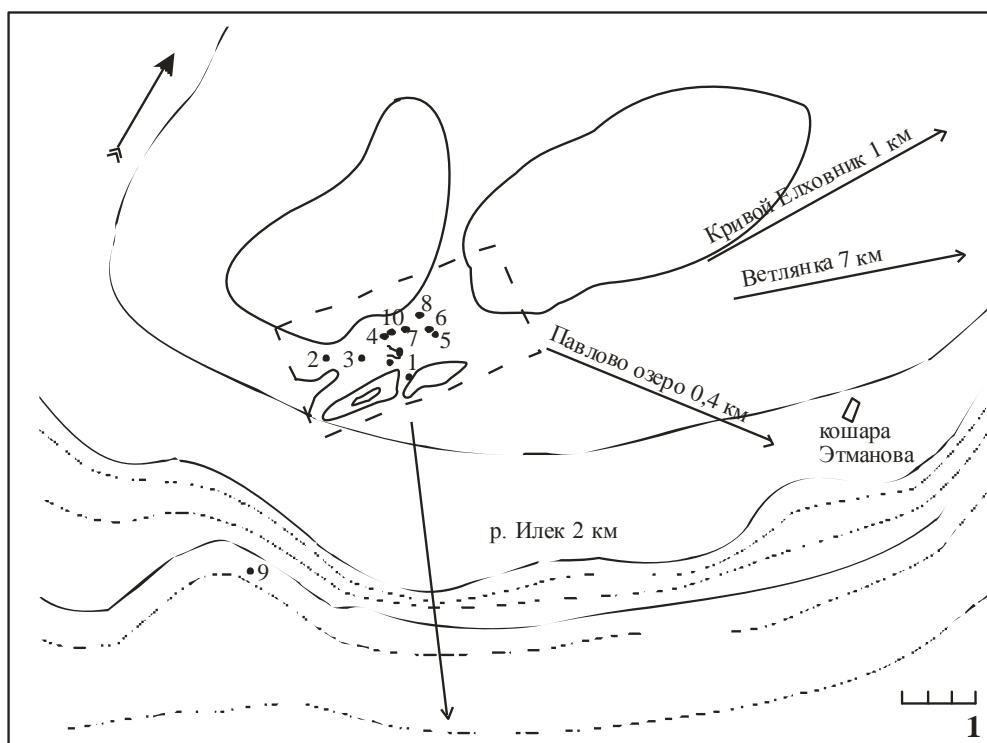

Рис. 14: 26-30. Октябрьское-1. 26 – погр 9 (1 – нож, 2 – железный предмет, 3 - оселок); 27 – каменный оселок; 28 – железный кинжал; 29 – погр. 10 (1 – кости овцы, 2 – сосуд); 30 – глиняный сосуд из погр. 10

----- граница памятника Кривой Елховник (МаксUTOва землянка)

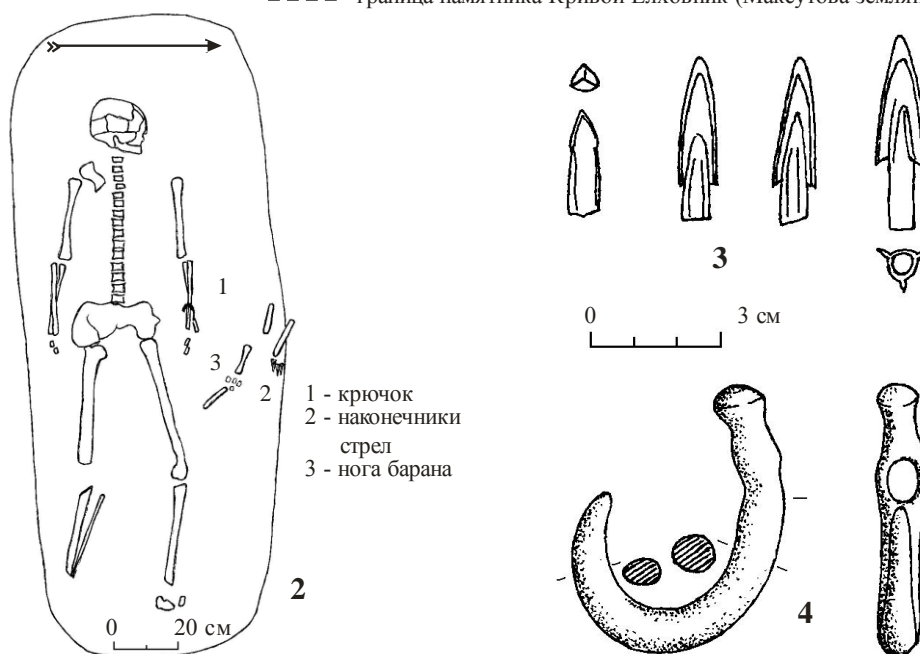
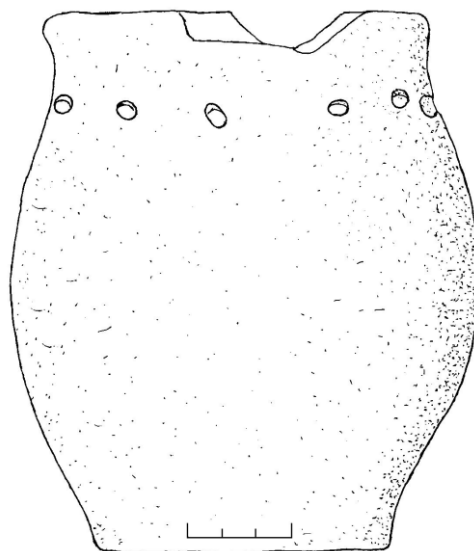

Рис. 15: 1-4. МаксUTOва землянка. 1 – схема могильника Казачий кордон; 2 – погр. 8; 3 – наконечники стрел; 4 – колчаный крючок (3,4 – бронза)

1

2

Рис. 16: 1-2. Ветлянские пески. 1- космоснимок окрестностей Ветлянки; 2 - глиняный сосуд из погребения могильника Ветлянские пески

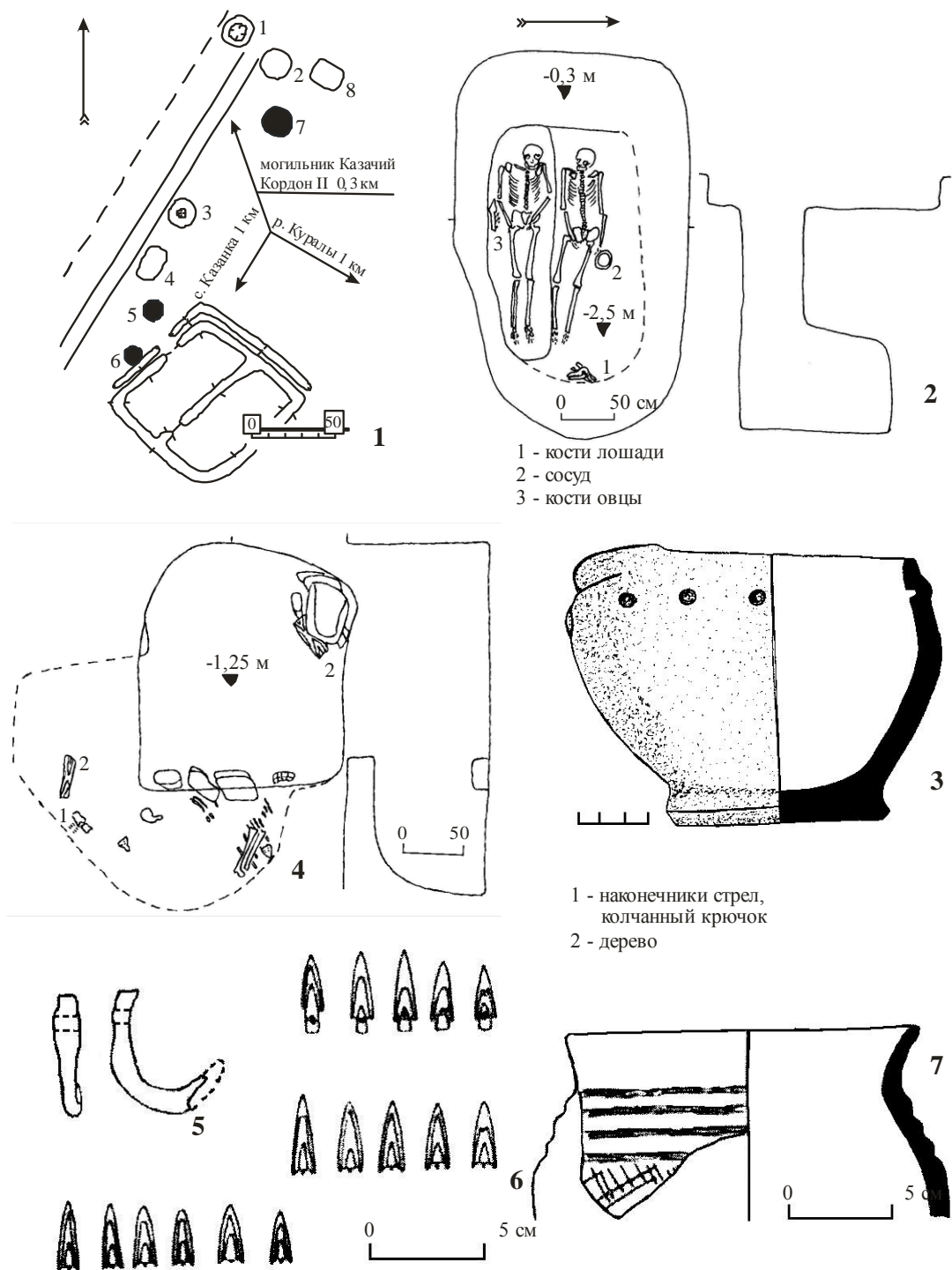

Рис. 17: 1- 7. Казачий кордон-1. 1 – план КМ; 2 – погр. 0 кургана 5 (1 – кости лошади, 2 – сосуд, 3 – кости овцы); 3 – глиняный сосуд; 4 – погр. 0 кургана 6; 5 – железный колчаный крючок; 6 – бронзовые наконечники стрел; 7 – глиняный сосуд (5-7 – погр. 0 кургана 6)

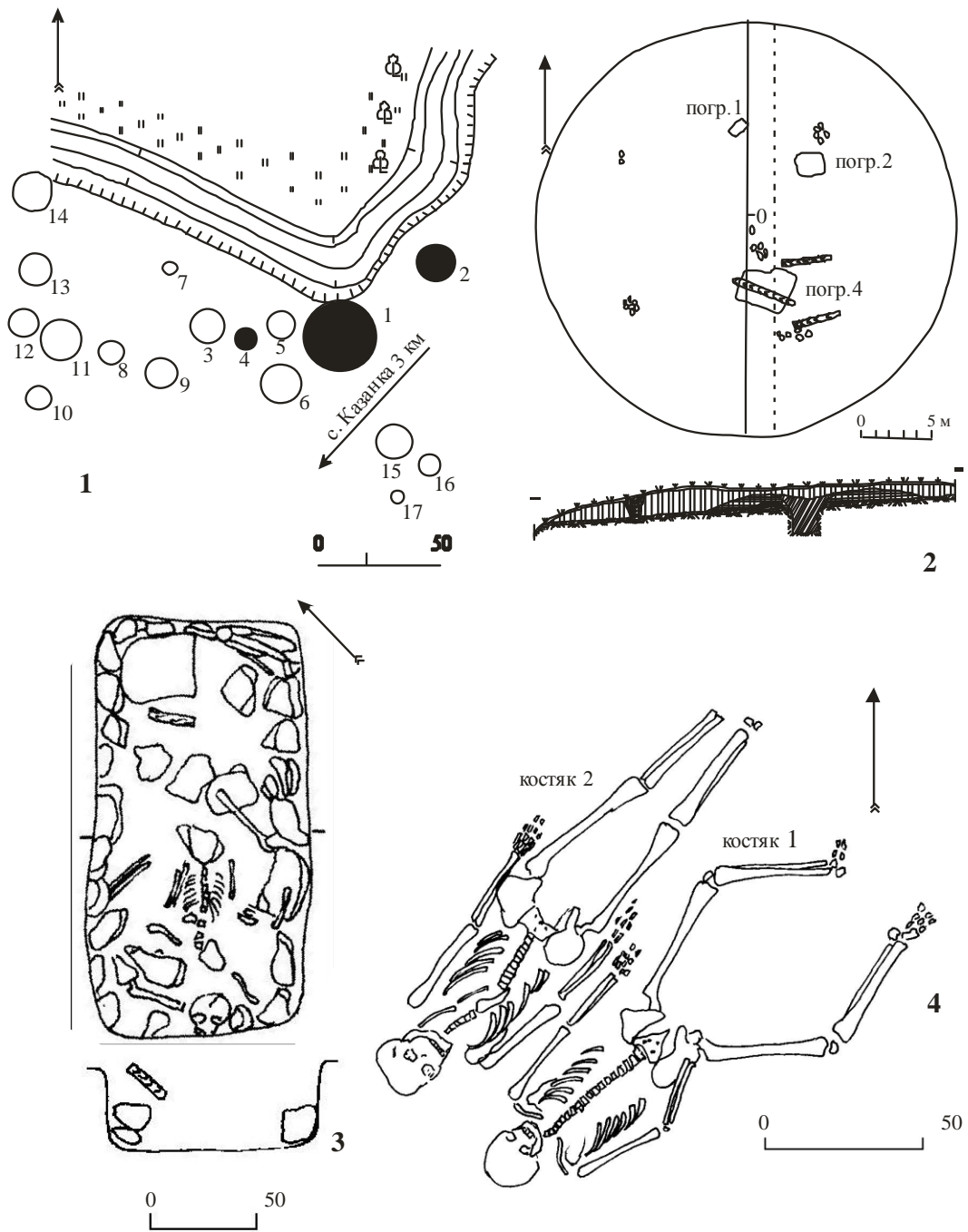

Рис. 18: 1- 4. Обилькин луг-1. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 1; 4 – погр. 2

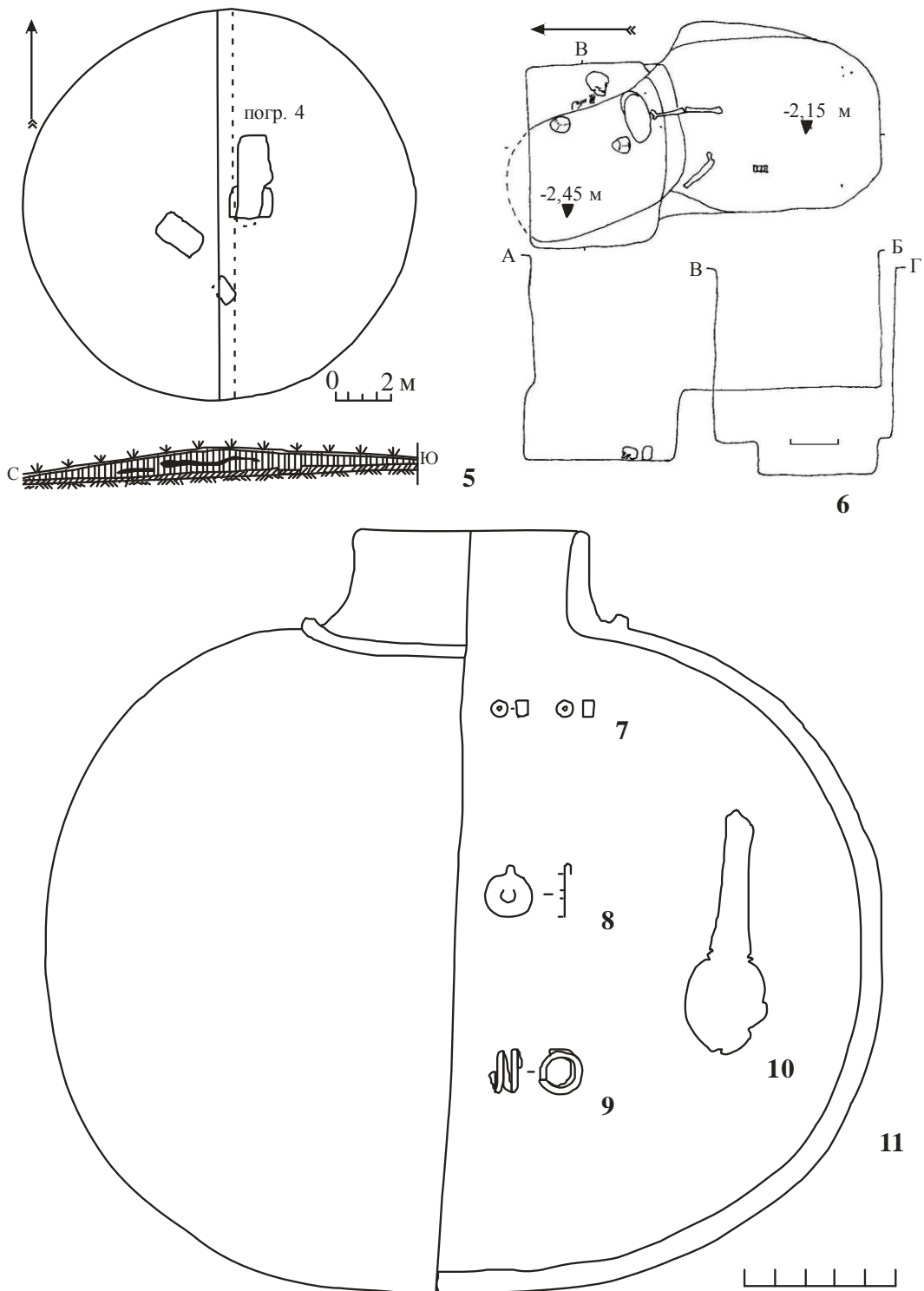
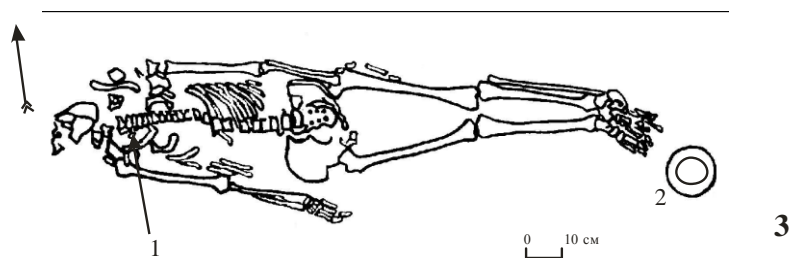
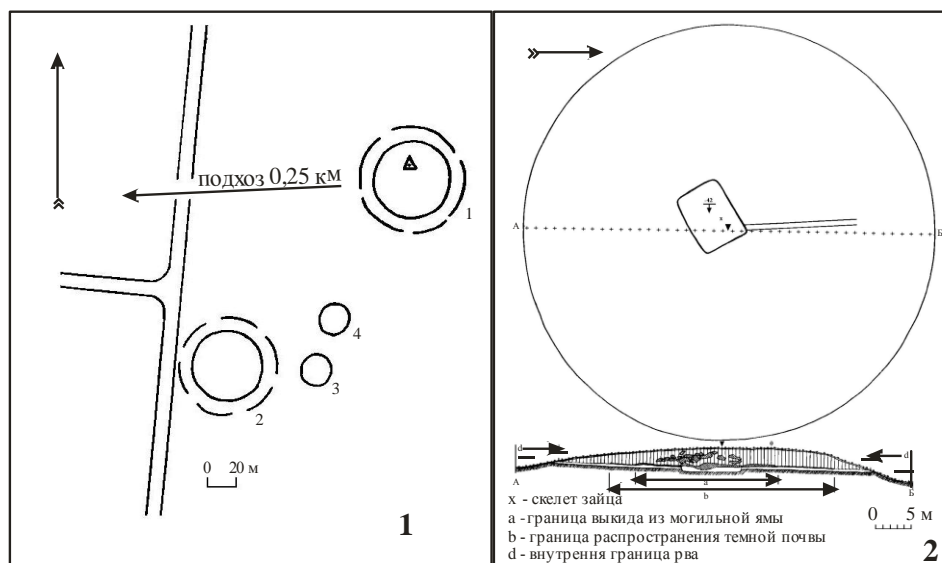

Рис. 18: 5-11. Обилькин луг-1. 5 – курган 2; 6 – погр. 4; 7 - пастовые бусы; 8 – золотой кулон; 9 - височная подвеска (бронза, золото); 10 – костяная ложечка; 11 – глиняный сосуд 2

1 - кусочек железа, 2 - глиняный сосуд

Рис. 19: 1- 3. Кушум-1. 1 – план КМ; 2 – курган 2; 3 – погр.1 кургана 3

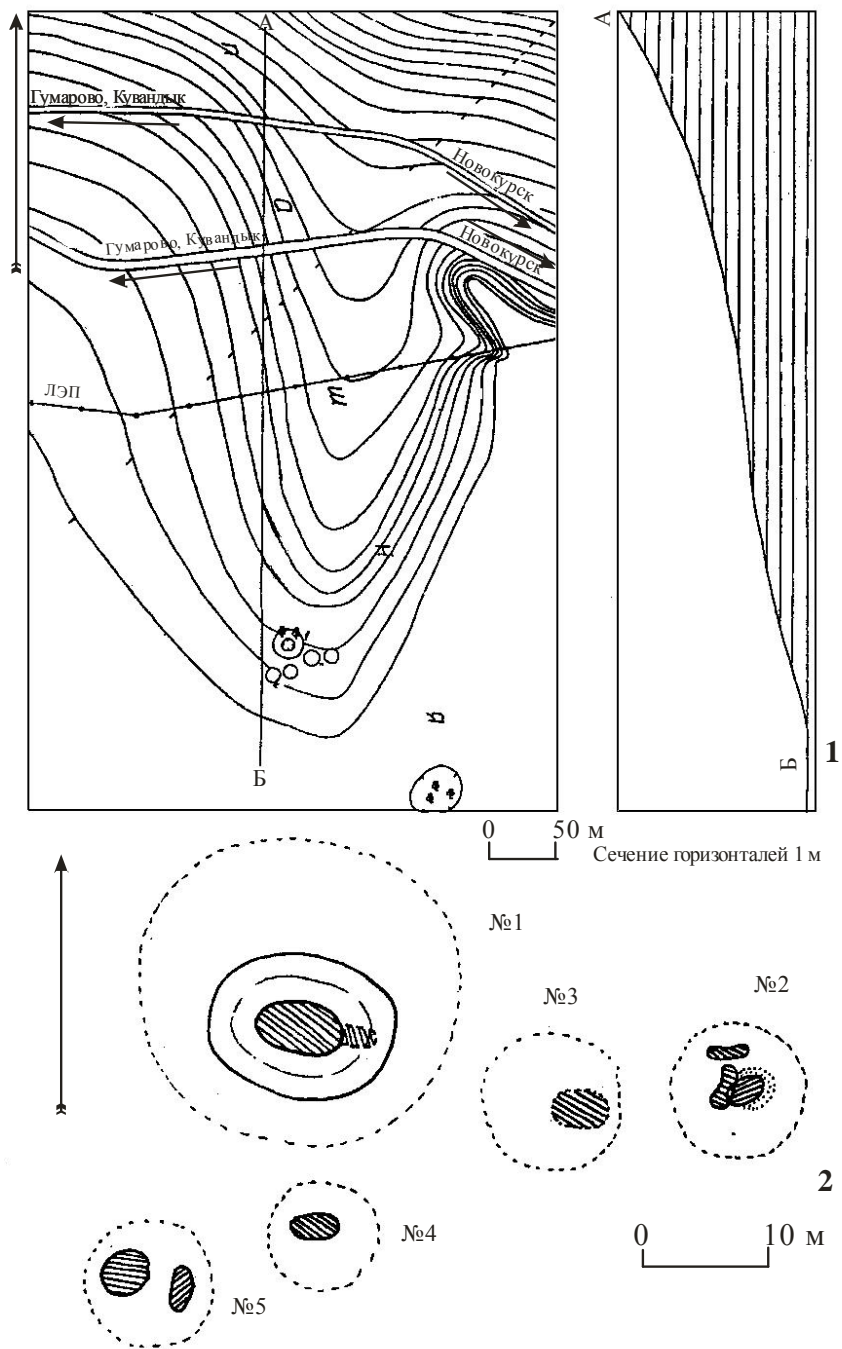

Рис. 20: 1-2. Гумарово. 1 – топоплан КМ; 2 – схема КМ

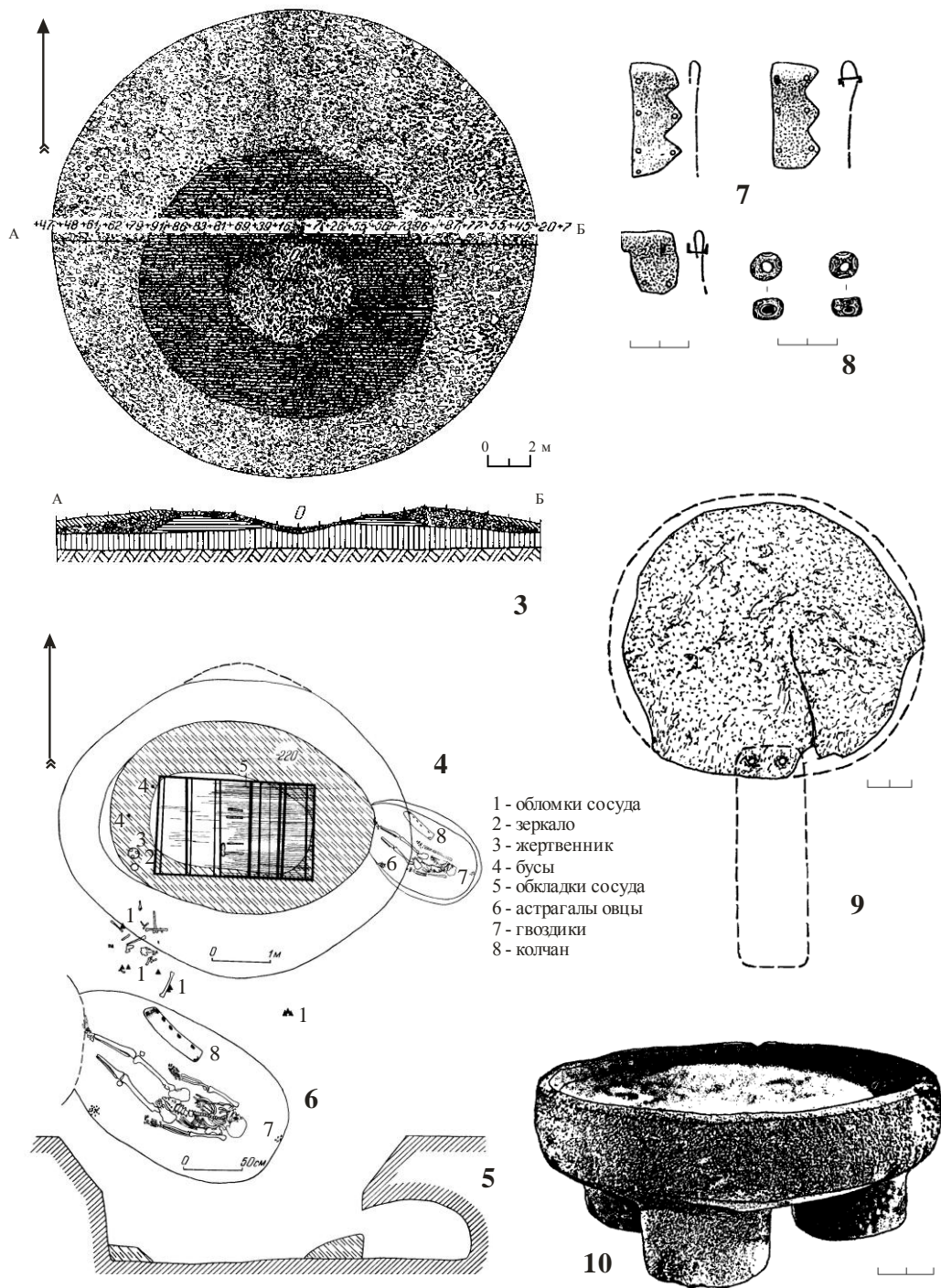

Рис. 20: 3-10. Гумарово. Курган 1. 3 - план; 4,6 – погребения 1-3 (планы и разрезы); 5 – погр. 3; 7 – золотые обкладки; 8 – пастовые бусы; 9 – бронзовое зеркало; 10 – каменный алтарик

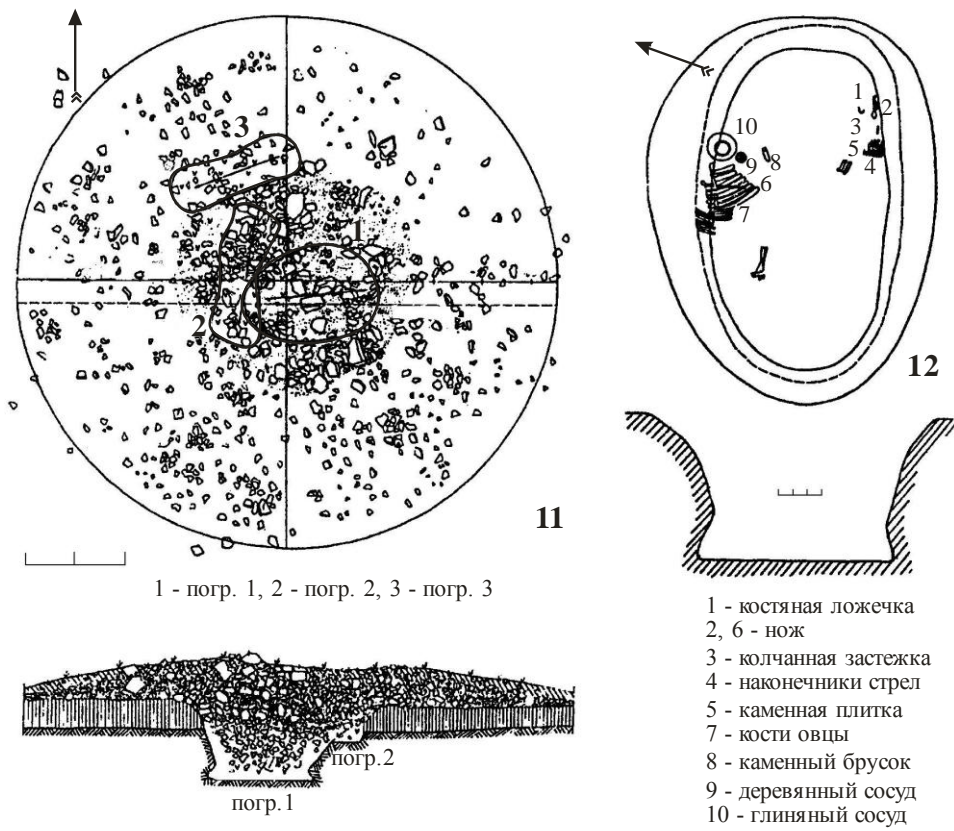

Рис. 20: 11-14. Гумарово. Курган 2. 11 – план; 12 – погр. 1; 13 – погр. 2; 14 – погр. 3

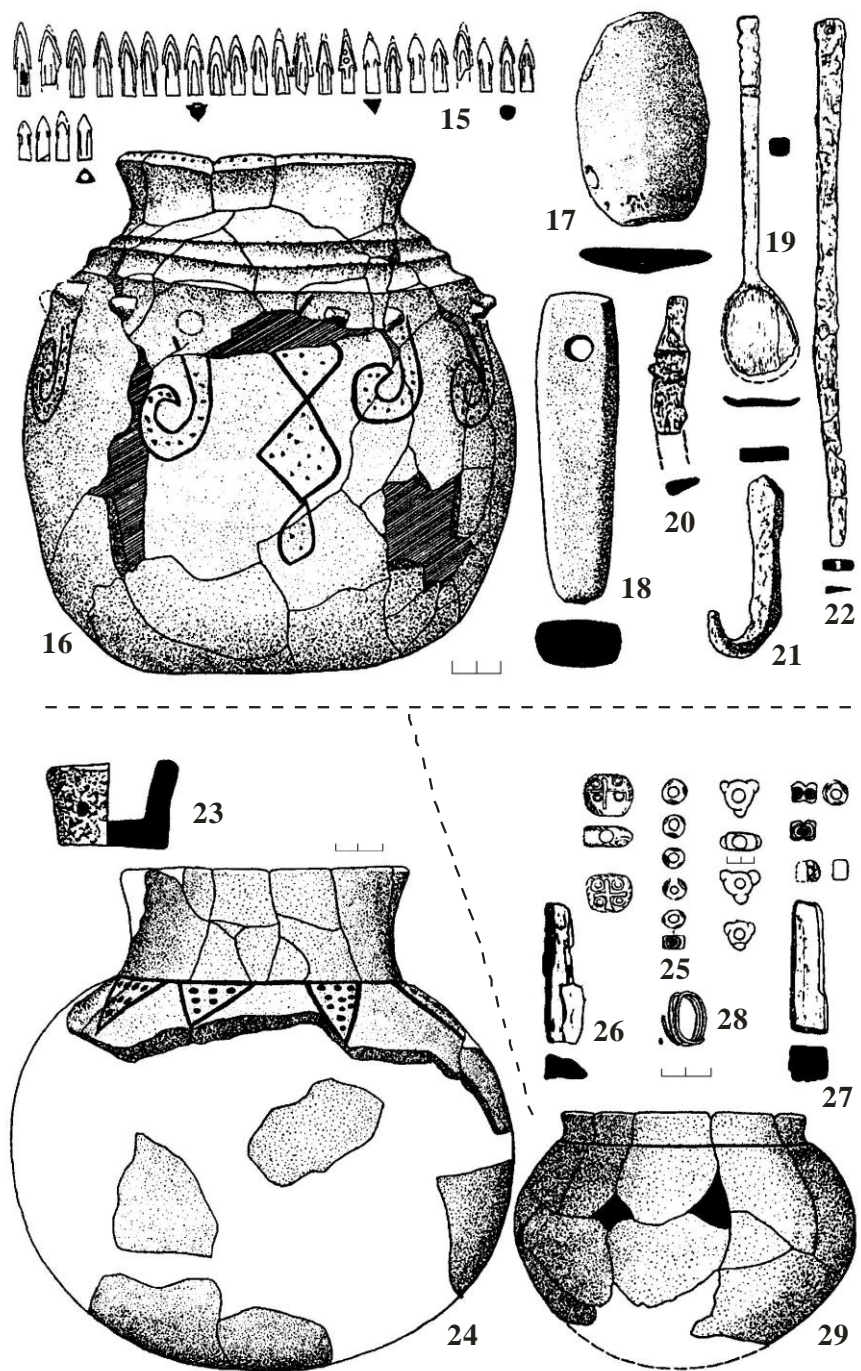

Рис. 20: 15-29. Гумарово. Курган 2. Вещи. 15 – наконечники стрел, 16,24,29 – сосуды, 17 – плитка, 18 – оселок, 19 – ложка, 20,22 – ножи, 21 – колчаный крючок, 23 – курильница, 25 – бусы, 26,27 – брусочки, 28 – височная подвеска (15-22 – погр. 1; 23,24,29 – погр. 2; 25-28 – погр. 3) (15 – бронза, 16,23,24,29 – керамика, 17,18,26,27 – камень, 19 – кость, 20-22 – железо, 25 – паста, 28 – серебро)

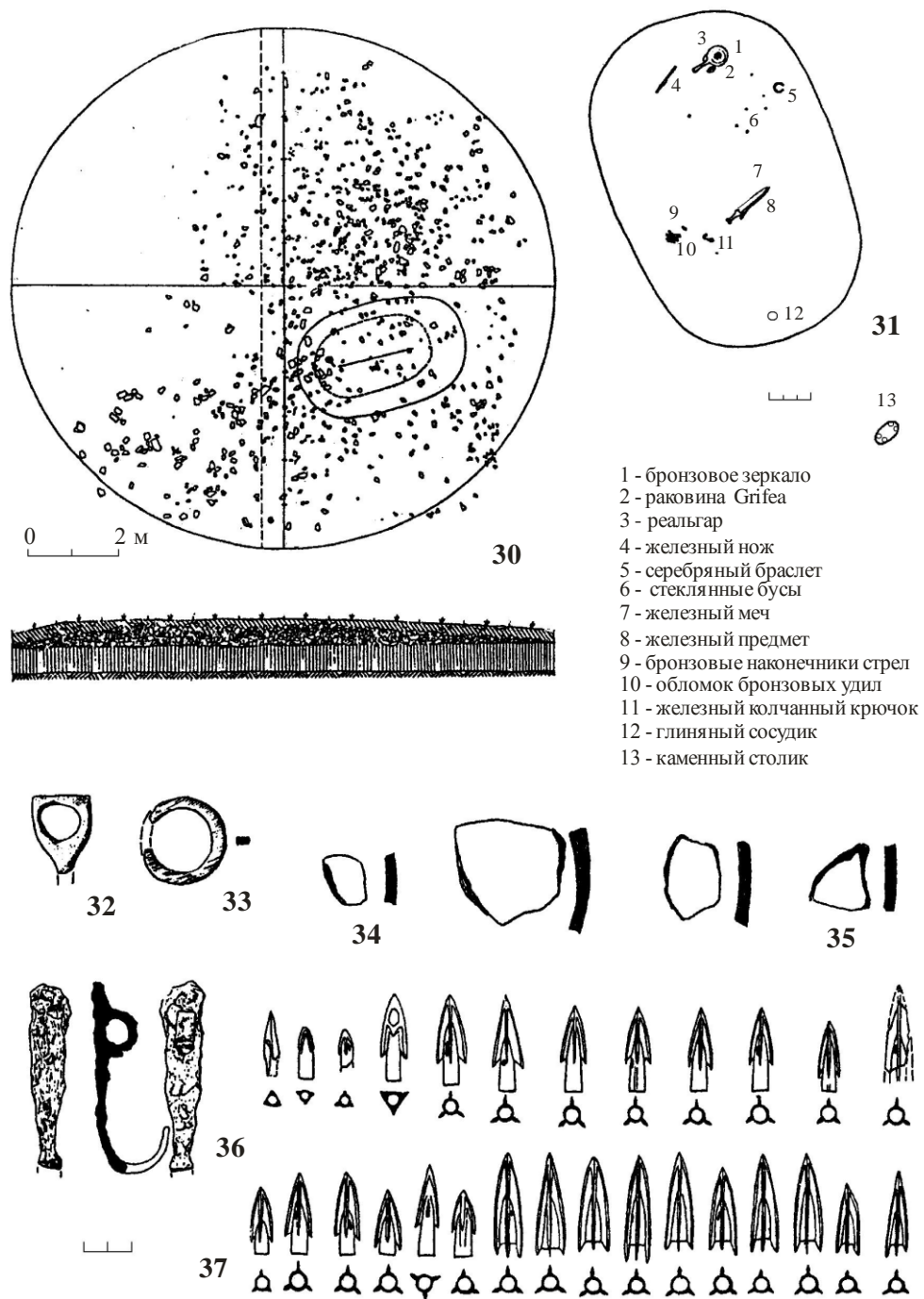

Рис. 20: 30-37. Гумарово. Курган 3. 30 – план; 31 – погр. 0; 32 – обломок удил; 33 – кольцо; 34-35 – обломки сосудов; 36 – колчанный крючок; 37 – наконечники стрел (32,37 – бронза, 33,36 – железо, 34,35 – керамика)

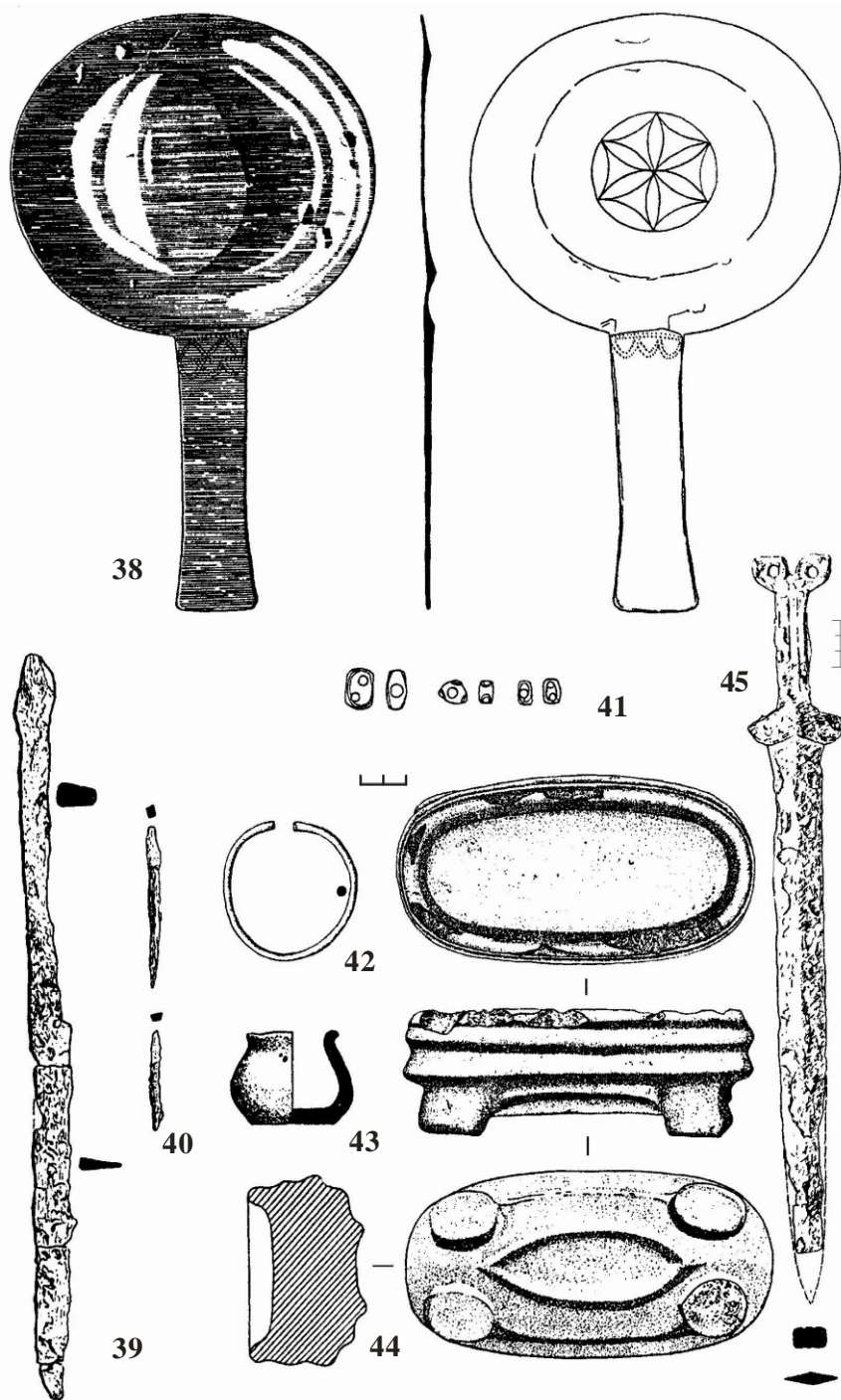

Рис. 20: 38-45. Гумарово. Курган 3. Погр. 0. 38 – зеркало; 39 – нож; 40 – шилья; 41 – бусы; 42 – браслет; 43 – курительница; 44 – алтарь; 45 – меч (38, 42 – бронза, 39, 40, 45 – железо, 41 – паста, 43 – керамика, 44 – камень)

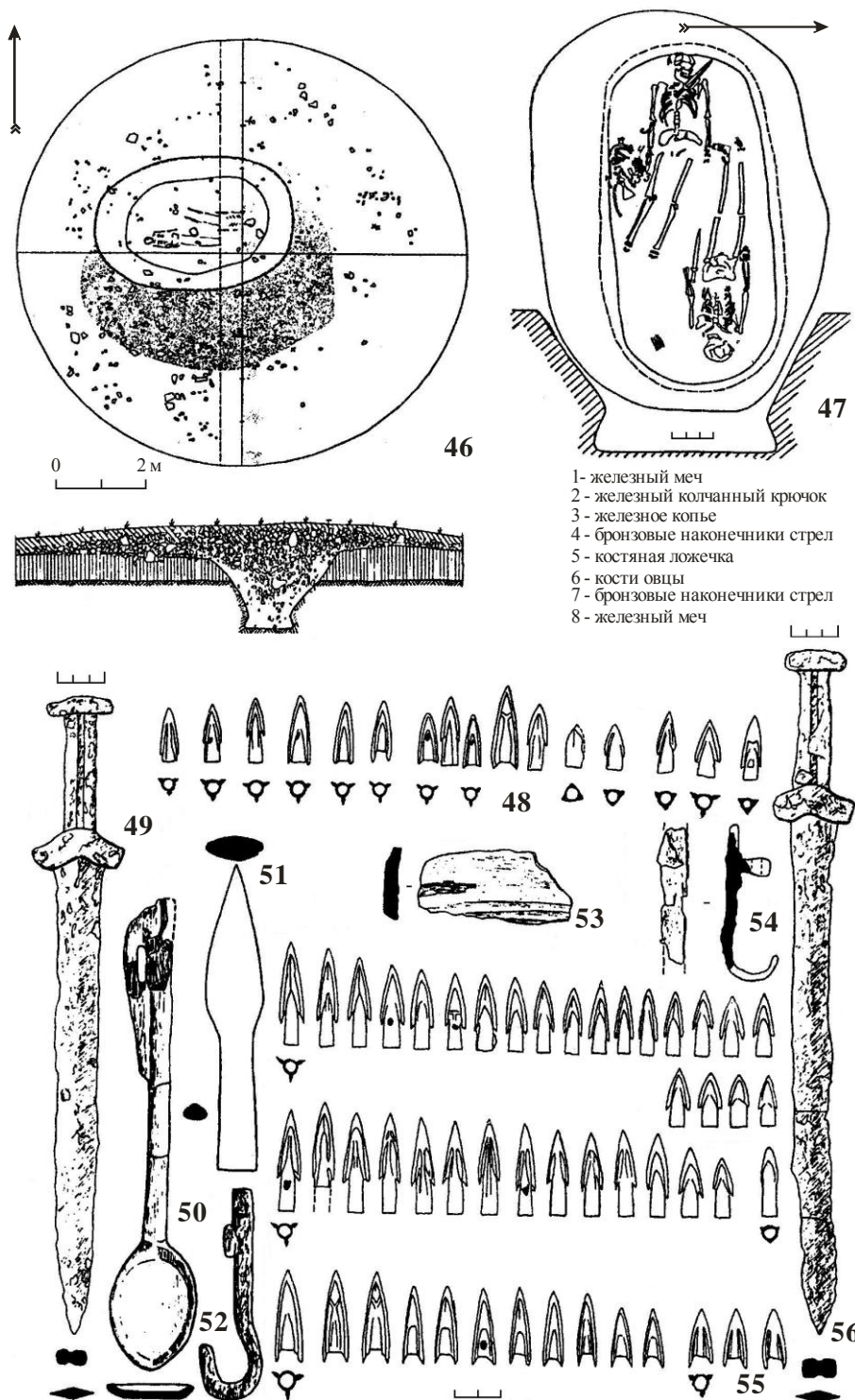

Рис. 20: 46-56. Гумарово. Курган 4. 46 – план; 47 – погр. 0; 48,55 – наконечники стрел; 49,56 – мечи; 50 – ложечка; 51 – наконечник копья; 52,54 – колчаные крючки; 53 – плитка (48,55 – бронза, 49,51,52,54,56 – железо, 50 – кость, 53 – камень)

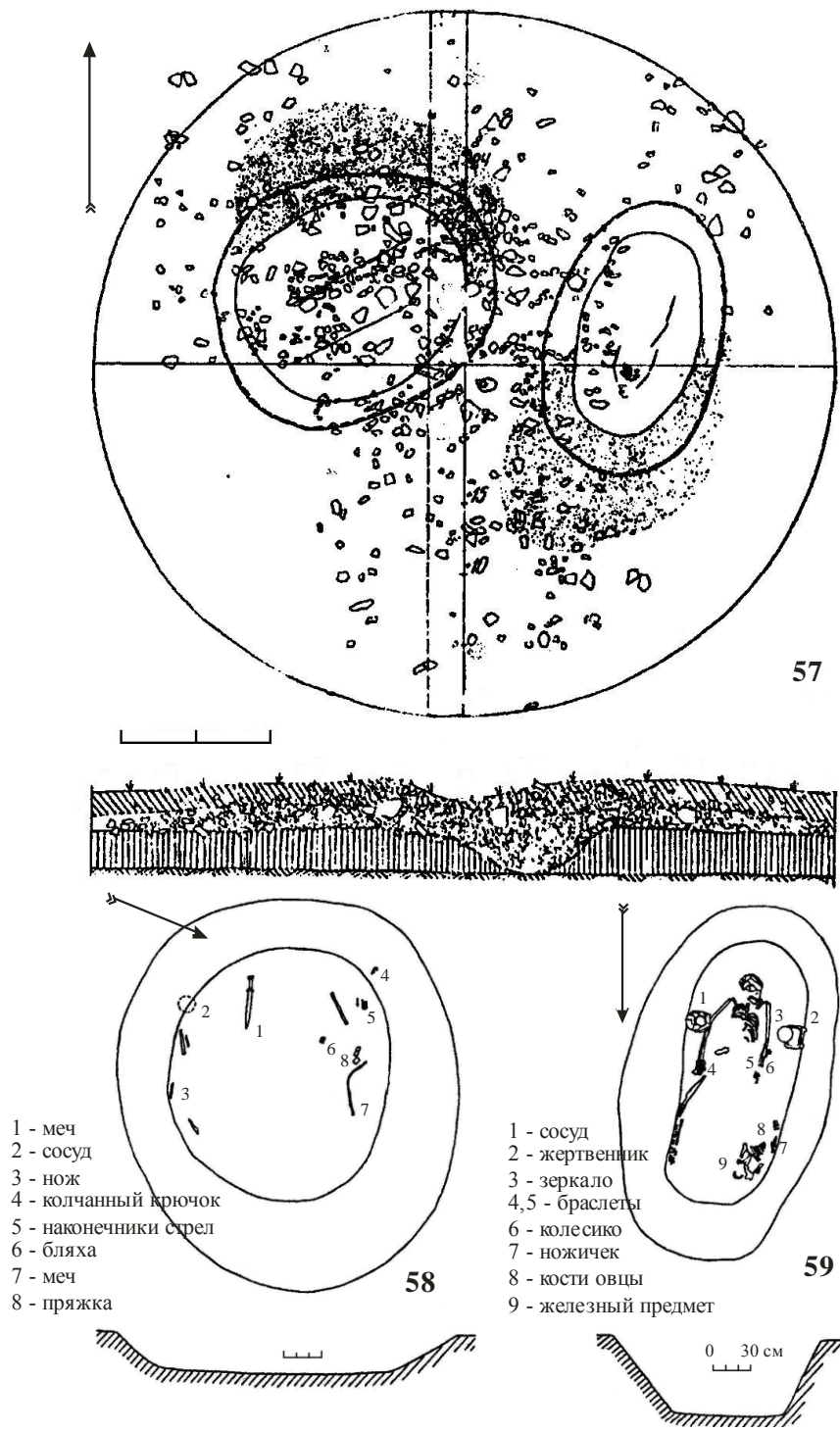

Рис. 20: 57-59. Гумарово. Курган 5. 57 – план; 58 – погр. 1; 59 – погр. 2

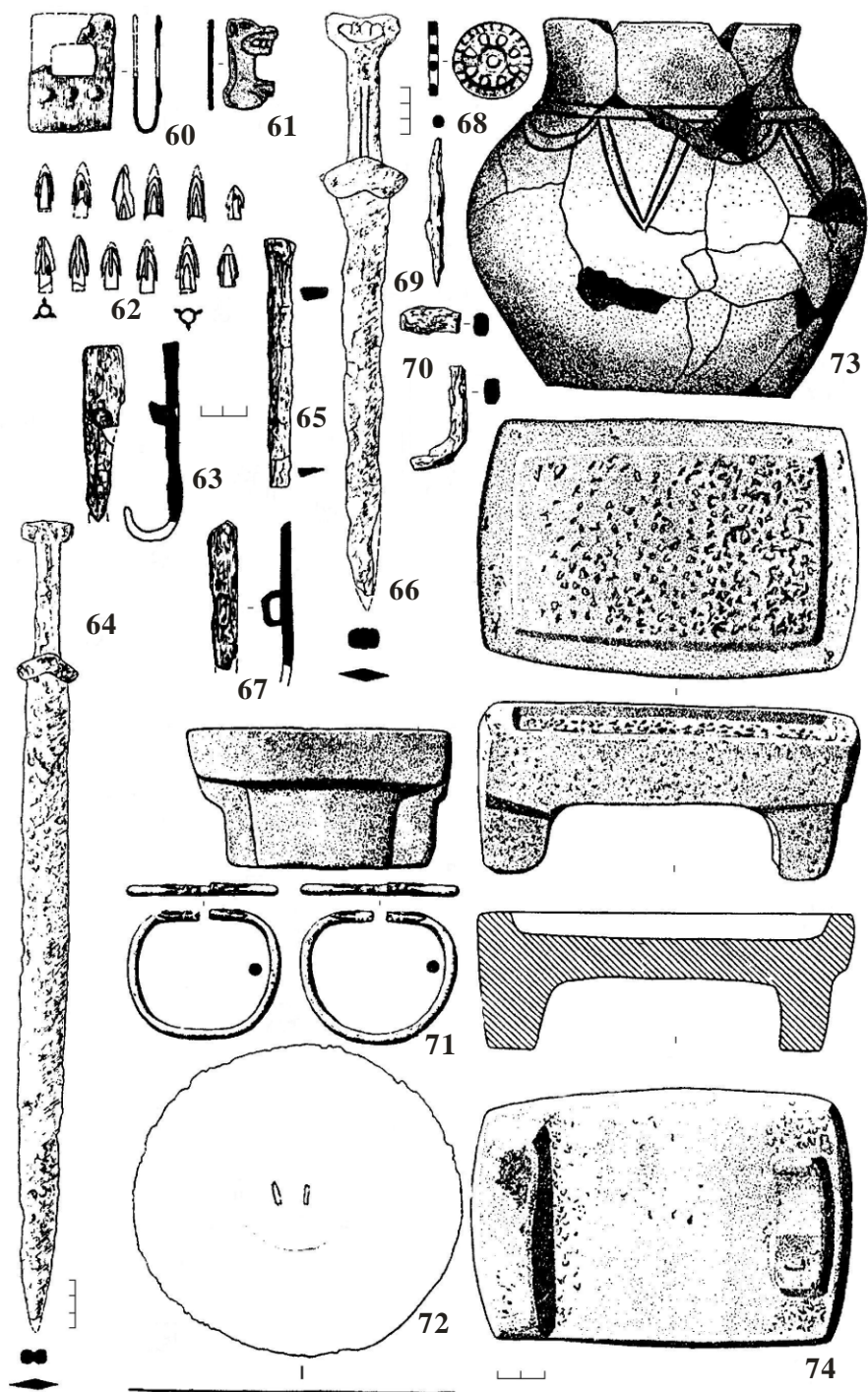

Рис. 20: 60-74. Гумарово. Курган 5. 60 – пряжка; 61- бляшка; 62 – наконечники стрел; 63,67 – колчаные крючки; 64,66 – меч; 65 – нож; 68 – колёсико; 69 – шило; 70 – предмет; 71 – браслеты; 72 – зеркало; 73 – сосуд; 74 – алтарь (60,61,63-67,69,70 – железо, 62,68,71,72 – бронза, 73 – керамика, 74 – камень) (60-73 – погр. 1; 70-74 – погр. 2)

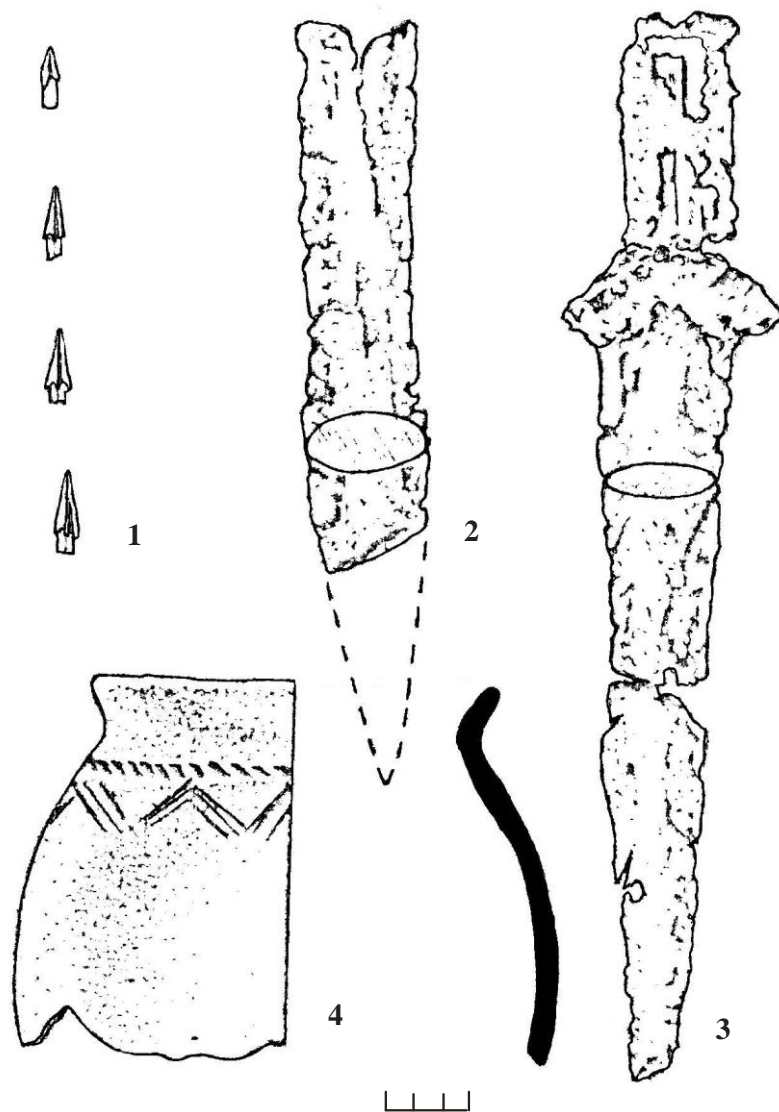

Рис. 21: 1- 4. Ибрагимово. Курган 0, погр. 1. 1 – бронзовые наконечники стрел; 2 и 3 – железные копье и меч; 4 – глиняный сосуд

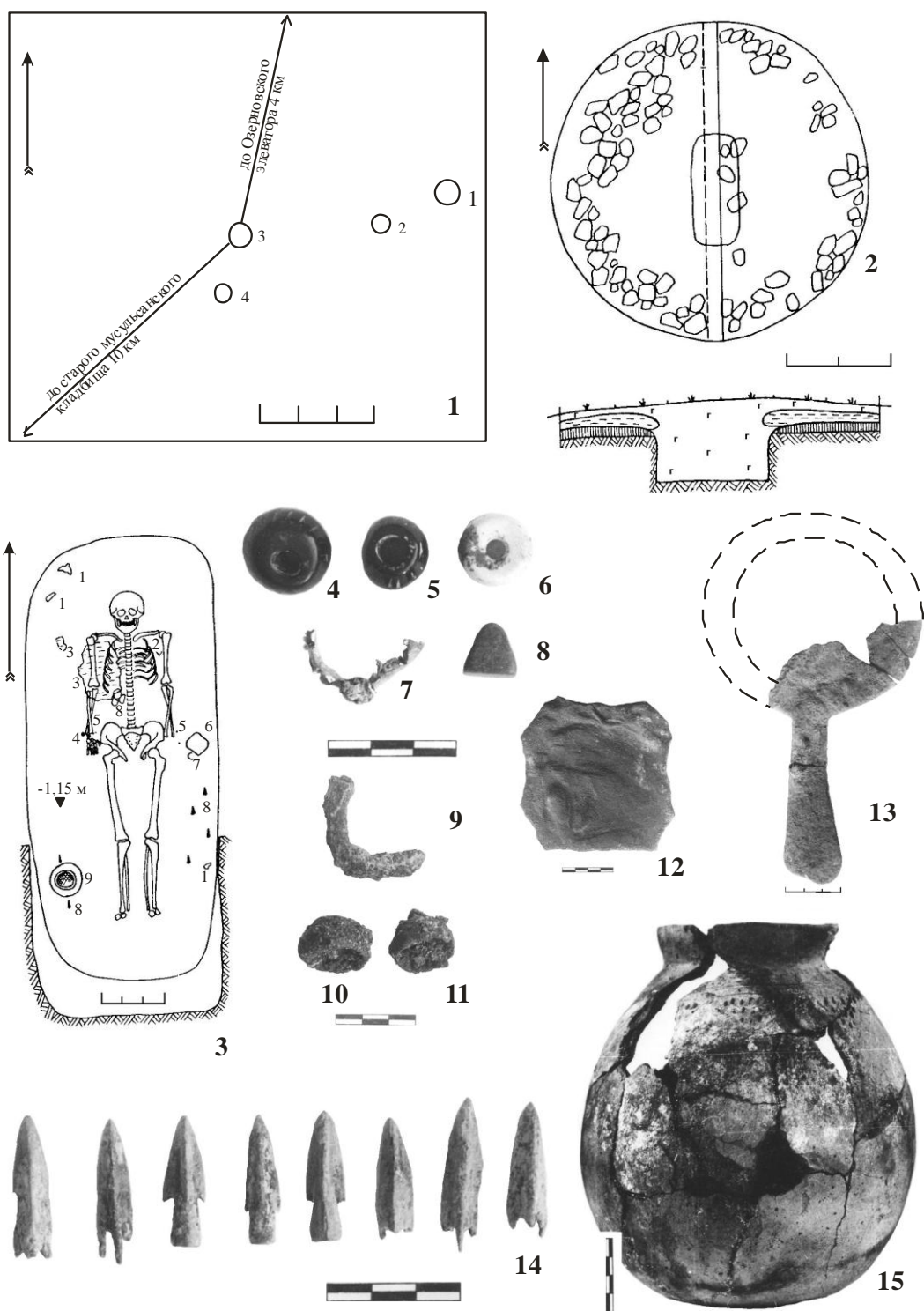

Рис. 22: 1-15. Озёрное (Жетыколь). 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 0 (1 – обломки зеркала, 2 – подвеска, 3 – куски бересты, 4 – браслеты из бус, 5 – бубенчики, 6 – плитка, 7 – колчаный крючок, 8 – наконечники стрел, 9 – сосуд); 4 – браслеты из бус; 5 – бубенчики; 6 – косметическая плитка; 7 – колчаный крючок; 8 – наконечники стрел; 9 – сосуд (4 – паста, камень, 5,6,7 – железо, 6 – камень, 9 – бронза)

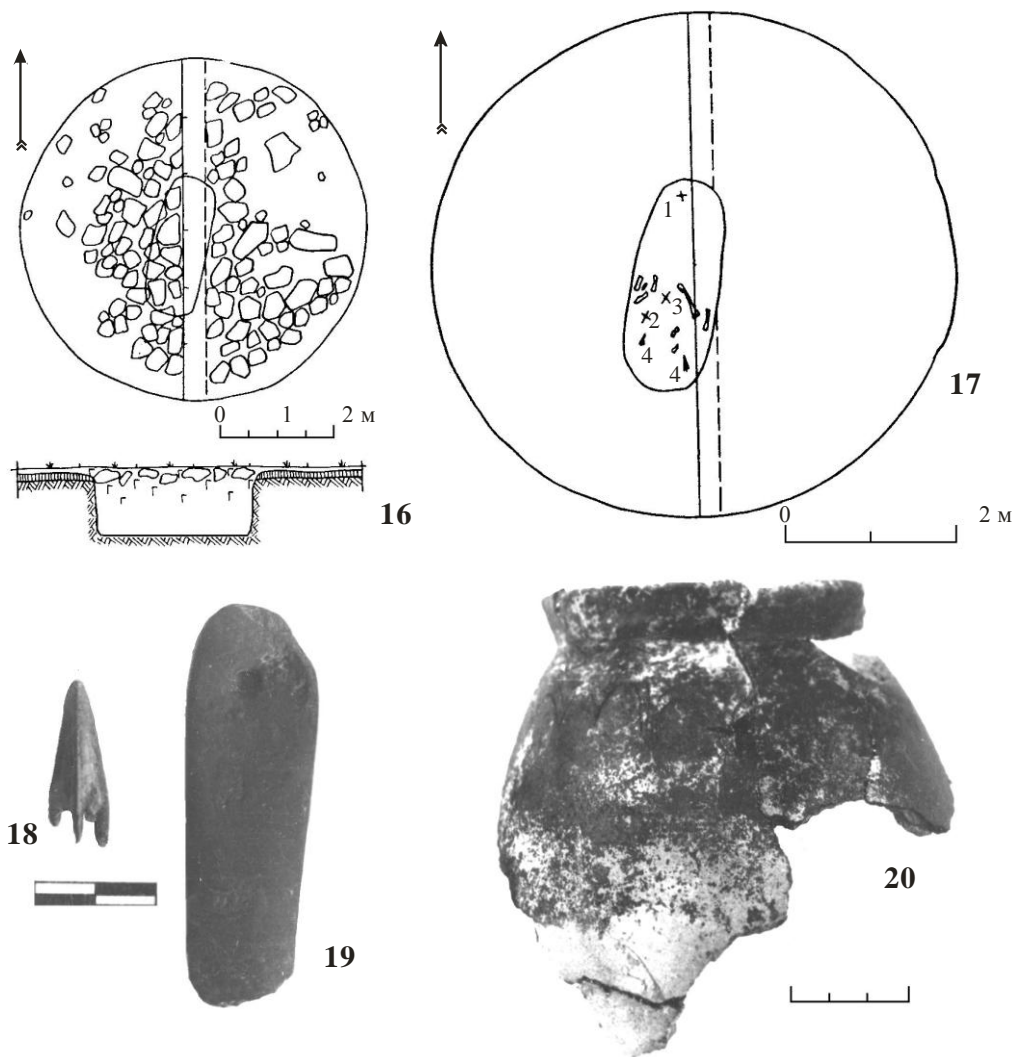

Рис. 22: 16-20. Озёрное (Жетыколь). 16,17 – курган 2; 18 – наконечник стрелы; 19 – оселок; 20 – сосуд (18 – бронза, 19 – камень, 20 – керамика)

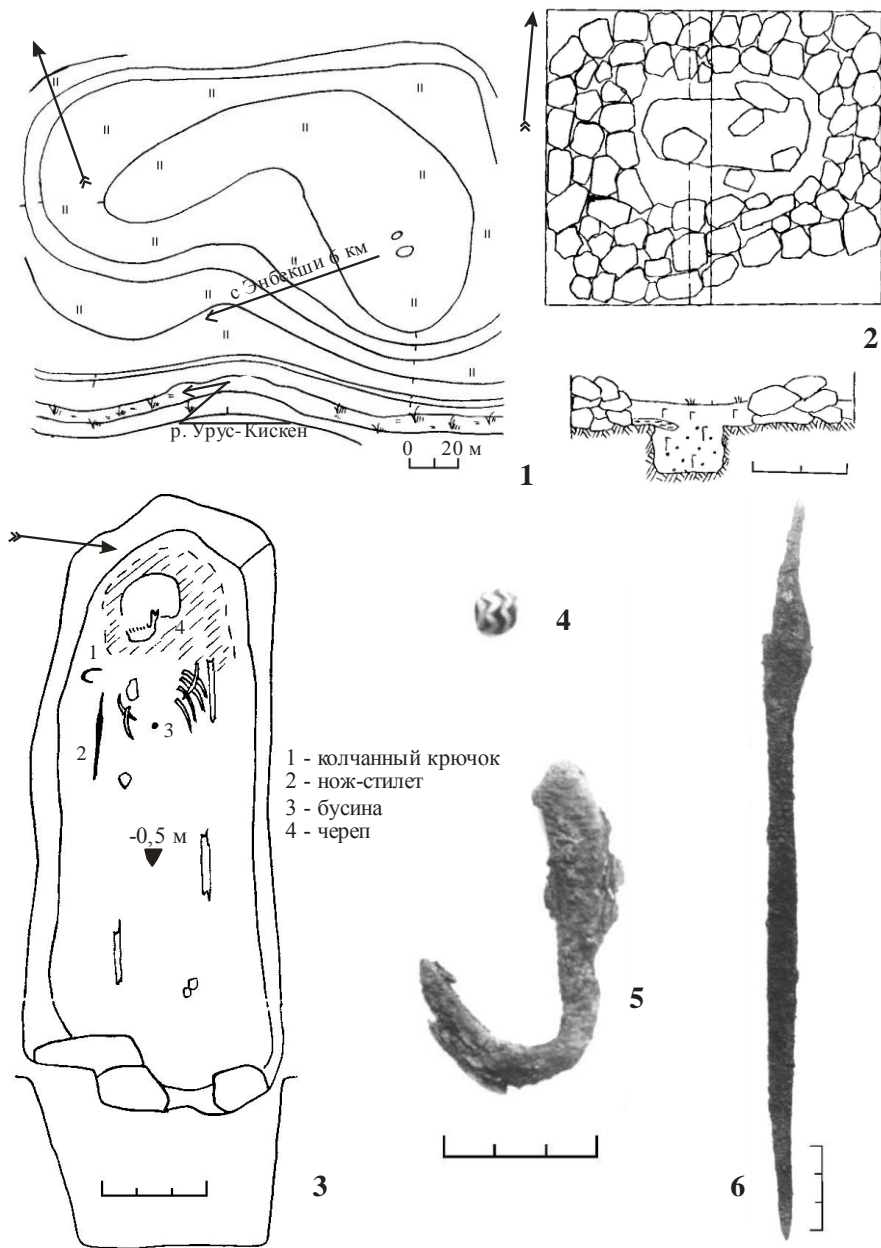

Рис. 23: 1- 6. Урус-Кискен-2. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 0 (1 – колчанный крючок, 2 – нож-стиллет, 3 – бусина); 4 – бусина; 5 – колчанный крючок; 6 – нож-стиллет (4 – паста, 5,6 – железо)

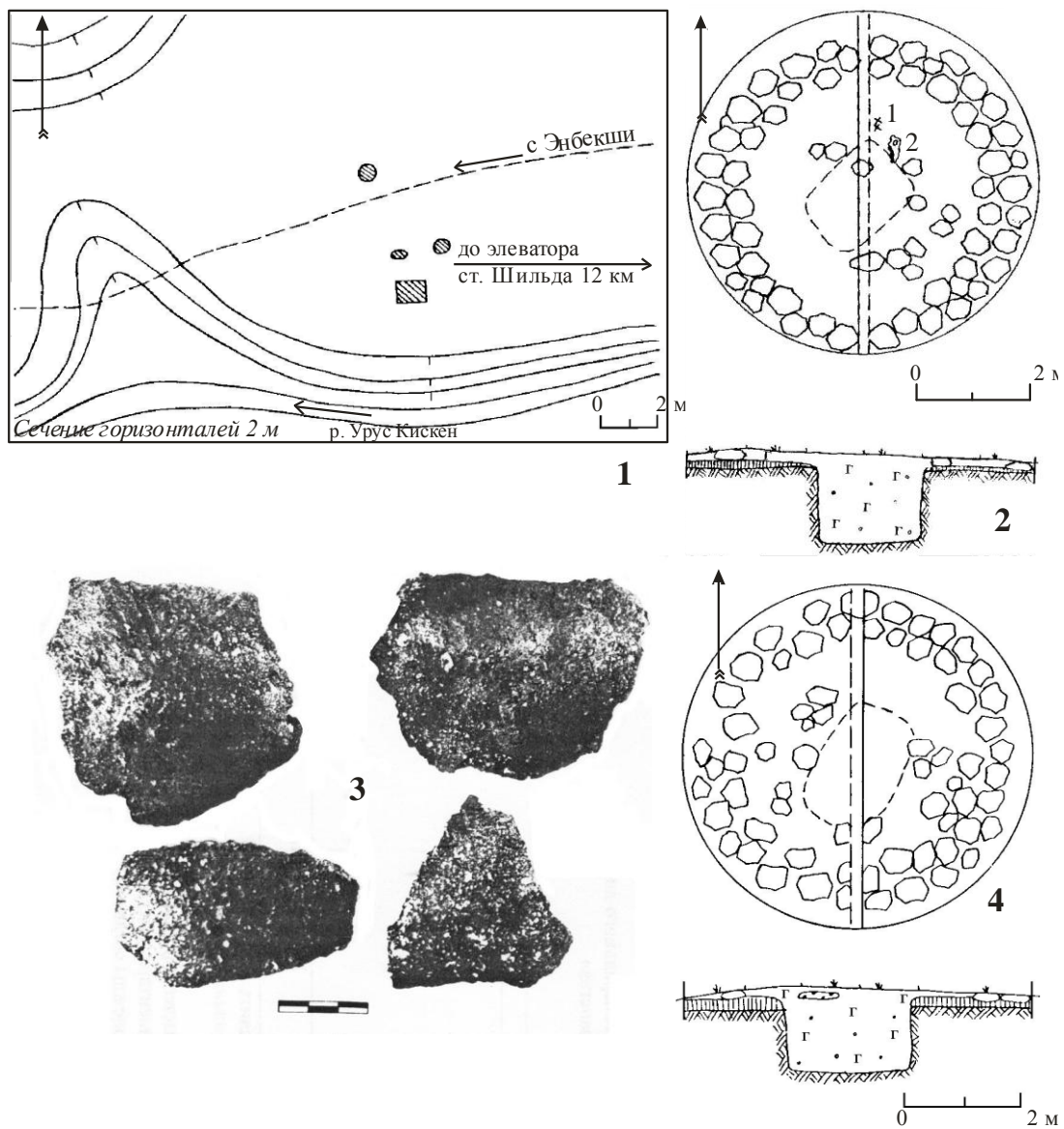

Рис. 24: 1- 4. Урус-Кискен-3. 1 - план КМ; 2 – курган 1; 3 – обломки глиняного сосуда; 4 – курган 2

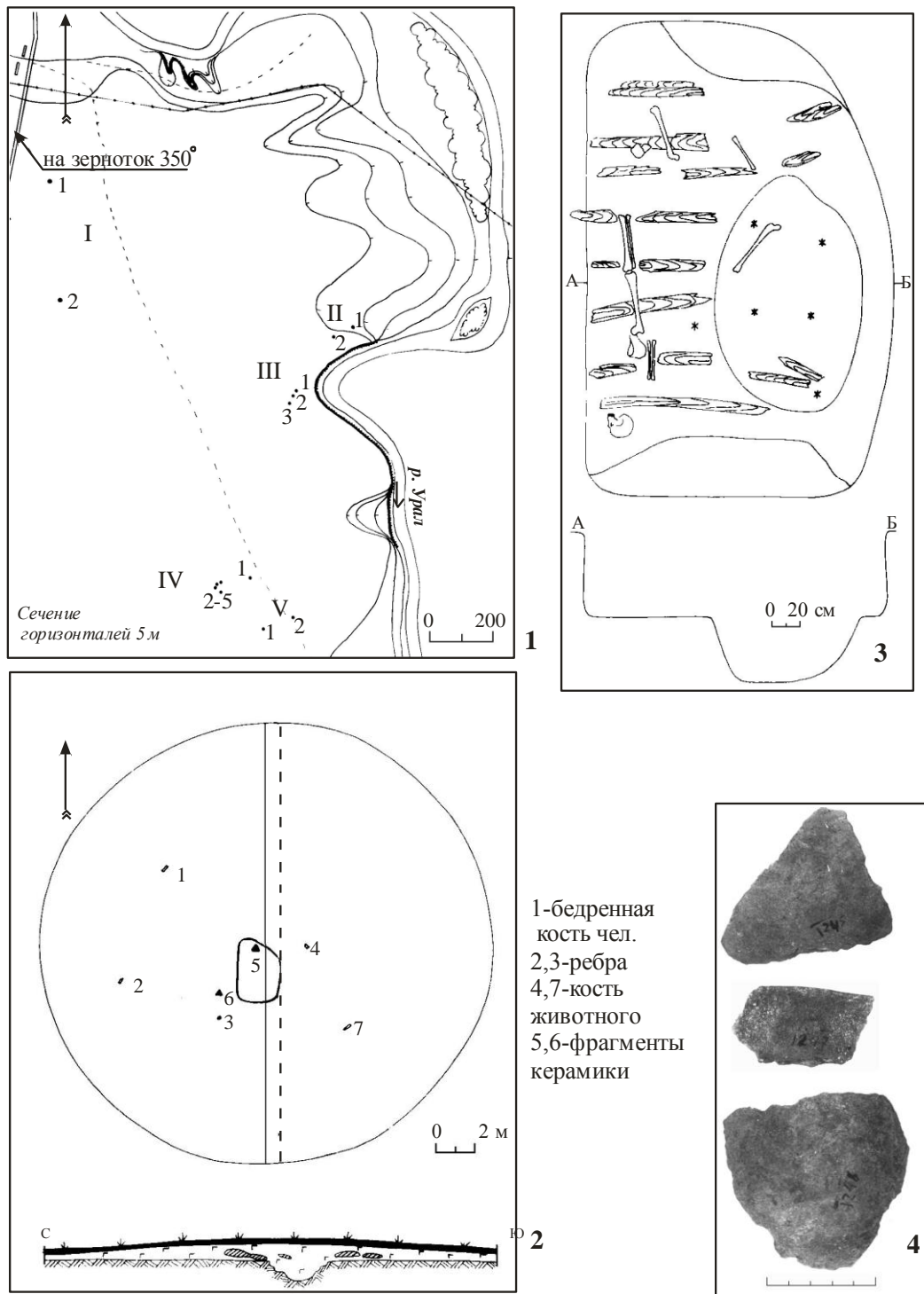

Рис. 25: 1-4. Берёзовка-2. 1 – план КМ; 2 – курган 0; 3 – погр. 0; 4 – обломки глиняного сосуда

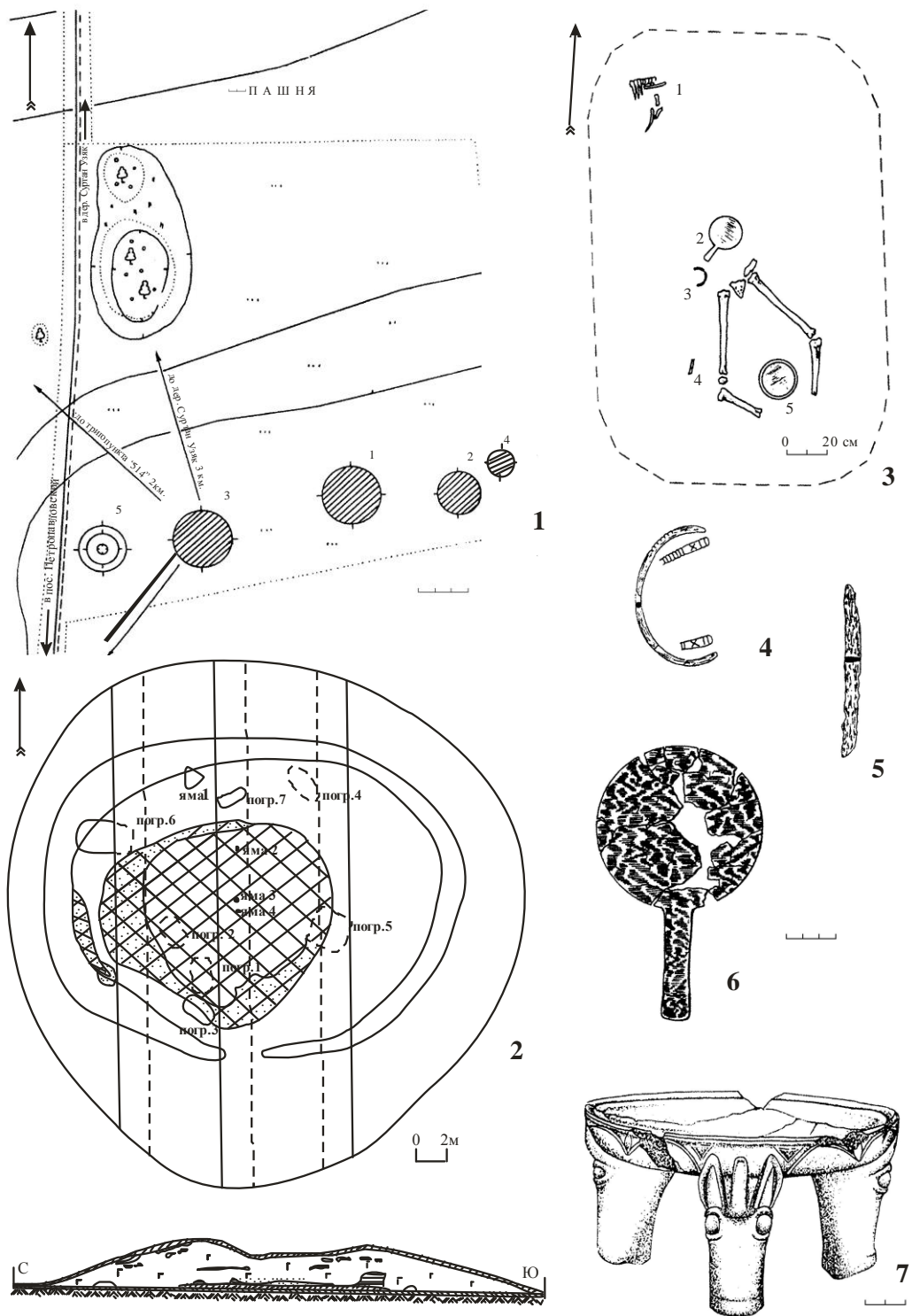

Рис. 26: 1-7. Биш-Уба-1. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – погр. 1 кургана 1 (1 – рёбра и лопатка овцы, 2 – зеркало, 3 – браслет, 4 – нож, 5 – алтарь); 4 – браслет; 5 – нож; 6 – зеркало; 7 – алтарь (4,6 – бронза, 5 – железо, 7 – камень)

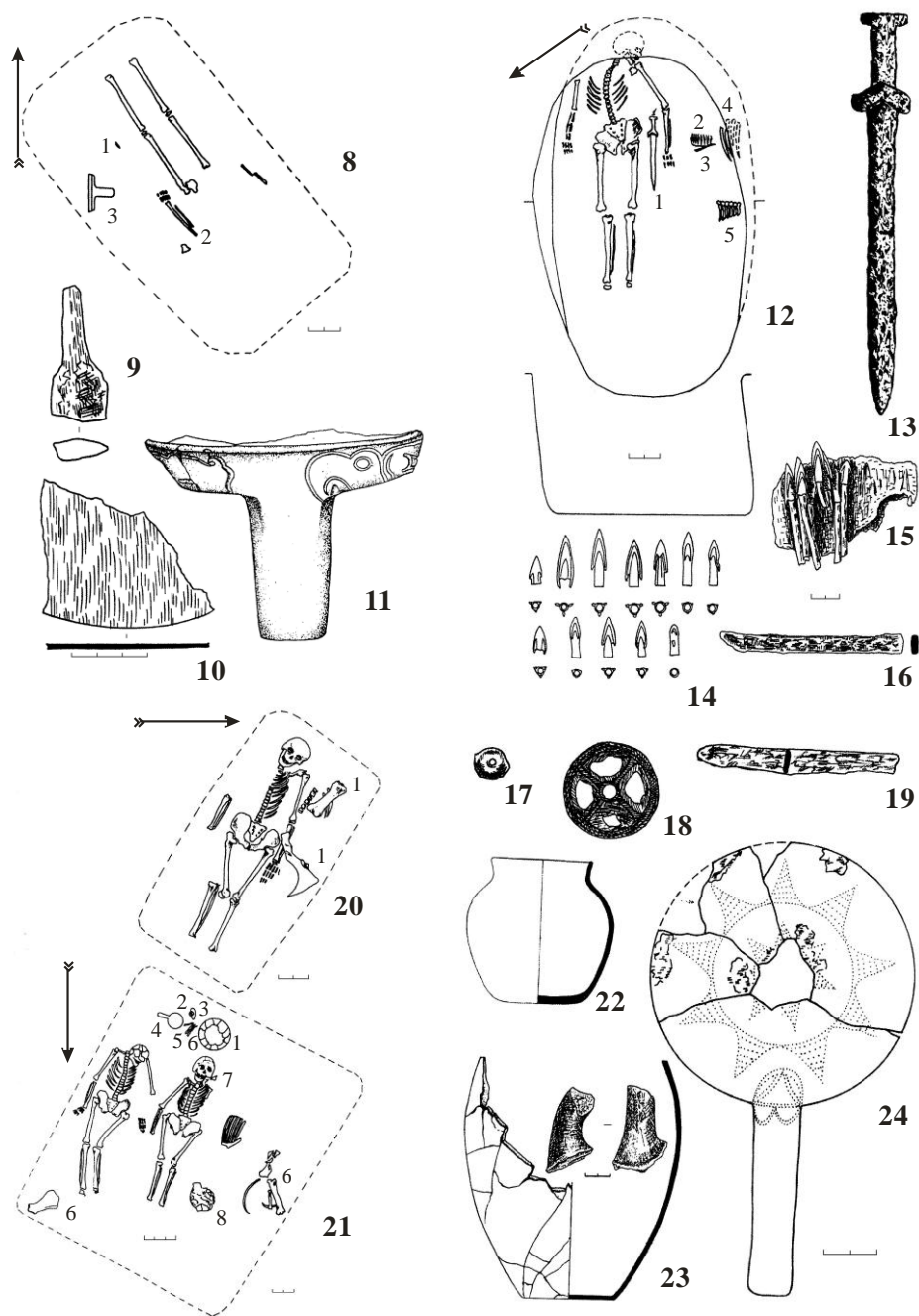

Рис. 26: 8-24. Биш-Уба-1. Курган 1. 8 – погр. 2 (1 – обломок ножа, 2 – обломок зеркала, 3 – обломок алтарика); 9 – обломок ножа; 10 – обломок зеркала; 11 – обломок алтарика); 12 – погр. 3 (1 – меч, 2 – колчан со стрелами, 3 – нож, 4,5 – кости животного); 13 – меч; 14 – наконечники стрел; 15 – остатки колчана со стрелами; 16 – нож; 17 – ворварка; 18 – колёсико; 19 – нож; 20 – погр. 4 (1 – кости животного); 21 – погр. 5 (1 – гончарный сосуд, 2 – колёсико, 3 – реальгар, 4 – зеркало, 5 – нож, 6 – кости животного, 7 – ворварка, 8 – лепной сосуд); 22 – лепной сосуд; 23 – гончарный сосуд; 24 – бронзовое зеркало (13,16,19 – железо, 14,15,18,24 – бронза; 15 – кожа; 17 – золото, 22,23 – керамика)

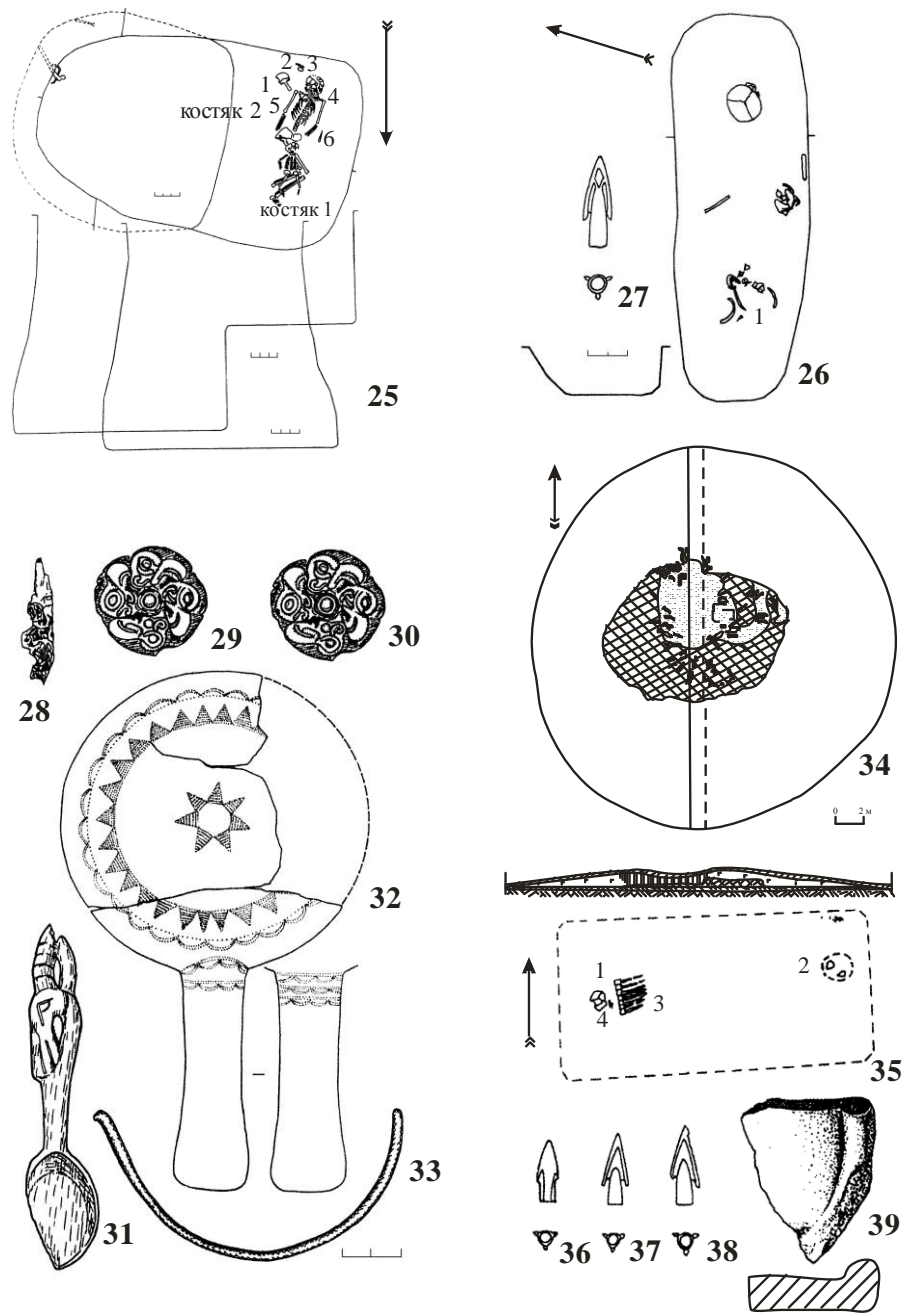

Рис. 26: 25-39. Биш-Уба-1. 25 – погр. 6 кургана 1 (1 - зеркало, 2 – ложечка, 3 – реальгар, 4 – бляшки, 5 – гривна, 6 - нож); 26 – погр. 7 кургана 1 (1 – наконечник стрелы); 27 – наконечник стрелы из погр. 7; 28 – нож; 29,30 – бляшки; 31 – ложечка; 32 – зеркало; 33 – гривна; 34 – курган 2; 35 – погр. 1 из кургана 2 (1 – обломки сосуда, 2 – череп, 3 – кости животного, 4 – наконечники стрел); 36-38 – наконечники стрел; 39 – обломок алтарика из грабительского лаза (27,32,36-38 – бронза, 28 – железо, 29,30,33 – золото, 31 – ложечка, 39 - камень)

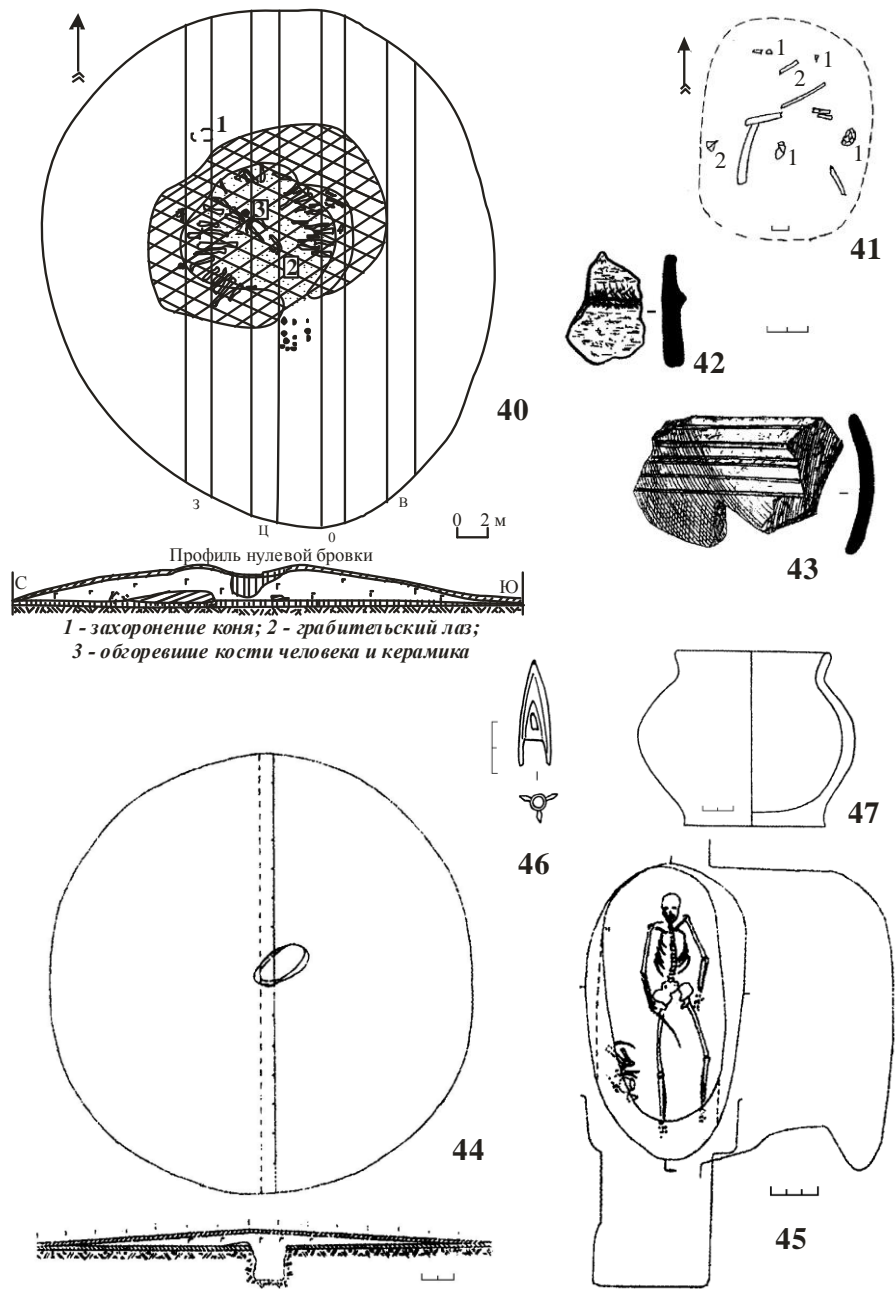

Рис. 26: 40-45. Биш-Уба-1. 40 – курган 3; 41 – погр. 0 кургана 3 (1 – керамика, 2 – кости овцы); 42, 43 – фрагменты керамики; 44 – курган 4; 45 – погр. 0 кургана 4 (1 – наконечники стрел, 2 – сосуд, 3 – кости овцы); 46 – бронзовый наконечник стрелы; 47 – лепной сосуд

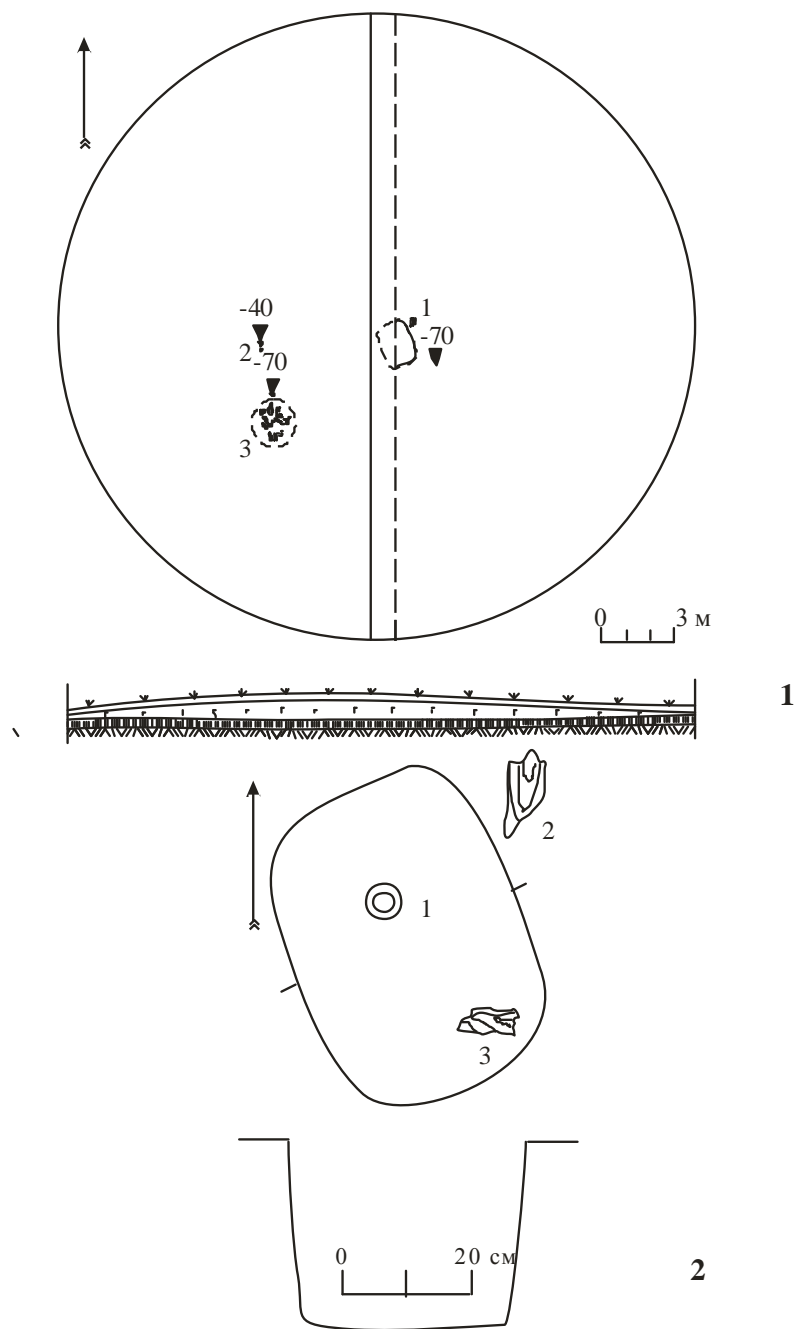
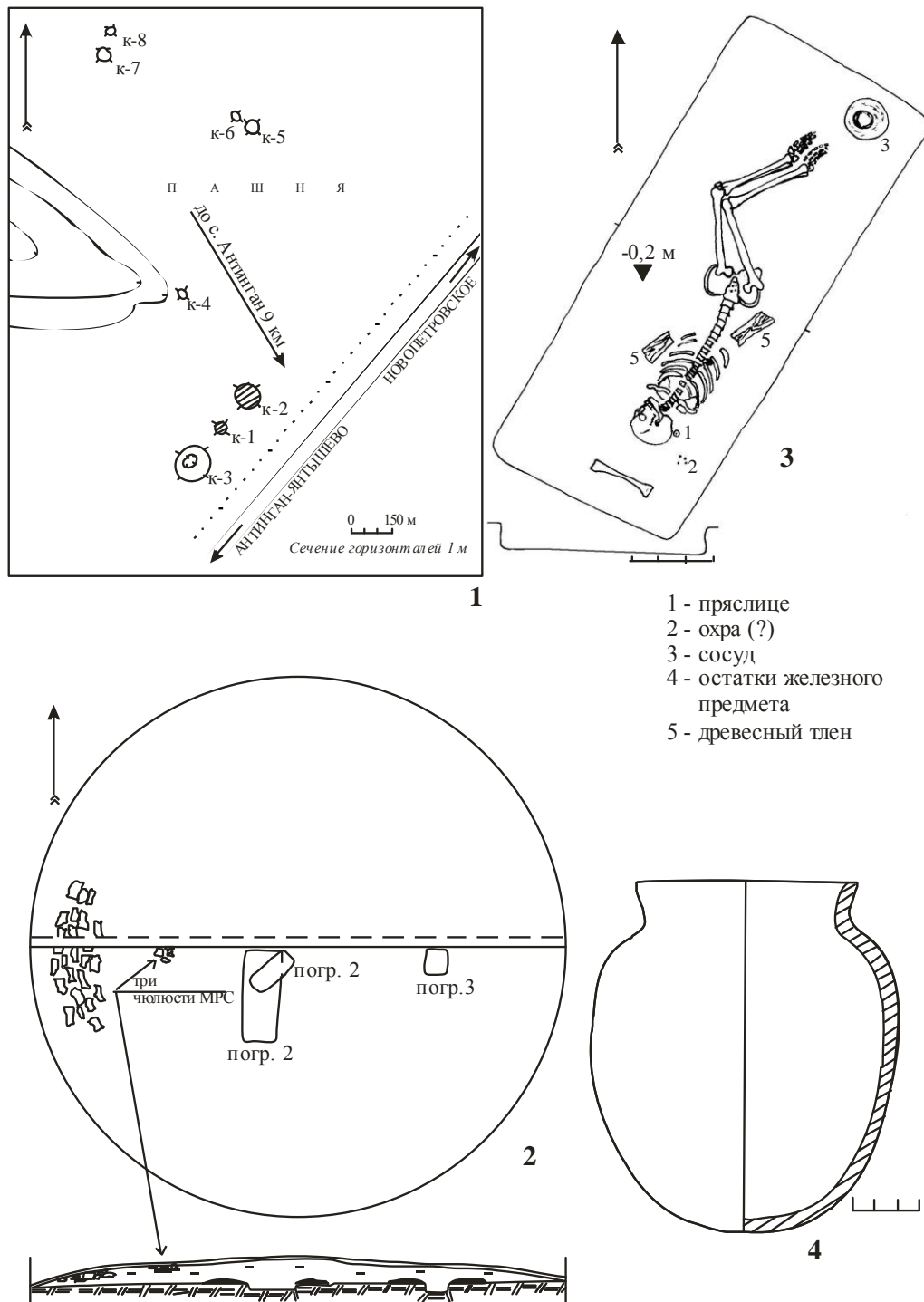

Рис. 27: 1 -2.. Султантимирово-3. 1 – план кургана (1 –дерево, 2- астрагал, 3- захоронение коня); 2 – план погребения (1 – глиняный сосуд, 2-3 – дерево)

- 1 - пряслице
- 2 - охра (?)
- 3 - сосуд
- 4 - остатки железного предмета
- 5 - древесный тлен

Рис. 28: 1- 4. Антинган-2. 1 – план КМ; 2 – курган 2; 3 – погр. 1 кургана 2; 4 – глиняный сосуд из погр. 1

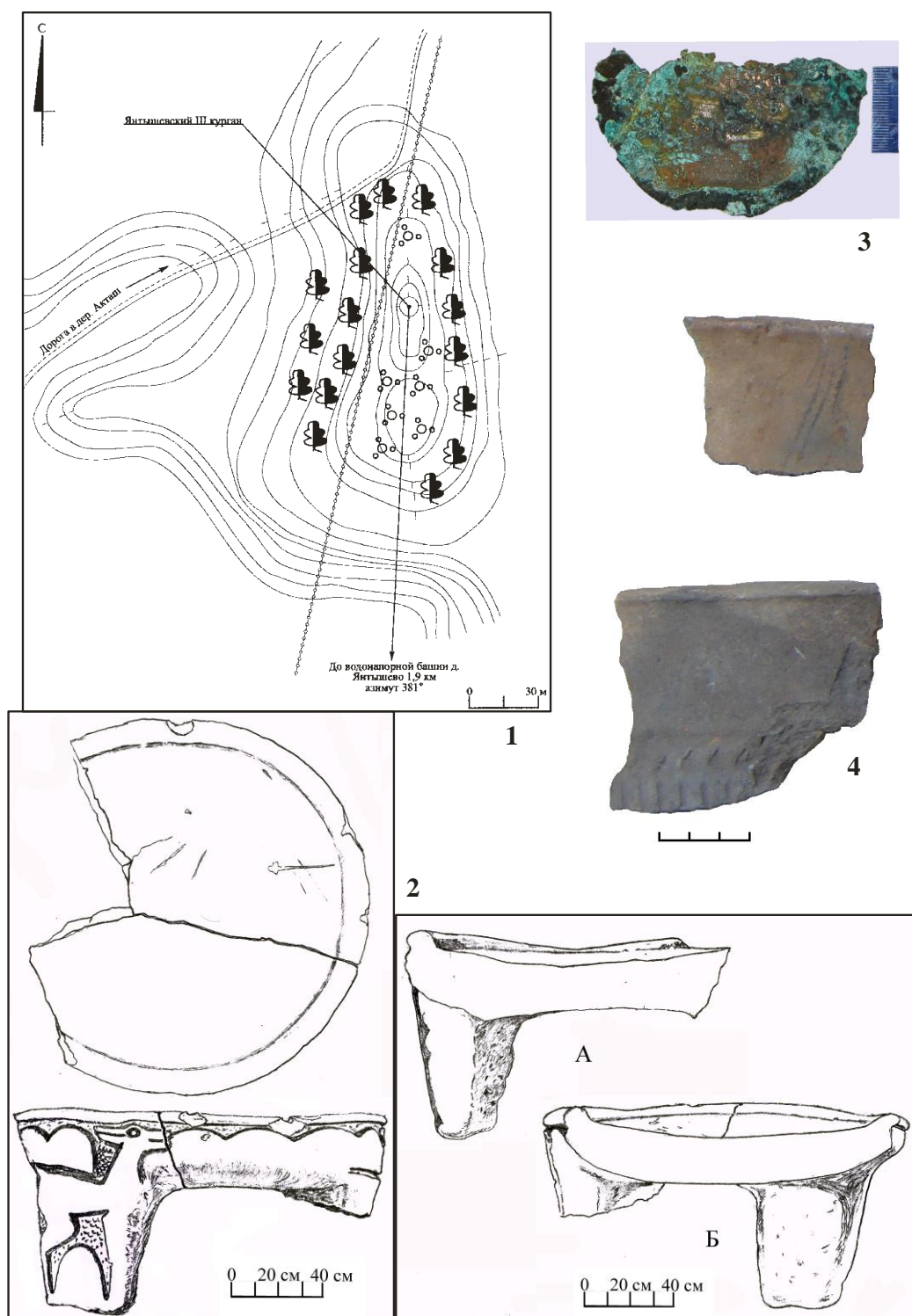
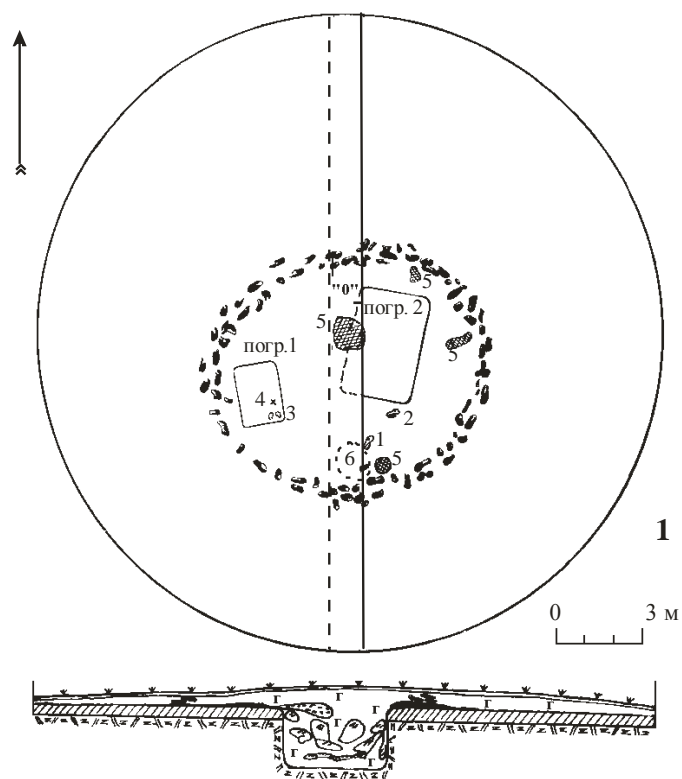
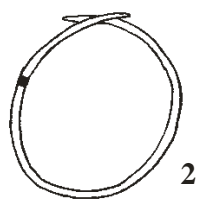

Рис. 29: 1-4. Янтышево-2. 1 – план ОК; 2 – курган 2; 3 – каменный алтарик из кургана 0; 4 - обломки глиняного сосуда из кургана 0

- 1,2 - черепа лошади
- 3 - тазовая кость человека
- 4 - обломок сосуда
- 5 - очаги прокала и скопления
древесного угля
- 6 - место находок бронзового
браслета и зеркала с ручкой

0 4 см

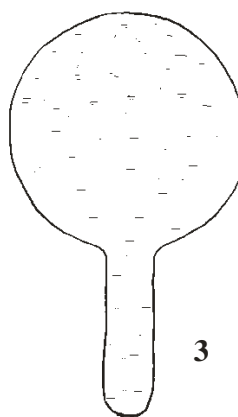

Рис. 30: 1- 3. Новопетровское-1. 1 – план кургана 0; 2 – браслет; 3 – зеркало (2,3 - бронза)

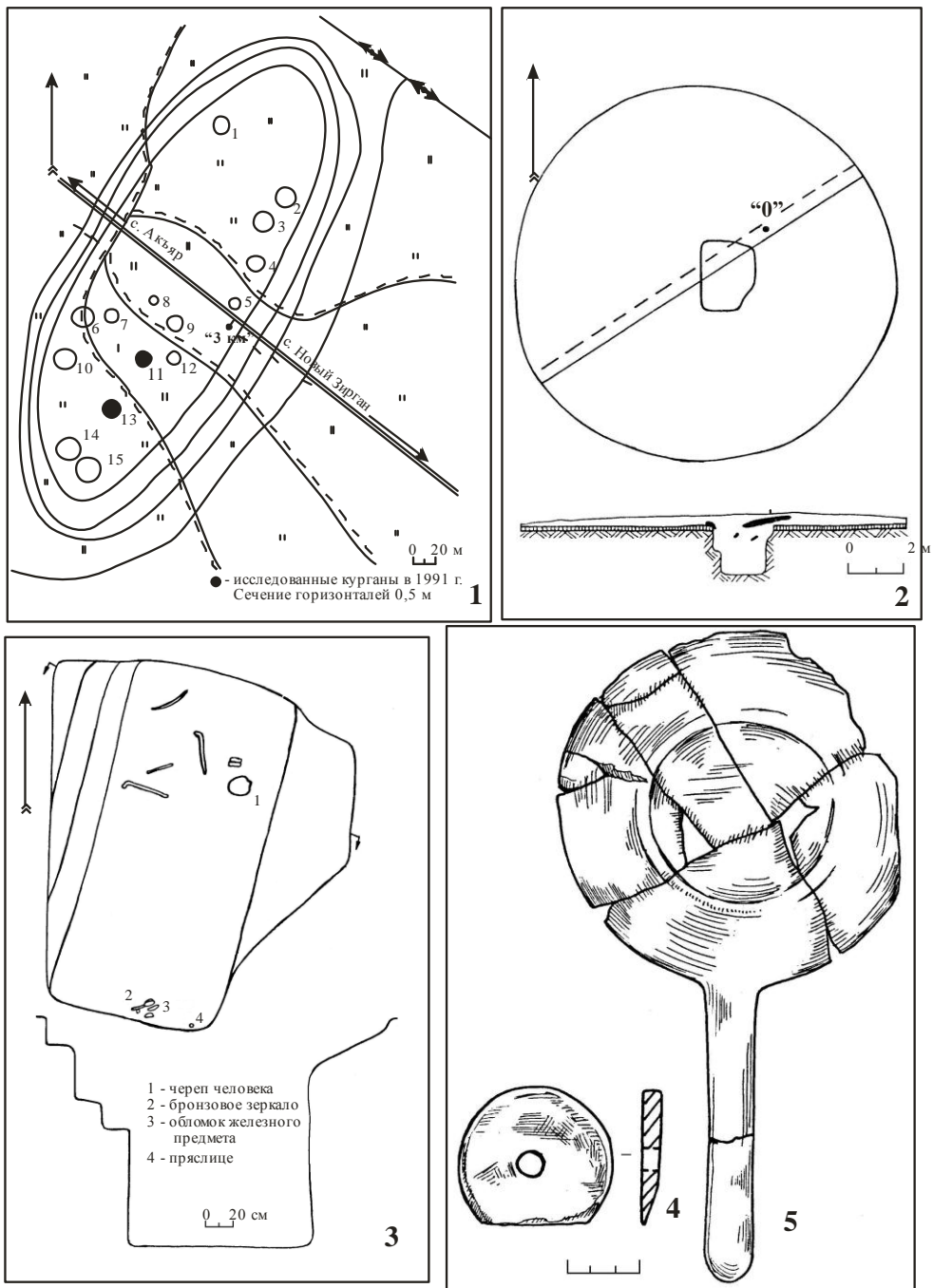

Рис. 31: 1- 5. Акхяр-2. 1 – план КМ; 2 – курган 11; 3 – погр. 1 и 2; 4 – керамическое пряслице; 5 – бронзовое зеркало

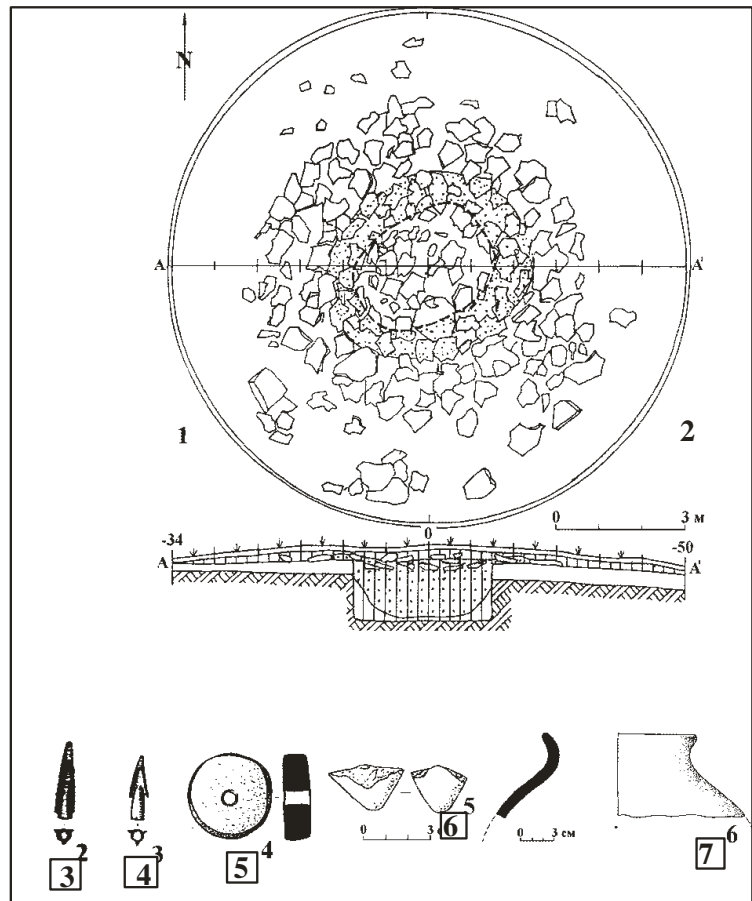
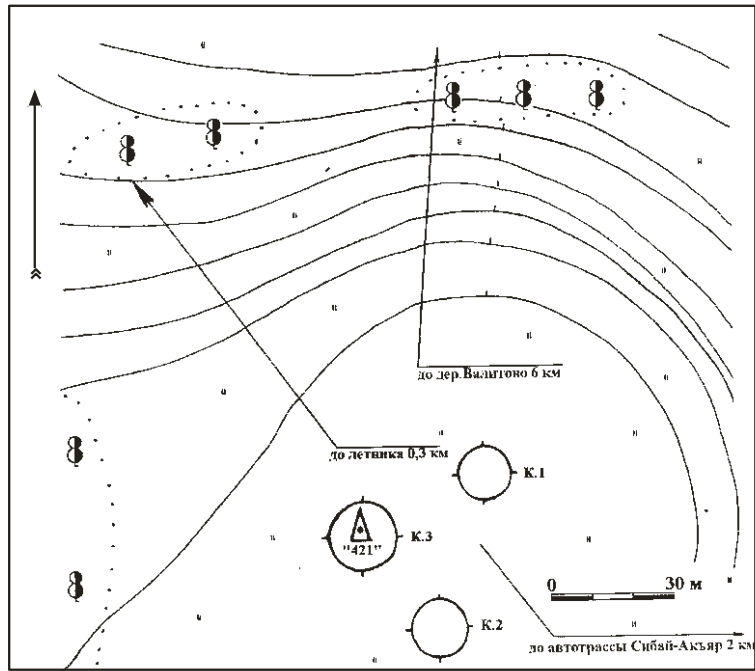

Рис. 32: 1- 7. Валитово-2. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3,4 – бронзовые наконечники стрел; 5 – керамическое пряслице; 6 – воронка; 7 – сосуд (3,4 – бронза, 5-7 – керамика) (6,7 – насыпь кургана 1; 3-5 – заполнение погр. 0 кургана 1)

8

9

Рис. 32: 8-9. Валитово-2. Курган 1. 8,9 – костяк 2 погр. 0 кургана 1

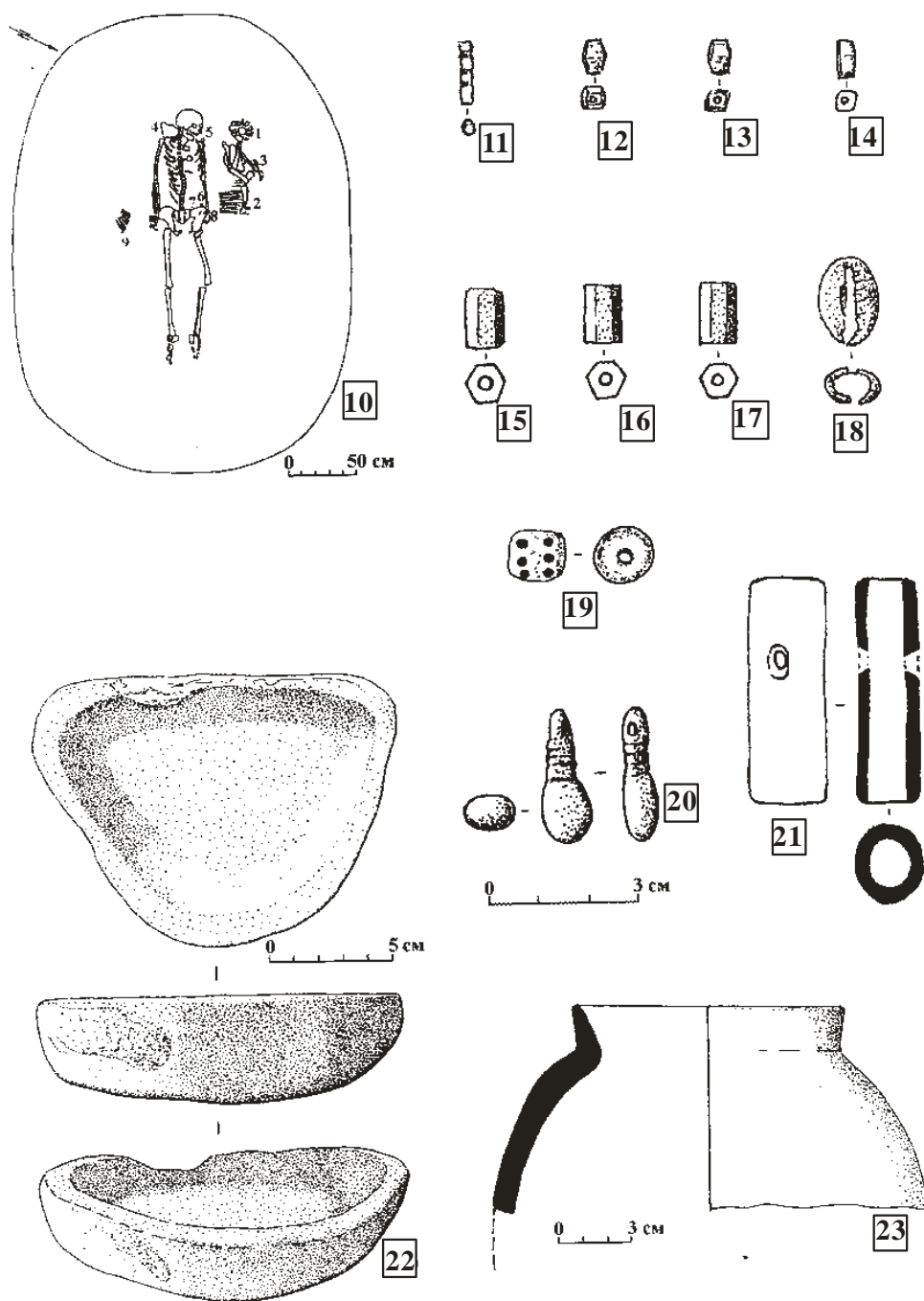

Рис. 32: 10-23. Валигово-2. Курган 1, погр. 0. 10 – костяк 1 (верхний); 11 – пронизка; 12-17, 19 – бусы; 18 – раковина-каури; 20 – подвеска; 21 – втулка; 22 – алтарь; 23 – сосуд (11 – золото, 12-17 – стекло, 18 – раковина, 20, 21 – кость, 22 – камень, 23 – керамика) (все – костяк 1)

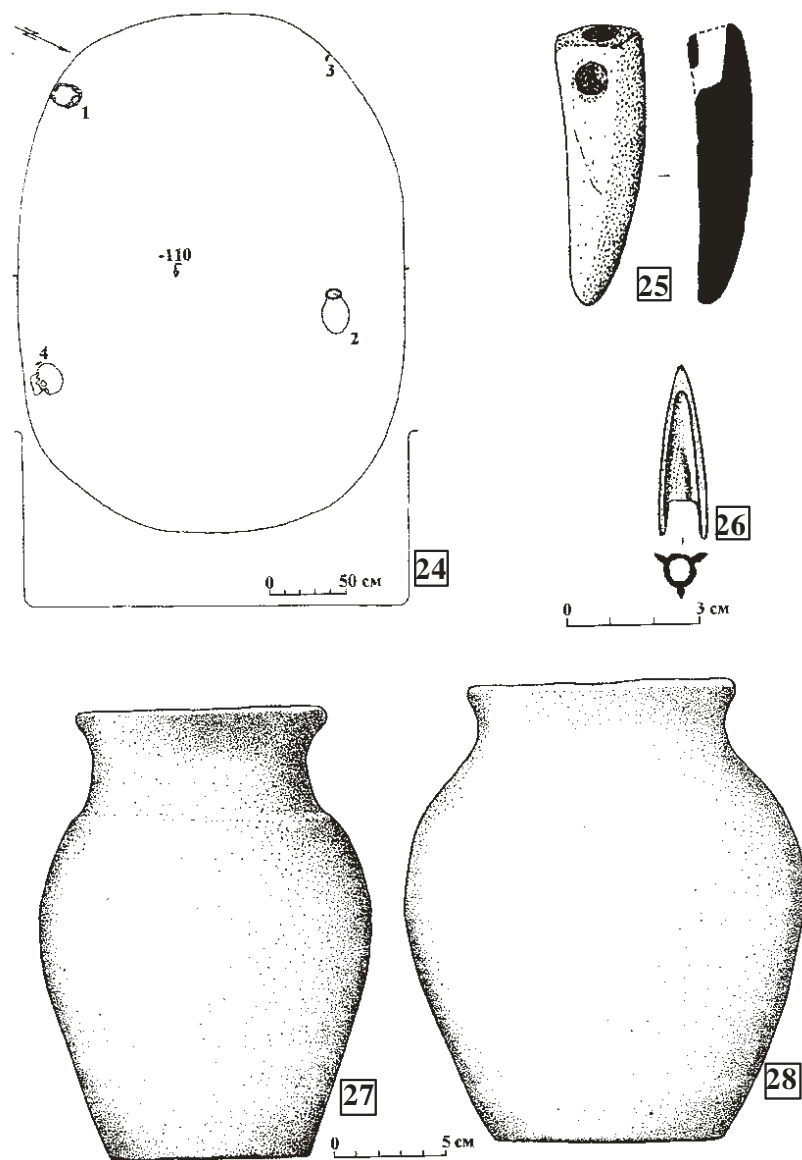
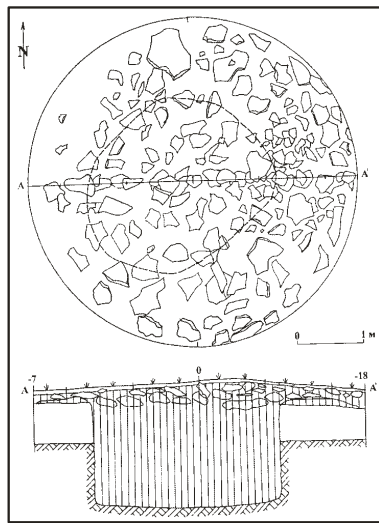

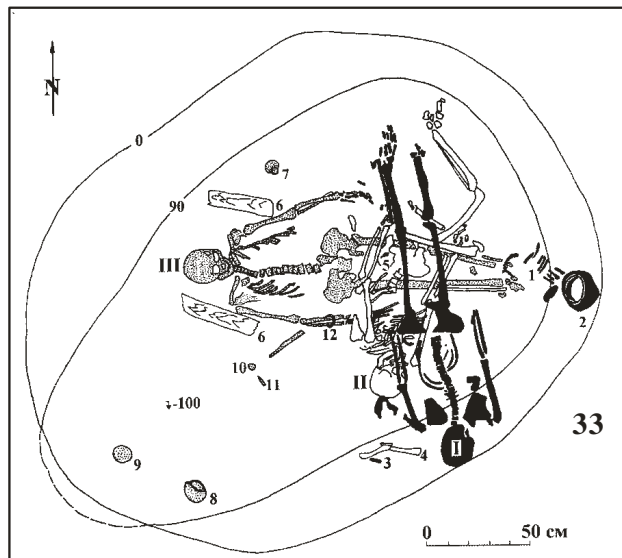
Рис. 32: 24-28. Валитово-2. Курган 1, погр. 0. 24 – костяк 2 (нижний);
 25 – клык кабана; 26 – бронзовый наконечник стрелы; 27 и
 28 – глиняные сосуды 2 и 1

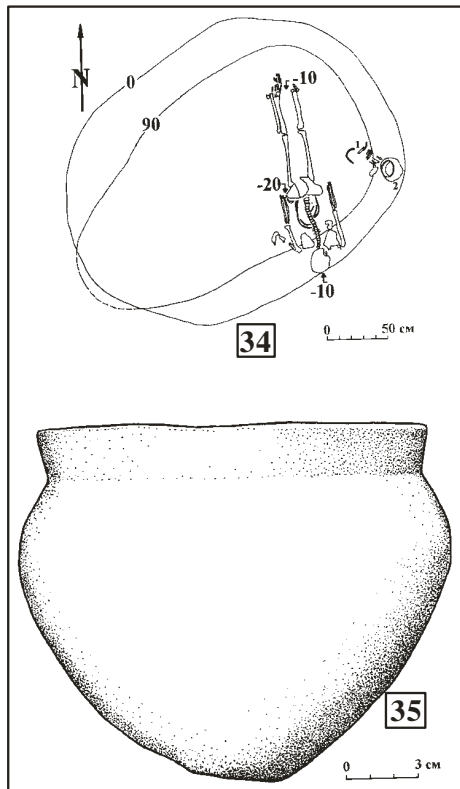
Рис. 32: 29-31. Валигово-2. Курган 2, погр. 0. 29 – костяк 1 (верхний); 30 – костяки 2 (средний) и 3 (нижний); 31 – костяк 3 (нижний)

32

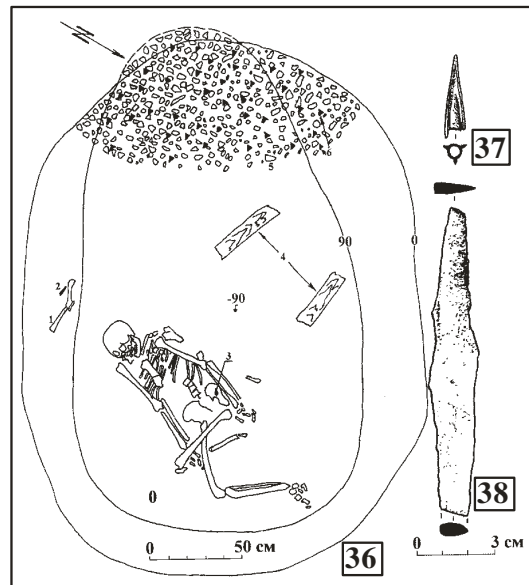

33

34

35

36

37

38

Рис. 32: 32-38. Валигово-2. 32 - курган 2; 33 - погр. 0; 34 - костяк 1; 35 - сосуд при костяке 1; 36 - костяк 2; 37, 38 - бронзовый наконечник стрелы и железный нож при костяке 2

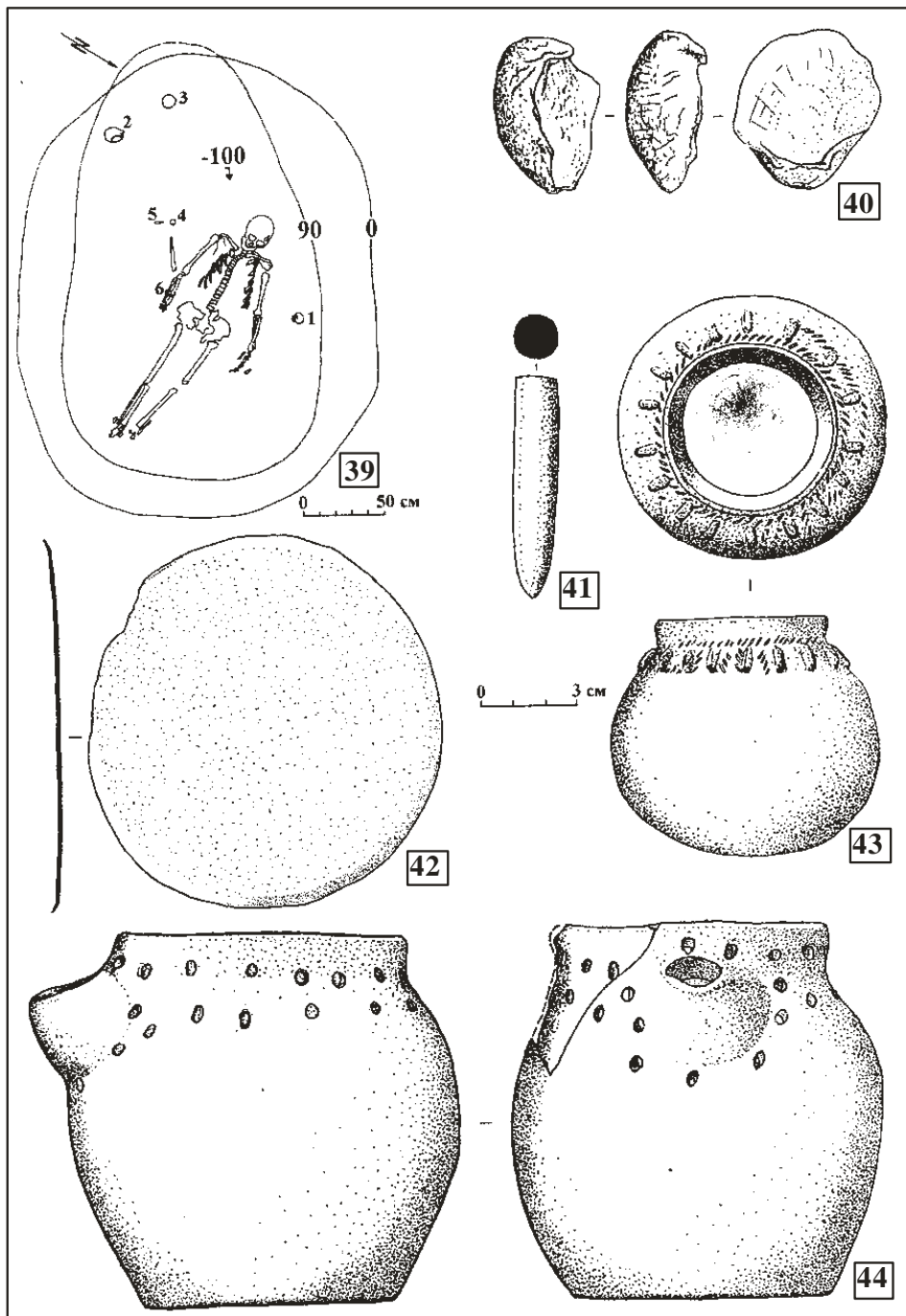

Рис. 32: 37-42. Валиново-2. Курган 2, погр. 0, костяк 3. 39 – план костяка; 40 – Сгурнаеа; 41 – каменный сурьматаш; 42 – бронзовое зеркало; 43 – глиняная курильница; 44 – глиняный сосуд

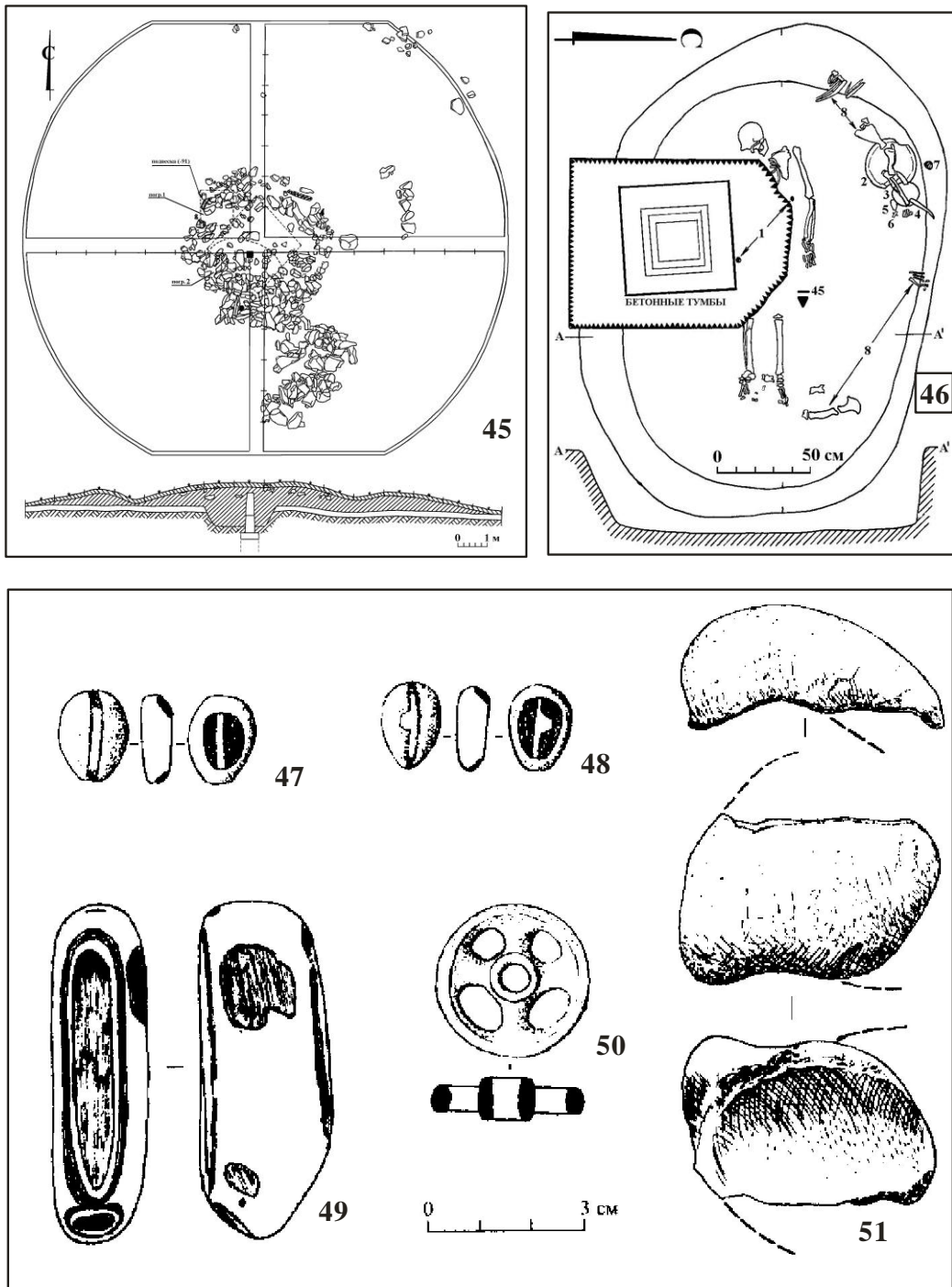

Рис. 32: 45-51. Валитово-2. Курган 3. 45 – план кургана; 46 – погр. 2; 47,48 – *Supra moneta*; 49 – галька; 50 – колёсико; 51 – *Gryphaea* (47,48,51 – раковины, 49 – камень, 50 – бронза)

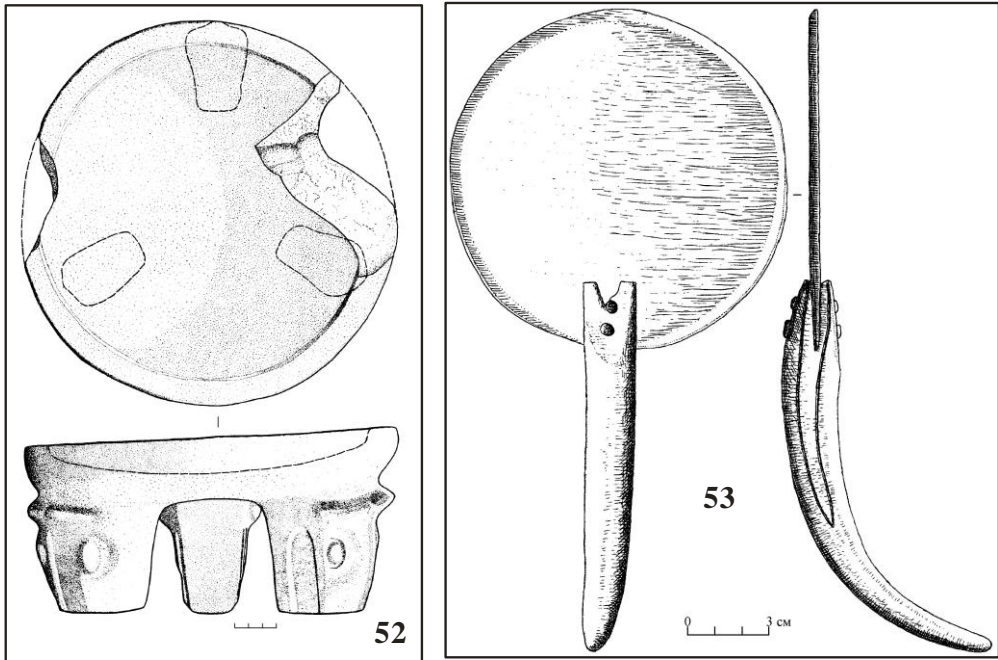

Рис. 32: 52-54. Валиново-2. Курган 3, погр. 2. 52 – каменный алтарик; 53 – бронзовое зеркало с роговой ручкой; 54 – деталь погр. 2 («шаманский комплекс»)

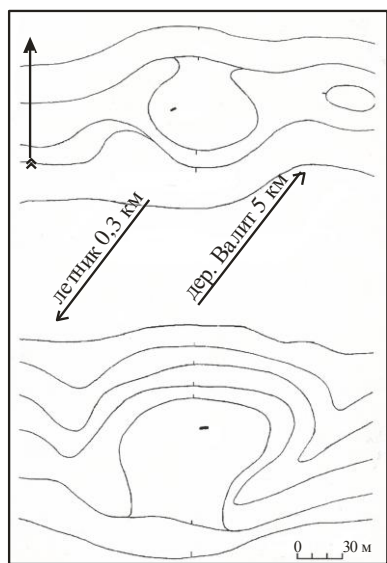

55

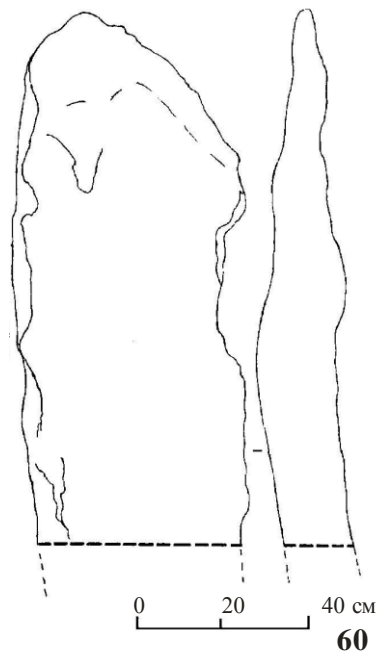

56

Рис. 32: 55-56. **Валитово-2.** Курган 3, погр. 2. 55 – бронзовое зеркало с роговой ручкой; 56 – каменный алтарик

57

60

58

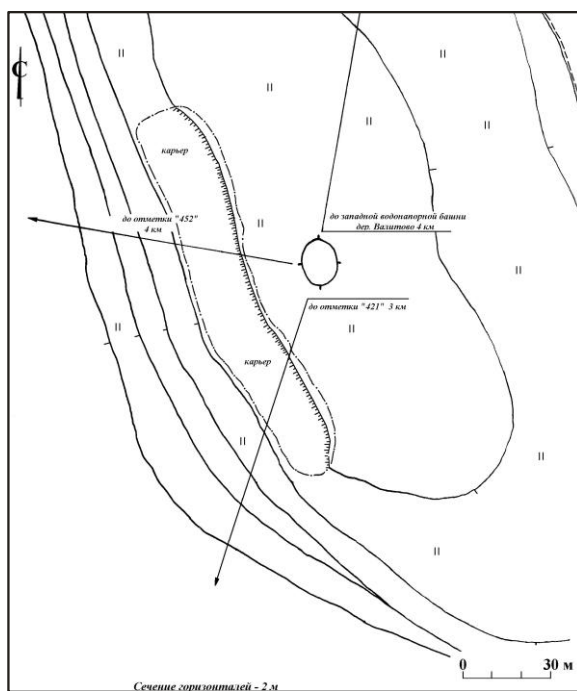

59

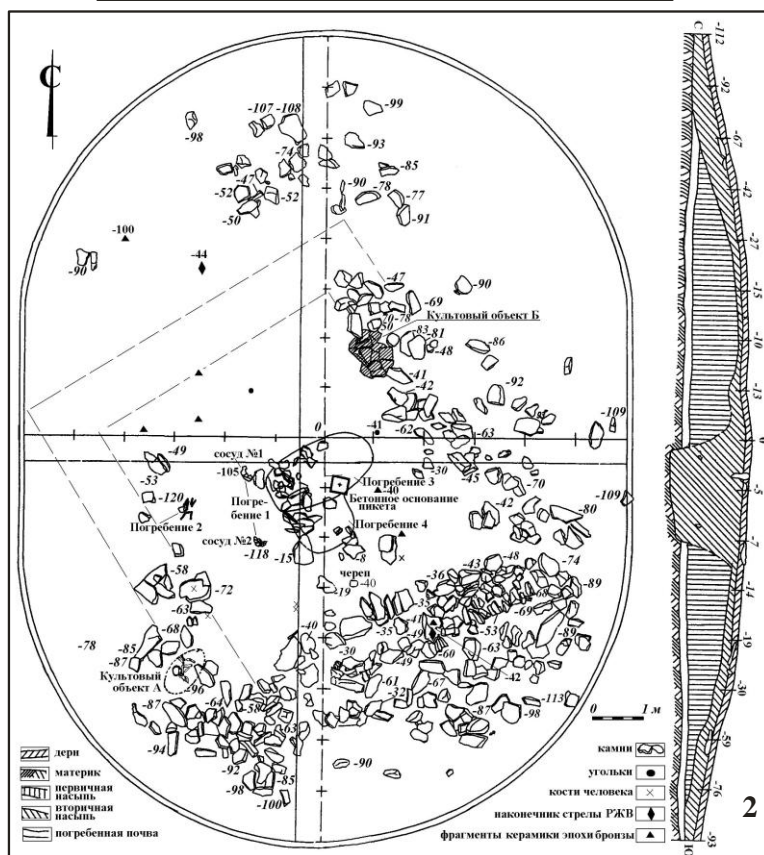

61

Рис. 32: 57-61. Валигово-2. Святилище. 57 – план; 58,59 – изваяние 1; 60,61 – изваяние 2

1

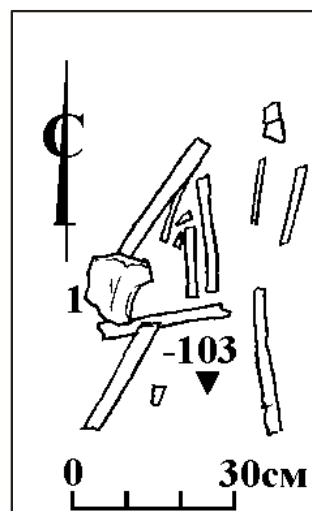

2

Рис. 33: 1-2. Валитово-3. 1 - план ОК; 2 – курган 0

3

1 - фрагмент сосуда

4

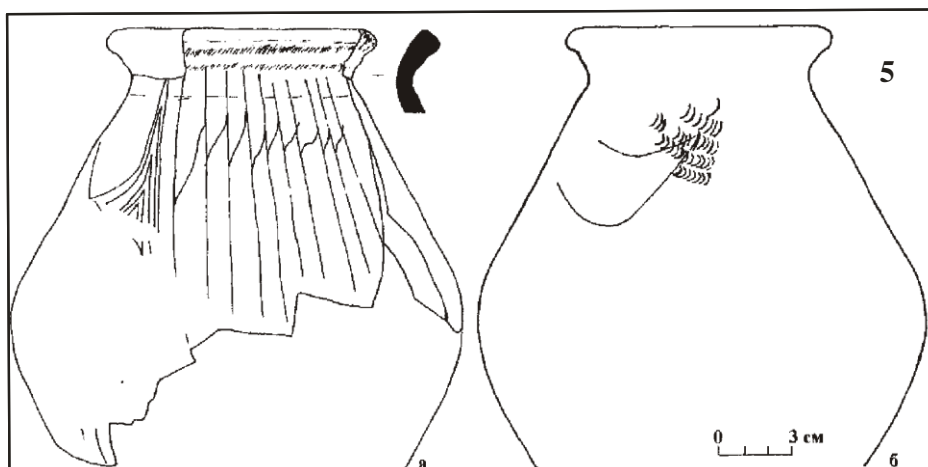

Рис. 33: 3-5. Валигово-3. 3,4 – погр. 2; 5 – сосуд из погр. 2

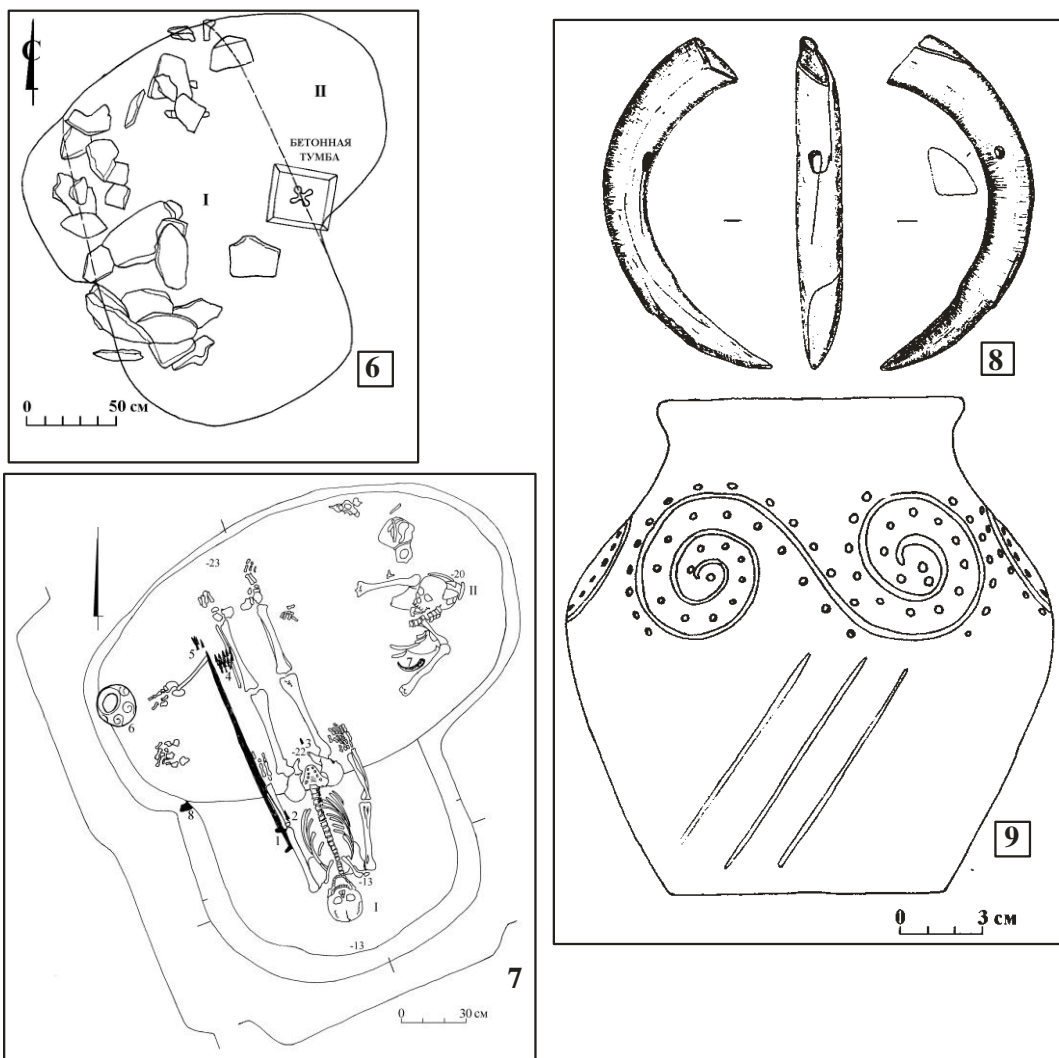

Рис. 33: 6-9. Валитово-3. 6,7 – погребения 3 и 4; 8,9 – клык кабана и глиняный сосуд из погр. 3

10

11

12

13

Рис. 33: 10-13. Валитово-3. 10 – погребения 3 и 4; 11 – погр. 3;
12,13 – клык кабана и глиняный сосуд из погр. 3

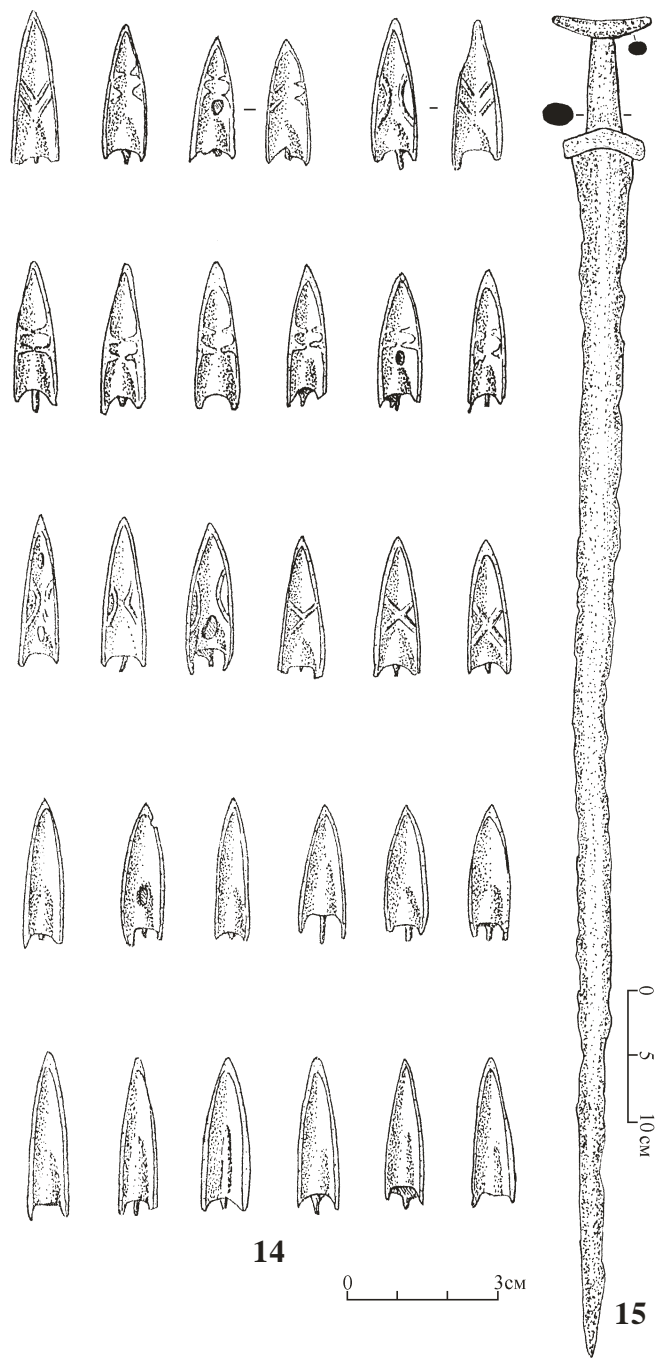

Рис. 33: 14-15. Валигово-3. 14,15 – бронзовые наконечники стрел и железный меч из погр. 3

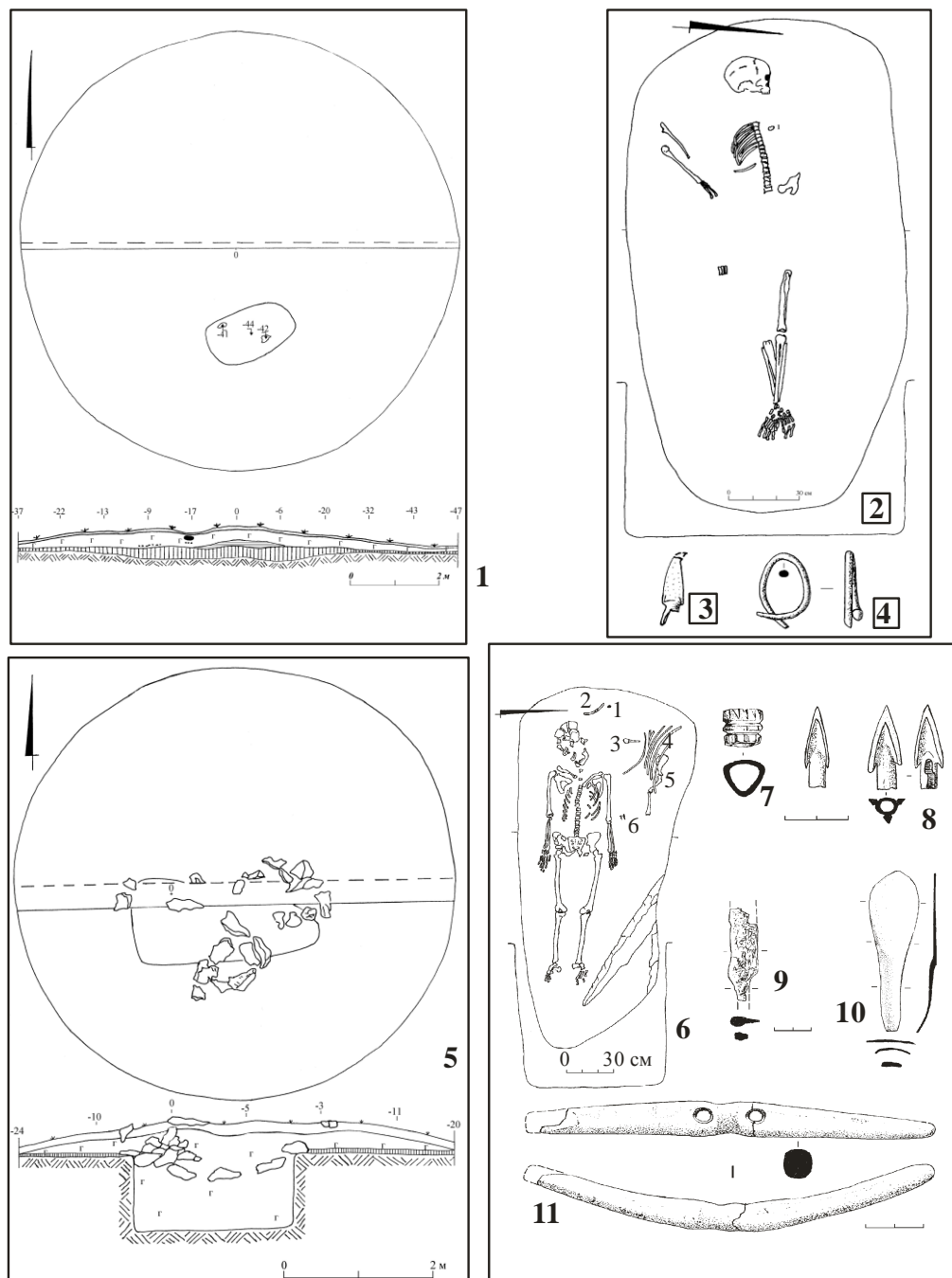

Рис. 34: 1-11. Валигово-4. 1 – курган 1; **2** – погр. 0 кургана 1; **3,4** – наконечник стрелы и подвеска из погр. 0 кургана 1 (бронза); **5** – курган 2; **6** – погр. 0 кургана 2 (1 – костяная втулка, 2 – псалий, 3 – ложечка, 4 – нож, 5 – кости крупного животного и овцы, 6- наконечники стрел); **7** - втулка; **8** – наконечники стрел; **9** – нож; **10** – ложка; **11** – псалий (7,10,11 – кость, 8 – бронза, 9 – железо) (7-11 – погр. 0 кургана 2)

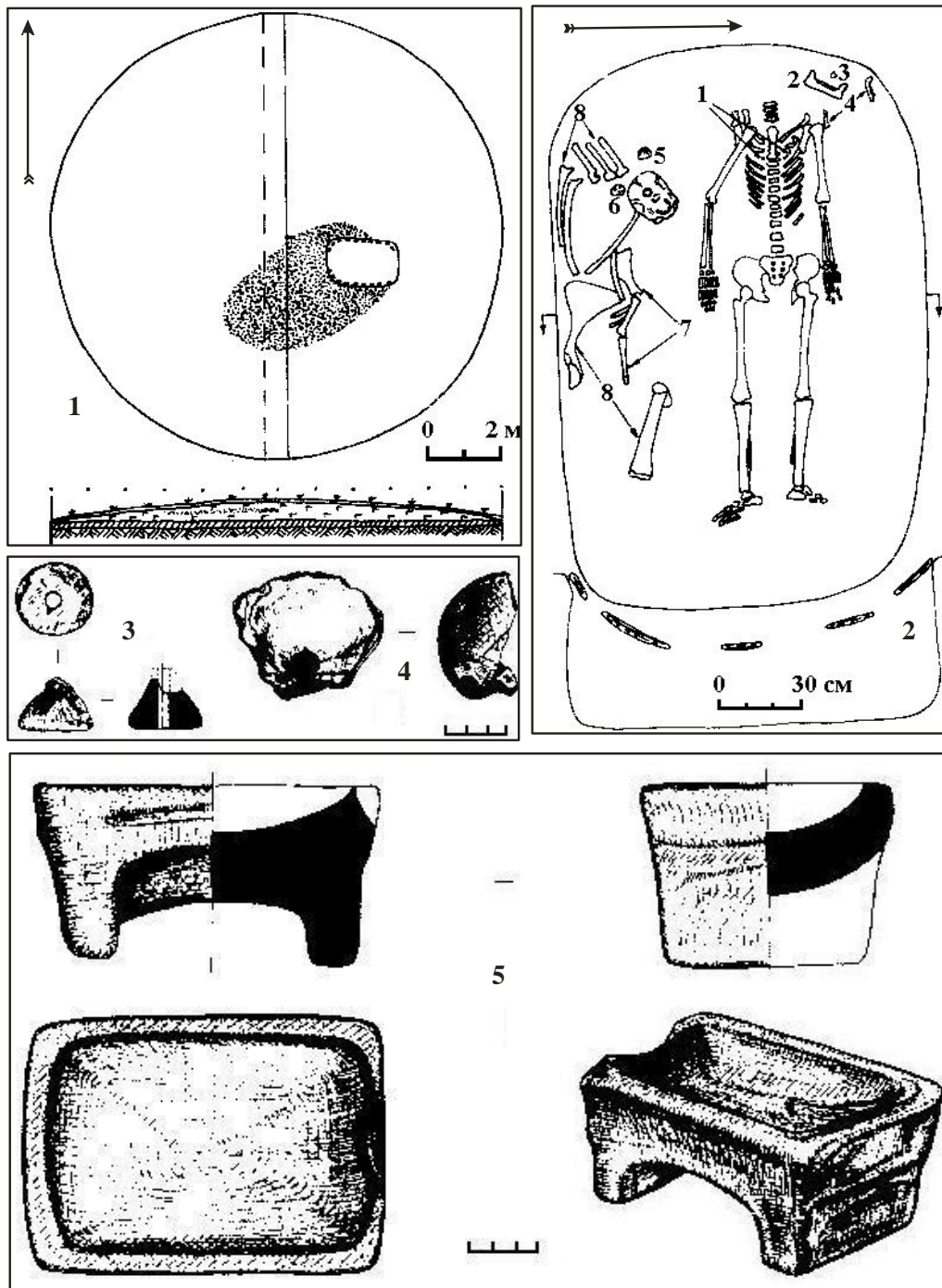

Рис. 35: 1-5. Петропавловский (Кыпсак). 1 – курган 0; 2 – погр. 0 кургана 0 (1 – бисер, 2 – жертвенник, 3 – пряслице, 4 – челюсть овцы, 5 – раковина, 6 – камень, 7 – передняя нога овцы, 8 – кости лошади); 3, 4, 5 – глиняное пряслице, раковина *Gryphaea* и каменный алтарь из погр. 0 кургана 0

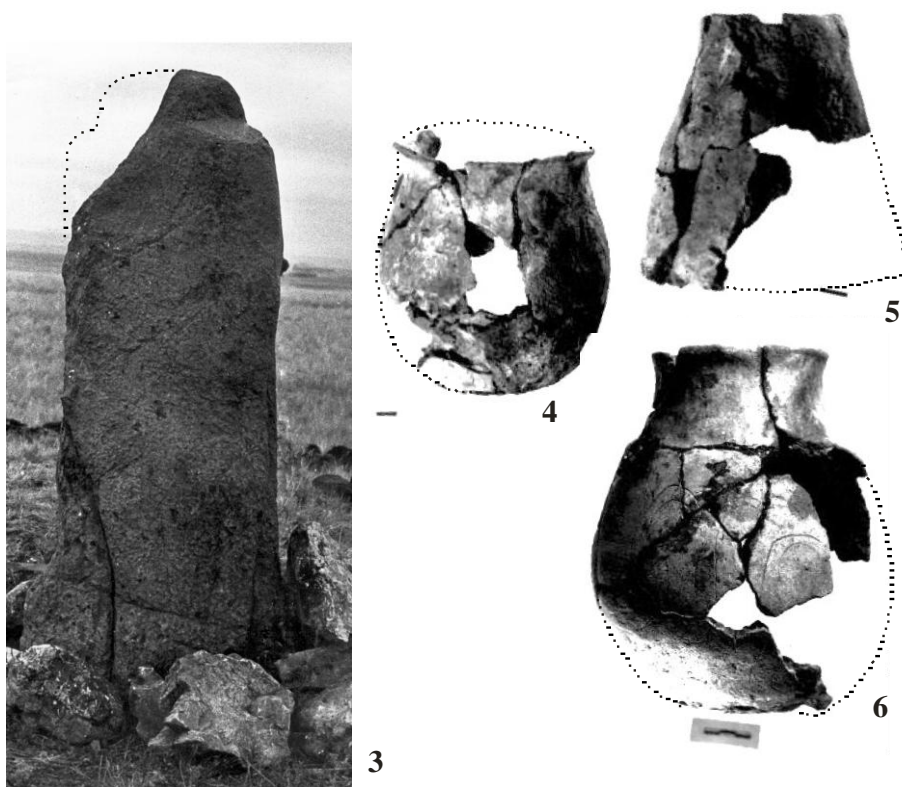
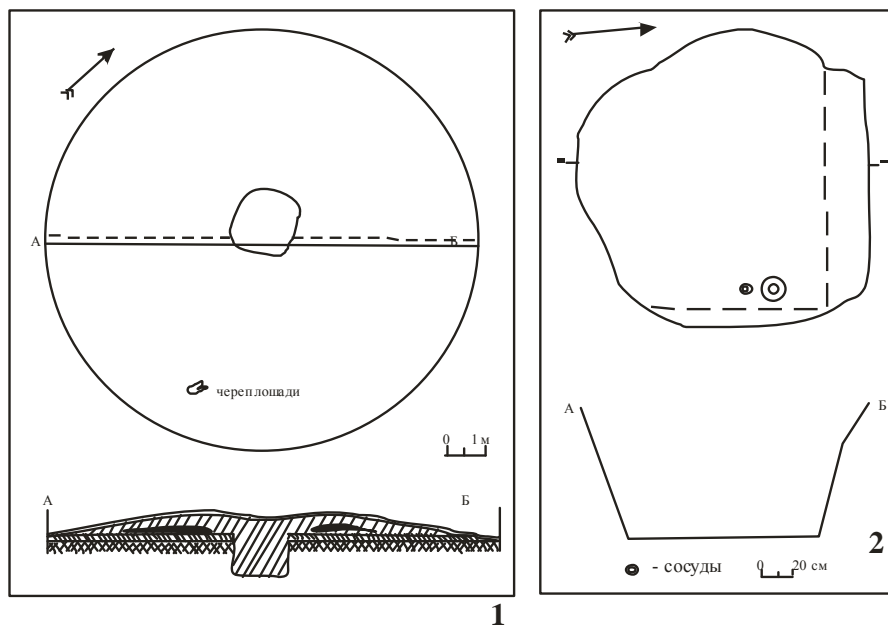

Рис. 36: 1-6. Комсомол-1 (Ургаза). 1 - курган 0; 2 – погр. 0; 3 - каменное изваяние из насыпи кургана 0; 4-6 – глиняные сосуды из погр. 0 кургана 0

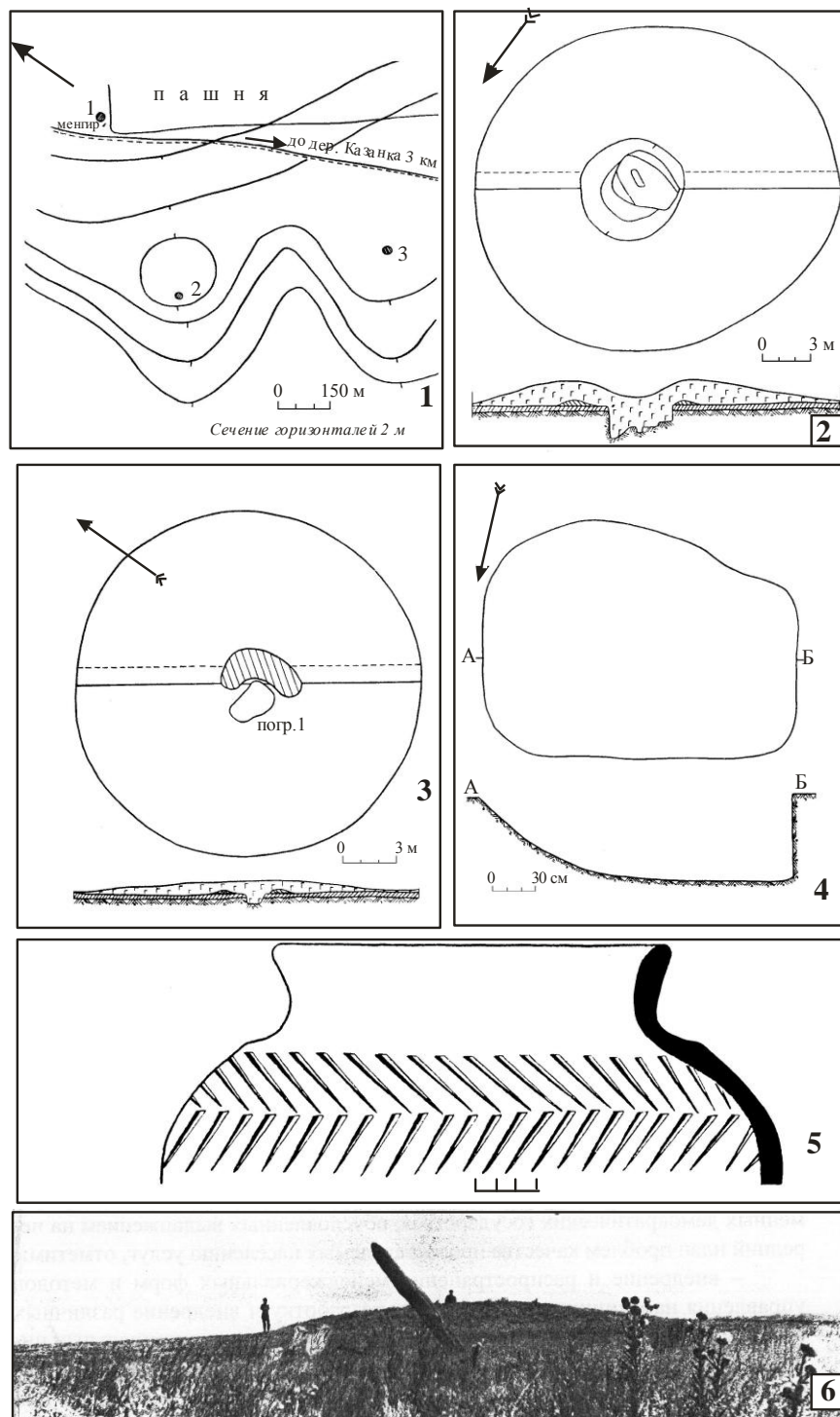

Рис. 37: 1- 6. Казанка. 1 – план КМ; 2 – курган 1; 3 – курган 2; 4 – погр. 0 кургана 3; 5 – сосуд из погр. 0 кургана 3; 6 – каменный менгир по соседству с курганом 1

Рис. 38: 1- 3. Тулубай (Исянгильдино-1). 1 - каменный склеп;
2,3 – детали погребений

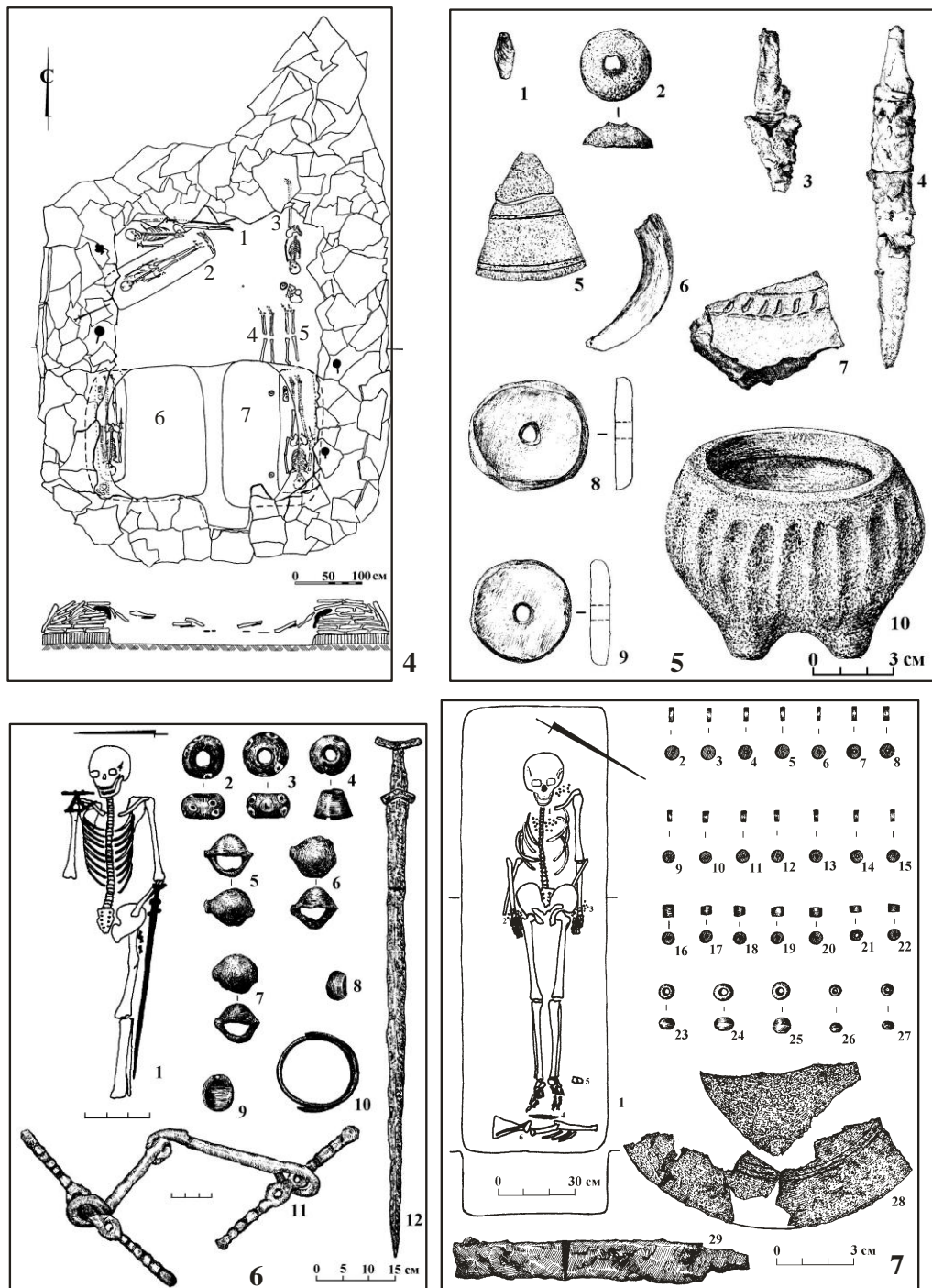

Рис. 38: 4-7. Тулубай (Исянгильдино-1). 4 – план склепа; 5 - вещи из насыпи (1 - бусины, 2, 8,9 – пряслица, 3,4 – ножи, 5 – обломок зеркала, 6 – клык кабана, 7 – фрагмент сосуда, 10 – реконструкция курильницы) (1 – сердолик, 2,7-10 – керамика, 3,4 – железо, 5 – бронза, 6 – кость); 6 – погр. 1 (1 – план, 2,3,9 – бусы, 4 – ворворка, 5-7 – полусферические бляшки, 8 – обойма, 10 – височная подвеска, 11 – удила с псалиями, 12 - меч) (2,3 – паста, 4-8 – бронза, 9 – сердолик, 10 – бронза, серебро, 11,12 - железо); 7 – погр. 2 (1 – план, 2-27 – бусы, 28 – обломки зеркала, 29 – нож) (2-22 – гешир, 23-27 – стекло с позолотой, 28 – бронза, 29 – железо)

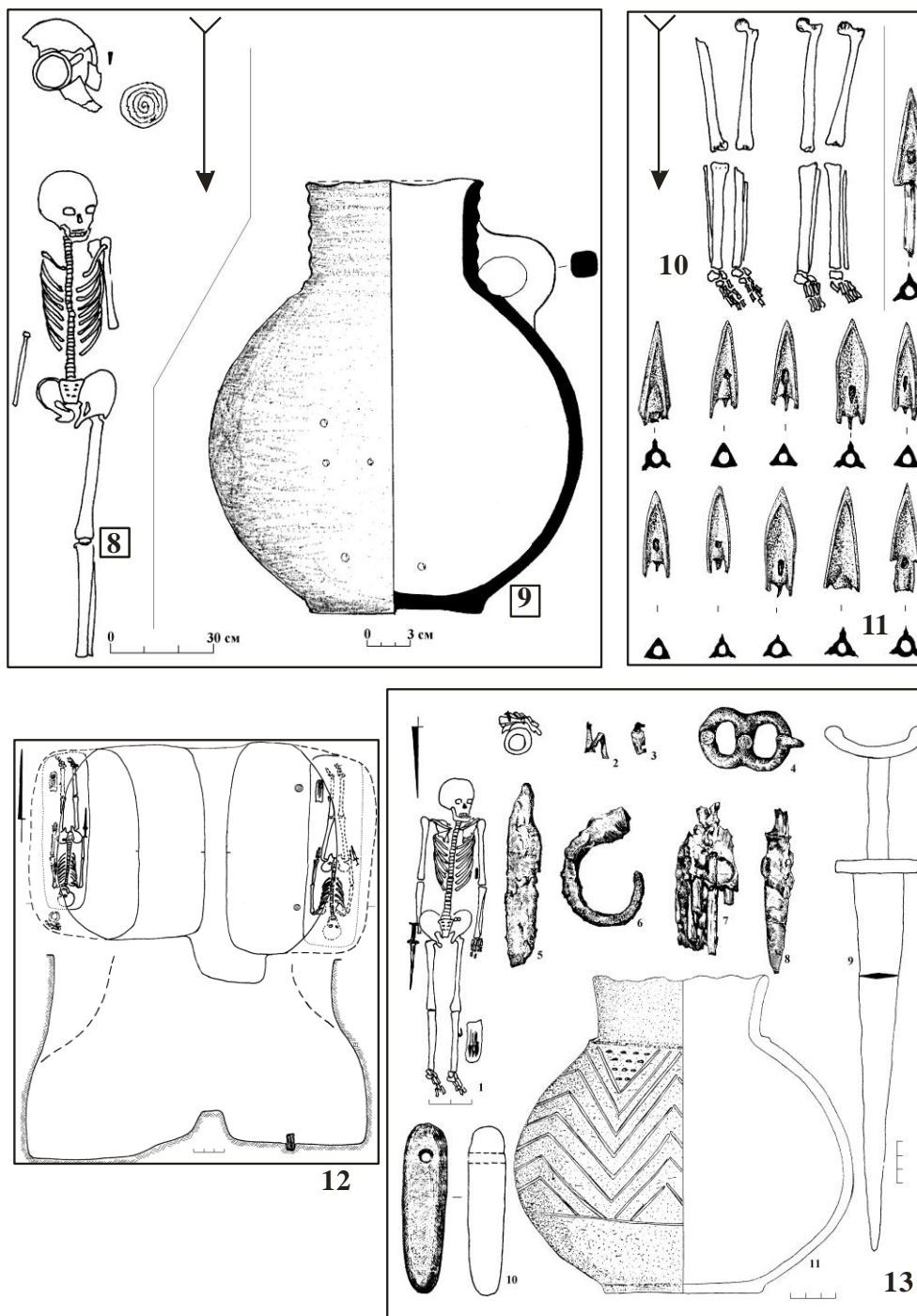

Рис. 38: 8-13. Тулубай (Исянгильдино-1). 8,9 – погр. 3 (8 – план, 9 – глиняный сосуд); 10,11 – погр. 4 и 5 (10 – план, 11 – бронзовые наконечники стрел); 12 – план погребений 6 и 7; 13 – погр. 6 (1 – план, 2,3 – лента, 4 – пряжка, 5,8 – ножи, 6 – колчаный крючок, 7 – наконечники стрел, 9 – кинжал, 10 – оселок, 11 – сосуд) (2-4 – бронза, 5-9 – железо, 10 – камень, 11 – глина)

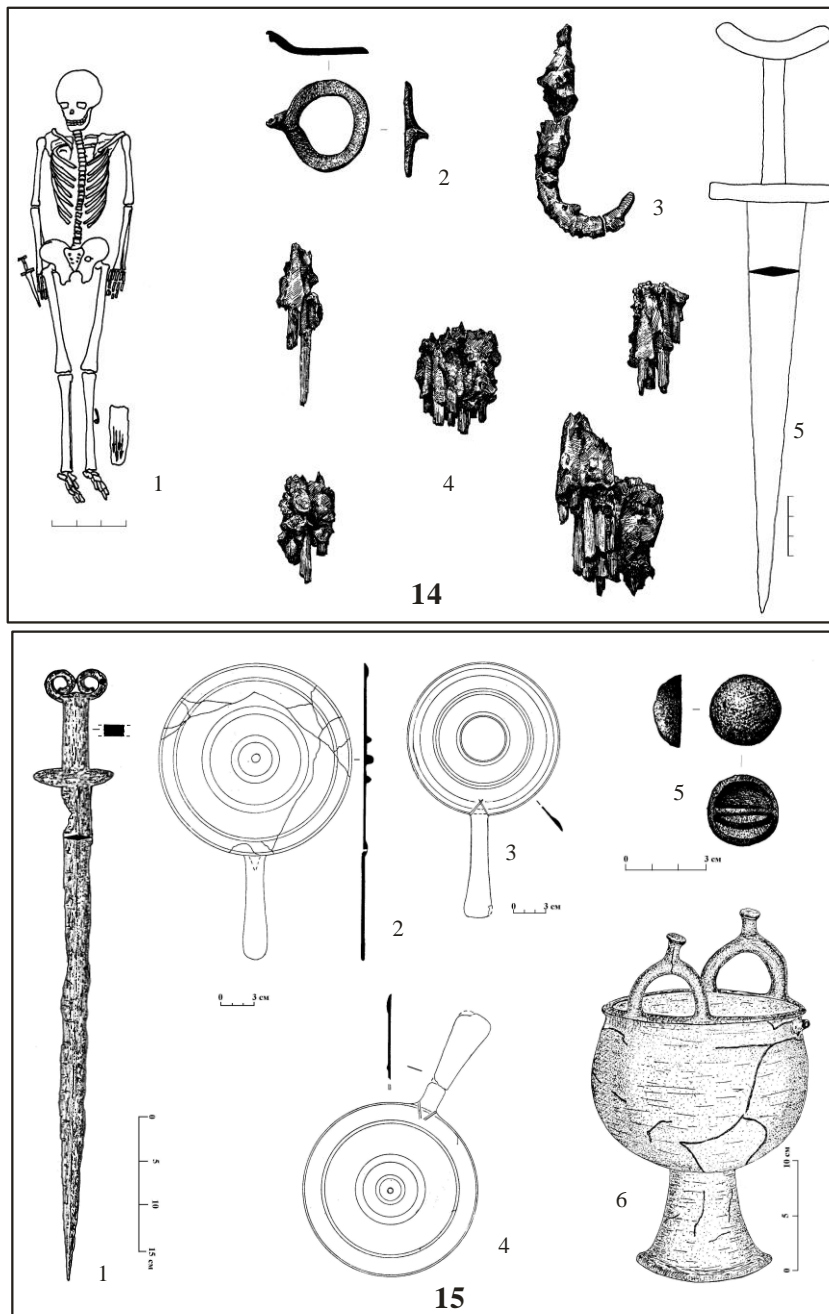

Рис. 38: 14-15. Тулубай (Исянгильдино-1). 14 – погр. 7 (1 – план, 2 – пряжка, 3 – колчаный крючок, 4 – наконечники стрел, 5 - кинжал) (2 – бронза, 3-5 - железо); 15 – вещи из тайников (1 – меч, 2-4 – зеркала, 5 – бляшки, 6 - котёл) (1 – железо, 2-6 – бронза)

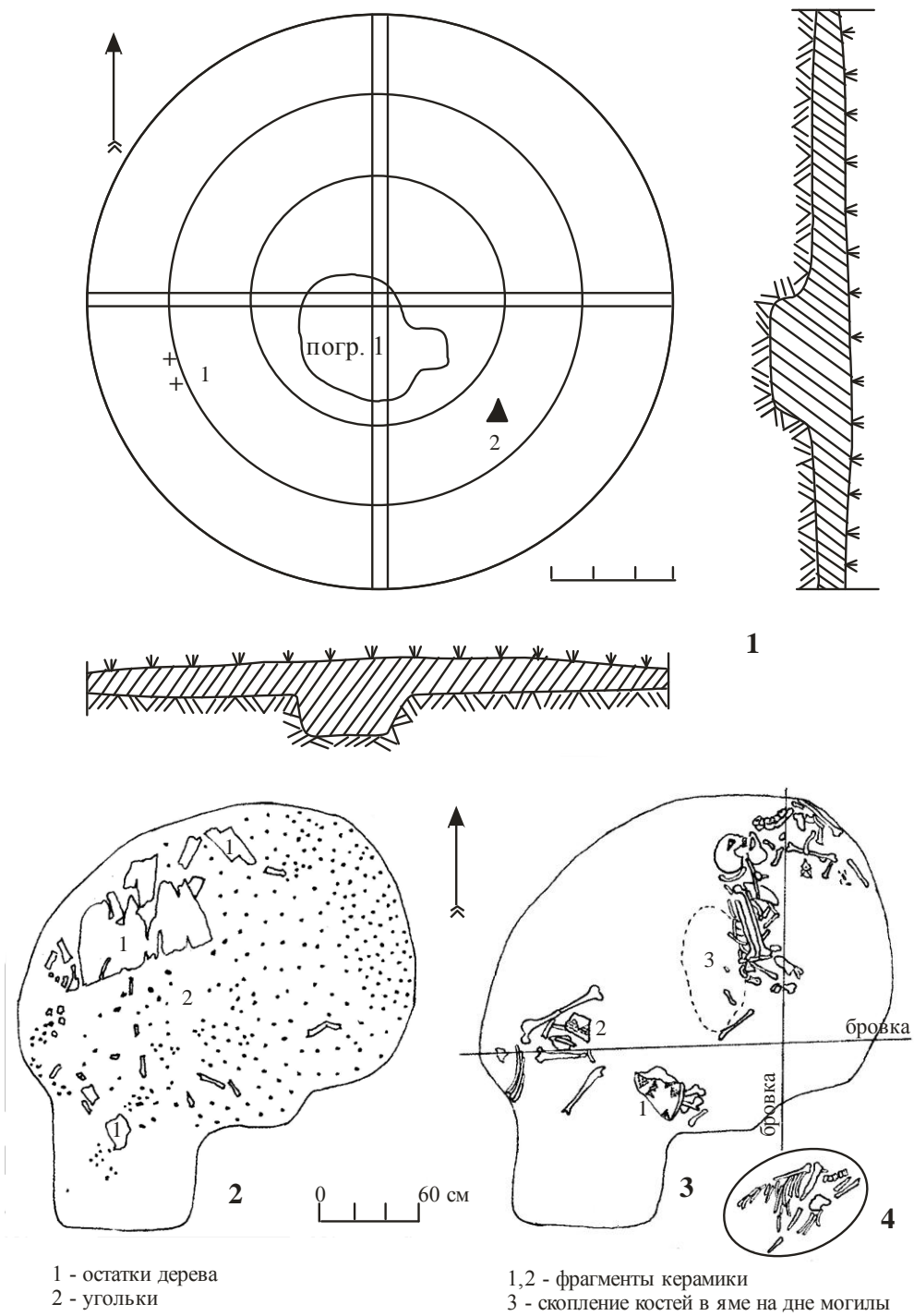

Рис. 39: 1-4. Васильевка. 1 – план кургана (1 – угольки, 2 – фрагмент сосуда); 2,3 – погр. 0; 4 – план скопления человеческих (?) костей в яме на дне могилы

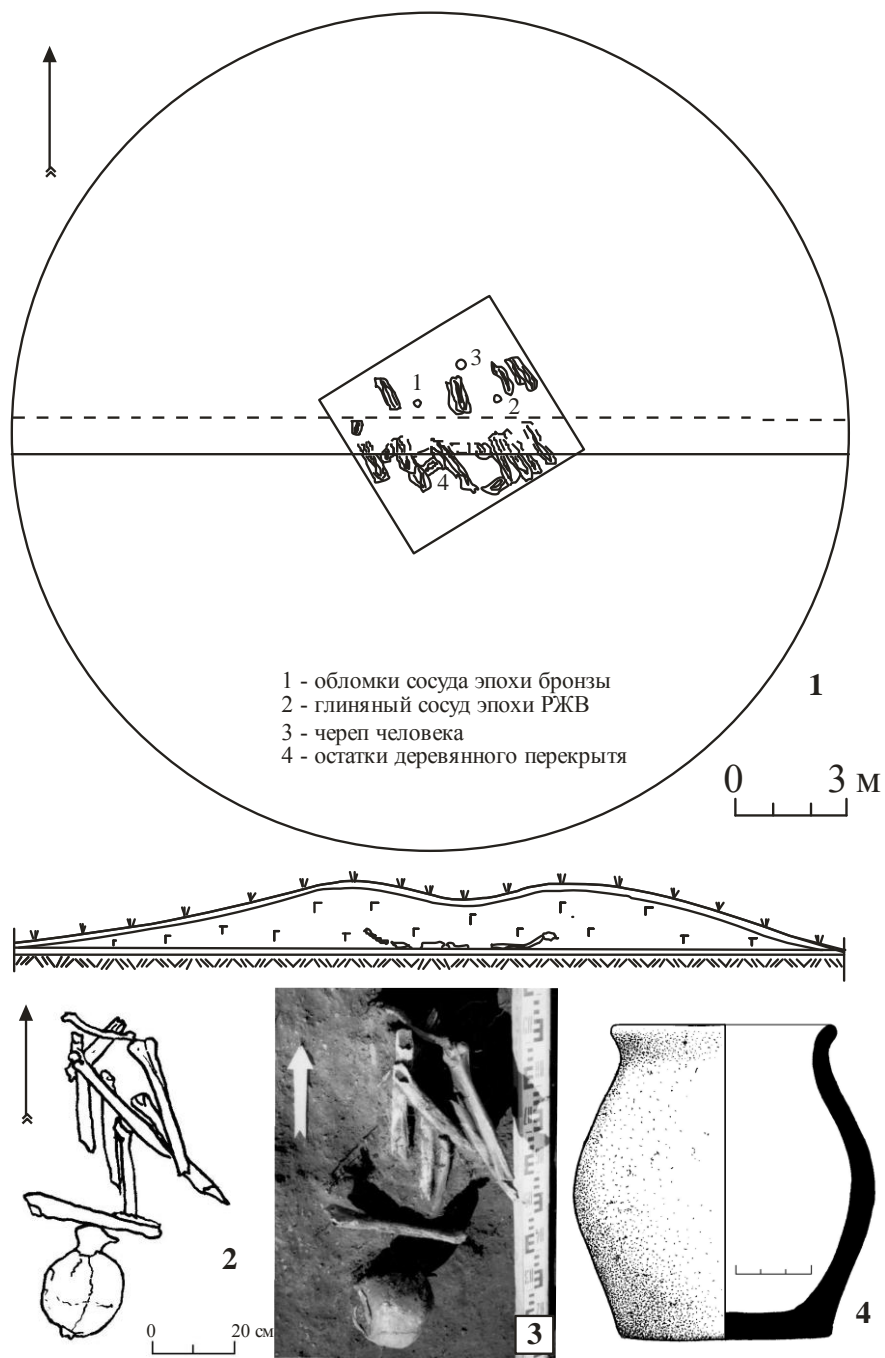

Рис. 40: 1-4. Акмурун. 1 - курган 0; 2,3 – погр. 0; 4 – глиняный сосуд

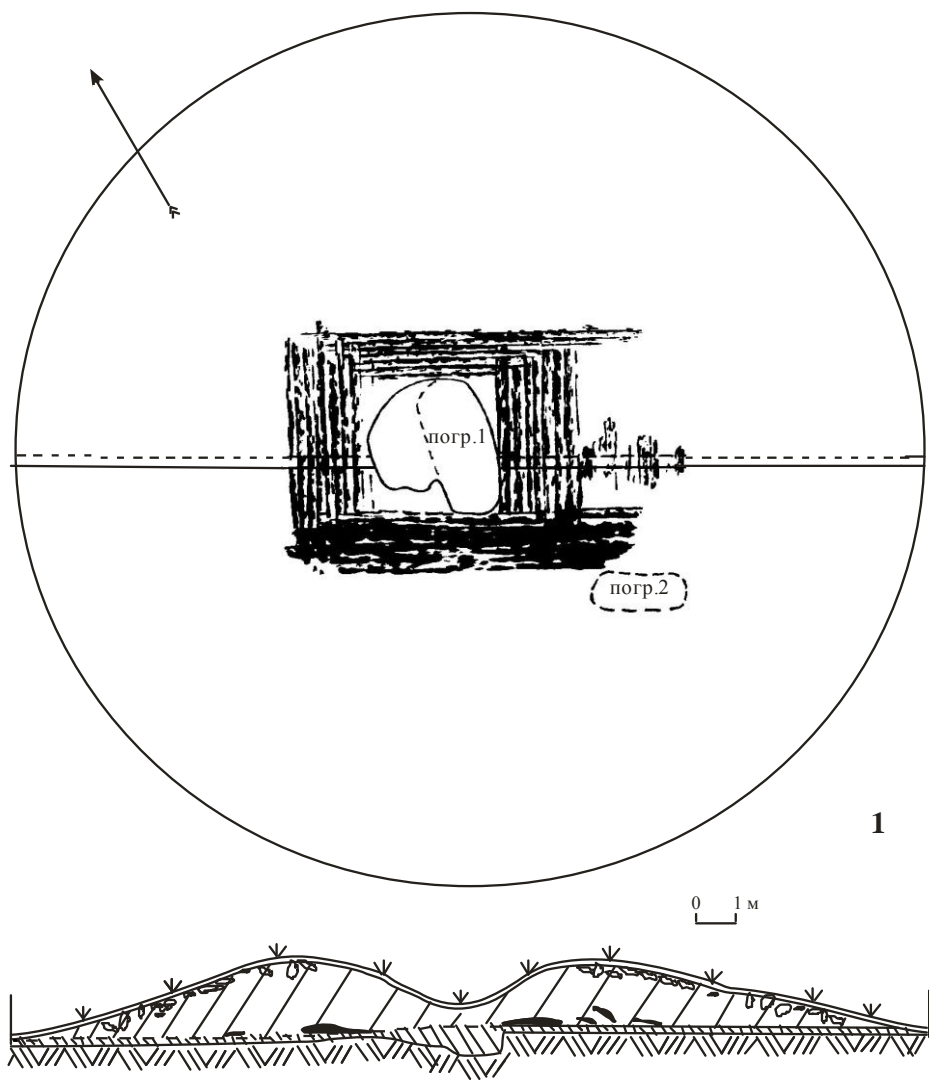

Рис. 41: 1. Булатово-1. 1 – курган 0

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ТАНАИС ГЕРОДОТА – ДОН ИЛИ ВОЛГА? «САВРОМАТЫ ПИСЬМЕННЫЕ» И «САВРОМАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ»	8
Глава 2. ВЫБОРКА ПОГРЕБЕНИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ V-IV ВВ. ДО Н.Э. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ	18
Глава 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД	70
3.1. ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ	70
3.2. КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ	71
3.3. АРХИТЕКТУРА САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	72
3.3.1. КАМЕННЫЕ ОГРАДЫ	72
3.3.2-3. ПАТРООБРАЗНЫЕ КОНСТРУКЦИИ. КУЛЬТ ОГНЯ	73
3.3.4. КАМЕННЫЕ СКЛЕПЫ	78
3.3.5. МНОГОЯРУСНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ	79
3.3.6. «СТРАННЫЕ» ХОДЫ (НЕПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПОДКУРГАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ)	81
3.3.7-8. КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ. СВЯТИЛИЩА	82
3.3.9-10. ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ «ШАМАНКИ». «АМАЗОНКИ»	87
Глава 4 БЛЮМЕНФЕЛЬДСКИЙ КУРГАН А-12 И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ «САВРОМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ»	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	116
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РУКОПИСИ	120
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	121
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	132
ИЛЛЮСТРАЦИИ	133

Научное издание
Р. Исмагил, Ф.А. Сунгатов

Материалы охранных раскопок и исследований
по археологии Южного Урала

Том III

Памятники яицкой культуры
последней четверти V-IV вв. до н.э.
на Южном Урале

(Монография)

Издание подготовлено к печати ООО «Архпроектизыскание»

Подписано в печать 10.10.2013 г. Формат 70x100 1/16.

Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,38. Тираж 500 экз. Заказ № 131725

Отпечатано в ГУП РБ «Издательство «Белая река»

Принятые сокращения

- АЭАЕ** - Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
АКБ - Археологическая карта Башкирии. 1976. М.
АО - Археологические открытия. М.
АПБ - Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996
АПО - Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург
АС ГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.)
АЭБ - Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭС - Археолого-этнографический сборник. Грозный
БАЭ - Башкирская археологическая экспедиция
БашГПИ - Башкирский государственный педагогический институт
БашГУ - Башкирский государственный университет
БК - Башкирский край
БНЦ УрО АН СССР - Башкирский научный центр Уральского отделения АН СССР (РАН)
БФ - Боспорский феномен. СПб.
ВАУ - Вопросы археологии Урала. Ижевск; Свердловск (Екатеринбург)
ВДИ - Вестник древней истории. М.
ГМ – грунтовый могильник
ГЭ - Государственный Эрмитаж
ИА РАН - Институт археологии Российской академии наук
ИАК - Известия Императорской археологической комиссии. СПб. (Петроград)
КМ – курганный могильник
КСИА - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР (РАН). М.
КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН - Музей археологии и этнографии УНЦ РАН
МГУ - Московский государственный университет
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – Материалы по археологии России
НАВ - Нижневолжский археологический сборник. Волгоград
НМ РБ - Национальный музей РБ
НПЦ ГУОИ МК РБ - Научно-производственный центр главного управления государственной охраны и использования недвижимых объектов и культурного наследия Министерства культуры Республики Башкортостан
ОК - отдельный курган
ПАВ - Петербургский археологический вестник
СА - Советская археология. М.
САИ - Свод археологических источников. М.
САП РБ - Свод археологических памятников Республики Башкортостан. Уфа, 2004.
СИКМ - Стерлитамакский краеведческий музей
Тр. ХАЭЭ - Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЧИНИИ - Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
УАВ - Уфимский археологический вестник. Уфа
УЗ - Ученые записки
УОИКМ - Уральский (ныне Западно-Казахстанский) областной историко-краеведческий музей